

Томас
де ВАДЛ

Черный сад

АРМЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Томас де Ваал

Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной

Предисловие к русскому изданию книги "Черный сад"

Я пишу эти строки в первые дни нового 2005 года, и меня преследует невеселая мысль о том, что ситуация вокруг неразрешенного конфликта в Нагорном Карабахе, которому и посвящена данная книга, вместо того, чтобы улучшаться, становится все тревожнее. То, что мирное решение этой проблемы является необходимой предпосылкой для развития не только Армении и Азербайджана, но и всего региона, понятно всем. Но положительных сдвигов пока нет.

Перефразируя знаменитое вступление к роману Льва Толстого "Анна Каренина", можно сказать, что все мирные страны похожи друг на друга, но каждая конфликтующая страна несчастлива по-своему. Ситуация на юге Кавказа по-своему обернулась несчастьем и для Армении, и для Азербайджана – несчастьем беженцев, сирот и обездоленных, несчастьем разрушенных городов и деревень, закрытых границ.

Карабахский конфликт нередко называют "замороженным", но этот термин обманчив. Вокруг конфликта происходит немало изменений, и не всегда в лучшую сторону. Три года со времени завершения моей работы над книгой "Черный сад" оказались беспокойной порой для Южного Кавказа. В Азербайджане произошла болезненная смена власти.

Летом 2003 года за несколько месяцев до очередных президентских выборов заболел Гейдар Алиев, колосс, правивший на политическом Олимпе Азербайджана на протяжении 30 лет. Алиев-старший умер в декабре 2003 года, успев передать бразды правления своему сыну Ильхаму, который стал президентом при чрезвычайно противоречивых обстоятельствах, на фоне гневных протестов оппозиции, поставившей под сомнение результаты выборов.

Сейчас уже близится к завершению строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который несет Азербайджану богатство и процветание – и одновременно грозит обществу опасностью новых социальных потрясений и расслоения.

Непросто обстоят дела и в Армении. Победа на выборах Роберта Кочаряна, который был избран на второй срок в 2003 году, была подвергнута острой критике оппозицией и вызвала демонстрации протеста, баталии в Конституционном Суде и визиты встревоженных делегаций Совета Европы.

Карабахский конфликт нельзя считать замороженным еще и потому, что страсти вокруг него еще не улеглись. 2003 год ознаменовался необычайно высоким количеством инцидентов перестрелок на линии прекращения огня. В феврале 2004 года на курсах иностранных языков, проводимых НАТО в Будапеште, азербайджанский офицер убил армянского офицера. Реакция обоих обществ на этот поступок показала, что они по-прежнему чрезвычайно остро переживают все, что связано с Карабахом.

Споры вокруг Карабаха, больше, чем в других конфликтах, являются прежде всего проблемой

восприятия. Если прислушаться к армянам и азербайджанцам, когда они говорят о Карабахе, то услышишь пересказ затверженных наизусть и то и дело повторяемых доводов, которые очень скоро становятся до боли знакомыми собеседнику. Ни один из аргументов не нов, все они сто раз пересказаны и перемолоты в мельнице двух обществ, где уже больше десяти лет не слышно ничего иного.

Во время работы над этой книгой я поставил себе задачу прежде всего изучить эти рассказы – эти, если хотите, мифы – а затем попытаться узнать, что за ними стоит. Приведу лишь два небольших примера. В Армении бытует почти единодушное мнение, что против азербайджанцев, выдворенных из Армении в 1988-1990 годах, не было применено никакого насилия. В Азербайджане же большинство населения уверено в том, что 20% их территории оккупированы. И то, и другое мифы, которые нетрудно опровергнуть.

Для того, чтобы докопаться до истины, которая скрывается за этими мифами, мне пришлось продирается сквозь заросли слухов, домыслов и предположений, пустивших за эти годы прочные корни. И прежде всего пришлось вернуться в роковой февраль 1988 года, когда все только начиналось. Анализируя события того поразительного месяца, я еще раз убедился в том, что это был конфликт, обладающий громадной и устрашающей потенциальной энергией. Достаточно было небольшой череды событий в Карабахе в 1988 году, чтобы эта энергия, подобно взрывной волне, вынесла его на поверхность.

Я пришел к двум заключениям, которые могут показаться и спорными. Первое состоит в том, что конфликт был неминуем, он лишь ждал своего часа. Формированием Нагорно-Карабахской автономной области было создано нестабильное политическое устройство, которое не могло не вызвать проблем, вышедших на первый план как только началось ослабление централизованной советской системы власти. Второй вывод связан с тем, что обе стороны ошибочно приписывают развязывание конфликта кремлевскому руководству в Москве. Истоки конфликта надо искать у себя дома, на местах.

Маленькие государства часто – и вполне естественно – связывают свои надежды и опасения с великими державами, но это может быть довольно опасным занятием. То, что посредники из числа великих держав – сопредседателей Минской группы ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта России, США и Франции – не смогли добиться его решения, отчасти их вина. Но было бы ошибкой сваливать все грехи на посредников: проблема коренится в самих обществах, которые никак не могут избавиться от иллюзий и риторики и проявить готовность пойти на примирение со страной, которую они по-прежнему воспринимают как своего исторического врага.

К сожалению, это не тот конфликт, где обе стороны могли бы медленно и постепенно залечивать старые раны и возвращаться к подобию нормальной жизни. Сотни тысяч людей по-прежнему остаются заложниками этой неразрешенности. Азербайджанские беженцы – такие же заложники отсутствия урегулирования, как и карабахские армяне, живущие в подвешенном непризнанном состоянии между Арменией и Азербайджаном.

Исследования, ставшие впоследствии книгой "Черный сад", можно назвать опытом шизофреника. В 2000 году на протяжении шести месяцев я занимался исследованиями и брал интервью в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе, территории, о которой идет речь в этой книге.

Разделенные зоной прекращения огня и длинной узкой лентой минных полей, стороны конфликта обитают в собственных параллельных мирах – географические соседи, которые вот уже более десяти лет не имеют почти никаких контактов друг с другом, кроме обмена официальной пропагандой и жалобами друг на друга. После нескольких недель, проведенных в Азербайджане, азербайджанская версия событий в Карабахе неизбежно становилась для меня знакомой и убедительной: азербайджанцы – жертвы, а армяне – захватчики, которые

продолжают оккупировать большую часть азербайджанской земли.

Затем, пересекая линию прекращения огня через Москву или Тбилиси, я оказывался на армянской стороне и постепенно начинал видеть конфликт глазами армян и проникаться их аргументами о том, что у армян не было иного выхода, кроме как бороться за свою идентичность и свои права.

Только после третьего или четвертого такого переезда у меня выработался иммунитет на эти две полуверсии реальных событий, которые сосуществовали в моем мозгу. И мне было абсолютно ясно, что если бы я постоянно жил в Армении или Азербайджане, не имея контактов с другой стороной, я бы тоже начал воспринимать ситуацию глазами исключительно своей стороны.

Постепенно в моем сознании стала складываться картина двух обществ, которым было суждено вступить в конфликт, но у которых было много общего. И когда меня спрашивают, какой стороне я больше симпатизирую, я совершенно искренне отвечаю, что по обе стороны конфликта есть люди, которых я очень уважаю и люблю, но что сама ситуация вызывает у меня пессимизм и тревогу.

Стороннему наблюдателю особенно обидно видеть, сколько благ может принести мир, и как далек от урегулирования этот конфликт. Я неоднократно говорил, что речь идет о двух народах, которые до сих пор имеют очень много общего, которые гораздо ближе друг другу, чем, скажем, израильтяне и палестинцы. Их связывают прочные узы дружбы, смешанных браков, торговли и культуры.

Именно поэтому своеобразным покровителем этой книги и альтернативного взгляда на армяно-азербайджанские отношения стал для меня Саят-Нова, армянский поэт XVIII века, писавший в том числе и на азербайджанском языке.

Одна из целей книги "Черный сад" состояла в том, чтобы пролить как можно больше света на историю, которую затмил конфликт, – историю длительного совместного существования армян и азербайджанцев. Я постарался дать высказаться на ее страницах сторонникам здравого смысла, бывшим друзьям и соседям, чьи разумные голоса редко бывают слышны.

В основу этой книги легли около 120 интервью, которые я взял в 2000-2001 годах. Личный опыт и свидетельства такого рода субъективны, поэтому для большей объективности при воссоздании тех или иных событий я попытался использовать информацию из как можно большего числа источников. Проблема в том, что письменные свидетельства по этому вопросу часто грешат ненадежностью, предвзятостью и неполнотой.

Десятки людей помогали мне собирать материал для этой книги. Некоторые из них знали, что кое-что в моей книге им не понравится, но все равно считали нужным мне помочь, и за это я еще больше ценю их щедрость.

Написание книги стало возможным благодаря щедрому исследовательскому гранту сроком на один год, выданному мне Институтом мира в США. Во время работы над книгой в Лондоне я пользовался административной и моральной поддержкой организации Conciliation Resources ("Ресурсы примирения"). Conciliation Resources профинансировала также и перевод книги на русский язык в рамках проекта "Совместная инициатива" (Consortium Initiative). Этот проект объединяет усилия неправительственных организаций, работающих на улучшение долгосрочных перспектив урегулирования карабахского конфликта при финансовой поддержке Глобального Фонда по предотвращению конфликтов правительства Великобритании.

Я начинал работу над книгой без какой-либо миротворческой установки, но завершал я ее в глубоком убеждении, что мирное решение, которое возможно лишь в результате нелегких

компромиссов с обеих сторон, является единственно справедливым и приемлемым выходом из создавшегося тупика.

Среди моих коллег в Азербайджане хочу выразить особую благодарность Зауру Алиеву, который организовал большинство моих интервью в Баку; Азаду Исазаде за практическую помощь, прекрасную информированность и гуманность; Арифу Юнусову, чьи глубокие знания, объективность и справедливость суждений по данному вопросу не имеют равных на Кавказе.

Я также хочу поблагодарить Арзу Абдуллаеву, Вугара Абдусалимова, Ульви Исмаила, Фуада Ахундова, Сабину Алиеву; Халида Аскерова и Олега Литвина за их фотографии; сотрудников офиса Би-би-си в Баку, Крейга Дикера, Рауфа Хусейна, Таира Джафарова, Керима Керимли, Хикмета Сабироглу, Рауфа Талышинского, Роджера Томаса, Энн Томпсон, Питера ван Праага и Лейлу Юнус.

В Армении моими гостеприимными хозяевами и друзьями были Тигран Хзмалян и его семья, всегда были готовы прийти мне на помощь Алексей Манвелян и Карен Топчян из Би-би-си, а Сусанна Погосян проявила себя как прекрасный организатор и исследователь. Я также выражаю благодарность Ларисе Алавердян, Михаилу Багратуни, Алле Бакунц за ее помощь и советы, Тиму Джонсу, Оннику и Гоар Крикорянам за дружбу, контакты и фотографии, Эдуарду Хзмалян; Леониду Мирзояну за хорошую компанию во время многочисленных поездок в Карабах, Асе Мирзоян и Давиду Петросяну.

Трое армянских респондентов, у которых я брал интервью для этой книги, ушли из жизни уже после ее завершения: по старости лет скончался Сергей Шугарян, трагически погиб совсем молодой Григорий Мосесов и в результате болезни умер Левон Эйрамджянц.

В Карабахе хочу особенно поблагодарить Иосифа Адамяна и его семью, Армине Алексанян, Ани Азизян и ее семью, и Ашота Гуляна.

Мне также хотелось бы отметить и других выходцев с Кавказа, жителей этого региона и специалистов-кавказоведов: Терри Адамса, Кянана Алиева, Джонатана Эйвса, Феликса Корли, Магдалену Фричову, Томаса Гольца, Эдмунда Херцига, Роберта Хьюсена, Александра Искандаряна, Джона Джонса, Яна Келлера, Брейди Крислинга, Марину Кюркчян, Лору Лекорню, Стива Левина, Жирайра Либаридяна, Анатоля Ливена, Дова Линча, Денниса Саммута, Бориса Нефедова, Майкла Окса, Рональда Суни, Валерия Тишкова, Лоренса Шитса, Брендю Шаффер, Уэнделла Стивенсона и Дэйвида Стерна.

Что касается русскоязычного издания, то Олег Акрятинский сделал замечательный перевод книги на русский язык, а Валерий Генкин прекрасно ее издал. Спасибо и Елене Кук, которая перевела это предисловие. Я очень благодарен сотрудникам Би-би-си Фамилю Исмайлову и Марку Григоряну, которых по праву считаю своими друзьями и коллегами. Они не только помогли мне во время написания самой книги, но и осуществили необходимую редакторскую правку русского текста.

Эту книгу я с любовью посвящаю моей жене Джорджине Уилсон.

Последнее замечание адресовано моим армянским и азербайджанским читателям. Оно касается использования географических названий, которое всегда проблематично. Если у города существует два названия, одно армянское, другое азербайджанское, я пользовался тем названием, которое было в ходу к началу конфликта в 1988 году. То есть, я пользуюсь названием Шуша, а не Шуши, Степанакерт, а не Ханкенди.

Этот вопрос был и остается очень болезненным; многие армяне и азербайджанцы, возможно, заинтересуются написанным в книге, и я обращаюсь ко всем читателям с единственной просьбой: не заниматься выборочным цитированием отдельных отрывков из книги в угоду

собственным политическим приоритетам. Книга должна восприниматься как единое целое, только тогда она имеет ценность.

Вступление. Переходя черту

Линия фронта: 19 мая 2001 года

Нам предстояло пересечь несуществующую границу. Но это, наверное, один из самых непроницаемых рубежей в мире. Через несколько километров после азербайджанского города Тертер дорога обрывается в пыльном поле. Солдаты блок-поста азербайджанской армии преградили нам путь. Ветер трепал лоскуты камуфляжа, вперемежку с пучками сухой травы прикрывавшие ограждение из колючей проволоки.

Отсюда в сопровождении полковника азербайджанской армии Эльхана Алиева мы – группа западных и российских журналистов и дипломатов – отправились на ничейную землю. Участники посреднической миссии надеялись развить успех, которого удалось достичь несколькими месяцами ранее на мирных переговорах во Флориде между президентами Армении и Азербайджана.

Переход через линию фронта между позициями азербайджанцев и армян Нагорного Карабаха должен был не только стать символом достигнутого во Флориде успеха, но и придать мирному процессу дополнительный импульс. Увы, к тому моменту, когда мы дошли до линии фронта, вопрос о заключении мира успел сойти с повестки дня.

Никто не пересекал эту черту с мая 1994 года, когда было подписано соглашение о перемирии, фактически закрепившее военную победу армян в ходе продолжавшихся два с половиной года полномасштабных военных действий. С того момента линия прекращения огня постепенно стала превращаться в 200-километровую стену из мешков с песком и заграждений из колючей проволоки, разделившую Южный Кавказ надвое.

Полковник Гусейнов был одет в аккуратную камуфляжную форму, темные очки скрывали глаза. В то утро, по его словам, на границе произошла перестрелка, но никто не пострадал. Некоторые члены нашей группы надели пуленепробиваемые жилеты. На голове у российского посредника Николая Грибкова красовалась кепка с надписью "New York Yankees". Кто-то пошутил, что окажись по ту сторону армянский болельщик извечного соперника "Янкиз" – бейсбольной команды "Mets" – Грибков мог бы получить пулю в лоб.

Полковник повел нас в обход мимо стены из мешков с песком к узкой проселочной дороге, которую разминировали в то утро его солдаты. Наверное, наша процессия смотрелась странно: под неумолчное птичье чириканье в сторону ничейной земли шли люди с "дипломатами" в руках, некоторые катили чемоданы на колесиках. По краям дороги, в этой мертвой зоне, высились почти в человеческий рост белые и пурпурные цветы чертополоха.

Минут через пять мы добрались до "врага" – группы армянских солдат, дожидавшихся нас на дороге. Они были одеты почти в такую же камуфляжную форму, что и Гусейнов и его люди, с той лишь разницей, что кепки у них были квадратные, а у азербайджанцев – круглые, и на груди у армян виднелись нашивки с буквами "НКР", аббревиатурой названия непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. С ними была группа наблюдателей из Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Нам предложили легкую трапезу, состоявшую из армянского пива и бутербродов с черной икрой – дипломатично составленной комбинации кулинарных достижений двух воюющих сторон.

Высокий мужчина с седеющими висками представился командиром армянского отряда Виталием Баласаняном. Не глядя друг другу в глаза, они с Гусейновым обменялись секундным рукопожатием. Мы поинтересовались, не встречались ли они раньше. "Возможно", – ответил Гусейнов, давая понять, что их встреча вполне могла состояться на поле боя.

Командиры противостоящих подразделений не имели между собой никаких контактов вообще, хотя наличие телефонной связи могло бы помочь снизить потери с обеих сторон (около тридцати человек ежегодно погибали в результате пограничных перестрелок). Не хотели бы они протянуть телефонный кабель через линию фронта? Баласанян ответил, что это было бы полезно, но Гусейнов сказал, что это не в его компетенции. Чуть раньше он назвал вооруженные силы карабахских армян "армянскими бандформированиями".

Далее, на втором отрезке пути до армянских позиций, нашу группу сопровождал Баласанян. Перед нами высились поросшие голубым лесом горы Карабаха. Осознание немислимого парадокса шокировало. Из-за того, что линию прекращения огня невозможно пересечь, сегодня попасть в Нагорный Карабах можно только через Армению. За четырнадцать месяцев в 2000-2001 годах, я многократно переезжал из Азербайджана в Карабах и обратно.

Каждый раз мне приходилось проделывать сотни километров – то на машине через Грузию, то на самолете через Москву. А теперь, за считанные минуты пройдя пешком от расположения одной стороны до расположения другой, я поразился, логичности именно этого маршрута: ведь на карте, что ни говори, они соседствуют друг с другом.

Поспешное рукопожатие на ничейной земле было единичным случаем, когда, азербайджанец и армянин, преодолев гигантскую историческую и политическую пропасть между обоими народами, сделали шаг навстречу. На той дороге столкнулись две версии истории.

Если послушать армян и азербайджанцев, то все дело в водоразделе между христианами и мусульманами, армянами и турками, Западом и Востоком. Беда в том, что никто не может решить, где же все-таки проходит этот водораздел. Для азербайджанцев захват армянами Нагорного Карабаха явился ничем иным как вражеской оккупацией, армяне же считают случившееся торжеством исторической справедливости.

Нельзя переоценить культурное и символическое значение Нагорного Карабаха для обоих народов. Для армян Карабах - историческое прибежище армянских князей и епископов, последний форпост христианской цивилизации на переднем рубеже восточного, тюркского мира. Азербайджанцы считают его колыбелью своей культуры, откуда вышли талантливейшие музыканты и поэты. История Армении становится неполной без этого анклава, без его монастырей и крепостей князей-горцев; география и экономика Азербайджана теряют свою полноценность без Нагорного Карабаха...

А тем, кто в 2001 году, стоял на разбитой фронтовой дороге, ситуация представлялась иначе: огромным клубком противоречивых факторов, который американцы, французы и русские пытались каким-то образом распутать. В течение семи лет армяне безраздельно владели почти всей территорией Нагорного Карабаха, и прилегающих к нему азербайджанских районов – что в общей сложности составляло около 14% международно признанной территории Азербайджана. Сотни тысяч азербайджанцев были изгнаны с родных земель.

В ответ Азербайджан наглухо закрыл границу с Арменией. В знак солидарности с братской тюркской нацией то же самое сделала и Турция. Если принять во внимание нестабильность транспортных коммуникаций, идущих через Грузию, и малопригодную для крупных перевозок границу с Ираном – можно сказать, что Армения фактически оказалась в кольце экономической блокады.

В результате возникла ситуация медленного самоубийства, когда в надежде получить для себя преимущество в переговорном процессе, каждая из сторон наносила другой как можно

большой ущерб, пусть даже она сама при этом страдала.

В последние несколько лет большинство международных наблюдателей старались по возможности не замечать этот замороженный конфликт. Но они действовали себе же во вред. Остающийся неразрешенным территориальный спор фактически сковал огромный регион между Черным и Каспийским морями.

Торгово-экономические связи между Турцией и Центральной Азией, Россией и Ираном блокированы; на нитях нефтепроводов возникли заторы, железнодорожные магистрали никуда больше не ведут. Азербайджан и Армения вступили в альянсы с соседями, у которых не совпадают стратегические интересы, и спровоцировали поляризацию мнений на международной арене. Армения считает Россию и Иран своими самыми близкими друзьями, и уже достигнуто соглашение, что российская военная база останется на территории Армении вплоть до 2020 года. Азербайджан использовал интерес к нефти Каспийского шельфа для упрочения уз дружбы с Западом. Он заключил союз с Грузией и Турцией, и к 2005 году нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) должен вывести все три страны непосредственно на западные рынки энергоносителей.

Соединенные Штаты, хотя они того или нет, тоже вовлечены в этот конфликт. Около миллиона американских армян, проживающих в основном в штатах Калифорния и Массачусетс, составляют одну из самых заметных этнических общин в стране, и армянское лобби пользуется немалым влиянием в Конгрессе США. Крупные американские компании вроде Exxon-Mobil и Chevron также инвестируют значительные средства в разработку нефтяных месторождений в Каспийском море, а прозападная антироссийская позиция Азербайджана встретила понимание у многих ветеранов американской политики от Джеймса Бейкера до Генри Киссинджера.

Все это означает, что у Запада есть основания для беспокойства относительно возможного развития событий в этом горном регионе. Новая – даже минимальная – вспышка в карабахском конфликте тревожным эхом отзовется по всей Европе, России и Ближнему Востоку. Кошмарным был бы сценарий, по которому если Армения решит обратиться к своему военному союзнику России с просьбой о помощи, то Азербайджан может призвать на подмогу своего союзника Турцию – члена НАТО. Да и нефтяным компаниям не улыбается перспектива новой войны в непосредственной близости от крупного международного нефтепровода. Как заявил один западный эксперт в области нефтедобычи, "никто не горит желанием вкладывать 13 миллиардов долларов в потенциально взрывоопасный регион".

С апреля 1999 года президенты Азербайджана и Армении Гейдар Алиев и Роберт Кочарян провели более дюжины двухсторонних встреч, в ходе которых у них сложились отношения, способствующие конструктивному поиску мирного пути выхода из кризиса. Это в конечном счете стало основой для проведения пятидневной встречи в Ки-Уэсте, штат Флорида (США) в апреле 2001 года, где формат переговоров был расширен участием посредников из России, Франции и Соединенных Штатов.

По общему мнению, эта встреча стала подлинным прорывом, и Алиев и Кочарян сблизили свои позиции более, чем когда-либо ранее. На столе переговоров было рамочное мирное соглашение, в котором оставался ряд нерешенных вопросов, требовавших дополнительного обсуждения. Целью нашей поездки на Кавказ и стало заполнение этих лакун.

Президент Гейдар Алиев выглядел недовольным. Азербайджанский лидер, ветеран советского Политбюро и КГБ сидел в окружении своей свиты за длинным столом, глядя в направленные на него телекамеры. Он выглядел раздосадованным престарелым монархом.

Мы прибыли в азербайджанскую столицу Баку, откуда начиналась кавказская поездка посреднической миссии. После флоридских мирных переговоров оба президента получили

передышку для проведения широких консультаций у себя на родине. Планировалось, что следующая встреча президентов Азербайджана и Армении пройдет в июне в Швейцарии, где, как все надеялись, они смогли бы разрешить остающиеся разногласия.

Как сказал мне один из посредников, Алиеву и Кочаряну удалось в Ки-Уэсте "пройти 80 или 90 процентов" пути. И тогда посредники организовали поездку по региону, чтобы привлечь внимание международной общественности к тяжелому положению простых людей, страдающих от нерешенности армяно-азербайджанского конфликта. Программой поездки были предусмотрены встречи не только с политическими лидерами, но и с беженцами в Азербайджане и с нищими и безработными в Армении.

Алиев выглядел утомленным. С покровительственной улыбкой он вступил в словесную перепалку с тремя иностранными посредниками, временами поглядывая в сторону телекамер. Было понятно, что проведенные им дома консультации не привели к положительным результатам. Как выяснилось впоследствии, Алиев в Ки-Уэсте был практически готов отдать Карабах армянам в обмен на ряд уступок с их стороны, но этот вариант оказался совершенно неприемлем для людей, с которыми он консультировался после флоридской встречи.

Представитель России Николай Грибков поздравил Алиева с прошедшим семидесятипятилетием. "Спасибо за поздравления по случаю моего дня рождения, ної – Алиев сделал паузу и продолжил, – настоящий день рождения [для меня] наступит тогда, когда мы подпишем мирный договор, когда наши земли будут освобождены". "За все эти годы, что я занимался этой проблемой, для меня никакой праздник не был праздником, а уж день рождения тем более. Я и забыл о своем дне рождения, потому что моя голова полностью занята мыслями об этой проблеме", – он произнес эти слова с подчеркнuto серьезным видом, чтобы мы ни на йоту не засомневались в его искренности.

Американский спецпредставитель по Карабаху Керри Кавано сказал, что высоко ценит политическое мужество Алиева, проявленное им в стремлении к миру. Однако он отметил, что иностранные державы могут лишь обеспечить политическую, финансовую и материальную поддержку мирному процессу, но не в состоянии заключить мирное соглашение, поскольку это дело Алиева и президента Кочаряна. Алиев отпарировал, заявив, что Соединенным Штатам, Франции и России следует предпринять больше усилий, чтобы мирное соглашение было достигнуто. После этого прессу попросили удалиться, но само по себе такое начало встречи уже не предвещало ничего хорошего.

На следующий день мы отправились через безводные равнины центрального Азербайджана в лагерь беженцев, разбитый неподалеку от города Агджабеди. Иссохшая грунтовая дорога бежала, как на библейской картине, между глинобитными домишками, прячущимися за тростниковыми изгородями. В этом лагере нашли приют около трех тысяч беженцев из Агдама, которых армяне восемь лет назад изгнали из родного города. Беженцы, ожидавшие встречи с иностранной делегацией, были измучены и обозлены.

Похоже было, что состоявшиеся в Соединенных Штатах переговоры не произвели на них никакого впечатления. Я разговорился с Аллахверди Алиевым. Импозантный мужчина с серебристой сединой и рядом золотых зубов он представился мне как специалист по экономике сельского хозяйства. По словам Алиева, работы в лагере не было никакой, а здешняя почва оказалась слишком перенасыщенной солями, чтобы выращивать на ней овощи. "Ну сколько мы можем так жить!

Это все равно, что жить на вокзале!" – говорил он, потев под жарким майским солнцем. Я спросил у него про армян. "Немцы себя так не вели, как они!" А не хочет ли он что-то им передать? "Пускай уйдут с нашей земли!" Алиев попросил меня найти по ту сторону от линии прекращения огня его двухэтажный дом в Агдаме – в 500 метрах к западу от мечети, рядом с

рестораном.

Спустя несколько часов мы, перейдя через нейтральную полосу и линию прекращения огня, попали на армянскую сторону и вскоре оказались в Агдаме – вернее, среди оставшихся от города руин. Если мирное соглашение будет подписано, и Аллахверди Алиев вернется сюда, он не найдет ни ресторана, ни своего дома. Оба здания утонули в море развалин. Единственная уцелевшая в городе постройка – выложенная бело-сливовой плиткой мечеть, минареты которой одиноко высятся над развалинами.

За два месяца до описываемых событий я приехал в Агдам с армянской стороны и поднялся на один из минаретов. Стоял ясный весенний день. С вершины минарета отчетливо просматривались величественные снежные пики Кавказских гор в ста километрах к северу. Но мой взгляд приковал совсем другой пейзаж – эдакая мини-Хиросима у подножия минарета. Когда-то население Агдама составляло пятьдесят тысяч человек. Ныне город полностью опустел. После того, как в 1993 году армяне захватили Агдам, они постепенно, улицу за улицей, дом за домом, разнесли город по кирпичику. Полуразрушенные дома заросли чертополохом и куманикой. Оглядывая с вершины минарета картину общего запустения, я в который уже раз думал о причинах, породивших этот рукотворный апокалипсис.

Выведа за пределы разрушенного Агдама, дорога устремляется из безжизненной равнины в -Карабах – плодородный "Черный сад" в горах, чьи склоны поросли буками. В голову вдруг приходит географическое "измерение" конфликта: помимо всего прочего – это еще и вражда между горцами, карабахскими армянами, и жителями низин, азербайджанцами с равнины.

На дорогах Карабаха после Азербайджана казалось особенно тихо. Вечером мы приехали в местную столицу Степанакерт – маленький вполне современный город, симпатичный, но ничем не примечательный, весь в многочисленных фруктовых садах и огородах. Во время войны он сильно пострадал от артиллерийских обстрелов и бомбежки, но теперь его почти полностью отстроили заново. Вот куда делись дома Агдама: его кирпичи и оконные рамы пошли на восстановление этого армянского города.

Степанакерт и Агдам разделяют всего 25 километров – вполне в пределах достижимости артиллерии. Карабахские армяне утверждают, что во время войны все свелось к принципу "убьешь ты, или убьют тебя", и что захват Агдама был предпринят лишь в целях самообороны. В магазине на главной улице мясник Гамлет Джангарян (у него во рту тоже ряд золотых зубов) повернул лысеющую голову и, продемонстрировав небольшой шрам, сообщил, что это след от осколка снаряда, который прилетел со стороны Агдама и врезался в многоквартирный дом, где он жил.

В Гамлете угадывалась та же смесь агрессивности, подозрительности, усталости и желания поскорее обрести покой, которую я встречал у жителей Азербайджана. "Это все когда-то было нашим, – говорил он, чертя пальцем на магазинном прилавке. – А потом они пришли и стали захватывать все по частям, пока не взяли все". Он признался, что не верит ни в какие мирные переговоры: "Ничего они не дадут".

На последнем этапе нашей карабахской одиссеи мы перенесли еще дальше на запад – из чарующего карабахского рая в Армению. С высоты птичьего полета сразу становилось ясно, почему так высоко ценится этот зеленый оазис в горах, лежащий между двумя засушливыми равнинами. Мы пролетели над унылым каменистым ландшафтом Армении и прибыли в Спитак, город, все еще не оправившийся после разрушительного землетрясения 1988 года. Заводы и фабрики Спитака не работали, а железнодорожный разъезд не подавал признаков жизни.

В столице Армении Ереване президент Кочарян принял сначала посредников, а затем нас, журналистов. Мы спрашивали, почему он ничего не предпринимает для развития успеха

переговоров в Ки-Уэсте и не выносит на обсуждение армянской общественности вопросы мирного урегулирования и достижения компромисса с Азербайджаном. "Я не хотел бы вызывать подобные ожидания, не будучи твердо уверен, что конфликт совершенно определенно будет разрешен", – заявил он в ответ. Другими словами, он как бы давал понять, что считает более целесообразным держать людей в неведении относительно хода переговоров. Неудивительно, что почти готовое соглашение не вызвало в Армении интереса. Порочный круг инерции и недоверия подрывал самые основы мирного процесса.

Позже, в вестибюле отеля "Ереван", даже обычно оживленный Керри Кавано казался подавленным и не смог найти подходящие для обнадеживающего заявления слова. Его старания по выработке мирного соглашения оказались тщетными. Через несколько месяцев Кавано ушел со своего поста, а карабахский мирный процесс вновь зашел в тупик.

"Черный сад" Нагорного Карабаха поглотил множество политических режимов, президентов и посредников. Он также определил ход событий на Южном Кавказе в последние четырнадцать лет. Вспышка межнационального конфликта в 1988 году дала толчок движению за освобождение от диктата Москвы как в Армении, так и в Азербайджане, и создала в обеих республиках антикоммунистическую оппозицию, которая с обретением независимости пришла к власти.

Этот регион не всегда был очагом конфликта. Само название "Нагорный Карабах" указывает на плодотворное взаимопроникновение культур, которое тут тоже имело место. Слово "Карабах" – как тюркского, так и персидского происхождения – обычно переводится как "черный сад". Возможно, оно указывает на плодородие здешней земли – хотя сегодня слово "черный" скорее воспринимается как символ смерти и невзгод. Это название восходит к XIV веку, когда оно начало вытеснять армянское название "Арцах". Географически "Карабах" в целом на самом деле включает куда большую территорию, которая простирается дальше, на равнинную часть Азербайджана.

"Нагорный" говорит само за себя, и именно эта самая плодородная горная часть региона, где армяне составляют большинство населения, теперь и является предметом спора.

На протяжении веков этот регион обладал своим особым очарованием. Карабах обрел известность благодаря смешанному христианско-мусульманскому населению, независимому нраву своих правителей, будь то христиане или мусульмане, и войнам, которые вели за него соперничающие империи. Карабах известен рожденными здесь воинами и поэтами, а еще – лесами и монастырями, виноградниками, тузовыми деревьями, шелком и богатыми урожаями зерна. В 1820 году английский аристократ сэр Роберт Кер-Портер обнаружил многое из перечисленного, приехав сюда несколько лет спустя после того, как по Гулистанскому договору этот край был присоединен к России.

"Кара-Баг был почти опустошен последней войной между великой северной державой и Шахом, но ныне, когда кажется, что мир прочно установился на этих землях и эта провинция бесповоротно становится частью империи-победительницы, беглые туземцы быстро возвращаются в свои покинутые дома. И эта земля вновь обретает свой привычный облик плодородного края. Тучная почва дает богатые урожаи пшеницы и риса, и сочных трав, как летом так и зимой. Шелк-сырец составляет еще одну важную отрасль обильного производства. Шиска [Шуша], столица края, занимает вершину одиноко стоящей горы причудливой формы, имеющей шесть миль в окружности и совершенно недоступной с восточной стороны. Все эти провинции, хотя и находятся постоянно под властью той или иной империи, имеют своих местных правителей: Россия оставила внутреннее правительство Кара-Бага одному из здешних наследных князей, который платит в имперскую казну годовую дань в размере 10 тыс. дукатов и обязан, в случае необходимости, мобилизовать воинский контингент численностью 3 тысячи человек пеших и конных" (1).

После 1988 года значимость этого региона многократно возросла. На Западе его поначалу воспринимали сквозь искажающую призму горбачевской "перестройки" как периферийный национальный конфликт, ставящий под угрозу реформы Горбачева. Так оно, конечно, и было. Армяно-азербайджанский конфликт, вспыхнувший в феврале 1988 года, стал первым камнем в лавине этнотерриториальных споров, которая в конечном счете смела Советский Союз с карты мира. Но как и другая головная боль Горбачева, Афганистан, этот конфликт продолжал бушевать и потом, уже после того, как комиссары сняли свои шинели и стали частными предпринимателями.

После 1991 года, когда Советский Союз прекратил свое существование, выражение "Нагорный Карабах" обрело значение символа упрямого сопротивления. Многие западные наблюдатели пытались понять смысл этого конфликта в терминах этнической и религиозной идентичности – как выброса "старинной ненависти", замороженной в недрах советской системы, но быстро оттаявшей и перешедшей в насилие, как только Горбачев создал эту возможность. Это было упрощением. Ведь взаимоотношения между азербайджанцами и армянами оставались нормальными в течение советского периода, да и вражда вспыхнула не на религиозной почве.

Сейчас армяно-азербайджанский конфликт утратил свою остроту и застыл, как и другой конфликт, – кипрский. Но игнорировать его нельзя. Нагорный Карабах остается узлом противоречий, сложившимся в одном из важных центров системы международной безопасности. История возникновения этого узла имеет прямое отношение и к путям обретения независимости Арменией и Азербайджаном, и к новому открытию Кавказа внешним миром.

При всей своей трагичности эта история помогает лучше понять, как рождаются подобные конфликты и почему развалился Советский Союз. Сегодня можно сказать: уже и тогда было понятно, какую опасность влечет за собой выплеск загнанных внутрь проблем в этом уголке Советского Союза. И тем не менее, когда в 1988 году конфликт разразился, это стало неожиданностью почти для всех.

Примечания:

1. Ker Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylon, pp. 513-514

Глава 1. Февраль 1988 года

Совет бунтует

Кризис начался в феврале 1988 года. Просторная центральная площадь Степанакерта, небольшого, живописного городка на Южном Кавказе, представляла собой идеальное место для проведения массовых мероприятий. На фоне крутого горного склона, перед неоклассическим зданием областного Совета возвышалась большая статуя Ленина, ныне демонтированная. На противоположной от здания стороне площади – длинная лестница, ведущая вниз по склону горы, в сторону равнинной части Азербайджана.

20 февраля 1988 года Совет народных депутатов Нагорно-Карабахской Автономной Области Азербайджана вынес следующее решение:

"Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава

Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР" (1).

За казенным языком резолюции скрывался поистине революционный смысл. Начиная с 1921 года Нагорный Карабах был на территории Азербайджанской Советской Республики островком, преимущественно населенным армянами. По сути дела, местные депутаты-армяне хотели переключить карту Советского Союза так, чтобы Нагорно-Карабахская АО, отделившись от Советского Азербайджана, вошла в состав Советской Армении.

Это было на третий год правления Михаила Горбачева. Советский Союз все еще был жестко организованным государством. И хотя Горбачев провозгласил политику гласности и перестройки, эта политическая линия, все равно контролировалась сверху Коммунистической партией. Решение областного Совета народных депутатов НКАО коренным образом изменило ситуацию. Призывая Москву к пересмотру внутренних границ, карабахские армяне впервые в истории Советского Союза после 1920-х годов делали государственную политику снизу вверх.

13 февраля, то есть за неделю до решения областного совета, группа карабахских армян провела на площади Ленина другое беспрецедентное мероприятие – несанкционированный политический митинг. Собравшись на площади, несколько сот человек потребовали воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией. Толпу митингующих окружило двойное или тройное кольцо милиции, но милиционеры были местными армянами. Заранее предупрежденные о предстоящем митинге, они не вмешивались.

Организаторы митинга намеренно подгадали день его проведения так, чтобы он совпал с возвращением делегации творческой интеллигенции армян Карабаха ездившей в Москву с петицией. Возглавляла делегацию местная актриса, армянка Жанна Галстян. Она первой выступила перед митингующими с короткой и яркой речью. "Выйдя сюда, карабахцы убили в себе раба", – с воодушевлением заявила она (2). В ответ толпа стала скандировать по-армянски: "Миацум" – "Единение". Это слово стало символом карабахской политической кампании.

У организаторов митинга были все основания бояться. Трудно припомнить, кто и когда в Советском Союзе осмеливался бы организовать политическую демонстрацию. По крайней мере, два активиста впоследствии признались: они пребывали в полной уверенности, что их арестуют (3). Во избежание возможных арестов, они сочинили лозунги, из которых явствовало, что участники митинга являются лояльными советскими гражданами, действующими в духе гласности. На транспарантах, которые несли митингующие, было: "Ленин, партия, Горбачев!"

В те февральские дни 1988 года многие советские руководители вдруг осознали, что стоят на ногах совсем не так твердо, как им казалось. Две составные части коммунистической партии открыто спорили друг с другом, и московское руководство быстро пришло к выводу, что мятежников нельзя сокрушить привычными силовыми методами.

Применив на практике дух новой горбачевской терпимости, Политбюро объявило лидерам азербайджанской компартии, что они должны действовать исключительно "партийными методами" – убеждением, а не силой, – чтобы погасить конфликт. Горбачев также принял решение, что ни местным карабахским армянам, ни азербайджанским республиканским силам безопасности нельзя доверить восстановление порядка в регионе и направил из соседней Грузии в Карабах батальон мотопехоты 160-го полка внутренних войск МВД СССР. Впоследствии оказалось, что контингенту внутренних войск МВД пришлось пробыть там почти четыре года (4).

В Степанакерте тем временем митинги становились все громче. Через неделю после первого митинга на площади Ленина собиралось уже несколько тысяч человек. Жанна Галстян вспоминает, с какой почти религиозной экзальтацией люди освобождались от страха, укоренившегося в душах советских граждан. По ее словам, "все проходило очень спокойно, люди стояли, как на церковной службе".

Московский политолог, армянин Александр Искандарян, выезжавший в Степанакерт, чтобы стать очевидцем происходящего, говорит, что обнаружил там "стихию" в действии: "Я увидел нечто стихийное, я увидел сгусток энергии, которую можно было направить в любом направлении. На самом деле, поначалу конфликт протекал в очень спокойной форме. Это было просто удивительно. Я никогда не видел ничего подобного в Советском Союзе – да и нигде больше" (5).

Однако в Нагорном Карабахе проживали не только армяне. Примерно четверть населения – около сорока тысяч человек – составляли азербайджанцы, теснейшим образом связанные с Азербайджаном. Внезапный взрыв протеста в населенном преимущественно армянами Степанакерте, сколь бы мирным он ни был по своим внешним проявлениям, не мог не вызвать сопротивления азербайджанской общины.

В Степанакерте достаточно посмотреть вверх, чтобы увидеть городок Шуша, расположенный на горе прямо над карабахской столицей. 90% жителей Шуши были азербайджанцы. Возмущенные, они начали готовить ответные акции протеста.

События развивались стремительно. Восемьдесят семь депутатов-армян, входивших в областной Совет, воспользовались своим правом и объявили о созыве внеочередной сессии в субботу 20 февраля. Два высших партийных руководителя – остававшийся верным Азербайджану местный армянин первый секретарь областного комитета компартии Борис Кеворков и первый секретарь азербайджанской компартии Кямран Багиров – попытались сорвать работу сессии, но их усилия оказались тщетными.

Внеочередная сессия областного совета началась около восьми вечера, на четыре в лишнем часа позже намеченного срока, в крайне нервной атмосфере. Уже ночью все 110 депутатов-армян единогласно проголосовали за резолюцию, призывавшую к воссоединению Нагорного Карабаха с Советской Арменией. Азербайджанские депутаты отказались участвовать в голосовании. В отчаянной и едва ли не комичной попытке Кеворков попытался выкрасть официальную печать, которой требовалось скрепить текст принятого решения (6).

Чтобы усилить общественное воздействие принятого решения, журналисты местной газеты "Советский Карабах" проработали всю ночь над специальным выпуском. На следующее утро, рядом со скучными официальными сообщениями ТАСС и перепечатками из "Правды", газета поместила на первой странице в две колонки сообщение о намерении областного Совета выйти из состава Азербайджана.

"Нечто совершенно новое"

21 февраля 1988 года в Кремле собралось Политбюро ЦК КПСС, чтобы провести первое из многих заседаний, посвященных карабахскому кризису. Инстинкт самосохранения членов высшего партийного органа требовал, чтобы его члены сразу отвергли требование областного Совета. Впоследствии Горбачев говорил, что в Советском Союзе было девятнадцать потенциально горячих точек, грозивших вырасти в территориальные конфликты, и ему не хотелось создавать опасный прецедент, пойдя на уступки кому бы то ни было. Центральный Комитет коммунистической партии принял резолюцию, в которой мятежных карабахцев называли экстремистами.

"Изучив информацию о развитии ситуации в Нагорно-Карабахской автономной области, Центральный Комитет КПСС считает, что действия и требования, направленные на

пересмотр существующей национальной и территориальной структуры, противоречат интересам трудящихся Советского Азербайджана и Советской Армении и создают угрозу межнациональным отношениям" (7).

Отдав дань риторике, члены Политбюро едва ли представляли, что нужно делать дальше. И хотя у них не было опыта противодействия массовым политическим протестам, вариант массовых арестов был отвергнут. Как признался тогдашний советник Политбюро по делам национальностей Вячеслав Михайлов, "мы столкнулись с совершенно новой для нас ситуацией". Ведь, в конце концов, взбунтовался орган советской власти, и карабахские армяне, по их заверениям, только того и добивались, чтобы вновь вернуться к давно позабытому ленинскому лозунгу "Вся власть Советам!"

Горбачев попробовал начать диалог. Он направил на Кавказ две представительные делегации, одна из которых сначала отправилась в Баку, а затем в Нагорный Карабах. В Степанакерте московские эмиссары созвали пленум местной партийной организации, на котором было принято решение о смещении Кеворкова, руководившего нагорно-карабахской организацией азербайджанской компартии с 1974 года, то есть с середины брежневской эпохи.

На место Кеворкова был избран его заместитель Генрих Погосян, лидер, значительно более популярный среди армянского населения. Однако это создало новые проблемы для Москвы: спустя несколько месяцев Погосян, пользовавшийся большим уважением среди карабахских армян, сам стал сторонником кампании за воссоединение с Арменией.

В составе делегации Политбюро был Григорий Харченко, работник Центрального Комитета КПСС, который провел на Кавказе большую часть 1988-1989 годов. Вне всякого сомнения, Харченко выбрали для этой миссии из-за его внушительного внешнего вида и открытого характера, но и ему, по его словам, не удавалось вести с демонстрантами спокойный взвешенный разговор.

"Мы поехали на один митинг. Я хотел им сказать примерно следующее: "Мы встречались с представителями интеллигенции, все спорные вопросы требуют решения. Вот вы бастуете, но с какой целью? Мы знаем, что вам за это платят, но все равно такие вопросы не решаются на митингах! Генеральный секретарь работает над этим, скоро состоится заседание Президиума Верховного Совета, на котором будут обсуждать ваши проблемы, и, конечно, все законные требования будут рассмотрены". Но какое там! "Миацум! Миацум! Миацум!" (8).

В первый же день началось медленное сползание к вооруженному конфликту. Уже начали циркулировать и подогревать страсти в обеих этнических общинах первые слухи об актах насилия. Писатель Сабир Рустамханлы вспоминает, что он был в числе немногих представителей азербайджанской интеллигенции, отправившихся в Нагорный Карабах для налаживания диалога. Однако было поздно:

"В Шушинском районе все были на ногах, все собирались спуститься вниз [в Степанакерт], и кровопролития было бы не избежать. То же самое и в [населенном азербайджанцами] Агдаме. Мы хотели это предотвратить и вели пропагандистскую работу, говорили, что мы должны быть готовы дать отпор, если армяне будут продолжать. Мы организовали оборону Шушы. Была ночь. Стрельба не началась. Армяне хотели отравить воду. Мы выставили дозоры. Мы были в районном комитете партии. Я работал главным редактором [азербайджанского] издательства, и мы печатали их книги на армянском [языке]. Все писатели бывали у меня. Оганджян бывал, Гурген Габриелян, детский писатель и поэт, который называл меня братом. А сейчас, стоя на площади, они вели себя так, будто незнакомы со мной. Атмосфера сильно изменилась" (9).

Истинное число случаев насилия в те дни, наверное, никогда не станет известным, потому

что власти жестко проводили политику сокрытия любых инцидентов. Вот, к примеру, какой отвратительный и не до конца проясненный случай произошел со студентками педагогического института в Степанакерте. Шла вторая неделя карабахских волнений, когда историка Арифа Юнусова и его коллегу, уже собиравших информацию о событиях, попросили приехать в республиканскую больницу Баку.

Предположительно, были изнасилованы две азербайджанские девушки из Степанакерта. Главный врач больницы не позволил двум ученым встретиться с пострадавшими. Однако медсестры рассказали, что "девушки поступили из пединститута Степанакерта. Там была то ли драка, то ли нападение на общежитие. Девушек изнасиловали. Они были в тяжелом состоянии" (10).

Через два дня после того, как областной Совет НКАО принял решение об отделении Нагорного Карабаха, гневные акции протеста прошли в Агдаме. Агдам – город, расположенный на равнине, в двадцати пяти километрах к востоку от Степанакерта. 22 февраля разгоряченная толпа молодежи вышла из Агдама и направилась к Степанакерту. Они дошли до армянской деревни Аскеран, но там их встретили кордоны милиции и группа местных жителей-армян. У некоторых были охотничьи ружья. Началось столкновение, среди участников которого с обеих сторон были раненые. Погибли двое азербайджанцев.

Одного из них, двадцатитрехлетнего Али Хаджиева, по всей вероятности, убил местный милиционер – либо случайно, либо в ходе стычки. Другой, шестнадцатилетний Бахтияр Гулиев, был, по-видимому, убит выстрелом из охотничьего ружья кем-то из армян. Если это так, то Гулиев стал первой жертвой межэтнического насилия в армяно-азербайджанском конфликте (11).

Известие о гибели двух человек привело Агдам в ярость. Разъяренная толпа, вооружившись самострелами, дубинами и камнями на нескольких грузовиках двинулась на Степанакерт. Местная жительница, председатель одного из колхозов Хураман Абасова совершила поступок, ставший потом знаменитым: она взобралась на крышу машины и, сорвав с головы платок, бросила его перед толпой. По азербайджанскому обычаю, после этого мужчины должны остановиться. Этот призыв к миру явно остудил страсти, и потом, на митинге, Абасовой удалось убедить сограждан не идти на Степанакерт. Ее вмешательство, возможно, предотвратило куда более серьезное кровопролитие (12).

Истоки кампании

События февраля 1988 года в Нагорном Карабахе грянули как гром среди ясного неба. Однако первая фаза армянской кампании была заранее тщательно спланирована. Многие азербайджанцы, которых армянское восстание застало врасплох, были уверены, что действия мятежников получили официальную поддержку из Москвы. Это не так, хотя карабахское движение действительно пользовалось поддержкой сторонников-армян из советского истеблишмента.

Подпольное движение за соединение с Арменией существовало в Карабахе на протяжении десятилетий. Всякий раз, когда в СССР наступала оттепель или в политической жизни страны начинались перемены – например, в 1945, 1965 и 1977 годах, – армяне направляли в Москву письма и петиции, требуя воссоединить Нагорный Карабах с Советской Арменией. Это было показателем того, как думали армяне и как функционировал Советский Союз: они никогда не обращались за решением проблемы в Баку, столицу Азербайджана.

С наступлением горбачевских перестройки и гласности они вновь активизировали свои усилия. 3 марта 1988 года Горбачев сказал членам Политбюро, что они пропустили тревожные сигналы: "Упрощать тут никак нельзя, да и на самих надо посмотреть. 500 писем в ЦК было получено за три года по вопросу о Нагорном Карабахе. Обратил ли кто внимание на

это? Была у нас рутинная реакция" (13).

Однако последняя по времени кампания карабахских армян имела очень важное отличие: если предыдущие кампании направлялись из Нагорного Карабаха, то инициаторами этого движения стали карабахские армяне, проживавшие за пределами автономной области. В послевоенные годы многие армяне – уроженцы Карабаха осели в Москве, Ереване и Ташкенте, и теперь взаимные связи позволили создать широкую неформальную сеть, позволявшую координировать совместные действия по всему Советскому Союзу.

Центром этой сети был Игорь Мурадян, выходец из семьи карабахских армян. Мурадян тогда было всего тридцать лет. Он вырос в Баку, а во второй половине восьмидесятых работал в столице Армении, Ереване. На первый взгляд, его трудно представить в роли лидера столь значительного политического движения. Рослый увалень, он чуть заикается и подобно многим бакинским армянам чувствует себя комфортнее, когда говорит по-русски, а не по-армянски. При этом Мурадян – блестящий политический организатор и бескомпромиссно жесткий армянский националист.

По словам Мурадяна, он не сомневался, что азербайджанские власти собирались заселить Нагорный Карабах азербайджанцами и силой выдавить оттуда армян, чтобы через пару поколений армяне перестали быть в автономной области этническим большинством. Вот почему он считал, что армянам нужно воспользоваться историческим моментом, данным им реформами Горбачева.

Мурадян работал экономистом в Госплане Армении – государственном комитете планирования – и имел хорошие отношения людьми из партийных кругов. Он рано усвоил важный урок: если петицию правильно оформить и подать с должным подтверждением лояльности советской системе, то можно будет убедить многих влиятельных армян в Союзе ее поддержать. Направляя в 1983 году петицию о Нагорном Карабахе генеральному секретарю ЦК КПСС Юрию Андропову, он заручился подписями "ветеранов партии, людей, которые были лично знакомы с Лениным, Сталиным и Берией. На их руках было много крови", – рассказывал Мурадян (14).

Масштаб кампании, развернутой в эпоху Горбачева, был куда более широким. "Впервые в истории Советского Союза мы поставили своей задачей держать это движение в рамках закона, не придавать ему антисоветского характера и сделать его абсолютно лояльным", – говорил Мурадян. Неясно, действительно ли Мурадян искренне верил в то, что советская система согласится передать Карабах Армении – если так, то он жестоко ошибался в своих расчетах, – или же добивался максимально широкой политической поддержки для своей рискованной кампании.

В феврале 1986 года Мурадян повез в Москву проект письма и уговорил девятерых армян, уважаемых членов ЦК партии и видных ученых, подписать его. Наиболее весомой стала подпись академика Абела Аганбегяна, советника Горбачева по экономическим реформам. Мурадян вспоминал, что "когда [Аганбегян] пришел в тот дом, где подписал письмо, он даже не знал, куда идет, и почему его туда везут. Перед тем, как поставить свою подпись, он провел там часа четыре. И за эти четыре часа выпил около двух литров водки".

Карабахским активистам удалось даже заручиться молчаливой поддержкой руководителя компартии Армении Карена Демирчяна. Они задумали кампанию по дискредитации азербайджанского патриарха Гейдара Алиева, который, как им представлялось, мог стать главным противником идеи отделения Карабаха и заблокировать весь процесс.

Бывший первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, Алиев с 1982 года был членом Политбюро. Одна из самых смелых идей Мурадяна состояла в следующем: вместе со своим приятелем, тоже активистом армянского националистического движения, он возбудил

уголовное дело против Алиева по статье 67 Уголовного Кодекса Азербайджана: "унижение национального достоинства".

Дело было проиграно, но, вероятно, сыграло какую-то, пусть и небольшую, роль в изгнании Алиева из Политбюро. Летом 1987 года Алиева отстранили от работы якобы по состоянию здоровья, и в октябре того же года он был официально выведен из состава Политбюро. Руководитель армянской компартии Демирчян, говорят, был очень рад закату политической карьеры своего оппонента в высшем партийном руководстве СССР. По словам Мурадяна, в 1990 году общий знакомый передал ему похвалу Демирчяна: "Нам удалось сделать самое главное – сместить Алиева до начала [карабахского] движения. Это было очень важно".

Работа Мурадяна с партийными фигурами была лишь частью, можно сказать, верхушкой айсберга его деятельности. Параллельно он вел другую, фактически подрывную работу. Он вступил в контакт с членами запрещенной радикально-националистической партии "Дашнакцутюн" (известных как дашнаки) через их зарубежные и подпольные ереванские ячейки. Он даже начал добывать оружие.

По словам Мурадяна, летом 1986 года карабахцы с помощью дашнаков получили первую партию легкого стрелкового оружия из-за рубежа. Впоследствии поставки оружия стали осуществляться регулярно, причем "почему-то было много оружия чешского производства". Это оружие шло главным образом в Нагорный Карабах. "Все организации в Карабахе были вооружены. Все местные комсомольцы имели личное оружие". Это удивительное признание свидетельствует, что по крайней мере один армянский активист был уверен, что спор между двумя республиками мог перерасти в вооруженный конфликт.

Межобщинная напряженность

Начало современного "спора о Карабахе" между Арменией и Азербайджаном обычно датируется февралем 1988 года. Но первая вспышка насилия, о которой плохо помнят даже сами жители региона, произошла за несколько месяцев до этого, причем не в Карабахе, а в Армении и Азербайджане.

В середине 1980-х в Азербайджане по самым грубым подсчетам проживало около 350 тыс. армян (не считая жителей Нагорного Карабаха), а в Армении – 200 тыс. азербайджанцев. Осенью 1987 года межнациональные трения в обеих республиках зримо обострились, словно оба народа услышали вдруг в радиэфире тайный сигнал к действию.

В октябре 1987 года в деревне Чардахлу на севере Азербайджана произошла стычка между местными властями и жителями-армянами. Армяне воспротивились назначению директором совхоза азербайджанца. Их избили милиционеры, а они в знак протеста направили делегацию в Москву. Армяне относились к Чардахлу с особым пиететом, потому что это была родина двух маршалов Советского Союза – армян по национальности – Ивана Баграмяна и Амазаспа Бабаджаняна. 18 октября в Ереване прошла небольшая демонстрация протеста в связи с событиями в Чардахлу.

А вскоре разразилась трагедия на юге Армении, в Мегрийском и Кафанском районах, где во многих деревнях компактно проживали азербайджанцы. В ноябре 1987 года на железнодорожный вокзал Баку прибыли два товарных вагона с азербайджанцами, вынужденными бежать из Кафана из-за межэтнических столкновений. Сведений об этом инциденте сохранилось очень мало, в прессе его совсем не освещали, но остались очевидцы тех событий. Света Пашаева, овдовевшая бакинская армянка, рассказала, как она увидела прибывших в Баку беженцев и как она носила им одежду и еду:

"Пришли люди и сказали, что из Кафана прибыли два вагона с голыми, раздетыми детьми, и мы пошли туда посмотреть. Это были азербайджанцы из Кафана. Я была на вокзале. И сама видела два товарных вагона. Двери были раскрыты, а к стене были прибиты две длинные

доски, вроде перил, чтобы из вагона на ходу люди не вывалились. Нас попросили принести что можно, чтобы помочь беженцам. И я – не только я одна, а очень многие – собрали старую детскую одежду, вещи какие-то. Я сама их видела. Там были мужчины, такие деревенские, грязные, с длинными волосами и бородами, старики, дети" (15).

Около 25 января 1988 года историк Ариф Юнусов шел на работу в Академию Наук в Баку, когда увидел новые свидетельства бегства азербайджанцев из Кафана. Четыре красных "Икаруса" стояли перед зданием Верховного Совета Азербайджана. Юнусов вспоминает пассажиров тех автобусов: "Все они были в ужасном состоянии. В основном там были женщины, дети и старики. Молодых было мало. Многие сильно избиты. Они кричали"

Никто еще подробно не рассказывал об этих самых первых беженцах, главным образом потому, что азербайджанские власти постарались скрыть информацию о них. Арамаис Бабаян, в то время второй секретарь Кафанского комитета партии, говорил, что не может припомнить ни одного случая, чтобы азербайджанцы покидали территорию района до февраля. Впрочем, он подтвердил, что как-то ночью в феврале 1988 года две тысячи азербайджанцев действительно покинули Кафанский район, но считает, что причиной этого массового исхода стали слухи и "провокации".

Бабаян рассказывал, что как-то он поехал в Азербайджан, чтобы убедить уехавших из Кафана азербайджанцев вернуться в район. "Раньше мы ездили свободно. Мою машину остановили в соседней деревне, в Раздане. Молодые парни с поднимали с земли камни. Всякое могло случиться". Бабаяну пришлось отправиться обратно. Ни один кафанский азербайджанец так и не вернулся в Армению (16).

Петиции и делегации

В 1987 года из тлеющего движения карабахских армян постепенно разгорелось живое пламя. Активисты объезжали колхозы и фабрики в Нагорном Карабахе, собирая подписи для документа, который они называли "референдум" о воссоединении с Арменией. Кампания по сбору подписей была завершена к лету 1987 года, и в августе огромная петиция – десять томов с более чем 75 тысячами подписей из Армении и Карабаха – была отправлена в Москву (17). Карабахские армяне сформировали две делегации, которые поехали в Москву "проталкивать" свое дело в Центральном Комитете КПСС.

Влиятельные армяне активно лоббировали карабахский вопрос за границей. Историк Сергей Микоян, сын старого партийного функционера Анастаса Микояна, и писатель и журналист Зорий Балаян открыто пропагандировали идею присоединения Нагорного Карабаха в интервью газетам армянской диаспоры в США. А в ноябре 1987 года свой голос возвысил Абел Аганбегян, который очевидно не сожалел о том, что год назад выпил с Мурадяном два литра водки.

16 ноября Аганбегян, один из ведущих экономических советников Горбачева, встретился с группой французских армян в отеле "Интерконтиненталь" в Париже и предложил им свое видение проблемы: "Я был бы рад, если бы Нагорный Карабах вернули Армении. Как экономист, я считаю, что у них куда более тесные связи с Арменией, нежели с Азербайджаном. Я уже внес подобное предложение, и надеюсь, что эти идеи будут воплощены в жизнь в духе перестройки и демократии" (18). Взгляды Аганбегяна были изложены в газете французских коммунистов "Юманите", распространявшейся в том числе и в Советском Союзе. Именно из этих откровений академика азербайджанцы впервые и узнали о ведущейся против них армянской кампании.

К февралю 1988 года механизм этой кампании был окончательно отлажен и готов к запуску. Возглавляемая Жанной Галстян третья карабахская делегация, состоящая из писателей и художников, прибыла в Москву (19). В Нагорный Карабах доставили десять тысяч листовок.

Все дальнейшие события были скоординированы таким образом, чтобы их начало совпало с возвращением из Москвы карабахской делегации. Вот что рассказывает Мурадян:

"В ночь с 12 на 13 февраля эти листовки попали во все без исключения почтовые ящики Степанакерта. Никаких серьезных проблем у нас уже не было. Уже днем 12-го мы поняли, что город наш, потому что милиция, правоохранительные органы, партийные работники, – все пришли к нам и сказали: "Можете на нас положиться". Они информировали нас о намерениях КГБ, о том, кто приезжает из Баку, кто приезжает из Москвы. Мы владели всей информацией, от нас ничего не скрывали".

Рассказ Мурадяна о том, как он спланировал и организовал современное карабахское движение, показывает, как тщательно была выстроена эта кампания, получившая молчаливую поддержку высоких партийных чинов и успешно мобилизовавшая огромные массы людей. Впрочем, его рассказ выявил пугающее белое пятно в осмыслении им – и не только им, но и многими другими армянами – тогдашних событий. Излагая свое видение ситуации, Мурадян полностью игнорировал позицию Азербайджана и возможную реакцию сорока тысяч азербайджанцев, населявших Нагорный Карабах.

Говоря о референдуме, он даже несколько раз повторил фразу "все население Карабаха". А как же азербайджанцы? Неужели не было даже попытки проконсультироваться с ними или узнать их мнение? Стоило задать этот вопрос, как взгляд Мурадяна потяжелел: "Хотите знать правду? – спросил он, – Я скажу вам правду. Нас не интересовала судьба этих людей. Эти люди были послушным орудием власти, в течение многих десятилетий, даже веков, они были инструментом насилия против нас. Их судьба не интересовала нас тогда, и не интересует сейчас".

Отсутствие интереса к мнению соседей было заложено в жесткой вертикальной структуре советской системы, где союзные республики, в том числе и Армения и Азербайджан вступали друг с другом в диалог не напрямую, а лишь через Москву. После памятного выступления Аганбегяна в Париже многие азербайджанцы отметили, что он говорил не просто как армянин, но еще и как личный советник Горбачева – пускай по экономике – и сделали вывод, что Горбачев поддерживает армянскую кампанию.

На самом же деле, очень скоро стало ясно, что Аганбегян не получал от Горбачева никаких указаний, и в конечном счете, несмотря на все предпринятые усилия, армянскому лобби в Москве не удалось склонить Политбюро на свою сторону. Тем не менее, поступавшие из Москвы противоречивые сигналы породили у азербайджанцев недобрые подозрения относительно истинных намерений Горбачева, причем многие до сих пор верят в существование в Москве заговора против них, и никакие свидетельства обратного не могут рассеять эти подозрения.

Армянские же активисты, жившие в своем советском мире, допустили еще более серьезный просчет. Многие из них поддались заверениям, что они ломятся в открытую дверь и советское руководство рано или поздно непременно согласится на передачу Нагорного Карабаха Армении. По этой самой причине они и продолжали упорно игнорировать точку зрения Азербайджана. И когда Политбюро отказало им в поддержке, у армян даже не нашлось запасного плана действий, оставлявшего им возможность переговоров с Азербайджаном.

Армения восстает

После акций протеста в Карабахе, по Советской Армении прокатилась волна массовых уличных демонстраций. И хотя Армения была одной из самых гомогенных в этническом плане республик СССР, никто, в том числе и лидеры этих демонстраций, не мог предвидеть, какой мощный заряд энергии вырвется наружу. Казалось, вопрос о судьбе Нагорного

Карабах был способен затронуть самые чувствительные струны в душе каждого армянина.

Пытаясь объяснить, каким образом карабахский вопрос смог вдруг вывести на улицы сотни тысяч людей, политолог Александр Искандарян использует термин "замороженный потенциал". По его словам, "карабахский фактор был заморожен, и требовалось совсем немного, чтобы он выплеснулся". Даже те, кто ничего не знал об общественно-политической ситуации в Нагорном Карабахе, эмоционально сопереживали армянам, жившим в окружении "турок" (в армянском просторечии это слово обозначает как собственно турок, так и азербайджанцев).

15 февраля 1988 года, на заседании Союза писателей Армении – одной из наиболее влиятельных общественных организаций – поэтесса Сильва Капутикян выступила с речью в поддержку карабахских армян. Спустя три дня в Ереване состоялся митинг протеста против загрязнения окружающей среды. Защита окружающей среды была самым безопасным и наименее "политическим" поводом для выражения протеста. Экологические проблемы поэтому стали главной темой массовых митингов во многих частях Советского Союза.

В Ереване демонстранты выражали недовольство по поводу состояния озера Севан, экологической опасности Мецаморской АЭС, химического комбината "Наирит" и загрязненности воздуха в Ереване. Однако организаторы митинга не были искренни. Рассказ Зория Балаяна:

"Мы собрались на Театральной площади под чисто экологическими лозунгами. Но среди них был, так скажем, один лозунг со словами: "Карабах – историческая территория Армении". На него никто не обратил внимания. Но на следующем митинге было уже несколько таких лозунгов. Игорь Мурадян, который привел людей на площадь, принес с собой портреты Горбачева. "Ленин, партия, Горбачев" – такой был у него лозунг. Он его сам придумал. А через три недели он придумал еще один: "Сталин, Берия, Лигачев!" Так люди привыкли к мысли, что можно обсуждать национальный вопрос наряду с проблемами "Наирита" и Севана. А через месяц о "Наирите" и Севане говорили только пять минут" (20).

Митинги проходили на большой Театральной площади в центре Еревана, перед зданием оперного театра. 20 февраля, незадолго до открытия в Степанакерте сессии областного совета, на площади собралась тридцатитысячная толпа. С каждым днем количество участников митинга удваивалось. 22 февраля митингующих уже было более ста тысяч человек – феноменальная цифра по меркам любой страны мира, не говоря уж о Советском Союзе образца 1988 года.

На следующий день Театральная площадь вместила 300 тысяч человек, и в Ереване была объявлена забастовка работников транспорта. В советской прессе никогда не сообщалось о массовых митингах, но информация о них доходила до Москвы. О митингах узнали западные журналисты. Русские правозащитники, включая самого известного советского диссидента Андрея Сахарова, не вдаваясь в существо проблемы, просто поддерживали армянские протесты.

В четверг 25 февраля на улицы Еревана вышло около миллиона человек – то есть более четверти населения всей Армении. В документальных кадрах, на которых снята эта демонстрация, видно бескрайнее море кепок, шляп, плащей и пальто. Люди, стоящие плечом к плечу. Лица демонстрантов напряжены и исполнены ожидания. То и дело над толпой возносится: "Ка-ра-бах!" (21).

Участие в этих митингах для многих в то время стало чуть ли не самоцелью, коллективным обрядом самоутверждения. Люди шли пешком часами, чтобы попасть на Театральную площадь. Ашот Манучарян, школьный учитель, впоследствии ставший членом Комитета "Карабах", присоединился к митингующим на второй или третий день. Он описывает

Театральную площадь как "магнитное поле", которое притягивало всех:

"Атмосфера – вот что привлекало. Люди и впрямь почувствовали, что началось что-то новое: можно говорить, можно собираться, обсуждать судьбу Карабаха! Так возникла особая атмосфера, которая была просто фантастической! Когда я говорю, что обстановка была фантастическая, я имею в виду, что она была похожа на ту, которая возникает на площади Святого Петра, когда Римский Папа обращается с проповедью к народу, к собравшимся там истинно верующим людям, и на обстановку после проповеди Папы. У нас было что-то похожее. Любовь к ближним. Атмосфера всеобщей теплоты. Если кому-то становится плохо, вся площадь старается ему помочь. Сквозь толпу пробираются врачи, появляются крепкие мужчины, сцепляют руки наподобие носилок. Кто-то передает лекарство, кто-то приносит воду" (22).

Зоя Шугарян, карабахская армянка, много лет прожившая в Ереване, говорит, что не могла поверить собственным глазам, когда увидела, что происходит. Поначалу мало кто из жителей армянской столицы знал о ситуации в Нагорном Карабахе. Но митинги и листовки очень быстро ввели их в курс событий – точнее, посветили в армянскую версию конфликта.

"Все эти годы я воевала с теми армянами, которые не могли даже найти Карабах на карте, – говорит Шугарян, – а 21 февраля я вышла на улицу и увидела, что вся Армения скандирует "Ка-ра-бах!" Первые несколько дней я ничего не могла делать – только плакала" (23).

Шугарян, правда, заметила, что у нее возникли некоторые сомнения по поводу самых ранних митингов, которые, как она теперь считает, были использованы в нечистоплотных политических целях. "Мне жаль той глупой эйфории, когда все нам нравились".

Ереванские демонстрации проходили мирно, но обретали пугающий размах. Никто уже не смог бы нажать на тормоза. Даже новые "лидеры" движения имели слабое представление о том, в каком направлении развиваются события. Говорит Рафаэль Казарян, старейший член созданного тогда Комитета Карабах:

"Знаете, весь народ восстал. Нельзя сказать, что мы их подняли, это народ нас поднял. Мы просто оказались на гребне волны. Те, кто был чуть отчаяннее, чуть решительнее, кто не стал думать о последствиях, оказались на самом гребне. А те, кто был поосторожнее, не оказались. Но восстал весь народ: и в Карабахе, и здесь. Люди шли пешком по тридцать-сорок километров, чтобы принять участие в митинге, а на площади собирались сотни тысяч человек – это нечто невероятное! Однажды жуткая толпа народу собралась около оперного театра, несколько сот тысяч! Мне кажется, никакими уговорами эти митинги нельзя было прекратить. Тем более, все мы были уверены, что в течение недели Горбачев все решит. И прости его Господь, если он затянет все это на месяц! Я чувствовал, что у меня сердце не выдержит, если все это будет продолжаться целый месяц!" (24)

Поступивший из Москвы от высшего партийного руководства официальный сигнал был предельно ясен: статус Нагорного Карабаха изменен не будет. Так почему же Казарян и другие несколько недель надеялись, что Горбачев согласится с их требованиями? Возможно, тот факт, что члены Политбюро приехали в Ереван и разговаривали с митингующими, был воспринят как уступка со стороны Москвы. А может, они верили, что их "власть народа" оказалась настолько могучей, что заставит Политбюро передумать.

Руководство армянской компартии находилось в сложном положении, вынужденное балансировать между требованиями Москвы и толпы. Нельзя сказать, что руководство Армении в принципе было против идеи объединения Нагорного Карабаха и Армении, просто разразившийся кризис стал серьезной угрозой для их собственной власти. Бывший высокопоставленный партийный руководитель Грант Восканян говорит, что ереванское руководство было предупреждено о готовящейся кампании протеста в Степанакерте, но оно просто не могло поспеть за бурно развивающимися событиями:

"Мы знали о существовании этой проблемы. Но мы договорились [с партийным руководством Степанакерта], что они нас предупредят заранее, когда будет приниматься решение об отделении от Азербайджана. Однако, как потом выяснилось, они просто поставили нас перед фактом, когда резолюция была уже принята. Я позвонил Генриху Погосяну и сказал: "Послушай, если вы должны были это сделать, почему же нам ничего не сказали?" Он извинился и ответил, что "все получилось так спонтанно, что у нас просто не было времени [вас предупредить]" (25).

22 февраля первый секретарь ЦК Компартии Армении Демирчян объявил по республиканскому телевидению, что требование о воссоединении не может быть удовлетворено и что "дружба между народами является нашим бесценным богатством и гарантией будущего развития армянского народа в семье братских советских народов" (26). Когда же его наконец вынудили выступить перед митингующими на Театральной площади, Демирчян выглядел крайне раздраженным и даже бросил в толпу риторический вопрос: неужели люди считают, будто Карабах "лежит у него в кармане".

Задача двух командированных в Ереван эмиссаров Политбюро Анатолия Лукьянова и Владимира Долгих была не менее сложной. Им предстояло донести до армян жесткое заявление о нерушимости советских границ, но они должны были также вступить в диалог в духе "нового мышления". Но никого не интересовала их задача. Когда Долгих собрался выступать на Театральной площади, ему пришлось даже прибегнуть к помощи поэтессы Сильвы Капутикян, которая обратилась к митингующим с просьбой уважительно выслушать человека из Москвы. Это было яркой иллюстрацией того, как таял престиж советской власти в Армении.

Горбачев и писатели

Для Михаила Горбачева и его коллег армянское восстание стало полнейшей неожиданностью. Это видно из стенограмм двух заседаний Политбюро того периода: от 29 февраля и 2 марта 1988 года, опубликованных в 1992 году вместе с тысячами других кремлевских документов. Из них мы можем дословно узнать, как члены Политбюро пытались совладать с начальной фазой кризиса.

Вступительное слово, с которым Горбачев выступил на заседании Политбюро 29 февраля, было довольно неопределенным. Он заявил коллегам, что выдвинутые армянами требования неприемлемы, но в то же время он доволен тем, что демонстрации носят мирный характер: "Должен сказать, что даже когда на улицы Еревана вышло полмиллиона человек, армянский народ продемонстрировал высокую дисциплину и не проявил антисоветских настроений".

Давая общую оценку предпосылок карабахского спора, советский лидер выразил понимание испытываемого армянами чувства исторической несправедливости: "Я лично вижу две причины: с одной стороны, это множество совершенных ошибок в самом Карабахе плюс эмоциональная причина, глубоко сидящая в [армянском] народе. Все, что произошло с этим народом на протяжении его истории, не забыто, и поэтому все их тревоги провоцируют такую вот реакцию" (27).

Советский лидер, видимо, чувствовал, что за пределами России высокообразованные армяне были наиболее преданными сторонниками его политических реформ. Поэтому, принимая решение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана, он постарался умиротворить армян обещаниями провести в автономной области преобразования в сфере политики, экономики и культуры.

Однако это заявление не произвело никакого эффекта ни в Армении, ни в Азербайджане. Возможно, оно имело бы больший успех, если бы Горбачев пустил в ход свое личное обаяние, благодаря которому он завоевал огромную популярность на Западе. Однако в

собственной стране он сохранял привычную для большинства советских лидеров высокомерную отстраненность.

Горбачев ни разу не посетил регион, ни разу не выступил с комментариями по поводу ситуации в Карабахе, не дал ни одного интервью. 26 февраля Горбачев подписал "Обращение к трудящимся, к народам Армении и Азербайджана", которое зачитывалось в обеих республиках командированными членами Политбюро. Обращение зиждилось на помпезном и пустом призыве уважать советскую дружбу народов: "Ни одна мать не согласится с тем, чтобы ее детям угрожали национальные распри взамен прочных уз дружбы, равенства, взаимопомощи – поистине великого достижения социализма", говорилось в обращении.

В день, когда этот документ был опубликован, Горбачев принял в Кремле двух армянских писателей – Зория Балаяна и Сильву Капутикян. На встрече присутствовал советник Горбачева Георгий Шахназаров. Сам Шахназаров происходил из знатного рода нагорно-карабахских армян – и этот факт естественным образом вызывал подозрения в Азербайджане. Тем не менее, судя по его мемуарам, Шахназаров был воспитан в духе советского армянского интернационализма, выкованного в Баку и Москве. Он пишет, что был против отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана и выступал за придание ему чуть более высокого статуса автономной республики.

Встреча с писателями проходила далеко не гладко. Вот как описывает Шахназаров ее начало: "Беседа с места в карьер приняла прямой, временами даже жесткий характер, хотя велась в дружелюбном тоне. "То, что происходит вокруг Карабаха, – сказал Михаил Сергеевич, – это удар нам в спину. С трудом приходится сдерживать азербайджанцев, а главное – создается опасный прецедент. В стране несколько десятков потенциальных очагов противостояния на этнической почве, и пример Карабаха может толкнуть на безрассудство тех, кто пока не рискует прибегать к насильственным средствам" (28).

Армянские писатели были одновременно преданными членами Коммунистической партии и армянскими националистами, будучи при этом очень разными по характеру. Зорий Балаян, писатель и журналист, собственный корреспондент "Литературной газеты" в Армении, был главным и бескомпромиссным идеологом карабахского движения. Для него весь карабахский конфликт оказался лишь частью более масштабной проблемы, связанной с угрозой, которую несет "Великий Туран" символ владычества тюркских народов Армении и всему "цивилизованному миру".

В интервью в 2000 году он убежденно выстроил в цепь доказательств существования пантюркистской угрозы столь разные события, как геноцид армян 1915 года, правление азербайджанского президента Алиева и недавнее убийство в Стамбуле двух британских футбольных болельщиков фанатами турецкой команды. Вот выдержка из его описания встречи с Горбачевым.

"Он слушал нас более часа. Мы говорили обо всем. Сильва достала выпущенную в Турции карту Советского Союза. На этой карте вся территория Советского Союза, я имею в виду Закавказье, Поволжье, Северный Кавказ, Среднюю Азию, Якутию, многие автономные республики, – была закрашена в зеленый цвет. В Турции по этой карте учат детей в школе, им говорят, что все это, включая Армению, турецкая территория. Мы показали Горбачеву эту карту, разложили у него на столе. Горбачев поглядел на нее, отодвинул в сторону, а потом поспешно подтолкнул ее обратно на стол и сказал: "Да это же какой-то бред". Я ему ответил: "Михаил Сергеевич, бредовые идеи иногда претворяются в жизнь".

Сильва Капутикян совсем другая: спокойная, царственная. С приплюснутым носом, зелеными глазами и элегантно взбитой копной седых волос, она похожа на гранд-даму при дворе короля Людовика XV. Капутикян – самая известная армянская поэтесса. И, как выяснилось в

ходе той встречи, среди поклонниц ее таланта была и Раиса Горбачева. Несмотря на свои националистические взгляды, Капутикян неоднократно выступала за примирение и диалог с Азербайджаном. Она вспоминает, как умоляла генерального секретаря пойти хоть на какие-то уступки, о которых она могла бы сообщить людям в Ереване.

"Горбачев сказал: "Теперь самое главное – нужно потушить пожар". "Хорошо, но чем? Дайте нам воды. Хоть какое-то обещание, хоть какую-то надежду. Я выйду [к людям на площади], но что я им скажу?" И тут в первый и последний раз заговорил Шахназаров: "Скажите им, что скоро состоится конференция по национальному вопросу. Там будет принято решение". Так он дал мне несколько ведер воды, чтобы потушить огромный пожар!" (29) В конце встречи Горбачев вновь отверг идею передачи Нагорного Карабаха Армении, но пообещал провести в регионе реформы в области культуры и экономики. Ему хотелось, по его словам, увидеть "маленький ренессанс" в Карабахе (30). Он записал двадцать конкретных жалоб, озвученных писателями, и впоследствии выделил на нужды автономной области 400 миллионов рублей – гигантскую сумму для того времени. Со своей стороны, Балаян и Капутикян согласились обратиться к людям на Театральной площади с призывом приостановить демонстрации на месяц.

Балаян и Капутикян вернулись в Ереван, чтобы передать народу послание Горбачева. Балаян выступил на митинге на Театральной площади. Капутикян предпочла обратиться к народу по телевидению. По ее словам, Балаян выступал с огромным воодушевлением, она же говорила "без особой радости", напомнив о трудных периодах в армянской истории, но пообещала при этом: "Мы обратим это поражение в победу". В развитии событий наступила короткая пауза: организаторы ереванских митингов согласились приостановить свои выступления на один месяц.

Но уже на следующий день все перевернулось: в Ереван начали поступать известия о чудовищном массовом насилии в азербайджанском городе Сумгаит.

Примечания:

За исключением особо оговоренных случаев, все интервью проводились автором по-русски, но даются в настоящей книге в обратном переводе с английского. В каждой главе все последующие цитаты из того же источника, не обозначенные отдельной ссылкой, взяты из тех же интервью.

1. "Советский Карабах", 21 февраля 1988 г.

2. Интервью с Галстян, 10 октября 2000 г.

3. Интервью с Вячеславом Михайловым, 5 декабря 2000 г., и Захидом Абасовым, 10 ноября 2000 г.

4. А. Петров, "Для политиков Карабах – урок, для солдат – второй Афганистан". – "Красная звезда", 19 февраля 1992 г.

5. Интервью с Искандаряном, 1 декабря 2000 г.

6. В нескольких опубликованных отчетах указано, что 17 из 30 азербайджанских депутатов голосовали против резолюции. Газета "Советский Карабах" писала, что решение было принято единодушно, а другие собеседники автора книги подтвердили, что азербайджанские депутаты отказались голосовать.

7. ТАСС, 23 февраля 1988 г. Цит. по: "The Karabakh File", pp. 98-99.

8. Интервью с Харченко, 4 декабря 2000 г.

9. Интервью с Рустамханлы, 8 ноября 2000 г.

10. Интервью с Юнусовым 27 ноября 2000 г. Юнусову, собравшему наиболее полные данные о карабахском конфликте с обеих сторон, не удалось обнаружить иных деталей. Власти стремились замолчать свидетельства о конфликте, который, как они надеялись, угаснет сам собой. Другим фактором, также проявившимся, когда девушек-армянок неделю спустя изнасиловали в Сумгаите, было желание избежать позора, который на Кавказе ассоциируется с изнасилованием и в дальнейшем может помешать девушке выйти замуж.

11. Русский писатель Александр Василевский, посетивший Нагорный Карабах в конце апреля 1988 г., пишет, что он беседовал с братом Али Гаджиева Арифом Гаджиевым, который рассказал, что его брат повздорил с азербайджанским милиционером, и тот выстрелил в него в упор. Этого полицейского потом увел с места событий сослуживец. Василевский, "Туча в горах", – "Аврора", Ленинград, без даты; перепечатано в "Нагорный Карабах глазами независимых наблюдателей", стр. 45-46. Григорий Харченко рассказал, что полицейский выстрелил после того, как ударился о дверцу автомобиля. Заместитель председателя КГБ Филипп Бобков сказал, что Гаджиев работал на виноградниках Агдама; Василевский пишет, что тот работал на инструментальном заводе. Бобков пишет, что Бахтияр Гулиев был застрелен армянином. См. Филипп Бобков. КГБ и власть. Москва, Ветеран, 1995, стр. 295-296.

12. Rost, Armenian Tragedy, 16-18. Бобков, там же, стр. 296. Российский поэт Евгений Евтушенко написал стихотворение в честь Абасовой.

13. Из стенограммы заседания Политбюро ЦК КПСС, посвященного Нагорному Карабаху, от 3 марта 1988 г., опубликовано в книге "Союз можно было сохранить", стр. 22.

14. Интервью с Мурадяном 5 мая 2000 г. Связи Мурадяна в высоких кругах породили слухи, что он работал на КГБ. Он, разумеется, это отрицает, хотя и признает, что в числе его знакомых был глава армянского КГБ Юзбашян. Представляется маловероятным, чтобы КГБ завербовало человека, так сильно навредившего партии, Советскому Союзу, и в конечном итоге самому КГБ.

15. Интервью с Пашаевой 14 декабря 2000 г. Это не настоящее имя женщины, которая попросила цитировать ее под псевдонимом.

16. Интервью с Бабаяном 29 сентября 2000 г.

17. В сопроводительном письме к петиции, составленном геологом Суреном Айвазяном, содержался призыв к Горбачеву передать Советской Армении не только Нагорный Карабах, но и азербайджанскую автономную республику Нахичевань.

18. The Caucasian Knot, p. 148, где приводится цитата из армянской газеты "Haratch" (19 ноября 1987 г.)

19. В регионе часто рассказывают, будто Жанна Галстян получила ободряющее послание из Москвы от эксперта ЦК КПСС Вячеслава Михайлова. В интервью и Галстян, и Михайлов подтвердили факт своей встречи, но ни она, ни он не говорили, что был послан некий позитивный сигнал.

20. Интервью с Балаяном 23 мая 2000 г. Любопытно, что в 2000 г. в Армении и химкомбинат "Наирит", и атомная электростанция вновь уже работали, так как экономическая необходимость полностью затмила экологические соображения.

21. Forgotten February, Yerevan Film Studios, 2000

22. Интервью с Манучаряном 4 мая 2000 г.
23. Интервью с Шугаряном 14 октября 2000 г.
24. Интервью с Газаряном 22 октября 2000 г.
25. Интервью с Восканяном 28 сентября 2000 г.
26. Цит. по: The Karabakh File, 98

27. Стенограмма заседания Политбюро от 29 февраля 1988 г. цит. по The Russian Archives Project, State Archive Service of Russia/Hoover Institution (далее: Russian Archives Project), фонд 89, пол. 1003, 89/42/18.
28. Шахназаров, Цена свободы, стр. 206. Шахназаров умер в мае 2001 г. в возрасте 76 лет.
29. Интервью с Капутикян 26 сентября 2000 г.
30. Капутикян сказала американскому журналисту Роберту Каллену, что Горбачев упомянул стихотворение "Тайное голосование", которое она написала в 1950-е годы. Она сказала, что написала это стихотворение во время хрущевской "оттепели", "когда был маленький ренессанс". Потом, в ходе встречи, Горбачев повторил это выражение, пообещав провести реформы в Нагорном Карабахе. Cullen, "Roots", p. 65.

Глава 2. Февраль 1988 года: Азербайджан

Недоумение и погромы

Чрезвычайные события в Нагорном Карабахе в феврале 1988 года застигли Азербайджан врасплох и выявили его скрытые проблемы.

Население Азербайджана отличалось куда большим многообразием, чем население Армении. Вдвое превосходя соседнюю республику по численности – в 1988 году население Азербайджана превышало семи миллионов человек, – Азербайджан представлял собой значительно более смешанный в этническом плане конгломерат, где заметное место занимали национальные меньшинства – русские и армяне, а также малочисленные кавказские народности, например, талыши и лезгины, проживавшие в самых разных местах – от космополитичной столицы Баку до беднейших на Кавказе городов и деревень.

Со стороны могло показаться, что партийное руководство Азербайджана занимает сильные позиции: ведь Политбюро ЦК КПСС поддержало территориальную целостность Азербайджана; кроме того, в отличие от армянской коммунистической партии, азербайджанская компартия смогла удержаться у власти вплоть до 1992 года. Однако местный партийный босс Кямран Багиров, протее Гейдара Алиева, был в опале и болел (1). Фактически отстранив Багирова от разрешения карабахского кризиса, Горбачев продемонстрировал свое недоверие к местному азербайджанскому руководству.

Первая акция политического протеста в Азербайджане состоялась 19 февраля 1988 года, спустя семь дней после начала митингов в Армении. Группа студентов, рабочих и

представителей интеллигенции прошла маршем по Баку от стоящего на вершине холма здания Академии Наук к Верховному Совету с плакатами, надписи на которых гласили, что Нагорный Карабах принадлежит Азербайджану. Однако эта демонстрация была стихийной, почти без какой-либо организационной поддержки.

Многие видные деятели интеллигенции в Баку признают, что до 1988 года проблема Нагорного Карабаха их совершенно не интересовала. Не задумываясь, сколь острой эта тема была для армян, они попросту принимали как данность тот факт, что Карабах всегда будет частью Азербайджана. Поэтому для них взрыв народного протеста в Карабахе был с одной стороны не вполне понятен, а с другой - имел далеко идущие последствия. Азербайджанцы почувствовали, что армяне подрывают территориальную целостность их республики и угрожают национальной идентичности Азербайджана.

Первой отреагировала группа азербайджанских историков, которые еще с 1960-х годов вели горячие политические дебаты со своими армянскими коллегами. Поэт Бахтияр Вахабзаде и историк Сулейман Алияров опубликовали в газете "Азербайджан" "Открытое письмо", в котором заявили, что Нагорный Карабах исторически является азербайджанской территорией, что нынешняя кампания карабахских армян лежит в русле опасной ирредентистской* традиции и что "азербайджанский народ в новую эпоху обострения международной конкуренции оказался в числе первых жертв". В "Открытом письме" также затрагивалась и до той поры запретная тема "Южного Азербайджана", находящегося по ту сторону границы с Ираном. Но этот одиночный контрудар по армянам был слышен только в Баку, но не в Москве, где армянские аргументы получили намного более благожелательный отклик.

Беспокойство в Баку

Столица Азербайджана, Баку всегда стоял особняком. Это был самый большой на Кавказе город, который своим родным домом считали представители десятков национальностей. Русский язык широко употреблялся как средство межэтнического общения, были распространены смешанные браки. В то же время возникшая в Баку этническая смесь придала хрупкость социальному миру в городе: под внешней оболочкой метрополиса бродили межэтнические противоречия.

После принятия 20 февраля Советом Нагорно-Карабахской АО решения о выходе из состава Азербайджана температура в Баку немедленно повысилась. Ситуация обострилась после того, как из Кафанского района Армении сюда хлынул поток беженцев, многие из которых поселились у своих бакинских родственников. О жертвах ничего не сообщалось, но у многих беженцев были следы от побоев. В такой накаленной атмосфере многие азербайджанцы сочли, что в армянском квартале столицы, который в народе называли Арменикенд, засела "пятая колонна" противника.

Высокопоставленному московскому чиновнику, направленному в то время в Баку, привели один пример нарастающей этнической ненависти: вырванный из ученической тетради лист в клетку, который подбросили в почтовый ящик одной из армянских квартир. На нем красным карандашом было крупно написано по-русски: "ПОГОСЯНЧИКИ, ВОН ИЗ БАКУ ПОКА ЖИВЫ" (подразумевалось, что бакинские армяне являются сторонниками нового лидера Нагорного Карабаха армянина Генриха Погосяна). (2)

Руководителем бакинской партийной организации в ту пору был бывший футболист и инженер-строитель, грубоватый и энергичный Фуад Мусаев. Его резкий подход к решению проблемы можно назвать противоречивым, но, возможно, именно это и было нужно в тех условиях. 20 февраля Мусаев был отозван из отпуска, который он проводил в Кисловодске. Он вернулся в Баку и увидел, насколько напряжена обстановка в городе: "Кто-то явно провоцировал людей, пропаганда работала всюду" (3). В тот же вечер под нажимом Мусаева

городской комитет партии принял решение об ограничении въезда в Баку. Были сформированы группы дружинников, которые патрулировали улицы, внимательно следя за ситуацией в армянском квартале.

В Баку беду удалось отвести. Своевременные действия городских властей, возможно, помогли отсрочить по крайней мере две попытки погромов, которых позднее не удалось избежать. (4). Тем не менее, Мусаев лишь перенес место взрыва в Сумгаит, город, находящийся в тридцати километрах от Баку. В качестве меры предосторожности он запретил въезд в Баку тысячам рабочих, которые ежедневно приезжали сюда из Сумгаита, и разместил азербайджанских беженцев из Армении в двух деревнях Фатмаи и Сараи, в пригороде Сумгаита. И вот, когда Баку немного успокоился, забурлил Сумгаит.

Образцовый советский город

Есть какая-то мрачная закономерность в том, что первая в современной советской истории вспышка массового насилия произошла именно в Сумгаите. Это был образцовый советский город, который проектировался и строился как воплощение мечты о современном интернациональном сообществе трудящихся. В реальности же Сумгаит породил целый класс неустроенного и недовольного люмпен-пролетариата.

Отрезок каспийского побережья к северу от Баку, где ныне стоит Сумгаит, пустовал вплоть до второй мировой войны. Именно здесь в конце 1940-х и начал расти новый город. Первыми его жителями были самые низы советского общества – зэки – политические заключенные, выпущенные из сталинских лагерей; азербайджанцы, покинувшие Армению, куда стали в массовом порядке возвращаться армяне-репатрианты; а также обнищавшие армянские рабочие из Карабаха. К 1960 году население нового города выросло до 65 тысяч человек.

К восьмидесятым годам 20-го века мечта об интернациональном сообществе трудящихся обратилась в кошмар. Население стремительно росло, составив четверть миллиона человек, и в городе стала остро ощущаться нехватка жилья. Рабочие ютились в перенаселенных общежитиях. Городские химические предприятия были среди первых в Советском Союзе по уровню загрязнения окружающей среды. Детская смертность была столь высока, что в Сумгаите возникло даже специальное детское кладбище. Средний возраст горожан составлял двадцать пять лет, причем каждый пятый житель Сумгаита имел судимость. В период между 1981 и 1988 годами в Сумгаит вернулось более двух тысяч вышедших на свободу заключенных (5).

В 1963 году, во времена правления Никиты Хрущева, в Сумгаите вспыхнули серьезные беспорядки. 7 ноября 1963 года, в годовщину Октябрьской революции, толпа рабочих трубопрокатного завода вдруг отделилась от колонны праздничной демонстрации на центральной площади города. Рабочие ворвались на трибуну, где находились местные партийные руководители, и сорвали портрет Хрущева с фасада Дворца культуры. Милиция пустила в ход дубинки, чтобы разогнать смутьянов, однако беспорядки продолжались еще несколько часов. Судя по одной из версий тех событий, в основе мятежа были экономические требования: рабочие протестовали против перебоев со снабжением города хлебом и роста цен.

По другой версии, беспорядки имели ярко выраженную антиармянскую окраску и явились реакцией на драку в Степанакерте, в которой был убит азербайджанец. Есть также версия, согласно которой организаторы тех беспорядков планировали провести повторную акцию протеста в 1973 году, в десятую годовщину событий, однако КГБ сорвал их планы (6).

Начало погрома

В феврале 1988 года, пока Фуад Мусаев решительно пресекал в Баку любые ростки беспорядков, о Сумгаите никто не вспоминал. В разгар армянских демонстраций протеста в

Нагорном Карабахе многих городских руководителей, в том числе и партийного босса Сумгаита Джахангира Муслим-заде, было в городе. 26 февраля, по словам очевидцев, перед зданием горкома партии на площади Ленина группа численностью от сорока до пятидесяти человек вышла на демонстрацию, чтобы выразить протест в связи с событиями в Нагорном Карабахе (7).

Поводом к демонстрации были азербайджанцы, недавно покинувшие Армению. Один из азербайджанских беженцев из Кафана, бородатый мужчина с вытянутым лицом и тонкими усиками, которого местные армяне потом прозвали "Вожаком", поведаль собравшимся, как армяне изгнали его из родного дома и убили нескольких его родственников (8).

В субботу 27 февраля число участников демонстрации уже выросло до нескольких тысяч. Выступающие пользовались мегафоном, так что голоса ораторов можно было услышать на примыкающих к площади улицах. Сумгаитские армяне до сих пор помнят, как слово "Карабах" повторялось бесконечное число раз. Второй секретарь горкомпартии, Мелек Байрамова, как говорят, тоже выступила на митинге и потребовала, чтобы армяне покинули Азербайджан. В выступления "Вожака" появлялись все новые кровавые подробности. По его словам, армяне убили всех членов семьи его жены, а женщинам отрезали груди (9).

В тот вечер появились сообщения о первых случаях насилия, произошедших в кинотеатре и на рынке. Свою роль сыграл и еще один фактор, ставший необходимым условием для вспышки этнического насилия: местная милиция ни во что не вмешивалась. Потом уже выяснилось, что в местном отделе внутренних дел, укомплектованном азербайджанцами, был только один профессиональный офицер-армянин (10).

В тот же самый вечер, находившийся в Азербайджане, главный военный прокурор СССР Александр Катусев выступил по национальному телевидению и бакинскому радио. Когда его спросили о событиях в Карабахе, он подтвердил, что пять дней назад в Аскеране были убиты двое юношей, и назвал их фамилии, не оставлявшие сомнений – оба явно были азербайджанцами (11). Катусев поднес горящую спичку к бочке с порохом. Как вспоминала одна сумгаитская армянка, "когда он это сказал... вы знаете? вот пчелы! вы же слышали, как они гудят. Гудят миллионы пчел! и с таким вот гулом к нам во двор влетели, с воем, с криком" (12).

На следующий день в воскресенье 28 февраля разъяренная толпа загрохотала всю центральную площадь Сумгаита. Местный партийный руководитель Джахангир Муслим-заде вернулся, наконец, из Москвы. По словам одного очевидца-грузина, Муслим-заде заверил толпу, что Карабах никогда не будет передан армянам, но этих слов было уже недостаточно. Тогда он сказал: "Братья, надо дать армянам свободно выехать из города, раз уж началась такая кровная вражда, раз пошли национальные вопросы, такая сила проснулась, то надо дать армянам свободно выехать из города" (13). Муслим-заде не мог утихомирить толпу.

Подробности того, что произошло потом, остаются не вполне ясными, но около 18:30 Муслим-заде вышел к народу. В его руку вложили азербайджанский флаг, и он возглавил колонну демонстрантов. Партийный руководитель повел толпу на запад, повернул на юг по улице Дружбы, а затем свернул на восток, в сторону моря. Позднее Муслим-заде говорил, что хотел увести толпу от центра города, к морю, чтобы избежать большой беды. Но получилось, наоборот – беспорядки начались именно в центре. Хвостовая часть колонны рассыпалась на отдельные группы, которые рассеялись по центральным кварталам города в поисках армян.

Советский Союз в мирное время никогда не переживал того, что произошло потом. Банды численностью от десяти до пятидесяти и более человек слонялись по городу, били стекла, поджигали автомобили, но главное – искали армян. Несколько кварталов Сумгаита превратились в зону боевых действий. Их эпицентром стал квартал, прилегающий к городскому автовокзалу, который – вот он, невольный советский черный юмор –

располагался на углу улиц Дружбы и Мира. Простые жители были в ужасе. Жена местного врача Натаван Тагиева, рассказывала, как она вернулась домой с дачи и увидела, что на улицах бесчинствует толпа. "Когда я увидела эту массу, я подумала, что синдром толпы и вправду существует. Когда смотришь им в глаза, сразу понимаешь, что они ничего не воспринимают, как зомби" (14).

Ужасы, пережитые армянами-жителями этих кварталов, тщательно задокументированы. Свидетельские показания сорока четырех человек, переживших этот погром, потом были собраны в изданную в Армении книгу, которая с исключительной силой воссоздает подробную картину погрома. Наводнившие улицы Сумгаита банды совершали чудовищные зверства. Несколько их жертв были так обезображены ударами топоров, что их тела потом невозможно было опознать. Женщин раздевали донага и поджигали. Некоторых многократно насиловали.

Спустя почти тринадцать лет после тех событий группа сумгаитских армян живет в деревне Касах, к северу от Еревана. Им предоставили новенькие коттеджи, но у многих до сих пор нет постоянной работы. Они по-прежнему остаются городскими жителями: между собой разговаривают по-русски и никак не могут приспособиться к жизни в домах с дровяной печкой. Все они очень хорошо помнят те три ужасных дня, которые разрушили их привычный уклад жизни в Сумгаите. И хотя это было, по их мнению, стихийным взрывом первобытных злых инстинктов, они также усматривают в действиях погромщиков некую четкость и спланированную последовательность.

Погромщики совершали набеги как бы волнами. Рассказывает Рафик Хачарян, старик с элегантно седой шевелюрой. "Первая группа просто кричала, создавала много шума, орала, била все, что попадалось под руку и убегала. Потом появлялась вторая группа. Эти забирали дорогие вещи и уходили. А вот третьи истязали и убивали людей. Были три группы. Первую составляли юнцы пятнадцати, шестнадцати, семнадцати лет – те вели себя как вандалы. Вторая группа состояла из грабителей". Погромщиков, по его словам, можно было легко опознать по внешнему виду. Среди них преобладали или бородатые деревенские жители – беженцы из Армении – или рабочие из перенаселенных общежитий, расположенных на окраинах Сумгаита. Все они были молодые – от четырнадцати до тридцати лет.

Хачаряну с семьей пришлось тогда убежать из квартиры. Вернувшись домой, они увидели, что все в доме перевернуто и разгромлено: "не осталось ни одного стакана, из которого можно было бы утром попить воды". Зато они сами остались живы.

Мария Мовсесян, старушка в бирюзовой кофточке, вспоминая тот день, плакала: на долю ее семьи выпали худшие испытания. Один из мужчин, ворвавшись в их дом, погнался за ее дочерью, которая в ужасе побежала от него, прыгнула с балкона второго этажа на дерево и при падении сломала ногу. Последнее, что помнит Мария, это как ее дочь, завернутую в одеяло, уносили в больницу.

Большинство погромщиков не были сколько-нибудь серьезно вооружены и полагались на грубую силу и многочисленность своих рядов. Некоторые армяне оказывали сопротивление, чем и объясняются, по-видимому, шесть убитых азербайджанцев (15). Многие погромщики, впрочем, имели при себе – вынесенные с заводов заточенные куски арматуры и обрезки труб, явно заготовленные загодя.

Это лишь одна из деталей, позволяющая предположить, что взрыв насилия был, возможно, заранее спланирован, по крайней мере, в общих чертах. Оставшиеся в живых вспоминают и другие детали: например, погромщики старались не разбивать телевизоры, они также не трогали детей (16).

Кое-кому из погромщиков пришла в голову идея занять квартиры армян, на которых они

нападали. Одна из жертв, армянка Людмила М, случайно услышала разговор группы мужчин в своей квартире, когда она, окровавленная, лежала на полу в коридоре после того, как ее изнасиловали и бросили, приняв за мертвую:

"В комнате было человек шесть. Они разговаривали между собой, курили. Один о дочке своей говорил, мол, у нас в квартире детской обуви нет, чтоб он смог подобрать ее для дочки. Другой говорил, что ему эта квартира нравится – мы недавно сделали очень хороший ремонт, – сказал, что он здесь будет жить после всего. Они стали спорить. Третий сказал: "Нет, почему ты? У меня четверо детей. Как раз три комнаты. Это мне подходит. Сколько лет я ючусь бог знает где". А еще один говорит: "Ни тебе и ни тебе не достанется. Подождем эту квартиру и уйдем" (17).

Хотя местная милиция палец о палец не ударила, чтобы пресечь кровопролитие, кое-кто из азербайджанцев пытался самостоятельно организовать помощь своим армянским соседям. Местные комсомольцы собирались небольшими группами и провожали армянские семьи в безопасное место – Дворец культуры на центральной площади (18). Некая женщина по фамилии Исмаилова стала на короткое время героиней советской прессы после того, как она приютила в своей квартире несколько армянских семей. Жена врача Натаван Тагиева вспоминала: "Мы жили в четырнадцатизэтажном доме вместе со многими армянскими семьями. На четырнадцатом этаже у нас жила армянская семья, мы их спрятали, никто из них не ночевал у себя дома. А в больнице люди сформировали группы наблюдателей, и ни один пациент не остался без охраны".

Вспышка кровавого насилия в Сумгаите имела одну мрачную сюрреалистическую особенность. Убийцам и грабителям зачастую было довольно затруднительно выявить врагов среди местных жителей. Советские армяне и азербайджанцы порой внешне очень похожи, в Сумгаите они разговаривали друг с другом на нейтральном русском языке, и к тому же многие армяне хорошо владели азербайджанским. Кое-кому из армян удалось спастись только потому, что они выдавали себя за азербайджанцев или русских, невольно выявляя совершенно абсурдную подоплеку этнического насилия.

Охотясь за армянами, разъяренные молодчики останавливали автобусы и автомобили, допытываясь, нет ли среди пассажиров армян. Чтобы отыскать армянина, они заставляли всех произносить слово "фундук" по-азербайджански. Считалось, что армяне не умеют правильно произнести начальный звук "ф", говоря вместо него "п". В одном дворе погромщики попали на "карасунк" – армянские сороковины, поминки по покойнику на сороковой день после его смерти. Единственным знаком к нападению на собравшихся за столом людей стал хлеб: по азербайджанским обычаям, на сороковинах хлеб не едят.

Эти тонкие различия являются примером того, что Михаил Игнатъев, позаимствовав термин у Фрейда, назвал "нарциссизмом мелких различий". Анализируя конфликт между сербами-христианами и хорватами-мусульманами, он пишет:

"Фрейд однажды заметил, что чем меньше различий между двумя народами, тем больший масштаб они принимают в их воображении. Он назвал это нарциссизмом мелких различий. Его проявление можно видеть в том, что враги нуждаются друг в друге для напоминания о своей истинной идентичности. Так, хорват – это некто, кто не является сербом. Серб – некто, кто не является хорватом. Без ненависти к другому не было бы определенного национального "я", достойного обожания и обожествления" (19).

В этом смысле сумгаитские погромы, можно сказать, породили цепную реакцию распада "советской" идентичности.

Медлительная реакция центра

Власти непростительно медленно реагировали на события. Баку находился всего в получасе

езды от Сумгаита, но в течение нескольких часов никто не реагировал на происходящее. По словам Григория Харченко, одного из представителей Москвы, находившихся в то время в Азербайджане, "Горбачев совершенно не прав, когда говорит, что мы опоздали на три часа. Ничего подобного. Мы опоздали на сутки! Потому что мы целый день ждали, когда будет принято решение об отправке туда войск" (20).

Харченко и Филипп Бобков, заместитель председателя КГБ, были первыми советскими официальными лицами, которые вечером 28 февраля 1988 года поехали из Баку в Сумгаит. Харченко увидел нечто из ряда вон выходящее: разбитые витрины магазинов, остовы сгоревших троллейбусов и автомашин посреди улиц. Толпы разъяренных людей продолжали слоняться по городу. Вот что он вспоминает:

"Контролировать ситуацию было невозможно, потому что весь город был охвачен паникой. Повсюду толпы азербайджанцев, из дворов раздаются крики о помощи. У нас была охрана, и нас провели в одно место. Я не хочу показывать вам фотографии. Я просто их уничтожил. Но я собственными глазами видел растерзанные трупы, одно тело было все изрублено топором, ноги отрублены, руки, практически от тела ничего не осталось. Они собирали палую листву с земли, насыпали на трупы, потом сливали бензин из стоящих рядом машин и поджигали. Смотреть на эти трупы было страшно".

Бобков и Харченко сразу же решили, что для восстановления порядка нужно немедленно вводить в город войска. Но это было легче сказать, чем сделать. Лишь через несколько часов в Сумгаит прибыли полк внутренних войск и курсанты бакинской военной академии, сразу же столкнувшиеся с озлобленной толпой. Харченко вспоминает: "это были банды, готовые на все, они уже почувствовали вкус крови, и поняли, что отступить им уже некуда". Молодые солдаты получили из Москвы приказ стрелять холостыми, а не боевыми патронами. Участники уличных беспорядков забрасывали их бутылками с зажигательной смесью и наносили стальными заточками колотые удары по ногам. Около ста военнослужащих было ранено.

В понедельник 29 февраля в Кремле состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждалась кризисная ситуация на Кавказе. Странно, но члены Политбюро долгое время обсуждали ситуацию в Армении, и лишь затем обратились к событиям в Сумгаите. Стенограмма этого заседания отражает лихорадочные попытки советских лидеров взять под контроль беспрецедентную ситуацию:

"[Дмитрий] ЯЗОВ [министр обороны]: Но Михаил Сергеевич [Горбачев], в Сумгаите надо вводить, если хотите, может не то слово, военное положение.

ГОРБАЧЕВ. Комендантский час.

ЯЗОВ. Надо твердо провести эту линию, Михаил Сергеевич, пока дальше не пошло. Надо ввести войска туда и наводить порядок. Это изолированно все-таки, это не Армения, где миллионы людей. Кстати говоря, это отрезвляюще подействует на других, наверняка.

ГОРБАЧЕВ. Александр Владимирович и Дмитрий Тимофеевич, вы имейте виду возможную ситуацию в Баку и в Ленинкане [город в Армении], и в этом городе, где армянский район...

[Виктор] ВЛАСОВ [Министр внутренних дел]. Кировабад [второй по величине город Азербайджана, ныне Гянджа].

ГОРБАЧЕВ. Кировабад.

ВЛАСОВ. Там били стекла и все такое.

ГОРБАЧЕВ. Нужно учитывать, что еще не знают о том, что произошло в Сумгаите, а доходит

это так, как снежный ком нарастает.

[Эдуард] ШЕВАРДНАДЗЕ. Это как сообщающийся сосуд. Если в Армении узнают о жертвах, то это может вызвать осложнение там.

[Александр] ЯКОВЛЕВ. Поскорее надо сообщить, что в связи с происшедшим в Сумгаите заведены уголовные дела, преступники арестованы. Это нужно, чтобы охладить страсти. В самом Сумгаите городская газета должна твердо и быстро это сказать.

ГОРБАЧЕВ. Главное, надо сейчас немедленно включить в борьбу с нарушителями общественного порядка рабочий класс, людей, дружинников. Это, я вам скажу, останавливает всякое хулиганье и экстремистов. Как в Алма-Ате тогда. Это очень важно. Военные вызывают обозление" (21)

Горбачев неохотно отнесся к идее послать в Сумгаит внутренние войска, но в конечном счете его убедили в необходимости присутствия в городе ограниченного воинского контингента и введения комендантского часа. Подобная нарочито сдержанная позиция Горбачева впоследствии вызвала у армян обиду и осуждение (22).

Судя по этой стенограмме, руководители страны были искренни в своем стремлении погасить кризис, но в то же время совершенно оторваны от реальности. Горбачев по-прежнему твердил о мобилизации "рабочего класса", хотя именно представители рабочего класса бесчинствовали на улицах Сумгаита, убивая людей и поджигая дома. И большую часть своего выступления на том заседании Политбюро он посвятил необходимости созыва большого партийного "плenums по национальному вопросу", на котором можно было бы заново сформулировать национальную политику Советского Союза – в то время как простые армяне и азербайджанцы уже подожгли погребальный костер советского интернационализма.

Ситуация же в самом Сумгаите 29 февраля вышла из-под контроля в куда большей степени, чем казалось членам Политбюро. Погромы продолжались весь день в "сорок первом квартале" – к западу от городского автовокзала. В этот день погромщики убили семью из пяти человек – муж, жена, двоих сыновей и дочь. Но вот наконец в город прибыла рота хорошо вооруженных морских пехотинцев Каспийской флотилии и воздушно-десантный полк. Вечером было объявлено военное положение и генерал Краев принял на себя всю полноту власти. Через громкоговорители по городу было объявлено о введении комендантского часа после 23:00 – это был еще один беспрецедентный шаг для Советского Союза невоенного времени.

За четыре часа до наступления комендантского часа несколько сотен разъяренных молодых людей все еще находились на небольшой площади перед автовокзалом. Краев отдал приказ десантникам взять автовокзал силой. Во время штурма несколько человек были убиты. К концу понедельника общее число убитых, по официальным данным, составило 32 человека, и более четырехсот человек были арестованы.

Пять тысяч армян нашли убежище в огромном здании Дворца культуры на площади Ленина, где их взяли под охрану морские пехотинцы. Харченко отправился туда. В тот момент, когда он выслушивал их истеричные жалобы, кто-то ударил его сзади по голове, и он был взят в заложники. Группа отчаявшихся армян потребовала предоставить им самолет, чтобы они смогли покинуть город. Харченко отпустили только после того, как армян удалось убедить, что у Москвы имеется план их эвакуации. На Харченко тогда большое впечатление произвела одна деталь: все сумгаитские армяне хотели выехать не в Армению, а в Россию. "Ни один человек, с кем мы тогда беседовали, не изъявил желаний вылететь в Армению. Все они просили вывезти их в Краснодар, Ставрополь или Ростовскую область. Почему? Они говорили: "Никому мы в Армении не нужны. Они нас не считают настоящими армянами, да

мы и не настоящие армяне".

Последствия

Массовые убийства в Сумгаите стали водоразделом в судьбе Советского Союза. Безусловно, они стали катастрофой для армян. Было убито от 26 до 29 сумгаитских армян, сотни были ранены. Почти все четырнадцатитысячное армянское население Сумгаита уехало из города. За пределами Сумгаита весть о насилии потрясла 350-тысячное армянское население Азербайджана, и тысячи армян начали покидать республику. Сумгаит стал также катастрофой для Азербайджана, где в ответ на непредвиденное развитие событий в Карабахе, произошла вспышка самого жестокого на памяти жителей Советского Союза межобщинного насилия. Зверства погромщиков резко контрастировали с мирными демонстрациями в Армении, и простым азербайджанцам было страшно и стыдно.

Первым побуждением советских властей было скрыть информацию о происходящем. Отсутствие сообщений о сумгаитских событиях в официальной советской печати показало, что горбачевской гласности было еще очень далеко до подлинной свободы слова. Всю неделю советские средства массовой информации сообщали о беспорядках в Израиле, Южной Африке и Панаме, но ни словом не обмолвились о событиях в Азербайджане. Вечером в воскресенье 28 февраля, когда в Сумгаите уже шли погромы, центральная советская программа новостей "Время" сообщила лишь, что армянские рабочие выступили с инициативой отработать сверхурочно простои, чтобы компенсировать производственные потери за время забастовки на предыдущей неделе (25). Когда все было кончено, советское руководство решило утаить антиармянскую направленность погромов в Сумгаите, назвав их просто "хулиганскими выходками".

Это искажение информации обидело армян. А то, что полный список жертв так и не был опубликован, породило у них подозрения, что пострадавших на самом деле было куда больше. Люди, побывавшие в бакинском морге после погромов, говорили, что видели 32 тела – 26 армян и 6 азербайджанцев. В опубликованной в Армении на следующий год первой книге о погромах к списку жертв было добавлено еще три фамилии – по-видимому, это были жертвы бесчинств, скончавшиеся позднее или тела, не попавшие в бакинский морг. И тем не менее армяне продолжали считать, что масштабы резни были куда более внушительными, а подлинные данные – засекречены. Армянский писатель Серо Ханзадян утверждал, что жертвами погромов стали 450 армян. В 1991 году французская писательница армянского происхождения Клод Мутафян все еще считала, что "официальное количество погибших – 32 – было издевательским преуменьшением" (24).

Не удовлетворили общественность и судебные процессы над злоумышленниками. Ряд наиболее серьезных дел был передан в российские суды, чтобы, с одной стороны, избежать слушаний в до предела накаленной атмосфере Азербайджана и, с другой стороны, чтобы армяне могли безбоязненно давать свидетельские показания. В советской прессе, впрочем, почти ничего не сообщалось об этих судебных процессах. В самом же Сумгаите судебные заседания проходили в закрытом режиме.

В конечном счете, было осуждено около восьмидесяти человек – много меньше, чем реальное число погромщиков. Один из осужденных, Ахмед Ахмедов был приговорен к смертной казни. К концу 1988 года, когда состоялись эти суды, атмосфера в республике изменилась так радикально, что некоторые экстремистски настроенные участники демонстраций в Баку даже несли транспаранты, прославляющие "героев Сумгаита" (25).

Заговоры и интриги

Вероятно, крупнейшая ошибка советского руководства в связи с сумгаитскими событиями заключалась в том, что не было проведено официальное расследование, к чему, собственно,

призывала как армянская, так и азербайджанская сторона. А полная неизвестность могла лишь способствовать нарастанию уверенности, что организаторы погромов фактически избежали наказания. Отсутствие полной информации об этих событиях дало повод сторонникам теории заговоров – а на Кавказе особого повода и не нужно – для запуска машины по производству слухов.

Сумгаитские погромы породили целый букет теорий. Многие обвиняли КГБ, утверждая, что спецслужбы инициировали эту вспышку насилия. Так, согласно одной из версий, КГБ организовал погромы, чтобы "напугать армян" и заставить их свернуть кампанию политического протеста. По другой версии, это было сделано для того, чтобы посеять семена межэтнической вражды и позволить Москве укрепить свое властное влияние в Армении, и в Азербайджане. Согласно третьей версии, КГБ спланировал резню в Сумгаите, чтобы дискредитировать Горбачева и его перестройку (26).

У КГБ, разумеется, хватило бы и возможностей, и цинизма, чтобы спровоцировать взрыв межэтнического насилия. Однако нет никаких данных: ни в архивных, ни в неофициальных источниках, которые бы подтверждали эту гипотезу. Если же допустить, что КГБ действительно подготовил и осуществил эти погромы, то придется сделать вывод, что в 1988 году госбезопасность уже действовала совершенно независимо от Горбачева и имела собственную радикальную долгосрочную политическую программу (которая чуть позже бумерангом ударила по ней же). Кроме того, придется приписать тогдашнему председателю КГБ Виктору Чебрикову – хмурому партийному функционеру, который, судя по всем его цитируемым выступлениям по карабахской проблеме, неизменно выступал за сдержанность, – роль великого интригана, такого советского Яго. Но это вряд ли шекспировский герой соответствует его реальной роли. Судя по деятельности спецслужб в тот период, КГБ оказался в не меньшей степени растерян и бессилён, чем другие советские ведомства.

В Азербайджане появились еще более экстравагантные теории заговора, цель которых заключалась в попытке снять с азербайджанской стороны ответственность за совершенные акты насилия. Одна из версий муссировалась особенно упорно: якобы армянские заговорщики загодя установили скрытые камеры в местах будущих погромов, и отснятая пленка незамедлительно распространялась по информационным агентствам всего мира. Однако этот якобы снятый фильм никто никогда не видел.

В мае 1989 года историк Зия Буниятов, бывший тогда президентом республиканской Академии Наук, самый известный азербайджанский армянофоб, предложил очень экзотичную версию погромов. В статье, озаглавленной "Почему Сумгаит?", он сделал вывод, что армяне сами спланировали сумгаитские погромы с целью дискредитировать Азербайджан и подстегнуть армянское националистическое движение. "Сумгаитскую трагедию тщательно подготовили армянские националисты, – писал Буниятов. – За несколько часов до ее начала армянские фоторепортеры и съемочные группы телевидения тайно въехали в город и будучи в состоянии полной готовности стали дожидаться развития события. Первое преступление было совершено неким Григоряном, выдавшим себя за азербайджанца, который убил в Сумгаите пятерых армян" (27).

К началу 1990-х годов, когда Азербайджан покинули все армяне, а война с Арменией окончательно отравила отношения между двумя народами, кинорежиссер Давуд Иманов предложил еще более изощренную версию сумгаитских событий. Его хаотичная кинотрилогия под названием "Эхо Сумгаита" – это крик отчаяния, где автор бросает обвинения одновременно и армянам, и русским, и американцам, якобы вступившим в тайный сговор против Азербайджана. В целом, Иманов представил Сумгаит как арену международного заговора, подготовленного ЦРУ с целью развала Советского Союза (28).

Буниятов и Иманов выстроили свои теории на фундаменте одних и тех же разрозненных и бессвязных фактов. Вот один такой факт: накануне событий сумгаитские армяне сняли со

своих счетов в местном сберегательном банке около миллиона рублей. Даже если это и так, то тут нет ничего удивительного, потому что конфликт между армянами и азербайджанцами тлеет довольно продолжительное время.

Еще один факт, на который ссылаются оба, – это участие в кровопролитии армянина Эдуарда Григоряна. Сумгаитский рабочий Григорян действительно участвовал в ряде массовых актов насилия и групповых изнасилованиях (хотя нельзя утверждать, как это делает Бунятов, что он самолично "убил пятерых армян"). Впоследствии Григоряна приговорили к двенадцати годам тюремного заключения. В Азербайджане расцвела целая мифология, связанная с "этим армянином", который якобы стоял за всеми сумгаитскими погромами. Впрочем, Григорян оказался в числе восьмидесяти четырех арестованных по обвинению в кровопролитии, из которых восемьдесят два были азербайджанцы и один – русский (29).

Григорян был обыкновенным подонком. Уроженец Сумгаита, он после смерти отца-армянина, воспитывался матерью-русской. У него было три судимости. Судя по одной версии, во время беспорядков он подстрекал других к бесчинствам, а по другой версии, Григоряна принудили примкнуть к погромщикам его фабричные приятели-азербайджанцы. В целом, Григорян вполне соответствует типу погромщика: бандитского вида парень непонятно какой национальности и с богатым уголовным прошлым, готовый махать кулаками по любому поводу. Но все же в нем трудно увидеть зловещую фигуру политического заговорщика, не говоря уж о том, чтобы он был архитектором коварного армянского заговора.

Если и существовал некий план массового насилия, то он мог возникнуть только внутри города. Когда погромы прекратились, кое-кто из местных руководителей лишился своих постов, а руководитель городского комитета КПСС Муслим-заде был исключен из партии (30). Некоторые армяне-очевидцы погромов говорят, что они своими глазами видели среди участников митинга на площади Ленина партийных руководителей Сумгаита, которые призывали местное армянское население покинуть город. А кое-кто из армян даже утверждает, что представители городской власти мелькали в толпе погромщиков. Многие из них, утверждается в армянских источниках, получили устные инструкции и списки с именами и адресами армян и были вооружены самодельным оружием (31).

Возможно, местные руководители сознательно манипулировали толпой, в надежде вынудить армян уехать из Сумгаита и тем самым добиться решения острейшей жилищной проблемы. Но даже если кто-то сознательно планировал направить на сумгаитских армян стихийную силу разгоряченной толпы, непредвиденное развитие событий, вышедших из-под контроля, смешало все эти планы.

В каком-то смысле сторонники теории заговора просто ставят изначально неверные вопросы. Кровопролитие возникло не в вакууме, и даже если в Сумгаите поработали тайные провокаторы, им тем не менее все равно требовалась аудитория, подготовленная для провокаций. Писатель и журналист Анатолий Ливен писал, что в 1990 году видел в Риге переодетых в гражданское советских военных курсантов, которые пытались затеять драку с латвийскими полицейскими – но безуспешно, потому что флегматичные прибалты так и не применили в ответ на эти провокации чрезмерную силу. К несчастью, на Кавказе толпа куда более взрывоопасна (32).

Возможно, правильнее было бы задаться вопросом о том, как можно было избежать кровопролития в Сумгаите, городе очень неблагополучном, где тысячи беженцев оказались в отчаянной и крайне неопределенной ситуации. Ведь удалось же в те дни избежать антиармянских погромов в других крупных городах Азербайджана – Баку и Кировабаде. Но в Сумгаите смешение элементов оказалось значительно более взрывоопасным. Волна насилия поднялась так стремительно, что остается лишь удивляться, почему жертв среди армян не оказалось еще больше. И то, что этого не произошло, хотя местная милиция бездействовала, а армия прибыла в город с опозданием на сутки, позволяет предположить, что некие

советские гражданские ценности все же сыграли роль тормоза в кровавом межэтническом столкновении. Как ни ужасны были эти погромы, список жертв в Сумгаите оказался куда короче, чем после резни в Баку в 1905 и 1918 годах.

Азербайджанцам, думающим о себе как о толерантной нации, было бы легче осмыслить погромы, если бы они поняли, что подобного рода насилие в человеческой истории не такая уж большая редкость. "Одна важная причина быстрого увеличения численности бесчинствующей толпы заключается в том, что это не сопряжено с риском", – пишет Элиас Канетти в классическом исследовании психологии толпы "Толпа и власть". "Убийство, в котором участвуют многие, которое не только безнаказанно и дозволено, но и по сути рекомендовано, для подавляющего большинства людей является непреодолимым искушением" (33).

Вскоре после Сумгаита ужасные погромы произошли в советской Средней Азии – в Оше и Душанбе. Другая страна, имеющая репутацию мирной и спокойной, Великобритания, в 1915 году стала ареной уже почти забытых ныне этнических погромов в лондонском Ист-Энде. После того, как английское пассажирское судно "Лузитания" было потоплено немецкой подводной лодкой, на улицы Лондона вылились разъяренные толпы и начали крушить немецкие магазины и избивать торговцев-немцев (36). Более двухсот человек тогда получили увечья. Общая картина сумгаитских событий не была бы такой черно-белой, если бы широкую огласку получили факты насильственного выселения азербайджанцев из Армении. Вспышки насилия в сельских районах Армении не приобрели столь ужасающих масштабов, как в Сумгаите, но на протяжении 1988 года от рук армян пострадали сотни проживавших в Армении азербайджанцев.

Так случилось, что и в Советском Союзе, и за его пределами, Сумгаит стал символом межэтнического насилия, где армяне были пострадавшей стороной. В Армении сумгаитские события вызвали большой резонанс, отозвавшись гневом и болью. В коллективной памяти армян эти события вызвали ассоциации с массовой резней 1915 года, "геноцидом". Были возведены мемориалы в память жертв сумгаитской трагедии. В Ереване прошли массовые демонстрации, участники которых несли транспаранты с двумя датами: 1915 и 1988. Многие армяне стали считать, что они должны дать отпор нарастающей волне агрессии. Аркадий Гукасян, нынешний лидер Нагорного Карабаха, говорит, что Сумгаит сделал военный конфликт с Азербайджаном "неизбежным". "После Сумгаита мы все задумались, к чему все это может привести, но маховик уже был запущен. Сумгаит был попыткой нас запугать, пригрозить нам: "Смотрите, то же самое случится и с вами!" (34)

Примечания:

1. Russian Archives Project, фонд 89, рол. 1003, 89/42/18. Багиров умер в октябре 2000 г. в возрасте 68 лет.
2. Это был Григорий Харченко.
3. Интервью с Мусаевым 14 ноября 2000 г.
4. По словам Мусаева и Зардушта Ализаде, это произошло в июле и декабре 1988 г. Два московских собеседника Вячеслав Михайлов и Григорий Харченко также отметили Мусаева.
5. Первые две цифры привел советский министр внутренних дел Виктор Власов на заседании

Политбюро 29 февраля 1988 г.; третью цифру назвали Гасан Садыхов и Рамазан Мамедов в кн. "Армяне в Сумгаите" (Баку: Шур, 1994), стр. 31-32.

6. В этом изложении событий использованы три интервью с прежними и нынешними жителями Сумагита: Эльдаром Зейналовым в Баку 9 ноября 2000 г., Эйрузом Мамедовым в Сумгаите 24 ноября 2000 г. и Рафиком Хачаряном в Армении 15 декабря 2000 г.

7. За исключением особо оговоренных случаев, следующее ниже изложение основано на трех источниках: беседах в самом Сумгаите 24 ноября 2000 г., беседах в Касахе, Армения, с сумгаитскими армянами 15 декабря 2000 г. и книге "Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев" под ред. Самвела Шахмурадяна.

8. Двое участников беспорядков, позднее представших перед судом по обвинению в убийстве, Закир Рзаев и Азер Турабиев были выходцами из Гугаркского района на северо-западе Армении, о чем пишет В. Саркисян в статье "Настал ли час расплаты?" – "Коммунист", 30 октября 1988 г., перепечатанной в кн.: "Нагорный Карабах глазами независимых наблюдателей", стр. 68

9. Константин Пхакадзе в кн.: Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев.

10. Информация предоставлена Григорием Харченко.

11. "Заместитель Генерального прокурора СССР: два жителя Азербайджана "стали жертвой убийства", – Бакинское радио (18:45 по бакинскому времени) 27 февраля 1987 г. Высказывались разные предположения относительно того, с какой целью Катусев упомянул об этих двух убитых. Возможно, он пытался запугать армян и заставить их прекратить акции протеста. Катусев покончил с собой 21 августа 2000 г. По сообщению агентства Интерфакс, он находился в состоянии депрессии после гибели жены и сына.

12. Зинаида Акопян в кн.: Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев.

13. Константин Пхакадзе в кн.: Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев.

14. Интервью с Тагиевой 24 ноября 2000 г.

15. Самвел Шахмурадян и группа исследователей под его руководством готовили к изданию второй том рассказов очевидцев, говорящих о примерах сопротивления, но книга так и не увидела свет.

16. Решение не трогать телевизоры объяснялось тем, что они представляли ценность для грабителей. Возможно также, что советские телевизоры не трогали из-за их печального свойства взрываться.

17. Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев.

18. Информация предоставлена сумгаитским журналистом Фамилем Исмаиловым. Он отметил, что руководитель сумгаитского комсомола Эльдар Мамедов был тем не менее исключен из партии вместе с другими руководителями.

19. Ignatieff, Blood and Belonging, p. 14.

20. Интервью с Харченко 4 декабря 2000 г.

21. Из цитировавшейся выше стенограммы заседания Политбюро от 29 февраля 1988 г.

22. По словам главного консерватора в Политбюро Егора Лигачева, тот факт, что сдержанность властей привела к массовому кровопролитию в Сумгаите, послужил

оправданием применения силы во время кризиса в грузинской столице Тбилиси в апреле 1989 г. В Тбилиси войска были задействованы почти сразу же после начала демонстраций, и в ходе операции погибли двадцать безоружных людей.

23. Angus Roxburgh, "Gorbachev in Desperate Dash to Resolve Armenian Crisis", The Sunday Times, 6 March 1988.

24. The Caucasian Knot, p. 150.

25. "Теперь я знаю, что чувствовали евреи Германии в 1938 году" – "Круг", Тель-Авив, 23 июля 1989 г., перепечатано в кн.: "Нагорный Карабах глазами независимых наблюдателей", стр. 93-96. Армянский источник цитирует передачу Бакинского радио от 27 февраля 1993 г., в которой говорилось, что комиссия по расследованию сумгаитских событий посмертно возвеличила Ахмедова, назвав его "героем". Арутюнян, "События", том V, 30.

26. Эти версии принадлежат, соответственно, Людмиле Арутюнян, Исе Гамбару и Александру Яковлеву. Яковлев, который как член Политбюро должен был быть хорошо информирован, сказал, что у него нет твердых доказательств, и поведал о том, как КГБ организовал вильнюсские события 1991 года. Представляется, что он соединил оба этих события и интерпретировал события 1988 года в свете того, что произошло в 1991 году.

27. Цит. по еженедельнику Академии Наук Азербайджанской ССР "Элм" от 13 мая 1989 г.; перепечатано в кн.: The Caucasian Knot, p. 188-189. Следует отметить, что статья была настолько одиозной, что армяне перепечатали ее в своих целях.

28. Я встретился с Имановым в Баку в июне 2000 г. и посмотрел его фильмы, ошибочно полагая, что это объективная документальная хроника. Иманов фактически обвинил меня в том, что я шпион. Поэтому я решил не использовать материалы из его фильмов.

29. Данные приведены в отчетном докладе Секретариата Центрального Комитета от 11 июня 1988 г. Russian Archives Project, фонд 89, рол. 1003, 89/33/11.

30. Муслимзаде в настоящее время – успешный бизнесмен. Он отказался от интервью, сославшись на нежелание "возвращаться в прошлое".

31. 10 мая 1988 года Сумгаитский горком партии осудил руководство и рабочих азербайджанского трубопрокатного завода за то, что "в течение всех дней сложной ситуации, в цехах завода осуществлялось производство топоров, ножей и прочих предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами". Сообщение в газете: "Коммунист Сумгаита" от 13 мая 1988 г. Перепечатано в кн. "Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев".

32. См. Anatol Lieven, The Baltic Revolution (New Haven: Yale University Press, 1994), p. 188-201.

33. Canetti, Crowds and Power, pp. 55-56.

34. Интервью с Гукасяном 7 октября 2000 г.

Глава 3. Шуша. Рассказ о соседях

Альберт и Лариса Хачатурян пьют чай в своем саду среди склонившихся к земле цветов и смотрят на развалины старой школы. Они похожи на людей, спасшихся после землетрясения

(1).

Дом Хачатурянов в верхней части Шуши – одно из немногих уцелевших зданий в этом городе. Гуляя в тени яблонь и дубов, которыми засажены улицы этого некогда процветающего города, я проходил мимо обгоревших каркасов пустующих старых особняков с балконами. Шуша (армяне называют ее Шуши), расположенная над ущельем высоко в горах в центральной части Карабаха, когда-то была одним из крупнейших кавказских городов и славилась своими театрами, мечетями и церквями. Теперь в разрушенном почти полностью городе живет лишь горстка людей; вдоль опустевших улиц стоят разоренные дома. И разрушения эти принесло с собой не землетрясение, они – дело рук человеческих.

Хачатуряны – из немногих оставшихся в Шуше коренных жителей. Это было небольшое армянское меньшинство в преимущественно азербайджанском городе. В феврале 1988 года, когда карабахские армяне начали кампанию протеста, шушинские азербайджанцы испугались. "Никто не спал," – вспоминал Захид Абасов, работавший тогда в горисполкоме. Шушинские армяне, такие, как Лариса и Альберт Хачатуряны, испугались вдвойне. Они были учителями, и при советском режиме им жилось довольно неплохо. У них было много друзей и коллег-азербайджанцев.

Но в 1988 году Хачатуряны вдруг оказались членами особенно уязвимой социальной группы: говоря точнее, они были армянами, живущими в азербайджанском городе, расположенном в преимущественно армянской области на территории Азербайджана. От кого им можно было ждать защиты? Их история – да и история Шуши в целом – это рассказ о том, как советские соседи сначала стали бояться друг друга, а затем и воевать друг с другом.

Шуша не знала социально-экономических проблем Сумгаита. И поначалу между обеими этническими общинами города не было вражды. Но сумгаитские погромы февраля 1988 года немедленно привели к росту напряженности, которая стала быстро нарастать, когда в Нагорный Карабах начали прибывать беженцы – сначала армяне из Сумгаита, а затем азербайджанцы из Армении.

В Шуше пламя вражды разгоралось медленнее, – возможно, в силу годами укреплявшегося взаимного доверия. Взрыв произошел в сентябре 1988 года, когда все армяне в считанные дни были изгнаны из Шуши, а все азербайджанцы – из Степанакерта. В разговоре со мной Альберт вспоминал тот день, когда он вернулся домой и застал толпу, топчущую его сад и крушащую имущество:

"Мы думали, что все решится мирно. Было очень трудно, потому что Шуша город небольшой. Мы все друг друга знаем, мы все приятели, мы ходили друг к другу на свадьбы и похороны. Я захожу и вижу, как портной Гусейн крушит мою веранду. Я спрашиваю: "Гусейн, что ты делаешь?" А я ведь устроил в партию его зятя. Он, не сказав ни слова, развернулся и ушел".

С конца 1988 до начала 1992 года, уже после того, как армяне покинули город, Шуша оставалась непокорным азербайджанским форпостом в самом сердце Нагорного Карабаха, оказавшегося под контролем армян. Когда в 1992 году, уже после развала Советского Союза, в регионе развернулись полномасштабные боевые действия, армянские войска в конце концов овладели Шушой. Шушинские армяне, подобно Хачатурянам, вернулись в город, который вновь стал их родным домом – хотя и полностью разоренным.

Когда Хачатуряны пьют чай в своем саду, им видно разрушенное здание, в котором оба проработали много лет. Неоклассическое реальное училище, Realschule, являет собой печальное зрелище. В этом трехэтажном здании, построенном в 1906 году, когда-то училось четыреста детей, ее заканчивали все отпрыски местной буржуазии, а выпускники уезжали в Москву и Санкт-Петербург учиться в университетах. Сегодня величественный фасад школы с тремя рядами выжженных окон похож на пустой блок таблеток с выдавленными ячейками.

Когда мы вошли в здание, в глаза бросилась сохранившаяся на мраморном полу у входа надпись: латинское приветствие "Salve". Полукруглая лестница из розового мрамора вела вверх, к засыпанным щебенкой лестничным площадкам и коридорам, где сквозь каменные плиты пола пробивалась трава.

Чтобы воссоздать историю Шуши, мне пришлось ездить туда и обратно между самим городом в контролируемом армянами Карабахе и Шушой в изгнании – азербайджанской общине города, нашедшей пристанище в других городах Азербайджана. Две части древнего города оказались насильственно разлучены, – сначала боями, а потом линией прекращения огня.

Я начал свое исследование на каспийском побережье Азербайджана, в санатории, на ступеньках которого большими белыми буквами было выведено слово "ШУША". Между окнами были протянуты длинные веревки, на которых сушилось белье. В 1992 году тысячи шушинских азербайджанцев были выброшены войной в этот старый приморский курорт, расположенный к северу от Баку в засушливой песчаной местности. Лишь несколько высоких сосен напоминают им родные карабахские леса.

Семья Джафаровых живет в темной комнате с грудой подушек и одеял. Они рассказали мне, что их сын Чингиз был убит армянами 8 мая 1992 года во время штурма Шуши. Когда я спросил у них о жизни в советское время, то услышал слова, которые слышал десятки раз от людей с обеих сторон: "Мы раньше с армянами жили нормально". Разрушительный вирус ненависти проник в их души извне, а не зародился внутри.

Лучший друг Чингиза Заур – приятный мужчина с густыми усами и фигурой регбиста – вошел в комнату Джафаровых хромая и опираясь на палку. Он рассказал, что весной 1992 года служил в милиции и в числе других азербайджанцев защищал город. За шесть недель до решающего штурма Шуши армянскими войсками, рядом с ним разорвался снаряд "Града", и ему осколками изувечило ноги. Зауру ампутировали левую ногу, и, прежде чем встать с больничной койки, он перенес двадцать две операции. У него нет постоянной работы, и большую часть времени он проводит в переполненной санатории. "Приближается лето, и месяца через три-четыре мы будем умирать от жары. Мы же горцы, мы не привыкли к такой жаре. Вот когда мы начинаем сильно тосковать по родным местам".

У Заура когда-то было два близких друга-армянина. Они выросли вместе на одной улице, которая бежит вниз от мечети. Они вместе играли в волейбол и футбол, помогали друг другу покупать вещи на черном рынке. Когда Заур пошел в армию, один из его армянских друзей заплатил за его стрижку в парикмахерской, в знак пожелания ему удачи. "Я все время боялся увидеть Вигена или Сурика в прицел моего автомата. Я даже видел кошмары по ночам", – вспоминает он.

Заур ввел меня в круг шушинских азербайджанцев в изгнании. Известие о том, что я собираюсь совершить поездку в их родной город, взволновало их. Среди моих новых знакомых оказался адвокат Юсиф. Ему было лет тридцать-сорок, и во всем его облике: тихом голосе, тонких черных усах, грустных глазах, – ощущалась какая-то чеховская печаль. Он был более замкнутым и ожесточившимся, чем Заур. Юсиф признался, что только совсем недавно нарушил данный им обет не жениться до тех пор, пока его город не будет освобожден от армян. Юсиф просил меня узнать, что случилось с его домом. На клочке бумаги он нарисовал план и подробно объяснил, как найти его дом в городе.

Весной 2000 года в полуразрушенной Шуше проживало менее трех тысяч человек – примерно одна десятая часть его прежнего населения. Большинство составляли неимущие армянские беженцы из Азербайджана. Возле облицованного мрамором источника в очереди за водой стояли люди с ведрами в руках. Среди них было лишь два местных старожила, которые знали город.

Я подумал, что, скорее всего, друзей Заура в городе не осталось. Однако вскоре меня подвели к четырехэтажному дому рядом с церковью, где представили коренастому мужчине с густыми усами и большими черными глазами. Это был друг Заура Виген. Пока я объяснял цель своего появления, его жена приготовила нам кофе.

Поначалу Виген был озадачен, но потом очень обрадовался, узнав, что я принес ему привет от Заура, с которым он не виделся уже десять лет. "Как там его семья? – спросил Виген. – У него, кажется, отец умер". Война на мгновение была забыта, поскольку его интересовали новости и сплетни о старой Шуше, но я не мог сообщить ему ничего особенного. Он уже знал, что его старый друг потерял ногу: "Я воевал в районе Мартакерта", – сказал Виген. Я услышал по радию голос одного знакомого из Шуши. Я настроился на их частоту, мы разговорились, и он рассказал, что Заура ранили". Шушинский "уличный телеграф" заработал через линию фронта. Некоторые "враги" по-прежнему оставались друзьями.

Я рассказал ему, как Заур боялся увидеть в прицел своей винтовки лицо друга, и Виген с улыбкой заметил: "И я боялся того же". Будущее он оценивал достаточно трезво. Ведь он все-таки тоже прошел войну и теперь работал на правительство сепаратистского квази-государства в Нагорном Карабахе. Смогут ли шушинские азербайджанцы вернуться в город? Кивнув в сторону своего шестилетнего сына, Виген сказал: "Думаю, его поколение успеет повзрослеть, прежде чем такое случится".

Мое следующее задание представлялось более сложным. У меня было мало надежды найти в разрушенном городе дом Юсифа. И тем не менее, через несколько дней я вместе с двумя приятелями-журналистами отправился на поиски. Мы разыскали бывшего соседа Юсифа, который вспомнил его и проводил нас к четырехэтажному жилому дому. Почти все квартиры в доме были сожжены, но в пяти-шести жили люди. Квартира 28, где раньше жил Юсиф, оказалась среди уцелевших. С балкона второго этажа (наверно, это был его балкон) смотрела темноволосая армянка.

Ее звали Ануш. Она позвала нас наверх. Извиняясь, мы стали объяснять причину нашего прихода. Наш неожиданный визит ее сильно взволновал – что неудивительно – но она все равно пригласила нас войти. Ануш работала учительницей, ей было столько же лет, сколько и Юсифу – чуть за тридцать. Пока мы, сидя на диване, слушали рассказ Ануш о том, каким образом она оказалась в этой квартире, ее дочка сварила нам кофе. Это была еще одна история жизни, исковерканной войной. Шуша еще горела, когда она приехала сюда 10 мая 1992 года, то есть меньше, чем через двое суток после того, как Юсиф с отцом покинули город.

Новые власти Карабаха убеждали людей, оставшихся без крыши над головой, перебираться в Шушу, и надо было действовать быстро, потому что мародеры могли спалить весь город. Ануш была идеальным кандидатом на получение нового жилья: три месяца назад она лишилась квартиры в Степанакерте, когда в ее дом попал снаряд "Града", выпущенный из Шуши, а перед этим ее дом в родной деревне был сожжен во время наступления азербайджанцев. Вот она и заняла квартиру номер 28, которая стала ее единственным домом. "Дверь была не заперта, все вещи вынесены", – объяснила она. Мы поспешили успокоить ее, сказав, что пришли вовсе не за тем, чтобы предъявить права прежнего владельца или оспорить ее право здесь жить. Но тяжелый и не имевший ответа вопрос: "Кому принадлежит этот дом?" – все равно повис в воздухе.

Всю стену от пола до потолка в гостиной новой квартиры Ануш занимала огромная фоторепродукция русского осеннего пейзажа. Это была типичная картина, которую можно встретить в миллионах советских квартир: группа серебристых березок с красными и золотыми листьями на фоне северного леса. Ануш обратила наше внимание на оторванный с одной стороны край картины, и рассказала, что им с дочкой пришлось дорисовать краской отсутствующие деревья. Реставрационная работа была проведена так тщательно, что не

сразу бросалась в глаза. Ануш нервно улыбалась, как бы давая понять, что это знак ее привязанности к дому.

Фотообои с березками были самым убедительным доказательством того, что мне удалось найти квартиру Юсифа. Вернувшись, я разыскал его в шумной адвокатской конторе в центре Баку и показал несколько снимков, которые я сделал в Шуше. Когда мы дошли до фотографии с березками на стене, он глубоко вздохнул и сказал: "Да, это мой дом". Мы вышли на шумную улицу и продолжали разговаривать, а потом зашли в кафе на Площади Фонтанов, где нам подали кебаб. Постепенно Юсиф стал терять нить разговора, по-видимому, погружаясь в свои мысли. Возможно, я поступил неправильно. Одно дело, когда он, до некоторой степени отвлеченно, говорил о том, что жил в квартире номер 28 в Шуше, и совсем другое – когда он убедился, что его квартира все еще цела, но в ней проживают враги.

Потом Юсиф стал пристально рассматривать другую фотографию, на которой был запечатлен его сад. От многоквартирного шушинского дома к небольшому садику была протянута водопроводная труба. А рядом, в нескольких шагах, тянулись выложенные плиткой дорожки, росли фруктовые деревья и смородиновые кусты, – в общем, это был крохотный зеленый оазис. "Когда мы увидели, откуда проложена труба, мы решили, что этот садик принадлежит хозяевам этой квартиры", – пояснила Ануш. Она выращивала там овощи. А Юсиф в Баку рассказал мне, что этот садик был предметом гордости и радости его отца. "Не знаю, смог бы отец выдержать все это?" – пробормотал он, внимательно разглядывая фотографию своего сада во всем великолепии майского цветения.

В Баку я встретился со многими "шушалылар" – шушинскими изгнанниками. Кроме хромого милиционера Заура и адвоката Юсифа, я познакомился с журналистами Керимом и Хикметом и художником Арифом. Тот факт, что я посетил их родной город, ныне для них недостижимый, в их глазах придавал мне некий особый статус талисмана. Фотографии вновь пробудили в них горечь утраты Шуши, но и открыли двери в потерянный мир воспоминаний, служивший им отдушиной. Они подолгу рассматривали эти фотографии, не упуская ни одной даже самой мелкой детали. "На какой это улице он стоит?" – спрашивал один из них, разглядывая снимок маленького мальчика на углу. Или: "Если посмотреть за мечеть налево, можно увидеть дом Гусейна".

Однажды ветреным июньским днем "шушалылар" повели меня обедать в кафе рядом с озером на окраине Баку. Во время нашего четырехчасового разговора они вновь и вновь возвращались к одной и той же теме – своих армянских друзей-врагов. Керим, который был редактором шушинской газеты, имел хорошее чувство юмора и несколько раз ироничной шуткой разряжал возникавшее напряжение. Заур, одетый в темно-синий блейзер и смахивающий на профессионального регбиста в выходной день, был настроен наиболее миролюбиво. Он с видимым удовольствием рассказывал истории из жизни своих приятелей и отзывался об армянах без всякой неприязни, хотя и не верил в положительный итог мирных переговоров.

Другие были настроены более агрессивно. Когда я заметил, что Франции и Германии после многих десятилетий вражды, например, удалось заключить мир, один из них возразил: "Да, но прежде надо разгромить армянский фашизм так же, как немецкий фашизм". Ариф, с всклокоченной седеющей бородой и худощавым мрачным лицом, оказался самым непримиримым. Он призывал к новой войне за "освобождение" Шуши и возлагал все свои надежды на следующего азербайджанского лидера, который придет на смену президенту Гейдару Алиеву.

"После Алиева у нас будет демократически избранный президент, и он будет воевать до тех пор, пока в Карабахе не останется ни одного армянина", – объявил он. Ариф был также самым артистичным из них всех. Он овладел профессией мастера по цветным витражным

окнам "шебеке" – старинного азербайджанского ремесла, в наши дни уже, к сожалению, почти позабытого. После высылки из Шуши его жизнь покатила под откос, и в Баку он едва сводил концы с концами. К концу трапезы Ариф раскрыл еще одну причину своей обиды на армян. Оказывается, он когда-то женился на армянке, но их брак распался через восемь месяцев.

Я все время замечал, что мои новые друзья обвиняли Россию во всем, что было не так. В их изложении, в войне 1991-1994 годов, они воевали не только против армян, но и против русских – впрочем, когда я попросил их подкрепить эти заявления фактами, они не смогли привести ни одного. За столом они могли сказать: "Шушу взяли не армяне, а русские!" или "Я армян не осуждаю, их используют русские", или "Русские заселили Карабах армянами в девятнадцатом веке, чтобы вбить клин между нами и Турцией".

Действительно, есть данные, доказывающие, что во время войны Россия оказывала помощь армянам, но они явно преувеличивали. Послушать моих друзей, так можно подумать, будто армяне и вовсе не участвовали в боевых действиях. Возможно, это была попытка рационализации болезненного поражения Азербайджана в войне посредством переноса ответственности на большую Россию? Или они просто хотели снять обвинения со своих соседей-армян, взваливая вину за этот конфликт на Россию? В этой войне, как я заметил, ни у кого из них не было личных врагов. Они всегда обвиняли некие таинственные внешние силы.

Шуша является прекрасным объектом для изучения того, как соседи вдруг перестают быть друзьями и начинают воевать друг с другом. В прошлом столетии этот город был сожжен дотла трижды – в 1905, 1920 и 1992 годах. В первый раз его сожгли обе общины, во второй – азербайджанцы и в третий армяне. Даже в истории братоубийственных войн на Кавказе это рекорд. Но в промежутках между этими сполохами адского костра Шуша была процветающим городом, и смешанные браки между представителями обеих общин были широко распространены.

Связующими звеньями для обеих общин всегда была торговля и российская власть. Первая была вполне естественным звеном, вторая – скорее искусственным. Жуткие погромы прошли в Шуше в 1920 году сразу же после того, как на излете очередного периода экономической разрухи и гражданской войны русские оставили город. В тот раз азербайджанские войска смели ветхую, армянскую часть города, выжигая целые улицы и сотнями убивая армян. Когда же русские вернулись, уже в большевистских кожанках и с наганами, новой столицей Нагорного Карабаха был объявлен Степанакерт. Руины армянского квартала Шуши, точно призрак, простояли в нетронутыми более сорока лет. В 1930 году поэт Осип Мандельштам посетил город и ужаснулся его пустым безмолвным улицам. В одном из своих стихотворений он вспоминает, как изведаль страх от "сорока тысяч мертвых окон".

Наконец, в 1961 году коммунистическое руководство Баку приняло решение о сносе руин, хотя многие старые здания еще можно было восстановить. Сергей Шугарян, бывший в то время одним из партийных руководителей Шуши, рассказал мне, как отказался возглавить специальную комиссию по сносу развалин. Я встретился с ним в Ереване, и его старческий голос задрожал при воспоминаниях о том, как бульдозеры сравнивали с землей армянский квартал.

"Остатки стен еще были крепкие, – говорит Шугарян. – Эти развалины еще можно было восстановить. Требовалось лишь положить новые деревянные перекрытия и установить двери. Многие годы я бродил по этим руинам. Я находил там заброшенные колодцы, истлевшие кости. В душе я ненавидел тех, кто поджег мой город" (2). Кто-то сказал, что главная причина войны – это война, и возможно, в это определение надо включить и память о войне, которую хранят следующие несколько поколений.

В Карабахе ощущение исторического горя с особой остротой ощущали армяне-жители

городов. Многие из них еще помнили Шушу до 1920 года. Актриса Жанна Галстян, одна из основательниц армянского националистического движения в Карабахе, рассказала мне, что в детстве она не раз подслушивала разговоры взрослых о дореволюционной жизни, и эти воспоминания оставили в ее душе глубокий след. Семью ее бабушки депортировали из деревни Алгулы. Они были вынуждены бежать в Ханкенди – деревню, позднее ставшую городом Степанкерт. Алгулы была потом заселена азербайджанцами.

"У нас была маленькая кровать, и мы с бабушкой спали на ней. Каждый вечер приходили бабушкины родственники из Алгулы – избитые, изгнанные люди, которые пешком пришли в Ханкенди и там и остались. Эти старики тогда еще были живы, а я была совсем маленькой, и они говорили об этом шепотом. Тогда это было запрещено, это же были годы сталинизма. Знаете, как устроен детский мозг: он все записывает, как магнитофон" (3).

В неприбранном офисе без окон, в одном из закоулков Баку я встретился с еще одним шушинским патриотом. Круглолицый Захид Абасов в настоящее время возглавляет отдел культуры Шушинской исполнительной власти в изгнании. Должность, в общем-то, довольно бессмысленная, дающая ему много времени для размышлений о том, что могло бы случиться, если бы в 1980-е он возглавлял комсомольскую организацию Шуши. Работая в области с преимущественно армянским населением, он общался в основном с армянами и всех их довольно хорошо помнит.

Когда я упомянул о Хачатурянах, он воскликнул: "Какая приятная пара!" Разглядывая сделанную мной в саду фотографию Ларисы, он произнес: "Как же она постарела!" О Жанне Галстян он отозвался с иронией: "Жанна однажды подарила мне хрустальную вазу. Но я эту вазу оставил в Шуше. Она может забрать ее, когда захочет" (4). Потом Абасов достал из своего письменного стола стопку старых черно-белых фотоснимков. На одном из них, выгоревшем на солнце, были изображены шестеро загорелых улыбающихся юношей за столиком кафе на террасе.

Среди них был парень в больших темных очках и с улыбкой до ушей, – это он, Абасов. Лицо крайнего справа на снимке юноши в белой рубашке с короткими рукавами и с отсвечивающими на солнце часами, показалось мне знакомым. И не удивительно: это был молодой Роберт Кочарян, нынешний президент Армении. Группа друзей из Нагорного Карабаха проводила каникулы в санатории "Гурзуф" в Ялте летом 1986 года.

Судьба так распорядилась, что Абасов потерял почти все, что имел, и оказался в изгнании, а некоторые из его старых друзей по комсомольской юности стали лидерами независимой Армении. Ближайшими коллегами Абасова по работе были первый секретарь степанакертского горкома комсомола Серж Саркисян, нынешний министр обороны Армении, его заместитель – Роберт Кочарян, который стал президентом Армении, и Нелли Мовсисян, нынешний министр образования Нагорного Карабаха.

В те далекие годы Абасов каждый день ездил из высокогорной Шуши на работу в Степанакерт, и, чтобы в обеденный перерыв ему не приходилось ехать обратно в горы, сослуживцы поочередно приглашали его к себе на обед. Я поинтересовался, когда он впервые заметил проявления армянского национализма. "Накануне всех событий я почувствовал это у Сержика [Саркисяна], – ответил Абасов. – Он стал какой-то неразговорчивый. Но за Робиком [Кочарном] я ничего подобного не замечал. Даже во время футбольных матчей, когда патриотические настроения болельщиков естественно прорываются наружу. В областном комитете у нас были сотрудники, которые болели за "Арагат", но Робик не разделял их страсти".

Абасов признался, что продолжал поддерживать отношения со своими приятелями даже после 1988 года, но из-за нарастающего политического конфликта их встречи становились все более мимолетными и тайными, поскольку борьба за национальные интересы сделала

дружбу с представителями другой этнической общины нежелательной. Абасов склонился над своим письменным столом, помрачнев еще больше. Он словно все еще отказывался верить в то, что произошло. "Ну, сколько это еще может продолжаться?" – спросил он у меня так, как будто этот конфликт был лишь ужасным недоразумением, которое можно было уладить в ходе нескольких дружеских застолий.

В Ереване министр обороны Армении Серж Саркисян засмеялся, когда я передал ему привет от бывшего друга и коллеги. Да, он его хорошо помнит, сказал Саркисян, хороший был человек. Саркисян рассказал мне, что неплохо говорит по-азербайджански, что у него было немало друзей среди азербайджанцев, но подчеркнул при этом, что образование он получил в Армении – это Абасов пропустил. Борьба армянского народа гораздо важнее личной дружбы, словно хотел сказать Саркисян. "Проблема была заложена в самой советской системе. А что касается Захида или, например, Рохангиз, первого секретаря шушинского горкома комсомола, то она была приятной нормальной женщиной". (5)

Чем дальше я шел в поисках ответов, в поисках первопричины этих убийств, тем больше я разочаровывался. Никто не считал себя в чем-либо виноватым. В беседе со мной Роберт Кочарян высказал лишь самые общие соображения по поводу дружбы и межэтнического конфликта. "Конечно, у меня есть друзья [среди азербайджанцев]. Так уж сложилось, в силу выбранного мной жизненного пути, что у меня не было широкого круга друзей. Но я помню всех своих друзей, мне их не в чем упрекнуть, у нас сохраняются нормальные дружеские отношения. Но обычно, когда начинается этнический конфликт, дружба всегда отходит на задний план" (6).

Президент Армении с 1988 года входил в число лидеров Армянского карабахского национального движения "Крунк". В 1992 году он участвовал в боевой операции по взятию Шуши. Тем не менее, он говорил обо всем так, словно не сыграл никакой роли в разжигании этого конфликта, словно этот конфликт разгорелся сам по себе. И еще: он говорил каким-то сухим языком, словно "этнические конфликты начинаются" естественным образом. У президента не было объяснений.

Примечания:

1. В этой главе я по этическим причинам изменил имена большинства бывших жителей Шуши.
2. Интервью с Шугаряном 13 декабря 2000 г.
3. Интервью с Галстян 10 октября 2000 г. 4. Интервью с Абасовым 10 ноября 2000 г.
5. Интервью с Саркисяном 15 декабря 2000 г.
6. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.

Глава 4. 1988-1989 г.г. Кризис в Армении

Комитет Карабах

В мае 1988 года волна враждебности между армянами и азербайджанцами, распространяясь по Нагорному Карабаху как инфекция, достигла деревни Туг. Этот момент стал решающим. Деревня Туг, расположенная на юге Карабаха, была единственным в регионе поселением со смешанным населением. Представители обеих национальностей десятилетиями жили здесь бок о бок, разделенные лишь узким ручьем. И если уж тут не сохранилось взаимопонимание между общинами, оно не смогло бы сохраниться больше нигде.

Третьего мая в Туг с целью предотвращения столкновений между сотнями жителей поселка были введены отряды МВД. Эмиссар Москвы Григорий Харченко посетил поселок в феврале 1988 года и вновь вернулся туда через семь месяцев. Он увидел, насколько обострилась за прошедшие месяцы враждебность:

"Это была старая деревня. Все армяне и азербайджанцы давно породнились друг с другом... Они все поделили между собой, сами разрешили все эти национальные противоречия. Я прекрасно помню, как они мне говорили: "Вражда не затронет нас, этот идущий ниоткуда обвал, не заставит нас рассориться". Затем в сентябре я приехал туда снова вместе с солдатами и разместил их в здании школы. К тому времени площадь уже разделили и провели границу. Одна половина селения отошла к армянам, другая – к азербайджанцам. Был даже случай, когда муж-азербайджанец с тремя детьми остался в одной части деревни, а его жена-армянка с тремя детьми переселилась в другую" (1).

Идея объединения с Арменией захватила почти всех армян Карабаха. Разногласия касались только тактики. Функционеры коммунистической партии все еще хотели сотрудничать с Москвой, радикалы же вырабатывали более конфронтационную тактику. В марте 1988 года радикалы сформировали новую группу под названием "Крунк", что в переводе с армянского означает "журавль" – символ тоски по родине – Армении (2). Роберт Кочарян, возглавлявший партийную организацию степанакертской шелкопрядильной фабрики, стал руководителем "идеологической секции" группы "Крунк". "Крунк" был первой организацией в Советском Союзе эпохи Горбачева, которая начала использовать стачки в качестве политического оружия.

Армения в 1988 году стала местом рождения первого массового оппозиционного движения в горбачевском Советском Союзе. Его лидеры, одиннадцать человек, входившие в состав "Комитета Карабах", к концу года почти полностью затмили коммунистическую партию. "Комитет", состоящий в основном из представителей ереванской интеллигенции, в мае вытеснил из своих рядов двух карабахских армян и членов компартии, бывших лидеров "Комитета", Игоря Мурадяна и Зория Балаяна, и сформировал новый состав, в котором не было единого лидера. Семь членов "Комитета" были видными учеными, а четверо позднее стали лидерами посткоммунистической Армении (3).

Хотя новые лидеры все еще называли себя "Комитетом Карабах", сфера их политических интересов простиралась далеко за пределы Карабаха. Они все принадлежали к поколению, важным фактором формирования которого стали ереванские националистические демонстрации 1965-1967 годов. В результате этих выступлений, в городе был открыт мемориал с вечным огнем в память о жертвах геноцида 1915 года, а день 24 апреля был объявлен в Армении Днем Геноцида. Они явились носителями идеи "армянского суда", или "Ай дата": давней мечты о сплочении всех армян мира, от Бейрута до Лос-Анджелеса, вокруг общих националистических целей.

Два года спустя "Комитет" и его преемник, "Армянское общенациональное движение", стали первой некоммунистической организацией, пришедшей к власти в союзной советской республике. Своим новым успехом они были обязаны в основном организаторским способностям двух главных лидеров группы, Вазгена Манукяна и Левона Тер-Петросяна. Много позже они рассорились и яростно оспаривали результаты президентских выборов 1996 года, но в период, предшествовавший обретению республикой независимости, Манукян и

Тер-Петросян образовывали сильный тандем.

Круглолицый Манукян, математик по профессии, отличался импульсивным характером. Он играл роль главного организатора и специалиста по улаживанию разногласий в "Комитете Карабах" нового образца, чьи заседания проводились у него на квартире. Манукян говорил, что он намеренно собрал вокруг себя людей, которые "не были обижены судьбой", или, другими словами, тех, кто присоединялся к движению не из-за личных обид на власть. Он полагал, что карабахский вопрос был лишь средством пробуждения армян от летаргии при советском режиме и что прочие политические цели, такие как демократия, были второстепенными: "В Армении доминирующей проблемой всегда был национальный вопрос... Стремление к демократии само по себе не могло породить такую волну. В Армении эта волна была вызвана карабахской проблемой. В балтийских республиках же главным был вопрос о независимости" (4).

Левон Тер-Петросян был главным стратегом "Комитета". Его отец, один из основателей Сирийской коммунистической партии, перевез свою семью в Армению в 1940-х годах. Тер-Петросян был ученым, специализировавшимся в изучении древнесемитских языков. Академическое образование оказало сильное влияние на его политическое мировоззрение. Во всем его облике чувствуется спокойная сила, а его глубокие, полуприкрытые тяжелыми веками глаза, кажется, высасывают из вас энергию. На протяжении всего интервью он глубоко затягивался сигаретами в длинном мундштуке и каждый вопрос обдумывал так, будто от него требовалось дать толкование сложному тексту. Он устало отмахивался от вопросов, связанных с "общественным мнением", словно они были второстепенными для высокой политики. Тер-Петросян согласился с тем, что объединение Нагорного Карабаха с Арменией стало "катализатором" движения 1988 года, хотя и не было его основной целью:

"Члены первого "Комитета Карабах" – Игорь Мурадян, Зорий Балаян, Сильва Капутикян и другие – думали только о Карабахе. Для них вопросы демократии или независимости Армении просто не существовали. И это послужило причиной раскола. Почувствовав, что мы начинаем представлять опасность для советской системы, они отступили. И произошла естественная перемена. Они считали, что карабахский вопрос должен быть разрешен в рамках советской системы. Мы же пришли к пониманию того факта, что эта система никогда бы не разрешила карабахский вопрос, и что требуется как раз обратное: для решения проблемы Карабаха необходимо было сменить систему" (5).

Политбюро в растерянности

В начале 1988 года московское руководство уже было обеспокоено масштабом кризиса в Армении и Азербайджане. "Решается кардинальный вопрос, – заявил Горбачев на заседании Политбюро 21 марта. – Речь идет о судьбе нашего многонационального государства, о судьбе нашей национальной политики, заложенной Лениным" (6). Создается впечатление, что партийные руководители чуть ли не ожидали, что напряженность медленно перерастет в конфликт – хотя и не могли этому противостоять.

В одном пункте, а именно в нежелании согласиться с какими-либо изменениями границ внутри Советского Союза, позиция Политбюро было абсолютно неизменной. По словам Андрея Гиренко, который в то время был сотрудником вновь созданного сектора национальной политики, "из Таджикистана приходили просьбы о передаче им ряда горных пастбищ в качестве уступки со стороны Киргизии (нынешний Кыргызстан). Я лично отклонил эти предложения, потому что если бы мы что-то начали передавать, там бы началось то же самое, что и в Нагорном Карабахе" (7).

Большую часть очередного заседания Политбюро 21 марта заняли дебаты о том, как укрепить стремительно падающий авторитет партии в Армении. Мораторий на политические демонстрации в Армении, о котором Горбачев договорился с армянскими писателями,

истекал через пять дней. Члены Политбюро опасались, что новая оппозиция попытается захватить власть в республике. Обсуждение этого вопроса демонстрирует глубокие внутренние противоречия в горбачевской политике реформ. С одной стороны, сам он выступал против использования силовых методов для подавления оппозиционного движения в Армении. С другой – он наметил ряд жестких мер для подрыва авторитета "Комитета Карабах".

Эти меры включали полный контроль над местными средствами массовой информации, отключение телефонной связи между Арменией и зарубежными странами, запрет на посещение региона иностранными журналистами и, в случае необходимости, арест активистов "Комитета Карабах". Вместе с тем Горбачев также говорил и о необходимости мобилизации "здоровых сил" и о вовлечении общественности в политическую дискуссию. Эти противоречивые намерения ярко проявились в весьма путаной речи, с которой советский лидер обратился к членам Политбюро. Он рассуждал об открытости и тут же, в этой же фразе, не переводя дыхания, он говорил об изоляции: "Видимо, мы должны говорить в прессе более откровенно и изолировать ["Комитет Карабах"], но так, чтобы не сделать из них героев".

Однако усилия московских руководителей по удержанию ситуации под контролем в значительной мере сводились на нет, поскольку их представители – лидеры коммунистических партий Армении и Азербайджана – уже не были послушны и лавировали между требованиями Москвы и общественности в своих республиках. Горбачев выражал недовольство этим на заседании Политбюро 29 февраля: "Необходима информация, а ее не добьешься – скрывают и те и другие. Все повязаны. Бездействуют, замешаны в этом товарищи из ЦК КП Азербайджана и КП Армении – и тот и другой товарищ " (8).

Горбачев решил отправить в отставку руководителей компартий обеих республик Кямрана Багирова и Карена Демирчана и поставить на их место Абдурахмана Везирова и Сурена Арутюняна, которые работали за пределами региона, и, предположительно, не были вовлечены в местную клановую политику. Везиров был советским послом в Пакистане; Арутюнян работал в аппарате Центрального Комитета КПСС в Москве. Для представления новых первых секретарей на внеочередных партийных форумах в Баку и Ереван были делегированы два члена Политбюро. Это было серьезной ошибкой Горбачева.

Он послал своего ближайшего сподвижника либерала Александра Яковлева в Армению, а лидера консерваторов в Политбюро Егора Лигачева – в Азербайджан. В результате Яковлев, твердо уверенный в необходимости реформ, выразил сочувствие требованиям армян и даже выступил на массовом митинге в Ереване. Лигачев же в Баку решительно заявил, что никто и никогда не позволит отобрать Нагорный Карабах у Азербайджана – и это заявление было с благодарностью встречено азербайджанцами.

Как говорит сегодня Яковлев, ему удалось убедить армянских коммунистов отложить призывы к объединению Нагорного Карабаха с Арменией взамен на заявление из Баку об отказе от притязаний на Карабах. По его словам, он по телефону говорил об этом с Горбачевым, и тот обещал позвонить Лигачеву в Баку и сообщить об этой инициативе:

"Однако ночью меня разбудил телефонный звонок, и я услышал: "Вы нас обманули, вы – обманщик, мы не верим вам". Это был один из участников [ереванского] митинга, на котором я выступал. Что имелось в виду? Оказывается, Лигачев только что заявил, что Карабах навсегда останется в составе Азербайджана, и что мы никогда не изменим эту позицию. После этого я вообще отказался заниматься вопросами, связанными с Карабахом" (9).

Между членами Политбюро обнаружилось серьезные разногласия по карабахской проблеме. Как утверждает специалист по национальным вопросам Вячеслав Михайлов, партийная элита в обеих республиках использовала эти разногласия в своих интересах:

"Так как в Политбюро не было единого мнения по этому вопросу, [республиканские] элиты почувствовали, что стоит только нажать на Политбюро немного сильнее, оказать давление на определенных членов Политбюро, и нужное решение будет принято на самом высоком уровне. Так все и получилось. Это произошло в результате известной двусмысленности позиции Политбюро, что проявлялось не в официальных документах – на бумаге все были очень корректны, – а в беседах с глазу на глаз, в личных контактах, что вселяло надежду. И так вели себя все члены Политбюро. Лигачев летит в Баку и говорит, что территориальная целостность является высшим принципом и тут никаких проблем нет; а Александр Яковлев, ко всеобщему ликованию, заявляет, что армяне занимают правильную позицию по данному вопросу". (10)

По свидетельству помощника Горбачева Георгия Шахназарова, в Политбюро начались разногласия:

"Явная потеря управляемости вызывала все большую тревогу у нашего правящего синклита. Это все чаще прорывалось в раздраженных репликах при обсуждении карабахских дел, а вопрос этот затрагивался едва ли не на каждом заседании Политбюро. На одном из них, 4 июля, лейтмотивом выступлений Лигачева, Воротникова, Соломенцева и других членов руководства было: "Хватит уступок, нужно навести порядок!". При этом, однако, никто не потребовал применения вооруженной силы, а ведь это были неглупые люди, и они наверняка отдавали себе отчет, что одними словами ничего не решить. Паралич воли, который приписывают теперь только Горбачеву, в действительности был свойствен и его коллегам" (11).

Война законов

В мае 1988 года провалилась последняя серьезная попытка достичь компромисса между Арменией и Азербайджаном. Возникло предложение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана, но повысить его статус и объявить автономной республикой. Таким образом, область получила бы новые привилегии – в частности, местный парламент, собственную конституцию и свое правительство. Генрих Погосян, армянин, руководитель Карабаха, видимо, был близок к принятию этого плана.

"У него в кармане уже была конституция автономной республики, причем с очень широкими полномочиями, фактически такими же, как у союзной республики, и в том числе ему было дано добро на строительство лачинской трассы, которая устранила бы многие проблемы, в том числе и страх перед азербайджанизацией", – говорит Вячеслав Михайлов. Однако в последний момент Погосян пошел навстречу местным радикально настроенным избирателям и решил отвергнуть предложенный план.

Назначение на должность новых руководителей в Армении и Азербайджане не способствовало прекращению кризиса. Новый армянский лидер Сурен Арутюнян быстро уловил доминирующие националистические настроения. 28 мая 1988 года, спустя неделю после вступления в должность, Арутюнян позволил впервые за последние почти семьдесят лет вывесить в Ереване запрещенный флаг первой Армянской Республики – красно-сине-оранжевый триколор. 15 июня Верховный Совет Армении, принял резолюцию, которая формально одобрила идею присоединения Нагорного Карабаха к Армении.

Это решение положило начало тому, что впоследствии было названо "войной законов". Региональные партийные органы, похоронив старый советский принцип "демократического централизма", принимали законодательные акты, открыто противоречащие друг другу. 17 июня азербайджанский Верховный Совет принял контррезолюцию, в которой вновь подтверждалось, что Нагорный Карабах является частью Азербайджана. Тогда 12 июля областной Совет в Степанакерте одобрил постановление еще более жесткое, чем то, которое было принято в феврале: он проголосовал за односторонний выход области из состава

Азербайджана и за переименование Нагорного Карабаха в "Арцахскую Армянскую Автономную Область".

Армения, бывшая прежде одной из самых послушных республик, вдруг возглавила смуту в Советском Союзе. Наиболее бескомпромиссный член Политбюро Анатолий Лукьянов, как сообщают, угрожал членам "Комитета Карабах": "Вы меня не испугаете вашими демонстрациями, я видел Чехословакию [в 1968 году]" (12). 5 июля были посланы войска для вытеснения демонстрантов из здания ереванского аэропорта Звартноц. Раздались выстрелы, были пущены в ход дубинки. Погиб один из протестующих, студент. После этого вспыхнула новая волна демонстраций, под более откровенными антисоветскими лозунгами.

18 июля в Москве было созвано заседание Президиума Верховного Совета СССР, чтобы вынести окончательное решение по этому вопросу. Атмосфера накалилась до предела после того, как разъяренный Горбачев вступил в перепалку с армянскими делегатами. В итоге сессия приняла решение о том, что Нагорный Карабах остается в составе Азербайджана. В своем заключительном слове Горбачев объявил: "Я скажу вам, что сегодняшнее совещание Президиума показало, что у азербайджанцев больше самокритики, чем у представителей Армении". Он обвинил армян в том, что они ведут "недопустимую" кампанию, идущую вразрез с задачами перестройки. Но генеральный секретарь также предпринял шаг, непопулярный в Азербайджане. Он решил направить в Нагорный Карабах "специального представителя", наделенного полномочиями отменять решения бакинского партийного руководства.

Сопrotивление и депортации

Жесткое решение Президиума Верховного Совета в июле 1988 года привело к изменению тактики армянской оппозиции. "Комитет Карабах" принял план длительной борьбы и приступил к формированию общенациональной организации, которая получила наименование "Армянское общенациональное движение" (13). Его программа предусматривала проведение в Армении широкомасштабных реформ, хотя и не ставила задачу достижения независимости республики. В ответ московское руководство направило в Ереван войска МВД и ввело комендантский час.

Осенью 1988 года армяне пошли против азербайджанского меньшинства в Армении и изгнали его. Есть неправильное мнение, будто азербайджанское население Армении не пострадало в конфликте. Многие действительно уехали мирно, и в Ереване почти или вовсе не было межнациональных столкновений, однако в Ереване было очень мало азербайджанцев, и силам безопасности было нетрудно поддерживать порядок. В сельских районах случаи насильственных действий отмечались повсеместно. Банды армян совершали набеги на азербайджанские деревни, в результате чего многие жители были избиты или убиты, их дома поджигали, а сами они были изгнаны. К концу года в сельских районах Армении были десятки покинутых деревень, из которых были выдворены более 200 тысяч постоянно проживавших в Армении азербайджанцев и курдов-мусульман (14).

К 1989 году, несмотря на то, что насильственные действия в основном прекратились, все азербайджанцы, оставшиеся в Армении, были депортированы. Возникла система взаимообменов, когда многие азербайджанцы смогли продавать свои дома армянским переселенцам, бежавшим из Азербайджана. Сейран Степанян, прежний заместитель руководителя городской администрации в армянском курортном городе Джермук, рассказывал, как он наладил контакт со своими коллегами из партийных органов в Азербайджане. Во второй половине 1989 года он организовал выезд из Джермука одной тысячи азербайджанцев на автобусах и поездах.

В ответ семьсот армянских беженцев из Мингечаура и Баку разместили в гостиницах и санаториях Джермука (15). Эти обмены по этническому принципу продолжались до тех пор, пока обе республики, и Армения и Азербайджан, почти полностью не избавились от

представителей "нежелательных" этнических групп. Иногда они принимали едва ли не комичные формы: рассказывают, что в 1989 году на границе Армении и Азербайджана произошел обмен пациентами двух психиатрических больниц. Потребовалось несколько часов, чтобы убедить пациентов, обнаруживших больше политического здравомыслия, чем их правители, распрощаться с медперсоналом и пересечь границу (16).

В Армении в 1988 году царил хаос и разгул насилия: в течение нескольких жутких недель в конце ноября – начале декабря здесь погибли десятки азербайджанцев. В результате тщательного опроса, проводившегося более двух лет среди азербайджанских беженцев, Ариф Юнусов составил списки убитых и раненых. Подавляющее большинство жертв относилось к 1988 году. Юнусов пришел к выводу, что армянами в это время были убиты 127 азербайджанцев. Людей избивали, жгли или убивали. Во время самого ужасного инцидента в ноябре 1988 года, обстоятельства которого еще не до конца прояснены, были заживо сожжены двенадцать азербайджанцев из деревни Вартан на северо-востоке Армении. Полный список Юнусова насчитывает 216 убитых азербайджанцев; в это число он включает тех, кто замерз насмерть в дороге, покончил с собой, умер позднее в азербайджанских больницах или по прошествии трех лет все еще числился пропавшим без вести.

Министр внутренних дел Советского Союза Вадим Бакатин в конце 1988 года выезжал в Армению и в Азербайджан, чтобы попытаться остановить массовые депортации. В своих мемуарах он пишет, как встречал запуганных азербайджанцев недалеко от города Спитак в Армении и запуганных армян в азербайджанском городе Кировабаде. Все они просили о защите, обеспечить которую он был не в состоянии. Бакатин дал указание функционерам министерств внутренних дел в обеих республиках проследить, чтобы беженцы не пострадали. Однако, судя по стандартным заявлениям сотрудников правоохранительных органов, на них нельзя было положиться: "Местное руководство рассмотрело все [заявления], дало обещание все уладить, но я уже не верил, что они что-нибудь сделают. Там оставалось совсем немного людей, на которых я как министр мог бы положиться. Ведь нельзя же было всех уволить" (17).

Исследование Юнусова показывает, что в высылке азербайджанцев принимали активное участие многие функционеры компартии Армении и сторонники "Комитета Карабах". 27 ноября 1988 года, например, один из руководителей КГБ, начальник управления внутренних дел и местный партийный руководитель объехали деревни Сарал и Гурасли в районе Спитака на севере Армении и приказали азербайджанскому населению "убраться в течение двух недель". Когда же азербайджанцы отказались уехать, на эти деревни напали вооруженные банды. Чиновники вернулись и повторили свои требования, сопровождая их угрозами. Жители деревень уехали на автобусах, увозя с собой только самое необходимое; но по дороге по колонне машин открыли огонь, в результате чего три человека погибли (18).

В действительности черная ирония судьбы заключалась в том, что изгнание азербайджанцев из района Спитака фактически спасло их от полного уничтожения во время Спитакского землетрясения, которое произошло несколько дней спустя. В результате землетрясения 7 декабря погибло 33 азербайджанца. Если бы их большинство не подверглось депортации в течение предыдущих недель, потери среди азербайджанского населения были бы намного больше (20).

Армянское землетрясение

Землетрясение произошло в 11:41 утра 7 декабря 1988 года. Эпицентр был недалеко от города Спитак. Построенные при советском режиме жилые дома рухнули, похоронив под обломками тысячи людей. Спитак оказался фактически стерт с лица земли, а в соседнем Ленинакане (ныне Гюмри) произошли страшные разрушения. Согласно некоторым оценкам, во время землетрясения было разрушено 1500 деревень и 35000 домов. За считанные секунды природной катастрофы погибло, по официальным данным, 24 817 человек, то есть

почти наверняка больше, чем за все шесть лет вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе (20).

В связи с землетрясением проявились и лучшие, и худшие черты жителей региона. Тысячи армян голыми руками растаскивали каменные обломки в поисках оставшихся в живых и оказывали помощь жертвам землетрясения, однако впоследствии были обвинения в мародерстве, и большая часть средств, предназначенных для восстановления, была расхищена. В Азербайджане тысячи людей, забыв о политических разногласиях, пытались оказать помощь жертвам катастрофы. Но в то же время были сообщения о том, как ликующие азербайджанцы устраивают праздничные фейерверки по случаю "наказания" Армении (21).

Катастрофа не погасила армяно-азербайджанский конфликт, хоть многие на это надеялись. Московский журналист Виктор Лошак, командированный в зону землетрясения, вспоминает об охватившем уцелевших людей пугающем "психозе", в котором пережитый ужас смешался с национальными предрассудками:

"О чем говорили эти люди со мной, журналистом, и друг с другом? Не о смерти, не о своих родственниках, не о прогнозах возможного нового землетрясения. Они говорили о том, что азербайджанцы послали им груз лекарств – было выслано несколько грузовиков с медикаментами, потому что азербайджанцы находились близко, и Центральный Комитет помог им это сделать – азербайджанцы послали им лекарства, и они считали, что азербайджанцы, конечно, хотели их отравить. Все это было уже на уровне полного психоза" (22).

Бедствие изменило не только природный ландшафт Армении, но и политический облик страны. Впервые советские власти позволили армянской диаспоре непосредственно участвовать в делах Советской Армении, поскольку армяне всего мира оказывали помощь пострадавшим. Члены "Комитета Карабах" сформировали чрезвычайный штаб помощи в здании Союза писателей в Ереване. "Сразу после землетрясения незаметно для нас самих мы обнаружили, что несем ответственность за людей и даже за спасательные работы, помощь жертвам и так далее", – вспоминает Рафаэл Казарян. – Мы этого даже не ожидали. Рычаги власти перешли от правительства к нам" (23).

7 декабря Михаил Горбачев был в Нью-Йорке, в Организации Объединенных Наций. Он поспешил обратно – в Москву и затем прилетел в Армению – это была его единственная поездка на Кавказ за все время пребывания на посту руководителя Советского Союза. В политическом плане поездка оказалась крайне неудачной. Горбачев посетил зону землетрясения и затем поехал в Ереван. По сложившейся традиции он вышел на одну из площадей города, чтобы поговорить с людьми.

Председатель Президиума Верховного Совета Армении Грант Восканян присутствовал при этом, и вот что он вспоминает. "[Горбачев] сказал: "Мы не оставим вас один на один с вашей бедой, мы поможем вам". И кто-то выкрикнул из толпы: "А Карабах?" Горбачев вспылал и заявил: "Слушайте, я думал, что вы не будете снова поднимать карабахский вопрос в час национального бедствия. Я думаю, многие этого не поймут".

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров был с ним и наблюдал за реакцией толпы: "Михаил Сергеевич [Горбачев] не столько урезонивал бородача, сколько апеллировал к окружающим его людям. И некоторые женщины действительно откликнулись, бросив по-армянски слова упрека молодому человеку. Но остальные безмолвствовали. Стоя рядом, я вглядывался в лица и видел, что их не возмутило упоминание Карабаха. Видимо, мысль о нем сидела гвоздем в голове каждого, не давала покоя, даже землетрясение не могло от нее отвлечь". (24)

Прежде чем вернуться в Москву, Горбачев дал интервью армянскому телевидению, в котором

он заявил, что карабахский вопрос эксплуатировался "недобросовестными людьми, демагогами, авантюристами, коррупционерами, чернорубашечниками", теми, кто "жаждал власти" (25). Эти его высказывания стали сигналом для ареста "Комитета Карабах". Здание союза писателей окружили войска, девять членов "Комитета" были арестованы. Еще двоих задержали через несколько дней. Все одиннадцать были доставлены в Москву и помещены в следственный изолятор, но спустя шесть месяцев их освободили до суда (26).

Реакция России

После землетрясения в Армению приехал еще один видный визитер – самый известный советский диссидент, которого называли совестью нации – Андрей Сахаров. Он завершал поездку по Азербайджану, Нагорному Карабаху и Армении вместе со своей супругой Еленой Боннэр. В Армении они посетили зону землетрясения и встретились с оппозицией.

Взгляды Сахарова на карабахский вопрос были противоречивы. Вначале он занимал проармянскую позицию, заявляя, что Сталин несправедливо передал Нагорный Карабах Азербайджану в 1921 году и называя проблему Карабаха "пробным камнем перестройки и ее способности преодолеть сопротивление и инерцию прошлого". Проармянская позиция Сахарова сформировалась под влиянием его жены-армянки. Родители Елены Боннэр, чья девичья фамилия Алиханян, были армянами из Шуши, вынужденными покинуть город в 1920 году. Семейные воспоминания, видимо, произвели на нее глубокое впечатление. И все же, Сахаров и Боннэр, выслушав обе стороны, несколько пересмотрели свое мнение.

В качестве решения конфликта Сахаров предложил провести референдум, на котором жители каждой карабахской деревни могли бы решить, присоединяться ли автономной области к Армении или к Азербайджану. Но, посетив Нагорный Карабах и увидев, насколько сложна его география, Сахаров понял, что его идея неосуществима. Сейчас Боннэр признает, что тот план "не был идеальным решением", но защищает его, как, по крайней мере, пример творческого подхода к проблеме, поскольку ранее все дискуссии по карабахскому вопросу неизменно велись лишь в конфронтационном ключе: "Мы хотели увести разговоры с пути, ведущего к войне" (27).

Первоначальная позиция Сахарова отражала в целом проармянские настроения российской интеллигенции. Армянская и российская интеллигенция традиционно поддерживали близкие отношения, и после погромов в Сумгаите большинство представителей московской интеллектуальной элиты всецело поддерживало армян. Сегодня российский журналист Виктор Лошак соглашается с тем, что этот проармянский консенсус представлял известную опасность:

"Нам казалось, что возвращение Карабаха Армении было частью процесса демократизации Советского Союза. Нам тогда казалось, что восстанавливалась справедливость. Нам казалось, что мы правы. Но на самом деле мы были абсолютно не правы в том, что полностью игнорировали настроения другой стороны. Мы не думали о том, какой будет реакция тех, кто считал Нагорный Карабах частью своей страны".

Возникавшую азербайджанскую оппозицию возмущало подобное отношение. В феврале 1989 года азербайджанский ученый и активист Зардушт Ализаде посетил одно из заседаний "Московской трибуны" в Доме ученых в Москве. Сахаров был председателем этого диссидентского форума. Участники собрания приняли обращение с требованием освободить членов "Комитета Карабах", арестованных двумя месяцами раньше. По словам Ализаде, на этом собрании он говорил о том, что деятельность "Комитета Карабаха" принесла страдания азербайджанцам. Потом, вспоминает Ализаде, один бывший диссидент возмутился, посчитав, что он не имел никакого права делать такие заявления. Ализаде в своей речи цитировал знаменитую фразу Достоевского о том, что никакое благое дело не стоит слезинки ребенка. Его оппонент настаивал: "Какое право имеете вы, азербайджанцы, говорить о слезах

детей после Сумгаита?". На что Ализаде ответил: "А вы что же, действительно думаете, что в сумгаитских погромах участвовал весь народ?" (28).

Специальный представитель

В июле 1988 года, когда кризис приобретал затяжной характер, Горбачев, по-видимому, решил, что у него нет иного выбора, кроме введения в Нагорном Карабахе прямого правления Москвы. 24 июля он вызвал в Кремль промышленника Аркадия Вольского, который уже посещал автономную область тремя месяцами ранее. После длившейся всего несколько минут беседы Вольский согласился стать представителем Политбюро в Карабахе на "шесть месяцев". Как оказалось, ему пришлось остаться там почти на полтора года (29).

Официально должность Вольского называлась "Представитель Центрального Комитета и Верховного Совета", фактически же он стал своего рода генерал-губернатором, несущим ответственность, по его собственным словам, "за все, начиная с осеменения коров до военных вопросов". По общему мнению, такая работа была как раз для него. Человек большого личного обаяния, он снискал – по крайней мере, сначала, – уважение к себе обеих конфликтующих сторон, и ему удавалось, по крайней мере, на первых порах, снимать напряженность в межэтнических отношениях. Те же качества Вольский вновь проявил в роли российского посредника в Чечне в 1995 году, когда он наладил нормальные рабочие отношения с делегацией чеченских повстанцев.

Главным направлением стратегии Вольского была социально-экономическая сфера. В первой половине 1988 года из-за забастовок были остановлены предприятия Нагорного Карабаха, что не могло не сказаться на командной советской экономике. Как выразился Борис Нефедов, главный помощник Вольского: "Забастовка на заводе по производству конденсаторов [в Степанакерте] привела к сбоям в работе 65 предприятий Советского Союза, выпускавших телевизоры и радиоприемники". Со своей стороны, карабахские армяне жаловались, что они больше не получают прибыли от поставок в Азербайджан своих традиционных товаров – таких, как шелк-сырец и виноградный сок.

Предложение Вольского состояло в том, чтобы заняться поиском новых экономических партнеров для карабахских предприятий в России – шаг, который, безусловно, вызвал недовольство в Азербайджане. Несмотря на все усилия Вольского, экономическое сражение было, в конечном счете, проиграно. По оценкам специального представителя Москвы, по состоянию на ноябрь 1989 года конфликт вокруг Карабаха уже стоил советской экономике 1 млрд. рублей, и эти потери значительно превосходили те 400 млн. рублей инвестиций, которые за год до этого обещал выделить Горбачев (30).

Каждый день Вольский и его команда выступали в роли пожарников, пытаясь потушить огонь вражды между двумя общинами. Вспоминает российский журналист Вадим Биркин, уроженец Карабаха, который работал пресс-секретарем Вольского:

"Армяне и азербайджанцы затевали споры буквально по любому поводу. Скажем, "кому можно и кому нельзя пользоваться колодцем". Например, в Кяркиджахане, горной деревушке близ Степанакерта, местные азербайджанцы запретили это делать односельчанам-армянам. Или "кому можно и кому нельзя ездить по этой дороге". Подобные спорные вопросы очень сильно обострили ситуацию. Однажды Вольский послал меня [в Кяркиджахан], чтобы расследовать это дело... Я взял фотоаппарат и поехал выяснить, могут жители пользоваться [колодцем] или нет. Азербайджанцы напали на меня, отобрали фотоаппарат и засветили пленку". (31)

В течение 1988 и 1989 годов обе общины Нагорного Карабаха начали пускать в ход друг против друга любое оружие. Армяне, составлявшие три четверти населения, пользовались своим численным превосходством. Армянская молодежь забрасывала камнями автобусы и

грузовики, доставлявшие товары первой необходимости в Шушу. Азербайджанские рабочие были уволены со всех предприятий Степанакерта. Армяне, жители селения Ванк, даже пытались не позволить азербайджанским пастухам вывести полумиллионное стадо овец с летних пастбищ, что заставило Вольского раздраженно воскликнуть: "У овец же нет никаких национальных амбиций!".

Главным оружием Азербайджана было экономическое давление на армянский анклав, находящийся на его территории. Азербайджанцы могли блокировать поставку товаров в Карабах автотранспортом и по железной дороге. Олег Есяян, армянин, возглавлявший социально-экономический отдел администрации Вольского, жаловался, что азербайджанцы разгружают железнодорожные вагоны и забирают грузы еще на подъездах к Степанакерту. Азербайджанцы также полностью контролировали единственный в Карабахе маленький аэропорт недалеко от селения Ходжалы (32). Когда пять лет спустя, в 1994 году, война закончилась, эта битва демографии с географией достигла апогея: армяне использовали свое численное преимущество, чтобы вытеснить всех азербайджанцев из Карабаха; азербайджанцы же воспользовались своим экономическим превосходством и сжали вокруг Карабаха кольцо экономической блокады.

День 18 сентября 1988 года был отмечен невиданным доселе насилием. Толпа азербайджанцев неподалеку от селения Ходжалы напала на колонну советских солдат и армянских мирных жителей, доставлявших продовольствие и товары первой необходимости в Степанакерт. После этого несколько сот армян, вооруженных топорами и охотничьими ружьями, направились к поселку с целью возмездия. Части внутренних войск МВД преградили им путь и остановили большинство нападавших, но некоторым все же удалось прорваться в Ходжалы, и там завязался жестокий бой с азербайджанцами. По меньшей мере два десятка человек получили ранения, двое солдат позже скончались. Это кровавое столкновение возвестило о несчастной судьбе этнических меньшинств в обоих главных городах Карабаха: вскоре всех армян изгнали из Шуши, а всех азербайджанцев – из Степанакерта.

Вольский в это время отсутствовал, и его замещали двое из его команды – Григорий Харченко и Борис Нефедов. Харченко говорил по телефону с Горбачевым и был поражен тем, насколько плохо генеральный секретарь осведомлен о происходящих событиях:

"Вольский находился в отпуске. Мы с Борисом Нефедовым действовали на свой страх и риск. Горбачев был в Красноярске и звонил мне оттуда. В городе полыхали пожары, дома поджигали, на улицах стреляли, появились раненые. Он позвонил и сказал: "Вызывайте Погосьяна и членов комитета партии! Скажите им, что, если они это не остановят, они будут исключены из партии!" Я сказал: "Михаил Сергеевич, все они уже давно наплевали на свои партбилеты. Члены комитета и организовали эти выступления! О чем вы говорите? О каких партийных методах вы говорите? Они мешками собирают паспорта и отказываются от советского гражданства". Вольский спешно вернулся в Карабах. Он вспоминает, как его вызвали к горящему дому в Степанакерте, и он помогал сорока азербайджанским детям выбираться из задымленного подвала. Он понял, что необходимо вводить военное положение, но, по его словам, Горбачев не соглашался:

"Было два часа ночи. [Горбачева] разбудили. Поначалу охранники не хотели его будить. Тогда я разозлился и в 9 часов следующего утра выступил по телевидению без санкции Москвы. Я опустил слово "военный" и сказал, что мы временно вводим "особый режим". На время приостанавливалась деятельность всех партий и движений, всех конституционных гарантий... Откровенно говоря, это был единственный правильный тогда шаг".

1989: сползание к насилию

В 1989 году по всей территории Советского Союза прошла волна протестов. После того, как в

Грузии, в Балтийских республиках и в Центральной Азии вспыхнули серьезные национальные споры, не утихающий кризис в Нагорном Карабахе сместился на второй план. В это время самый серьезный политический вызов режиму Горбачева был брошен из России. Первый свободно избранный парламент Советского Союза, Съезд народных депутатов, начавший свою работу весной 1989 года, стал форумом для всех новых оппозиционных движений. Зорий Балаян был одним из избранных на Съезд депутатов от Нагорного Карабаха. Он использовал свой статус парламентария для сплочения рядов оппозиции.

В январе 1989 года Москва придала "специальному режиму" Аркадия Вольского статус постоянной администрации. Вольский возглавил "Комитет особого управления Нагорного Карабаха", куда помимо постоянных восьми членов, входили также еще четверо русских, двое армян и один азербайджанец. Местные партийные органы были распущены, а политические митинги и собрания запрещены. Для поддержания общественного порядка вновь созданный Особый Комитет имел в своем распоряжении части внутренних войск МВД численностью в 4 тысячи человек.

Но даже этого оказалось недостаточно, поскольку армяне Карабаха отказались подчиняться новому органу власти. В июле армянские жители Шаумяновского района Азербайджана к северу от Нагорного Карабаха (географически расположенного в равнинной части Карабаха), вступили в борьбу. Местные комитеты партии приняли решение о присоединении к Нагорному Карабаху. Это решение, конечно, сразу было отвергнуто в Азербайджане. 16 августа на митинге в Степанакерте карабахские армяне избрали Национальный Совет из 79 членов, который заявил о принятии на себя всей полноты власти в Карабахе и о намерении сотрудничать с комитетом Вольского только по собственному усмотрению.

Нагорный Карабах разваливался. В регионе было теперь четыре органа власти: Особый Комитет Вольского, две армянские и одна азербайджанская структура. До этого число жертв столкновений было невелико: около десятка человек погибли во всем спорном регионе. Когда жители Карабаха вместо охотничьих и самодельных ружей стали вооружаться боевым стрелковым оружием, количество убитых стало непрерывно расти. "Вторая половина 1989 года началась с раздачи оружия, – вспоминает Вольский. – От этого факта никуда не уйти". Тогда же начали взрывать мосты, блокировать дороги и брать первых заложников. Группа азербайджанцев в Шуше даже взяла в заложники командующего группировкой внутренних войск МВД Юрия Шаталина, и Вольскому пришлось послать бронемашину для его освобождения. Конфликт разгорелся с новой силой осенью 1989 года, когда азербайджанская оппозиция объявила о блокаде ведущей к Карабаху железной дороги и попыталась прекратить поставку армянскому анклаву горючего и продовольствия.

В архиве Политбюро хранится датированное 4 сентября 1989 года постановление, которым оно, по рекомендации двух своих членов, санкционировало новые драконовские меры безопасности. Оба настаивали на том, что "националистические и экстремистские вооруженные формирования" следует "разоблачить" и "разоружить" и предупреждали о возможности "массовых вооруженных столкновений" в Карабахе. Они предлагали, чтобы внутренние войска были заменены частями действующей армии. Помимо всего прочего, Политбюро приняло решение об изъятии у сотрудников милиции автоматического и снайперского оружия, о взятии под охрану складских помещений, где хранятся взрывчатые вещества, а также общественных зданий и аэропортов. Оно уполномочило Министерство обороны обеспечить контроль над всеми видами тяжелого вооружения на территории Азербайджана и Армении (33).

Тем не менее, казалось, на местах ничего не изменилось. В стране задули иные политические ветры, а в Москве Вольский постепенно впал в немилость. Осенью 1989 года советское руководство проявляло куда больше беспокойства по поводу Азербайджана, нежели Армении. В Азербайджане укрепился Народный фронт – и оппозиция, и руководство партии требовали роспуска комитета Вольского и возвращения Карабаха под прямое

управление Баку. 28 ноября Верховный Совет СССР официально распустил Особый комитет и выпустил указ о его замене "Организационным комитетом", руководство которым осуществлялось непосредственно из Баку. В течение недолгого времени все оставалось по-прежнему, и Вольский со своим комитетом продолжал работать в Карабахе, сохраняя свои полномочия. Он выехал со своей командой из Карабаха только после событий "черного января" в Баку.

Угроза введения в Карабахе прямого правления Баку, однако, вызвала самую резкую реакцию армян, провозгласивших теперь полное соединение Нагорного Карабаха и Армении. 1 декабря Верховный Совет Армении и карабахский Национальный Совет приняли совместную резолюцию, третий пункт которой гласил: "Верховный Совет Армянской ССР и Национальный Совет Нагорного Карабаха провозглашают воссоединение Армянской ССР и Нагорного Карабаха. Население Нагорного Карабаха наделяется всеми правами граждан Армянской ССР".

Ранее, в мае 1989 года, члены "Комитета Карабах" были выпущены на свободу после того, как московские власти решили, что им не может быть предъявлено никакого обвинения. Они вернулись в Ереван, где их встречали как героев, или, по словам Ашота Манучаряна, "как нечто среднее между Франциском Ассизским и Папой Римским" (34). Они возобновили оппозиционную деятельность, пользуясь теперь значительно большим авторитетом. В своих публичных выступлениях вышедшие на свободу лидеры оппозиции отвергали идею выхода Армении из состава Советского Союза. В июле 1989 года Левон Тер-Петросян сказал в интервью французской газете "Фигаро": "Мы говорим о строительстве федерации народов ССР и о продвижении к демократизации страны" (35). Однако дискуссии о независимости более уже не воспринимались как табу, и армяне то и дело вспоминали, что они всего два поколения назад, в 1918-1920 годах пусть на короткий период, были независимы. По признанию Тер-Петросяна, он всерьез задумался над идеей независимости летом 1989 года.

"Я скептически относился к тому, что происходило тогда в Прибалтийских республиках, в Армении, на Украине, в Молдове. Я говорил, что нам еще рано говорить о независимости. Пока то же самое не начнется в России, нам независимости не видать. Я пришел к выводу, что Советский Союз доживает последние дни, и что мы сможем обрести независимость только после забастовки шахтеров в России летом 1989 года. Когда начались эти многомиллионные забастовки, Сахаров и другие сразу политизировали их... Это было чем-то мощным. После этого я сказал: "Пора, нам надо бороться за независимость". Потому что было бы очень опасно, если бы Советский Союз рухнул, а мы не были бы готовы к этому" (36).

Примечания:

1. Интервью с Харченко 4 декабря 2000 г.
2. Вот еще одно объяснение названия "Крунк": по-русски эта аббревиатура расшифровывается как "Комитет революционного управления Нагорного Карабаха".
3. Бабкен Араркцян, Ашот Манучарян, Вазген Манукян и Левон Тер-Петросян.
4. Интервью с Манукяном 5 мая 2000 г.

5. Интервью с Тер-Петросяном 24 мая 2000 г.
6. Russian Archives Project, фонд 89, пол. 1003, 89/42/19.
7. Интервью с Гиренко 2 июня 2000 г.
8. Russian Archives Project, фонд 89, пол. 1003, 89/42/18.
9. Интервью с Яковлевым 8 декабря 2000 г. В своих мемуарах Лигачев подтверждает сказанное им в разговоре с Горбачевым из Баку; Ligachev, Inside Gorbachev's Kremlin, p. 173.
10. Интервью с Михайловым 5 декабря 2000 г.
11. Георгий Шахназаров. Цена свободы, стр. 212.
12. Приводится в кн.: Владимир Григорян. Армения 1988-1989 гг. (Ереван, 1999), стр. 118.
13. В Армении АОД известно как "HNSH" – аббревиатура названия на армянском "Hayots Namazgayin Sharzhum".
14. По статистическим подсчетам Арифа Юнусова, из Армении в Азербайджан бежали 186 тысяч азербайджанцев и 18 тысяч курдов-мусульман; позднее 7 тысяч курдов переехали в Россию. Ариф Юнусов. "Миграционные потоки – обратная сторона независимости", – в кн.: "Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство". Москва, Финстатинформ. 2000, стр. 108.
15. Интервью со Степаняном 28 апреля 2000 г.
16. По изложению Гургена Бояджяна в интервью 26 сентября 2000 г. Этот рассказ не мог быть подтвержден.
17. Бакатин. Дорога в прошедшем времени, стр. 146.
18. Ариф Юнусов. Погромы в Армении в 1988-1989 годах", – "Экспресс-Хроника" 9 (186), 26 февраля 1991 г.
19. Там же.
20. Rost, Armenian Tragedy, 192.
21. О празднествах на улицах Баку см.: Александр Лебедь. За державу обидно. – Москва: Московская правда. 1995, стр. 255-256.
22. Интервью с Лошаком 6 декабря 2000 г.
23. Интервью с Газаряном 22 мая 2000 г.

24. Шахназаров. Цена свободы, стр. 216.
25. 11 декабря 1988 г. Roxburgh, Second Russian Revolution, p. 123.
26. По сравнению с другими заключенными советских тюрем, условия содержания членов "Комитета Карабаха" были относительно хорошими. Например, Левона Тер-Петросяна поместили в просторную двухместную камеру тюрьмы "Матросская Тишина" вместе с узбекским диссидентом из Бухары, лидером оппозиционной партии. В августе 1991 г. в ту же камеру попал участник путча и глава КГБ Владимир Крючков.
27. Интервью (по телефону) с Боннэр 17 сентября 2000 г.
28. Интервью с Ализаде 9 июня 2000 г.
29. Интервью с Вольским 1 июня 2000 г.
30. Интервью с Нефедовым 7 декабря 2000 г. Андрей Пральников. "НКАО: будни особого управления", в: "Московские новости", №45, 5 ноября 1989 г., перепечатано в кн.: "Нагорный Карабах глазами независимых наблюдателей", стр. 123-124.
31. Интервью с Быркиным 1 июня 2000 г.
32. Интервью с Есаяном 5 октября 2000 г.
33. События в Ходжалы восстановлены по их описанию в кн. Malkasian, Gha-ra-bagh!; Rost, Armenian Tragedy и "Хроника НКАО".
34. Russian Archives Project, фонд 89, рол. 1991, 89/10/42.
35. Интервью с Манучаряном 4 мая 2000 г.
36. Le Figaro, 26 July 1989.
37. Интервью с Тер-Петросяном 24 мая 2000 г.

В 1905 году журналист Луиджи Виллари был очарован небольшим кавказским городом с двадцативосьмитысячным населением:

"Сводчатые пассажи, впитавшие в себя аромат всех тайн Востока, где расположились занавешенные темной тканью лавчонки, толпы татар, облаченных в длинные синие туники, мелькающие здесь и там зеленые тюрбаны мулл, – все было очень привлекательным. В маленькой открытой комнатке без дверей я увидел учителя, преподающего дюжине мальчишек основы религии. Он нараспев монотонно бубнил свой урок, раскачиваясь вперед и назад. В другой комнате цирюльник сбрасывал очередной своей жертве остатки волос. На каждом шагу встречались лотки с чаем и кофе, но тех диковинных вкусных восточных сладостей, которые я отведал в Константинополе и Сараево, найти мне не удалось. Огромные нескладные верблюды отдыхали в темных галереях и крошечных двориках. Миновав зловонный базар, вы неожиданно выходите к прекрасной мечети, называемой Гёк Джами" (1).

Этим городом был Ереван. В то время его смешанное население составляли армяне и мусульмане, городским головой был русский, а атмосфера его была напоена духом Ближнего Востока. В течение нескольких веков Ереван был форпостом Персидской империи, но ко времени его посещения Виллари город на протяжении уже почти восьмидесяти лет находился в российском владении. Ереван стал столицей Армении чуть ли не по ошибке. "Многие армяне считают Ван своей столицей", – пишет другой путешественник, Уильям Элрой Куртис, побывавший в Ереване спустя пять лет после Виллари в 1910 году. (2) Куртис имел в виду город в турецкой Армении, к югу от Еревана, но с таким же успехом он мог назвать и расположенную севернее столицу Грузии Тифлис, большинство населения которого тогда составляли армяне.

Современный Ереван с его прямыми улицами и квадратными зданиями из розового туфа и гранита производит впечатление советского города. Ереван сейчас стал чисто армянским, но его огромные размеры и опрятность как-то не вяжутся с прихотливым армянским темпераментом. Только летом, когда горожане заполняют парки, чтобы посидеть в кафе, выпить кофе и поболтать с друзьями, Ереван становится как бы более обжитым. Все широкие городские проспекты ведут к Опере, круглому зданию в неоклассическом стиле, перед которым располагается Театральная площадь.

В 1988 году армяне нашли применение внушительному пространству в центре города: Театральная площадь с двумя памятниками – композитору и поэту – стала местом проведения политических митингов, число участников которых доходило до миллиона. Не случайно армянское слово "гласность" – "hraparakajnutiun" – происходит от слова "hraparak", то есть "площадь". С тех пор Ереван сильно пострадал от энергетического кризиса, войны, массового бегства его жителей. Оставшиеся ереванцы жалуются, что некогда живой город стал скучным и безжизненным.

Однажды в поисках примет старого Еревана я свернул с проспекта Маштоца в тихий дворик. Я искал здание, которое Виллари назвал "прекрасной мечетью Гёк Джами". Постройка все еще высилась напротив центрального базара, который теперь представляет собой крытый ангар – внутри и вокруг которого деревенские жители продают свежий лаваш, помидоры, пучки тархуна – эстрагона. В дворике, куда я свернул, у дальней кромки квадратного водоема со стоячей водой и нависшими над ним ветвями тутовых деревьев, поблескивала выложенная плиткой стена мечети восемнадцатого века.

Моим экскурсоводом стал архитектор Григор Налбандян. Кроме пары усатых рабочих-иранцев, раскалывающих долотом каменные глыбы, здесь больше никого не было. Налбандян руководил реставрацией комплекса мечети, которую осуществляет совместное

армяно-иранское предприятие. Хотя Армения и Иран – страны с разным вероисповеданием, они являются политическими союзниками. Стены мечети были заново отстроены из красного армянского кирпича и облицованы бирюзовой персидской плиткой. Мы сняли обувь перед тем, как войти под гулкие своды мечети, чей пол был недавно выложен исфаханским мрамором. Здесь совсем пусто; сюда приходят на молитву лишь около десяти дипломатов из иранского посольства. Этот причудливый тихий оазис в самом центре Еревана – единственное напоминание о периоде персидского владычества.

В Ереване находятся археологические раскопки древнего города Эребуни, свидетельствующие, что армяне жили здесь на протяжении многих веков. Однако с шестнадцатого по девятнадцатый век культурная и религиозная жизнь армян была сосредоточена в городе Эчмиадзин, в шестнадцати километрах к западу от столицы, где находилась резиденция католикоса – главы армянской церкви. Ереван же, столица ханства, был преимущественно мусульманским городом, где не было больших церквей, зато насчитывалось шесть мечетей. Когда в 1827 году Россия завоевала Восточную Армению, в ереванском регионе проживало всего двадцать пять тысяч армян, мусульманское же население было гораздо более многочисленным (3).

В девятнадцатом веке, после того как метрополия направила сюда на поселение тысячи семей армянских иммигрантов из Турции и Персии, Ереван стал более армянским городом. И, тем не менее, еще в 1870-х годах в нем насчитывалось всего двенадцать тысяч жителей, то есть он был даже меньше Шуши, и армянские переселенцы предпочитали искать работу в Баку (4).

Таким, как сейчас, Ереван стал благодаря очередной, намного более интенсивной волне иммиграции. В 1915-1918 годах почти четверть армянского населения турецкой Анатолии, спасаясь от резни и жестокого преследования со стороны турок и курдов, бежала на север, в Восточную Армению. В той кровавой бойне погибло около миллиона армян. Это была величайшая, ни с чем не сравнимая трагедия в армянской истории. Армяне называют ее "Mets Eghern" – "великая резня". По-английски ее обычно называют "геноцидом армян" (5).

В 1918-1920 годах Ереван был столицей первой республики Армении, некоторое время сохранявшей независимость, и единственным убежищем для сотен тысяч армянских беженцев из Анатолии. В 1920 году город стал столицей советской Армении. Когда в 1932 году Ереван посетил писатель Артур Кестлер, ему, еврею, городские кварталы напомнили тогдашние еврейские поселения в Палестине:

"Энтузиазм, неразбериха, ошибки и плохой вкус, сопровождавшие строительную лихорадку, – все это было мне до боли знакомо. И здесь тоже на смену завораживающему, красочному и грязному Востоку пришли однообразные, дешевые, уродливые утилитарные постройки. Ереван тоже был безликим городом первопроходцев – обрывающиеся пустырями улицы, недостроенные дома, валяющиеся повсюду трубы и обрывки проводов. Телефоны здесь все еще в большом дефиците, поэтому, чтобы кому-то позвонить, достаточно просто назвать телефонистке имя абонента, а не номер. И вавилонское смешение языков тоже было знакомо: значительная часть населения состояла из беженцев и иммигрантов из Турции, Армении, Европы и Америки. Часто бывало, когда я спрашивал у прохожего дорогу на ломаном русском языке, мне отвечали на прекрасном немецком или французском. Политическая ориентация многочисленной интеллигенции Еревана, – а это общительные и хорошо образованные люди – в отличие от тифлисской, была очень дружеской к России и советскому режиму" (6).

Современная Армения выросла под мрачной тенью великой катастрофы 1915 года. Если упростить, то самой насущной проблемой Азербайджана в двадцатом веке было создание "нации". Перед Арменией стояла задача совсем иная: нация лишенная государства, была разбросана по всему миру. Армянская Советская Социалистическая Республика и была

создана как раз для того, чтобы стать для армян новой родиной. Ереван с его Оперой, Национальной галереей, музеем древних рукописей Матенадаран, превратился, можно сказать, в кладезь мифов и чаяний армянского народа. Кестлер назвал его "подобием Тель-Авива, куда съехались уцелевшие потомки другого народа-мученика, чтобы построить себе новый дом" (7).

Утром 24 апреля 2000 года я присоединился к многолюдной процессии, направляющейся к мемориалу памяти жертв геноцида на холме Цицернакаберд, в западной части Еревана. Широкий людской поток медленно двигался по мощеной дороге к мемориалу, под льющуюся из уличных репродукторов скорбную мелодию композитора Комитаса. С 1967 года армяне отмечают годовщину страшных событий 1915 года – День геноцида. В этот день в Стамбуле были арестованы и затем убиты многие представители армянской интеллигенции.

Это было семейным событием. Идущие вверх по склону горы люди чувствовали себя раскованно: переговаривались, фотографировались на память. Они несли букеты сирени и тюльпанов. Сановников не было: официальные лица возложили венки рано утром. Мы медленно поднимались на холм. Мои друзья были поражены немногочисленностью участников шествия. В конце 1980-х – начале 1990-х годов в этих церемониях принимал участие буквально весь город. "Десять лет назад это для всех нас было большим событием, – сказал Тигран. – Через каждые десять метров приходилось останавливаться и ждать, и лишь потом продолжать двигаться дальше. Чтобы приблизиться к мемориалу, приходилось идти по четыре-пять часов".

И вот мы оказались на вершине. Слева от нас тянулась длинная серая стена с выгравированными на ней именами городов, где были уничтожены армянские общины: Карс, Эрзерум, Трабзон, Ван и многие другие. Прямо перед нами высился сам мемориал: двенадцать огромных базальтовых плит, каждая из которых символизирует "вилаят" – турецкую провинцию. Плиты склонены над погруженной в землю чашей, где горит вечный огонь. Мы возложили принесенные букеты на внушительный, в половину человеческого роста, вал красных и белых цветов, выросший по краю чаши.

Потом мы вышли к широкой лестнице, ведущей в город. Прямо перед нами гигантский белоснежный конус горы Арарат заслонял горизонт, и казалось, что этот величественный пейзаж также стал плодом вдохновения для создателей Мемориала. Арарат для армян – еще один символ национальной утраты, ведь теперь он находится по ту сторону границы, на территории Турции.

В течение всего этого дня меня не покидало ощущение, что атмосфера Еревана стала вдруг какой-то непривычной, и я не сразу понял, в чем дело: изменился музыкальный фон города. В День геноцида, единственный раз в году, из включенных на полную громкость радиоприемников в городских кафе и такси вместо разухабистой русской попсы лились армянские мелодии, слышались скорбные звуки дудука. На один день Армения сбрасывала свою советскую идентичность и надевала куда более привлекательный ближневосточный наряд.

Скромность проводимых 24 апреля официальных церемоний и публичных мероприятий придавала этому скорбному дню памяти особую торжественность, что, видимо, отражало и отношение современных армян к геноциду. Жители республики столкнулись с таким множеством других куда более насущных проблем – от Карабаха до экономического выживания, – что кажется: события далекого 1915 года перестали быть для современных армян фактором единения нации. Мой друг Тигран высказал такую мысль: победа над Азербайджаном, по его словам, изменила устойчивое представление армян о себе как о "благородных жертвах". На этот раз они, наконец-то, победили, а их противник проиграл. Ну и как можно оставаться "плачущим народом", если вы нанесли поражение своему соседу?

И, тем не менее, для разбросанных по всему миру армян геноцид 1915 года все еще определяет особенности национального самосознания. Это не удивительно, потому что армянская диаспора, особенно в Соединенных Штатах и Франции, состоит в основном из потомков тех, кто после событий 1915 года бежал из Восточной Анатолии. Начиная с 1950-х годов, армянская диаспора потратила много сил и миллионы долларов, чтобы заставить Турцию и другие страны мира признать массовые убийства начала века геноцидом армянского народа.

К удивлению многих первый президент независимой Армении Левон Тер-Петросян намеренно не стал заострять вопрос о геноциде. Закрытие армяно-турецкой границы в 1993 году и отсутствие дипломатических отношений с Турцией стали в большей степени результатом карабахского конфликта, нежели событий 1915 года. Преемник Тер-Петросяна, Роберт Кочарян, поначалу также оставлял в стороне проблему геноцида. Но затем, в 2000 году, он начал использовать все международные трибуны для того, чтобы добиться официального признания массовых убийств армян в 1915 году геноцидом.

Европейский парламент и Сенат Франции приняли соответствующие резолюции, в которых резня 1915 года была названа геноцидом. Американский конгресс также хотел последовать их примеру, но этому помешало вмешательство Билла Клинтона. Президент Соединенных Штатов, обеспокоенный возможной негативной реакцией Турции, убедил конгресс приостановить принятие этой резолюции.

Решения европейских парламентов вызвали ярость Турции, которая даже расторгла ряд коммерческих соглашений с Францией. Согласно турецкой версии, убийства 1915 года были не столь масштабными, как это утверждают армяне, да и произошли они в период гражданской войны и распада Османской империи, когда погибла масса турок. То есть, в официальной турецкой историографии событиям того периода дается совершенно иная идеологическая интерпретация: армяне представляются "пятой колонной" мировых сверхдержав, которые стремились в зародыше уничтожить новое турецкое государство.

В процессе обмена взаимными обвинениями был сделан ряд смелых попыток, наконец, начать армяно-турецкий диалог по вопросу о том, что же тогда произошло в действительности. В 2001 году была создана Турецко-армянская комиссия по примирению (TARC – согласно ее английской аббревиатуре), деятельность которой подверглась в обеих странах острой критике. В 2000 году турецкие и армянские историки провели ряд встреч и консультаций. Однако основным препятствием в их работе стало то, что доступ к архивам времен распада Османской империи и архивам правительства армянских дашнаков 1918-1920-х годов был разрешен лишь узкому кругу благонадежных ученых.

При столь очевидном различии мнений большое впечатление на меня произвели доводы армянского историка Жирайра Липаритяна, занимавшего также пост советника президента Тер-Петросяна по внешней политике. Он считал, что политизация "проблемы геноцида" приводит к девальвации его значения. Как только "проблема геноцида" перевелась в политическую плоскость, считает он, обе стороны были вынуждены занять бескомпромиссную позицию вместо того, чтобы включиться в интеллектуальную дискуссию. "Складывается впечатление, что в борьбе за и против признания геноцида обе стороны слепо следуют логике прошлого с целью это прошлое оправдать, – писал Либаридян. – Занятые обеими сторонами крайне непримиримые позиции, когда напрочь отвергается точка зрения противоположной стороны, – в конечном итоге лишь усиливают противостояние" (8).

Большинство ведущихся по этому вопросу дискуссий были связаны не столько с собственно историческими событиями, сколько с упрямым желанием каждой из сторон выдать себя за жертву насилия соседей. Существующее в национальном сознании армян ощущение, что в 1915 году их целенаправленно уничтожали как нацию, обострилось вновь в 1988 году, в связи с началом карабахского конфликта. "Страх быть уничтоженным, и уничтоженным не как

личность, не индивидуально, а как нация, страх геноцида таится в душе каждого армянина, – сказала известный армянский социолог Людмила Арутюнян. – От этого страха невозможно избавиться" (9).

Арутюнян заметила, что в разговорной речи большинство армян называет и турок, и азербайджанцев – "турками", не делая между ними никакого различия. Вот почему в 1988 году понятие "турецкой угрозы" 1915 года было экстраполировано на азербайджанцев, и рядом с мемориальным комплексом памяти жертв геноцида в Цицернакаберде появился памятник жертвам сумгаитских погромов. Арутюнян сказала, что многие в Армении отказываются верить в то, что армяне совершали акты насилия по отношению к азербайджанцам: "Армяне в ответ применяли почти те же методы, [что и азербайджанцы], но в исторической памяти армян это просто не остается".

Война изменила суть споров. В 2000 году, когда проблема Нагорного Карабаха все еще оставалась нерешенной, было ясно, что Азербайджан неминуемо окажется вовлечен в дискуссии о геноциде. В октябре 2000 года президент Гейдар Алиев заявил: "В истории никогда не происходило ничего похожего на "армянский геноцид", и даже если бы такое произошло, было бы неправильно вспоминать об этом спустя 85 лет". После поражения в войне с армянами и всех перенесенных страданий Алиев хотел заявить о праве азербайджанцев тоже считать себя жертвами.

У Еревана много тайн. Одна из них, как мне кажется, находится в нагромождении гаражей, сараев и овощных грядок позади жилого высотного дома № 22 по улице Вардананц, недалеко от центральной площади. Узкая каменная лестница привела меня к небольшому пустырю в окружении проржавевших зеленых гаражей с грудой кирпичей и песка посередине. Я был почти уверен, что именно здесь когда-то стояла мечеть, которой пользовались ереванские азербайджанцы. Ей не посчастливилось: постройку не сочли "персидской" и снесли.

Это место казалось таким жалким и заброшенным, что невольно возникло сомнение: уж не ошибся ли я адресом. У подножия лестницы сидела на раскладном стуле старуха в цветастом платье. Перед ней на земле была расстелена тряпица, на которой лежал ее товар: виноград, фасоль и лук. У нее было смуглое лицо, в ушах – каплевидные сережки. Наверное, она приезжала сюда каждый день из деревни, чтобы продавать фрукты и овощи. "Здесь была когда-то мечеть?" – спросил я у нее, указывая на площадку наверху. "Да, была", – ответила она.

– Что же с ней случилось?

– Мы не трогали ее до последнего дня, пока они не разрушили армянскую церковь в Баку.

Кажется, она имела в виду события начала 1990 года.

– Но зачем же ее снесли?

– А зачем было оставлять? – она пожала плечами. – Мы христиане, они мусульмане. Как только начались проблемы с Азербайджаном, наши армяне пришли и разрушили ее за три дня. Они привезли специальную машину, не знаю, как она называется, которая делает вот так – она взмахнула ладонью, имитируя движение бульдозера.

Я осторожно заметил, что здание ведь не должно расплачиваться за людские деяния.

– Да, стены нельзя винить, – согласилась женщина. – Но они воюют против всего. Что остается делать людям? Разве это жизнь?

Я не вполне понял, что она хотела сказать, но догадался, что "они", то есть те, о ком она говорила, не имели никакого отношения к мечети (10).

Легкость, с которой армяне смогли стереть с лица земли азербайджанскую мечеть в своем городе, можно объяснить лингвистическим трюком: азербайджанцев Армении, оказывается, легко вычеркнуть из истории страны, потому что до двадцатого века слово "азербайджанец" вообще не употреблялось, и представителей этого народа называли "татарами", "турками" или просто "мусульманами". Тем не менее, они не были ни персами, ни турками. Это были турецкоговорящие шииты – подданные персидской империи времен династии Сефевидов. Словом, это были предки тех, кого мы теперь называем "азербайджанцами". Таким образом, когда армяне говорят о "персидской мечети" в Ереване, название "персидская" заставляет забыть о том, что большинство молившихся в этой мечети со времени ее постройки в 1760-х годах должны были быть в сущности азербайджанцами.

В современной Армении об этих простых фактах мало кто знает. Но то, что Армения была родиной многих турецкоговорящих мусульман, не вызвало бы удивления у армянского национального героя, великого трубадура восемнадцатого века Саят-Новы, чьим именем назван один из больших проспектов Еревана. Он родился в Армении, воспитывался в монастыре Санаин, но стал поэтом при дворе грузинского короля Ираклия Второго в Тифлисе. Саят-Новая писал стихи на армянском, азербайджанском, грузинском и персидском языках (одно из его самых знаменитых стихотворений написано сразу на всех четырех). Большинство сохранившихся его баллад сочинены на азербайджанском, который в то время был лингва франка на Кавказе.

Однако к двадцатому веку азербайджанцы, на протяжении многих веков жившие в восточной Армении, превратились в безгласных гостей, подвергавшихся дискриминации и вытесненных на социальную обочину. Армяне реализовали свое право на родину за счет этих людей. В 1918-1920 годах десятки тысяч азербайджанцев были изгнаны из Зангезура. В 1940-х годах еще десятки тысяч были депортированы в Азербайджан, чтобы освободить место для армянских репатриантов. Во время последней этнической чистки в 1988-1989 годах избавились и от оставшихся.

Если современные армяне и вспоминают о своих бывших азербайджанских соседях, то скорее как о хороших земледельцах. Говорят, что они всегда продавали на рынках лучшие фрукты и овощи. Тем не менее, среди азербайджанцев было много и зажиточных горожан, чьи потомки сформировали в Азербайджане могущественную политическую коммуны в изгнании. Многие в просторечии называют их "еразами", или "ереванскими азербайджанцами".

Известный выходец из Армении, бывший советник президента Эльдар Намазов сказал мне, что его дед был торговцем и владел большими участками земли там, где сейчас расположен ереванский городской Национальный парк. В 1947 году его семья была вынуждена покинуть Армению. "У нас в семье всегда рассказывали истории о том, что армяне сделали с ереванскими азербайджанцами, – вспоминает Намазов. – У меня много родственников, которые погибли в начале века в результате массовых убийств азербайджанцев в Ереване, и много родственников, умерших в процессе депортации" (11).

По официальным данным, сейчас в Армении проживает около восьми тысяч азербайджанцев. В действительности, их число намного меньше: в республике осталось лишь несколько сот человек, в основном пенсионеров. И тем не менее, в Ереване каждый день можно встретить множество азербайджанцев – они приезжают в город на грузовиках, покупают на рынках овощи и фрукты, продают дешевые товары ширпотреба, стиральный порошок. Как же так?

В действительности, это иранские азербайджанцы, для которых Армения – прибыльный рынок. Их ярко раскрашенные грузовички с тупорылыми рыжими кабинами и зелеными или синими тентами над кузовом ползут по дорогам Армении к нетерпеливым покупателям, оказавшимся, можно сказать, невольными пленниками в своей не имеющей выхода к морю

стране. Все зависит от восприятия. Иран считается дружественным соседом, и эти водители, хотя и стопроцентные азербайджанцы по языку и по происхождению, являются гражданами Ирана – можно сказать, живое воплощение "персидской мечети". Армяне относятся к ним вполне терпимо, потому что занимаются с ними совместным бизнесом.

Иранских азербайджанцев немного. Чтобы город обрел вновь свой былой динамизм, чтобы сюда вернулась та колоритная суэта, что так очаровала Виллари в 1905 году, необходимо открыть границы с Турцией и Азербайджаном. Но в 2000 году это представлялось делом отдаленного будущего. Из-за головоломной послевоенной географии Кавказа, с закрытыми границами и линиями фронта, Москва или Лос-Анджелес оказываются ближе к Еревану, чем Эрзерум или Баку. Так что Восточный базар до сих пор закрыт.

Примечания:

1. Villari, *Fire and Sword in the Caucasus*, p.223-224.
2. Curtis, *Around the Black Sea*, p.148
3. Российский чиновник И. Шопен дал подробно описание жизни в новой "Армянской области" в период между 1829 и 1832 гг. По его подсчетам, ее население составляло 164 тысяч человек, из которых армян и мусульман-шиитов (азербайджанцев) было почти поровну. Среди армянского населения 25 тысяч человек были местными уроженцами, а 57 тысяч – иммигрантами. (И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. Санкт-Петербург, Типография Академии наук. 1852, стр. 639-642.)
4. Lourie, *Yerevan's Phenomenon*, p. 177-178.
5. По разным оценкам, в период между 1915 и 1923 гг. было убито от 600 тыс. до 1,5 млн. армян. Я употребляю термин "геноцид" без намерения вступать в исторический спор по поводу того, применим ли этот термин для массовых убийств армян.
6. Koestler. *The Invisible Writing*, p. 109.
7. *Ibid.*, p. 107.
8. Libaridian. *Reimagining the Past, Rethinking the Present*, p. 143.
9. Интервью с Арутюняном 2 октября 2000 г.
10. Рассказ о разрушении мечети взят из статьи Роберта Каллена "Roots" – в журн. "New Yorker", 15 April 1991. Каллен видел ее развалины в 1991 г.
11. Интервью с Намазовым 14 ноября 2000 г.

Глава 6. 1988-1990 г.г. Азербайджанская трагедия

23 июля 1988 года в середине дня пятеро азербайджанских ученых грустно стояли на тротуаре перед зданием ЦК Коммунистической партии в Баку. Только что закончилась продлившаяся два с половиной часа встреча с новым лидером компартии Азербайджана Абдурахманом Везириным. Они были подавлены.

Лейла Юнусова, которая была среди них в тот день, призналась, что вопреки ее ожиданиям

Везиров оказался куда консервативнее и ограниченнее своего предшественника. Другой ученый, физик Тофик Касумов, заметил, что самое лучшее сейчас пойти домой и закончить ремонт в квартире. Как утверждает третий участник встречи, ученый-арабист Зардушт Ализаде, тогда он заявил, что единственная возможность двигаться вперед – это основать оппозиционную коммунистической партии политическое движение – Народный фронт Азербайджана. Некоторые отнеслись к этой идее скептически, но Ализаде вспоминает, что в тот вечер "мы пошли к Лейле, купили по дороге пирог и, придя к ней, попили чай с пирогом. А на следующий день я начал работу по созданию Народного фронта" (1).

К сентябрю группа интеллигентов разработала первый проект программы "Народного фронта Азербайджана в поддержку перестройки". Как видно из названия, это была прогорбачевская реформистская организация, позаимствовавшая многие свои политические идеи из программы Народного фронта Эстонии, экземпляр которого удалось тогда случайно достать. Однако более важным, чем программа, был сам факт появления в Азербайджане альтернативного политического движения, вокруг которого могли группироваться активисты. Начав с весьма осторожных шагов, азербайджанская националистическая оппозиция прошла долгий путь к власти. Только в 1992 году, после напряженной борьбы, она окончательно вытеснила коммунистическую партию и ее политических преемников.

А в 1988 году Азербайджан все еще оставался одной из самых консервативных республик в составе Советского Союза, где пресекалось всякое политическое инакомыслие. В Армении большая часть партийной иерархии проявила готовность сотрудничать с новым националистическим движением, поэтому переход власти там прошел сравнительно легко. В Азербайджане же у власти и оппозиции не было никакой базы для компромисса, как не было и единого мнения по поводу того, что ожидает республику в будущем. Другим постоянным источником разногласий стала пропасть, разделявшая в основном русскоговорящую космополитичную бакинскую интеллигенцию и остальное население республики.

Некоторые члены "Клуба ученых" были членами партии, и их презирали радикально настроенные общественные деятели, исповедующие национализм и не интересующиеся горбачевской перестройкой. Два наиболее известных радикала, историк Этибар Мамедов и профсоюзный активист Неймат Панахов, происходили из семей "еразов", покинувших Армению в 1940-е годы.

Правительство и разобщенная оппозиция не смогли договориться о "правилах игры", что привело к продолжительной борьбе за власть. В конце концов, это спровоцировало кровавую конфронтацию между Москвой и Народным фронтом в Баку в январе 1990 года, когда советское руководство впервые направило войска в советский город, в результате чего было убито более ста человек. Эта трагедия ускорила движение Азербайджана к независимости и, вероятно, стала началом предсмертной агонии Советского Союза.

В 1988 году как в Армении, так и в Азербайджане, лишь одна проблема – Нагорного Карабаха – могла разжечь страсти и вывести людей на улицы. "Я говорил с сотнями людей, – говорит московский чиновник Вячеслав Михайлов, по долгу службы много раз бывавший в обеих республиках. – Я не встречал ни одного армянина или азербайджанца, от пастуха до академика, кто занимал бы компромиссную позицию по этому вопросу" (2).

В Баку искрой, от которой вспыхнул пожар массовых протестов, стало изгнание десятков тысяч азербайджанцев из Армении в ноябре 1988 года. Толпы людей заполнили площадь Ленина (впоследствии переименованную в площадь Свободы), занимавшую значительное пространство вблизи набережной между двумя самыми большими гостиницами города. С 17 ноября митинги проводились здесь непрерывно, демонстранты ночевали тут же, на площади. По некоторым оценкам, по ночам здесь собиралось около двадцати тысяч человек, а днем их число доходило до полумиллиона (3).

Н. Панахов и Э. Мамедов, наиболее популярные и смелые ораторы, подогревали антиармянские настроения. Они разжигали страсти, утверждая, что армяне планировали построить гостиницу для рабочих ереванского алюминиевого завода в прекрасной карабахской роще под названием Топхана (4). На восемнадцатый день протеста, 5 декабря, появились части советской милиции, которые силой очистили площадь. Среди арестованных был Панахов. Введенный после этого комендантский час отменили через десять месяцев.

После разгона митинга протеста в декабре 1988 года новое движение замедлило свой рост. Народный фронт раздирали интриги, люди подозревали друг друга в предательстве. Участникам всех возникавших в то время в Советском Союзе оппозиционных движений приходилось мириться с тем, что среди них могли оказаться провокаторы и агенты спецслужб. Как выяснилось позднее, в балтийских республиках некоторые первые активисты народных фронтов были связаны с КГБ, что, впрочем, не имело значения.

В одном из рассекреченных отчетов КГБ по Комитету Карабах упоминается, что один из членов московского отделения Комитета работал на КГБ. Имена не назывались. Страх оказаться под колпаком у спецслужб через внедренных агентов особенно широко был распространен во враждующих политических кланах Азербайджана. Один из основателей "Клуба ученых", Эльдар Намазов, не принимавший участие в массовых митингах, говорит, что в 1988 году коммунистические власти сделали неудачную попытку завербовать его. Ему предложили войти в Дом правительства на площади Ленина с черного хода и затем появиться на трибуне, откуда ораторы обращались к народу, и выступить в нужном для властей ключе:

"Мне были названы фамилии политических деятелей, которых они туда посылали. Я сказал: "Нет, спасибо, я в таких играх не участвую". Я пошел на митинг и остался в толпе. А люди из их списка действительно прошли через служебный вход, поднялись на трибуну и выступили. Многие из них вошли в историю как лидеры Народного фронта! Я не буду называть их имена" (5).

Такие обвинения, конечно, невозможно проверить. Единственный способ подтвердить или опровергнуть их – ознакомиться с архивами азербайджанского КГБ. Однако они так и не были обнародованы, даже в посткоммунистический период при Абульфазе Эльчибее. Хотя, вероятно, даже архивы КГБ не смогли бы дать ответы на все вопросы. Ведь и КГБ был раздроблен на фракции, вовлеченные в жестокую внутреннюю борьбу за власть.

В мае 1988 года Азербайджан обрел нового лидера партии в лице Абдурахмана Везирова, однако в правительстве все еще доминировали бывшие соратники Гейдара Алиева, который после своей отставки находился в Москве. Но даже будучи пенсионером, Алиев продолжал пользоваться большим влиянием в Азербайджане.

Правивший республикой более тридцати лет и занимавший различные высокие посты в Баку и в Москве, Алиев родился в Нахичевани в 1923 году. Он был третьим из восьми детей в семье, которая лишь недавно переехала туда из Армении (6). Он сделал головокружительную карьеру в органах безопасности. Став уже в восемнадцать лет лейтенантом НКВД, Алиев в 1960 году возглавил азербайджанский филиал КГБ, а девять лет спустя был назначен на пост первого секретаря республиканской компартии. Излюбленным политическим методом Алиева был и остается полный личный контроль.

Он создал сеть, состоящую из нахичеванцев, занявших посты на всех уровнях власти. Они негодовали, когда в 1988 году к власти пришел Везиров. В то время главой Совета Министров республики был Аяз Муталибов. Вот что он вспоминает об этом периоде: "В сущности, шла борьба между двумя кланами – Алиева и Везирова. Они никак не могли договориться" (7).

Некоторые активисты новой азербайджанской оппозиции опасались, что некоторые из их

соратников являются просто пешкой в этой игре. Такие предположения получили подтверждение в 1990 году, после того как Алиев вернулся из Москвы в свою родную республику Нахичевань, и некоторые ведущие активисты Народного фронта, включая и правую руку Абульфазы Эльчибея, Бежана Фарзалиева, стали работать с ним. Есть также убедительные доказательства того, что самый пламенный народный трибун, экстремист Неймат Панахов поддерживал контакты с Алиевым.

Панахов – малопривлекательный человек с изможденным лицом, аккуратной бородкой и пронзительными глазами. Во время интервью он все время щелкал пальцами или перебирал четки, излучая при этом мощную энергию, которая в свое время гипнотизировала толпы. Семья Панахова – выходцы из Армении, сам он вырос в Нахичевани. Когда начались карабахские события, ему было двадцать пять лет, и он работал токарем на заводе имени лейтенанта Шмидта.

Панахов уверяет, что даже в 1988 году, когда он был всего лишь двадцатипятилетним рабочим, он часто заходил в кабинет руководителя одного из районов Баку Рафаэля Аллахвердиева, старого союзника Алиева. Панахов говорит: "Рафаэль Аллахвердиев пытался убедить меня, что Гейдар Алиев – хороший человек, что он в курсе митингов протестов и так далее. Но наша встреча так и не состоялась" (8). Однако, судя по последующим событиям, Панахов на самом деле вел двойную игру. После возвращения в 1991 году в Азербайджан из Турции, где он скрывался, Панахов начал работать на Алиева. И в 1993 году, став президентом Азербайджана, Алиев дал Панахову должность в своей администрации, а Аллахвердиева сделал мэром Баку. Да и вообще достаточно странно, как простой рабочий сумел достичь таких высот. Сколько вреда принесли Азербайджану все эти политические игры, становится ясно лишь в ретроспективе, по прошествии многих лет.

Народный фронт

1989 год в Азербайджане начался тихо, но потом события стали разворачиваться стремительно, неотвратимо двигаясь к ужасной кульминации. 16 июля Народный фронт вступил во вторую фазу своей истории: был проведен первый съезд и выбран новый председатель, Абульфаз Эльчибей, человек, ставший в 1992 году, президентом Азербайджана. Эльчибей, считавшийся диссидентом, был ученым, специалистом по Ближнему Востоку, и, как отмечали даже его противники, честным человеком, обладавшим большим моральным авторитетом. Он видел будущее Азербайджана в тесных связях с Турцией и постоянно подчеркивал, что азербайджанцы – "турки". Он неприязненно относился к Ирану и России и подчеркнуто отказывался говорить по-русски на публике, пользуясь услугами переводчика, даже когда ездил в Москву.

В новом Народном фронте все были согласны с тем, что Азербайджан должен добиться независимости от Москвы. Члены организации хотели поднять статус азербайджанского языка, наладить контакты со своими этническими братьями в Иране. Также было достигнуто согласие в том, что движение должно иметь светский, а не исламский характер. Историки начали публиковать статьи, в которых ставили под сомнение официальную версию захвата Азербайджана большевиками в 1920 году и, следовательно, законность советского режима в республике. Люди стали отказываться от своих русифицированных фамилий.

Но подобного согласия не было в отношении политических методов и целей. Одно крыло организации составили люди умеренных, либеральных взглядов, которые ставили перед собой единственную цель – победить на парламентских выборах в 1990 году. Противоположное крыло составляли радикалы типа Панахова. Выйдя из тюрьмы летом 1989 года, он начал пропагандировать идею независимости Азербайджана от Советского Союза. Эльчибей и его советники лавировали между разными фракциями, все больше склоняясь к радикальному крылу. Один из основателей Народного фронта Лейла Юнусова, придерживающаяся либеральных взглядов, жаловалась, что осенью 1989 года движение

было захвачено "большевиками", которые стали использовать тактику насилия и запугивания своих оппонентов. Позднее она писала: "Осуждая Коммунистическую партию Советского Союза за тоталитаризм, некоторые лидеры Народного фронта Азербайджана ухитрились позаимствовать худшие черты большевизма" (9).

К концу лета 1989 года поднялась новая волна массовых протестов, вызванных карабахской проблемой. В митингах и демонстрациях принимали участие сотни тысяч азербайджанцев. Мамедов и Панахов организовали массовые митинги и заручились общественной поддержкой для своей разрушительной тактики: полной блокады железнодорожного сообщения с Арменией. Восемьдесят пять процентов железнодорожных грузов поступало в Армению через Азербайджан, и эмбарго вызвало в республике трудности с бензином и продовольствием.

Попытка разблокировать железные дороги и восстановить перевозки с помощью частей внутренних войск Министерства внутренних дел СССР прошла без особо успеха.(10). Блокада стала причиной разрыва экономических связей между Арменией и Азербайджаном, который сохраняется по сей день. Она привела также к транспортной изоляции Нахичевани, азербайджанского анклава, который был связан с остальным Советским Союзом через Армению.

Блокада транспортных путей стала также эффективным рычагом воздействия на азербайджанское руководство. 25 сентября Верховный Совет Азербайджана, под давлением Народного фронта, принял закон о суверенитете, по которому советские законы признавались действительными только тогда, "когда они не нарушают суверенных прав Азербайджанской ССР". Хотя этот закон и не являлся декларацией независимости, это был серьезный шаг в сторону отделения от центра – и Верховный Совет СССР сразу же объявил его недействительным (11). 4 октября власти сделали еще одну уступку и зарегистрировали Народный фронт как законную организацию. В свою очередь лидеры Народного фронта согласились снять железнодорожную блокаду. Тем не менее, сообщение между Азербайджаном и Арменией так и не было восстановлено в полном объеме.

Сползание в хаос

К началу декабря 1989 года политическая обстановка в столице Азербайджана стремительно накалялась. Оставшиеся в Баку армяне были запуганы. В середине 80-х годов в Баку проживало двести тысяч армян, что составляло десять процентов городского населения. Почти все они уехали. Среди тех, кто вынужден был остаться, преобладали женщины и пенсионеры. Бакинские армяне говорят, что с декабря 1989 года они редко осмеливались выходить из дома. Вдова Белла Саакова работала на бакинской чаеразвесочной фабрике. Белла вспоминает, что сослуживец каждый день заезжал за ней на машине, потому что она боялась ездить на автобусе. "Было опасно даже просто выйти на улицу и ждать автобуса на остановке, потому что там стояли молодые люди, и казалось, что они чуть ли не обнюхивают тебя, как собаки. А напряжение было так велико, что ты волей-неволей просто не могла скрыть, что ты армянка" (12).

Номинальный лидер компартии Везиров полностью утратил свой авторитет: митингующие на площади Ленина переделали его фамилию на армянский манер, издевательски называя его "Везиряном", и носили по улицам его чучело в женском платье. Ответственность вместо него взял на себя второй секретарь партии Виктор Поляничко. Могучего телосложения, ничего и никого не боявшийся Поляничко приехал в Баку из Афганистана, где он исполнял функции главного представителя Советского Союза и фактически из-за кулис руководил страной.

Он имел склонность к политическим манипуляциям. Например, однажды Поляничко пригласил к себе двух деятелей Народного фронта из умеренного крыла, Тофика Касумова и Зардушта Ализаде, и стал убеждать их в том, что в программу организации следует вставить

элементы радикального ислама. Корреспондент газеты "Нью-Йорк таймс" Билл Келлер приводит слова Касумова: "В его кабинете был Коран, он пролистал его и сказал: "Коран – хорошая книга". Еще он сказал: "Для Баку европейские действия хороши, но в деревнях очень сильна мусульманская вера. Вы должны учитывать исламский фактор" (13). Это был странный и подозрительный совет, исходящий от коммунистического аппаратчика.

К декабрю 1989 года "радикалы" уже полностью управляли Народным фронтом, и Поляничко переключил свое внимание на них. Избранной группе активистов часто давали эфирное время на азербайджанском телевидении. В последнюю неделю года, как раз в тот момент, когда в Румынии был свергнут Николае Чаушеску, азербайджанское руководство начало готовиться к худшему. Аяз Муталибов, бывший тогда Председателем Совета Министров, вспоминает, как 25 декабря ему в панике позвонил Везиров:

"Он сказал, что назревает катастрофа, и мы должны просить помощи у Москвы! У нас не было собственных внутренних войск МВД, экипированных шлемами и дубинками! Они подчинялись только приказам из Москвы. Мы попросили Министерство внутренних дел и Совет Министров прислать войска, иначе могла бы случиться большая беда" (14).

Но беда все-таки случилась. 29 декабря в городе Джалилабад на юге Азербайджана активисты Народного фронта, включая Неймата Панахова, захватили здание горкома партии, при этом десятки людей были ранены. Из-за этих событий в Баку были приостановлены дебаты на сессии Верховного Совета республики, где обсуждалась дата предстоящих выборов.

Нахичевань стала местом действия следующей драмы. Панахов прибыл в автономную республику и повел толпы людей разбирать заграждения на границе с Ираном и жечь пограничные вышки. Тысячи азербайджанцев пересекли границу, воодушевленные первой за долгие годы возможностью братания со своими иранскими соплеменниками. Реакция советского руководства была гневной. Москва осудила эти беспрецедентные действия, а неприязненных статья, опубликованных в центральной печати, утверждалось, что азербайджанцы бросились в объятия исламского фундаментализма.

Черный январь. Часть первая

"Черный январь" 1990 года в Азербайджане предвещали ставшие заметными тревожные предвестники массовых насилий: беззащитное армянское население, которое ни военные, ни правоохранительные органы не собирались защищать; Народный фронт, в котором экстремисты теснили деятелей умеренных взглядов; местное партийное руководство, теряющее власть и за нее цепляющееся; московское руководство, готовое пойти на любые меры, которые покажутся ему необходимыми, лишь бы не допустить выхода Азербайджана из состава Советского Союза.

Поступающие из Карабаха новости обостряли ситуацию. 9 января парламент Армении проголосовал за включение Нагорного Карабаха в свой бюджет – шаг, вызвавший гнев азербайджанцев. На севере Азербайджана, в деревнях Ханларского и Шаумяновского районов произошли массовые столкновения между армянами и азербайджанцами, в ходе которых были взяты заложники и убиты четверо военнослужащих внутренних войск МВД СССР (15).

6-7 января в Баку произошел раскол Народного фронта. Небольшая группа интеллектуалов, придерживающихся умеренных взглядов, вышла из состава организации и образовала Социал-демократическую партию под руководством Лейлы Юнусовой и Зардушта Ализаде. Оставшиеся члены Фронта, в свою очередь разделившись на два лагеря, проводили массовые митинги на площади Ленина. Из Москвы в Баку прислали еще несколько тысяч солдат внутренних войск МВД СССР.

11 января группа радикально настроенных членов Народного фронта штурмом взяла несколько административных зданий и захватила власть в городе Ленкорань на юге республики. Два дня спустя корреспондент газеты "Бакинский рабочий", направленный на место событий с целью выяснения обстановки, обнаружил, что советская власть в городе свергнута:

"К зданию горкома партии я подошел, предварительно договорившись о встрече с первым секретарем горкома партии Я. Рзаевым. Но в дверях стояли вооруженные ребята. Меня не пропустили, подошел один из них и сказал: – Райкома больше нет. Здесь никто не работает. Входить нельзя" (16).

12 января Поляничко выступил с очередным планом. Он провел переговоры с Народным фронтом, по итогам которых было заявлено, что в Азербайджане будет сформирован "Национальный совет обороны" с целью защиты границ республики от армянского вторжения. Четверо из пяти лидеров комитета представляли радикальное крыло Народного фронта и были, по большому счету, заклятыми врагами партийной верхушки Азербайджана (17). Двое из них, Панахов и Рахим Газиев, выступили по местному телевидению. Панахов заявил, что Баку заполнен бездомными беженцами, а тысячи армян до сих пор живут в комфорте, – провоцируя тем самым людей на насилие против армян.

На следующий день, 13 января, Баку захлестнула волна антиармянских погромов. Огромная толпа собралась на митинг на площади Ленина, а к вечеру группа людей откололась от митингующих, и стала нападать на армян. Как и в Сумгаите, действия нападавших отличались изощренной жестокостью: район вокруг армянского квартала стал ареной массовых убийств. Людей выбрасывали с балконов верхних этажей, толпы нападали на армян и забивали их до смерти.

Тысячи перепуганных армян нашли спасение в отделениях милиции и в огромном кинотеатре "Шафаг", под защитой военных. Оттуда их вывели на холодную и продуваемую со всех сторон морскую пристань, посадили на паромы и перевезли через Каспийское море. Через несколько дней портовый город Красноводск в Туркмении принял тысячи избитых и перепуганных беженцев. Там уже ждали самолеты, чтобы переправить их в Ереван. Так ужасно завершились взаимные этнические чистки в Армении и Азербайджане.

Около девяноста армян погибли во время бакинских погромов. Число жертв трудно проверить, поскольку в последующие дни в Баку царил еще больший хаос, а официальное расследование так никогда и не было проведено. К тому же бакинские армяне рассеялись по Армении, России, Туркмении, несколько стариков умерли на паромах в Каспийском море или в ереванских больницах (18). Конечно, жертв могло быть намного больше, если бы власти не предприняли меры по эвакуации армян.

Возникает масса тревожных вопросов в связи с бездействием руководителей обоих противостоящих лагерей в борьбе за власть в Азербайджане, не позаботившихся о предотвращении кровопролития во время бакинских погромов. Из Москвы в Баку были присланы части внутренних войск МВД СССР, которые почему-то не стали вмешиваться в происходящее. Правозащитница Арзу Абдуллаева вспоминает, что когда она обратилась к милиционеру с просьбой спасти армянина от толпы азербайджанцев, то услышала в ответ: "У нас приказ не вмешиваться" (19). Рассказывают, что когда писатель Юсиф Самедоглу позвонил в Центральный Комитет компартии и попросил вмешаться, ему ответили: "Пусть режут!" (20).

Странное сотрудничество Виктора Поляничко с радикальными националистами при создании Национального совета обороны дало обильную пищу для подозрений о сговоре между властями и Народным фронтом. Один из радикалов, Этибар Мамедов, говорил, что они просто не могли упустить возможность легально взять в руки оружие. Панахов заявлял, что

"мы сами попросили позволить нам выступить по телевидению, чтобы можно было охладить страсти, чтобы принять меры" – тем не менее, после его появления в эфире накал страстей, конечно, усилился.

Существуют и более циничные объяснения: возможно, партийное руководство Азербайджана пошло на сотрудничество с Народным фронтом и попыталось направить его деятельность в "патриотическое" русло в отчаянной попытке сохранить свою ускользающую власть; а может быть, Поляничко запланировал откровенную "провокацию" – подтолкнув Народный фронт к насильственным действиям, дискредитировать его и получить предлог для разгрома.

Существуют различные мнения по поводу роли Народного фронта в кровопролитии. Армянские беженцы из Баку в своих рассказах о "черном январе" единодушно обвиняют в погромах "людей из Народного фронта" – его бородатых молодых активистов. Активисты из Народного фронта противопоставляют этому то, что они помогали армянам спастись.

На самом деле, обе версии, вероятно, верны, поскольку Народный фронт тогда представлял собой многочисленную и довольно аморфную массу. Отколовшиеся от Народного фронта Ализаде и Юнусова выдвигают более конкретные обвинения против лидеров радикального крыла, возлагая на них вину за отказ от попыток остановить надвигающееся насилие. Ализаде говорит, что за несколько дней до начала погромов перед штабом Народного фронта на улице Рашида Бейбутова были вывешены списки с адресами армянских семей. Когда их сняли, кто-то повесил их снова. Ализаде продолжает:

"После того, как закончилось заседание совета, все пошли на митинг Народного фронта, где собрался весь город. На митинге постоянно слышались призывы к антиармянским акциям, последний призыв был такой: "Да здравствует Баку без армян!" Этот лозунг прозвучал на митинге Народного фронта. Во время митинга и начались антиармянские погромы в Баку. Ответственны ли за это лидеры Народного фронта? Думаю, да".

Черный январь. Часть вторая

После кровавого изгнания армян из Баку была подготовлена почва для окончательного выяснения отношений между Москвой и Народным фронтом. Еще во время погромов, 14 января, в Баку прибыла возглавляемая близким политическим соратником Горбачева Евгением Примаковым делегация Политбюро ЦК КПСС, чтобы попытаться взять ситуацию под контроль. Прилетел и министр обороны СССР Дмитрий Язов, чтобы лично взять на себя командование многотысячным армейским контингентом, расквартированным в казармах на окраине города. Было принято решение ввести чрезвычайное положение в Нагорном Карабахе, пограничных районах Азербайджана и Армении и в городе Гяндже – но почему-то не в самом Баку.

На бакинских улицах хозяйничали активисты националистического движения. На подходах к солдатским казармам на окраине города ими были возведены баррикады из грузовиков и бетонных блоков. 17 января они начали непрерывный митинг перед зданием Центрального Комитета Компартии, перекрыв к нему все подходы. Перед зданием появилась виселица – неясно, была ли она воздвигнута как символ с целью устрашения или как настоящее орудие казни. И московские эмиссары, и руководство Народного фронта, блефовали. По словам Андрея Гиренко, члена делегации Политбюро, происходило следующее:

"Мы встретились с Эльчибеем и другими лидерами Народного фронта. Мы с Примаковым приняли их, поговорили. Мне стало ясно, что Везиров полностью потерял контроль над ситуацией. Я встречался с одним из активистов Народного фронта буквально накануне событий той ночи. Было ясно, что войска не могут вечно быть отрезанными от города. Я умолял его разобрать баррикады на дорогах и аэродромах, спасти людей от опасного столкновения с войсками" (21).

Ставки были высоки. По словам Этибара Мамедова, Примаков предупреждал их, что не потерпит выхода Азербайджана из Советского Союза, и дал понять, что может быть применена сила. "Примаков сказал мне: "Вы в двух шагах от независимости", – вспоминал Мамедов (22). Однако решение использовать войска еще не было принято. По некоторым слухам, Примаков в телефонном разговоре пытался убедить Горбачева не давать добро на военное вмешательство (23).

Наконец в ночь на 20 января Горбачев и его силовые министры решили послать в Баку армейские подразделения. Начиная с полуночи вводилось чрезвычайное положение. Однако жители города не знали, что происходит, потому что телеэфир был отключен в 19:30, после взрыва блока питания на телевизионной станции, почти наверняка устроенного спецслужбами. В результате большинство бакинцев узнали о введении чрезвычайного положения только в 5:30 утра из объявления по радио и из листовок, разбрасываемых с вертолетов (24). К этому моменту было уже слишком поздно.

Сразу после полуночи войска вышли из казарм, и танки с грохотом двинулись к городу. Большая часть армейских частей, входившая в город с юга, была поднята из местных гарнизонов, поэтому им не пришлось с боями пробиваться к городу. Войска же, подтянутые с севера, вошли в Баку так, словно это был город, оккупированный неприятелем. Танки переползали через баррикады, сминая на своем пути автомобили и даже фургоны скорой помощи. По словам очевидцев, солдаты стреляли в бегущих людей, добивали раненых. Был обстрелян автобус с мирными жителями, и многие пассажиры, в том числе четырнадцатилетняя девочка, погибли.

В ночь на 20 января сто тридцать человек были убиты, сотни ранены. Позднее независимая военная группа "Щит" провела расследование, в ходе которого был сделан вывод: Советская Армия вела военные действия против населения советского города. Группа потребовала возбудить уголовное дело против министра обороны Дмитрия Язова, лично командовавшего военной операцией. В тот день погиб по меньшей мере двадцать один солдат. Как это произошло, до сих пор не вполне ясно; возможно, участники митинга протеста оказывали вооруженное сопротивление; хотя некоторые солдаты могли стать жертвами огня, открытого по своим, из-за всеобщей неразберихи, царившей в темном городе.

Последствия

Ввод в Баку частей Советской Армии, впервые за все время своего существования с боем захватившей советский город, стал трагедией для Азербайджана и Советского Союза. Армия в считанные часы взяла город под полный контроль и восстановила власть Москвы. Тем не менее, именно 20 января 1990 года Москва, в сущности, потеряла Азербайджан. Почти все население Баку вышло на общие похороны жертв ночных событий.

Они стали первыми шехидами, мучениками, похороненными на Аллее Шехидов в Баку, на вершине холма. Тысячи членов коммунистической партии публично сожгли свои партийные билеты, и даже Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана Эльмира Кафарова осудила действия "военных преступников".

События "черного января" оказали глубокое воздействие на всю страну. Они показали нарастающую неспособность центра справиться с проблемами, захлестнувшими Советский Союз. То, что власти не ввели чрезвычайное положение, чтобы прекратить армянские погромы, а сделали это уже после того, как армян в городе не осталось, говорит либо об их цинизме, либо о некомпетентности, либо о том и другом вместе. Неуверенно-противоречивая, а затем жестокая реакция властей на брошенный Народным фронтом вызов стала свидетельством существования в высших эшелонах власти разных группировок с различными приоритетами, между которыми лавировал Горбачев.

На первых порах Коммунистическая партия вновь вернулась к власти. Были задержаны десятки активистов Народного фронта, в том числе и члены созданного незадолго до того с согласия властей Национального совета обороны. Этибар Мамедов был арестован по дороге в Москву, где он собирался провести пресс-конференцию.

Неймат Панахов скрылся – или ему позволили скрыться – в Иране, откуда потом перебрался в Турцию. Несколько дней сопротивление продолжалось в Нахичевани, которая стала первой административно-территориальной единицей Союза, в одностороннем порядке провозгласившей независимость, но, в конце концов, и здесь сопротивление Народного фронта было подавлено. Первый секретарь компартии Везиров покинул столицу и находился на лечении в Москве с сильным нервным истощением, а его преемником на посту руководителя партии был избран Аяз Муталибов. Поляничко остался вторым секретарем и "серым кардиналом".

4 февраля Муталибов прилетел в Москву на встречу с Горбачевым. В тот же день в "Правде" вышла статья, осуждающая Гейдара Алиева как коррумпированного реликта брежневской эпохи. Ясно, что выход статьи был приурочен к визиту Муталибова. Однако сам Муталибов утверждал, что продолжал видеться с Алиевым и они беседовали до трех часов утра.

То, что новый партийный лидер встретился с опальным Алиевым, доказывает, что Алиев оставался важной фигурой в закулисной политической игре в Азербайджане. Его связь – или отсутствие таковой – с январскими событиями является интересной побочной сюжетной линией официальной истории, которую никто так и не истолковал. Сам Алиев говорит, что во время демонстраций Горбачев позвонил ему и попросил "убрать этих людей с улиц" Баку и сделать публичное заявление.

В ответ Алиев сказал, что во время бакинских событий находился в Москве и никак не связан с происходящим в Азербайджане. Звонок Горбачева свидетельствует о его уверенности в том, что Алиев все еще имеет тайные рычаги власти в Баку. Какова бы ни была роль Алиева в событиях до кровопролития, он использовал последствия "черного января", чтобы после долгого перерыва начать скорое восхождение во власть. После 20 января он созвал пресс-конференцию в азербайджанском представительстве в Москве и осудил вторжение войск в Баку (25).

В Азербайджане начался период безрадостной рефлексии. Пока оппозиция подводила итоги нанесенного ей кровавого поражения, авторитет политиков, придерживающихся умеренных позиций – таких как Иса Гамбар, Хикмет Хаджизаде, Сабит Багиров – стал возрастать. Хаджизаде говорит: "Радикалы-шизофреники, наконец-то поняли, что не все так просто, что нельзя вот так просто захватить власть путем революции. Это был для них серьезный удар. Их вынудили примириться с либералами, с либеральными лидерами, которые, в конечном итоге, и пришли к власти" (26).

Примечания:

1. Интервью с Ализаде 9 июня 2000 г.
2. Интервью с Михайловым 5 декабря 2000 г.
3. "Комсомольская правда" от 27 ноября 1988 г Цит. по Audrey Alstadt, *The Azerbaijani Turks*, p. 202..
4. Эта история вернулась в Баку в сильно искаженном виде. Многие считали, что изначально

планировалось построить завод, а не гостевой дом. Андрей Сахаров, побывавший там, описывал голый горный склон без какого-либо намека на "дубраву". Sakharov. Moscow and Beyond [Москва и за ее пределами], p. 88.

5. Интервью с Намазовым 14 ноября 2000 г.

6. Кое-кто полагает, что Гейдар Алиев на самом деле родился в 1921 г. в Армении, а не в 1923 г. в Нахичевани. Его младший брат Джалал Алиев в интервью 4 ноября 2000 г. сказал, что семья Алиевых родом из деревни Джомартлы в Зангезуре, и уже после рождения Гейдара переехала в Нахичевань.

7. Интервью с Муталибовым 30 мая 200 г.

8. Интервью с Панаховым (в переводе с азербайджанского) 8 ноября 2000 г.

9. Юнусова. Мера ответственности политика, стр. 11

10 Авет Демурян и Андрей Пральников. "Блокада Армении в эти дни" – "Московские новости", 40, 1 октября 1989 г. перепечатано в кн.: "Нагорный Карабах глазами независимых наблюдателей", стр. 125-127.

11 Swietochowski, Russia and Azerbaijan, p. 201.

12 Интервью с Сааковой 14 декабря 2000 г.

13 Bill Keller. "Did Moscow incite Azerbaijanis? Some see a plot" [Неужели Москва подстрекала Азербайджан? Кое-кто усматривает заговор], – The New York Times, 19 February 1990.

14. Интервью с Муталибовым 30 мая 2000 г.

15. Бакатин. Дорога в прошедшем времени, стр. 174.

16. З. Джаппаров. Тревожный январь в Ленкорани. – "Бакинский рабочий", 17 января 1990 г. – перепечатано в кн.: "Черный январь", стр. 70-74.

17. Неймат Панахов, Этибар Мамедов, Рагим Газиев и Абульфаз Эльчибей.

18. По подсчетам Арифа Юнусова, общее число погибших составило 86 чел., из которых 66 умерли в Баку, а еще 20 – позже.

19. Интервью с Абдуллаевой 11 апреля 2000 г.

20. В изложении Арзу Абдуллаевой и Зардушта Ализаде.

21. Интервью с Гиренко 2 июня 2000 г.

22. Интервью с Мамедовым 22 ноября 2000 г.

23. Свидетельство Вячеслава Михайлова, в чьем присутствии Примаков разговаривал по телефону с Горбачевым.

24. Из доклада военной аналитической группы "Щит", опубликованного в кн.: Меликов. Я обвиняю, стр. 176-179. Многие подробности взяты мной из собранных Меликовым документов и статей, которые дают наиболее полное описание событий 20 января.

25. Рассказ о поведении Алиева в январе 1990 г. – благодатное поле для исследователей его политической карьеры. Если у него и был какой-то план действий, то, возможно, он хотел сделать своего старого протеже Гасана Гасанова новым партийным лидером Азербайджана. Гасанов, занимавший высокий пост в партийной иерархии, выступил в Баку с откровенно антимосковской речью 8 января, когда проявились первые признаки кризиса. Это стало сигналом для некоторых членов Народного фронта, предложивших заменить Везирова Гасановым на посту первого секретаря ЦК республиканской партии – и если это предположение корректно, то, возможно, это произошло с подачи Алиева. Однако в дальнейшем Гасанов при открытом голосовании проиграл Муталибову, хотя и стал позднее министром иностранных дел в правительстве Алиева. После кровопролития Алиев также принял Этибара Мамедова в представительстве Азербайджана в Москве – незадолго до ареста Мамедова. По мнению тех, кто внимательно следил за карьерой Алиева и странной историей политических метаний Мамедова от оппозиции к сотрудничеству, эта встреча заложила основу их будущего альянса.

26. Интервью с Гаджизаде 15 ноября 2000 г.

Глава 7. Баку. Богатая событиями история

Холодным весенним днем 2000 года под соснами, растущими на вершине высокого холма близ Бакинской бухты, стояла толпа азербайджанцев в длинных черных плащах. Каждый держал в руке по гвоздике; люди переговаривались и чего-то ждали.

Мы стояли у входа в Аллею Шехидов или Шехидлер Хиябани в бывшем Парке имени Кирова. Эта аллея, проложенная в 1990 году, ведет к ста тридцати могилам жертв 20 января. Каждый год в этот день десятки тысяч людей проходят по аллее и вспоминают о жертвах вторжения в Баку частей Советской Армии.

Будь сегодня 20 января, в Баку проходила бы народная церемония скорби и поминовения. Но сегодня 31 марта, и пришедшие в Аллею Шехидов были специально приглашены, чтобы отметить День геноцида, объявленный недавно в память о страданиях азербайджанского народа.

Сами азербайджанцы говорят, что их нация возникла в ходе борьбы с внешними врагами. В восемнадцатом веке территорию от Южного Кавказа до Северного Ирана занимали полунезависимые ханаты, маленькие феодальные государства. Хотя их правители говорили на тюркских языках, эти ханства, тем не менее, были составной частью Персидской, а не Османской империи. Жители ханатов передали потомкам стойкую традицию местничества (по-азербайджански – yerlibazliq), когда лояльность по отношению к местной власти была выше верности власти центральной. Русские упразднили ханства и в 1828 году, по Туркменчайскому мирному договору, установили новую границу вдоль реки Аракс, присоединив к России часть территории северного Азербайджана. Первая Азербайджанская республика, после революции 1917 года, ненадолго пришедшая на смену российскому правлению, была жестоко сметена большевиками в 1920 году, и Азербайджан вновь попал под владычество России.

Удивительным образом даже основные особенности азербайджанской национальной идентичности весьма противоречивы. Азербайджанцы по происхождению турки, по

религиозным убеждениям – мусульмане-шииты, они далекие потомки персов, но глубоко впитали в себя советские черты. Все это может запутать стороннего наблюдателя. Например, в течение двадцатого века тексты на азербайджанском языке писались последовательно то арабской вязью, то латиницей, то кириллицей. Сейчас нация с трудом возвращается к латинскому шрифту.

Многие азербайджанцы до сих пор ощущают непрочность своего суверенитета, поэтому война в Нагорном Карабахе с армянами многими воспринимается как попытка подорвать их хрупкое государство. Многие азербайджанцы считают, и вполне оправданно, что внешний мир ничего не знает об их страданиях. Насильственное изгнание почти 200 тысяч азербайджанцев из Армении в 1988-1989 годах не освещалось в должной мере ни в советской, ни в международной прессе. Мало кто знает, что около 50 тысяч азербайджанцев были депортированы из Армении в 1940-х годах. А до этого, в 1918-1920 годах тысячи азербайджанцев погибли в кровавых конфликтах. В 1998 году президент Алиев объявил День геноцида азербайджанского народа, чтобы почтить память погибших во время всех этих событий. Для дня поминовения было выбрано 31 марта – в этот день в 1918 году в Баку началась резня мусульман.

Выбор слова "геноцид" для объединения всех этих событий, позволяет предположить, что отмечаются не столько события прошлого, сколько современная политическая ситуация. Смысл таков: если у Армении есть День геноцида, почему бы не ввести его и для азербайджанцев? Используя этот термин, Алиев развязал дуэль между двумя народами-мучениками.

На пресс-конференции 30 марта 2000 года советник Алиева по национальным вопросам Гидаят Оруджев бросил перчатку. Согласно сообщению агентства новостей "Туран", Оруджев привел ошеломляющую цифру, затмившую данные армянской скорбной статистики: около двух с половиной миллионов азербайджанцев стали жертвами "армянского геноцида против азербайджанцев в двадцатом веке". "Туран" сообщает: "Как заявил советник, без поддержки Российской империи армяне не смогли бы совершить столь массовые убийства азербайджанцев. Он заявил, что, фальсифицируя историю, армяне попытались скрыть от мира правду и выставить себя невинными жертвами" (1). Политический язык армяно-азербайджанского конфликта не признает категории морали.

В Аллее Шехидов вот-вот должна была начаться торжественная церемония. К тротуару один за другим подкатывали лимузины, из которых выходили иностранные дипломаты. Посол США вышел из "шевроле"; представитель российского посольства в плаще оливкового цвета – из черной "Волги". Мы ждали еще одного человека, и все знали, кого именно. Наконец, показался кортеж президента Гейдара Алиева. Высокий и худощавый, он вышел из машины и пошел вдоль шеренги послов, пожимая руки. Куда бы он ни шел, толпа почтительно расступалась перед ним, и возникавшее вокруг него пространство как бы подчеркивало его одиночество. Впереди него солдаты несли огромный красный венок. Алиев прошествовал по длинной аллее по направлению к вечному огню. Духовой оркестр заиграл военную музыку.

Толпе, наконец, было позволено следовать за ним, и людской поток медленно пополз по аллее. Мы прошли мимо памятников жертвам 20 января 1990 года и жертвам карабахской войны. На надгробиях были высечены портреты погибших. Чаще всего это были юноши в камуфляже или в рубашках с расстегнутым воротом, или в матросских тельняшках в бело-синюю полоску. Люди останавливались, чтобы возложить цветы. Церемония проходила, в общем, довольно скованно и без особых проявлений эмоций.

Но вдруг из толпы выбежала женщина в головном платке, ударила ладонями по одному из памятников, крепко прижалась к нему и горестно запричитала. Ее скорбные завывания – "ай-ай-ай" – казались едва ли не песней, доносящейся из глубокого колодца боли. Может быть, здесь был похоронен ее муж? Вероятно. На камне была высечена дата рождения

погибшего – 1933 год, и женщина была примерно того же возраста. Другая женщина, лет сорока, в белом плаще, скорее всего, ее дочь, подошла к вдове и молча обняла ее за плечи, пытаясь унять взрыв эмоций. Горе этой женщины пробило стену общего безразличия. Толпа теперь двигалась медленнее, люди обменивались сочувственными взглядами и переговаривались вполголоса.

Баку – город с миллионным населением, столица Азербайджана, резиденция правительства страны лишь недавно стал приобретать черты истинно азербайджанского города. За последнюю сотню лет все уроженцы Баку считали себя представителями особой национальности. Здесь родился чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров. Его отец – еврей, а мать – армянка. Однако, когда его спросили, кто он по национальности, Каспаров ответил по-русски: бакинец. Многие бакинцы все еще используют русский язык больше, чем азербайджанский. В их речи слышится мягкий южный ритм, с подъемом интонации к концу предложения.

Космополитичный вид и стиль города возник благодаря нефтяному буму конца девятнадцатого века. В эти годы Баку давал половину мировой добычи нефти. В город стекались иммигранты десятков национальностей для работы в новой отрасли промышленности. Героем одной из самых известных историй о чудесном возвышении "из грязи в князи" стал Зейналабдин Тагиев. После того, как на принадлежавшем Тагиеву земельном участке нашли нефть, этот неграмотный крестьянин-мусульманин сказочно разбогател. Он сделался самым знаменитым в городе меценатом и филантропом и профинансировал постановку "первой оперы мусульманского мира" – "Лейли и Меджнун".

Движимый этим меркантильным духом, Баку в 1918 году стал столицей недолговечной "первой в мире мусульманской демократической республики", которая даровала женщинам избирательное право раньше, чем Великобритания. Здесь можно было быть одновременно и мусульманином, и современным человеком, хотя иногда это требовало определенного проворства. Пример мусульманина Баку нового образца – это Али-хан, герой повести "Али и Нино". Али-хан гордится своими персидскими корнями, но восхищается также новыми технологиями и прогрессивной политикой Баку. Он женится на грузинке, которую любил с детства. Но даже будучи человеком двадцатого века, Али-хан страдает, когда его грузинская жена-христианка выносит все ковры из их дома в Старом Городе, чтобы освободить место для европейской мебели.

Смешение народов и политических течений в Баку отразилось на городской архитектуре. Из узких средневековых улочек Старого Города попадаешь в маленькую Прагу, построенную в конце прошлого века. Главная улица, проходящая через центр города, поменяла множество названий и теперь именуется "Истиглалийят" или "Независимость". Тут царит смешение всевозможных стилей: рядом с псевдовенецианским дворцом можно увидеть величественный готический портик ратуши. Стилю в этом городе до сих пор придают большое значение. Когда видишь, как каждый вечер люди в дорогих итальянских костюмах и в майках "Бенетон", взявшись под руки, гуляют по бульвару у Каспийского моря, трудно поверить, что средний уровень жизни азербайджанцев катастрофически упал после обретения республикой независимости.

Однако за динамичность пришлось дорого заплатить: Баку известен также как город межнациональной вражды и кровавых избиений. Самые худшие случаи кровопролития имели место в периоды ослабления Российской империи, когда армянская и азербайджанская общины видели друг в друге угрозу. Если армяне с опаской относились к азербайджанцам как к передовому отряду турецкой армии, то азербайджанцы считали армян "пятой колонной" России. В феврале 1905 года так называемая татаро-армянская резня унесла сотни жизней. Английский писатель Дж. Д. Генри, описывая город несколько месяцев спустя, увидел, что "жители Баку сидят на спящем вулкане этнических конфликтов, гнета рабочих, политических заговоров и революционной пропаганды" (2). В названии своей книги Генри пообещал

бакинцам "богатую событиями историю".

После Октябрьской революции в городе произошел новый всплеск насилия. "Реки крови, затопившие улицы, – как заметил один английский политический деятель, – это не всегда просто метафора. Это выражение можно понимать и буквально, если говорить о Баку 1917-1919 годов". Отряд комиссаров, в основном армянского происхождения, захватил город и создал Бакинскую коммуну, небольшой оплот большевизма на антибольшевистски настроенном Кавказе. Когда в марте 1918 года азербайджанцы подняли восстание против Бакинской коммуны, в азербайджанские кварталы хлынули войска большевиков и устроили настоящую бойню, жертвами которой стали тысячи людей.

В сентябре, сразу после вывода британских войск и перед вводом оттоманской армии, пробил час отмщения. На этот раз бесчинствовали азербайджанцы, вырезавшие тысячи бакинских армян. В этом противостоянии в 1918 году с обеих сторон погибло почти 20 тысяч человек.

В советскую эпоху этнические конфликты временно прекратились, и отношения между общинами внешне наладились, хотя напряжение так до конца не исчезло. Армяне не осмеливались выходить на улицу, когда в городе играла ереванская футбольная команда "Арарат" – и тем более, когда она выигрывала. На Кавказе право того или иного этноса на историческую территорию важнее гражданства, вот почему здесь большую роль играют также понятия "гость" и "хозяин".

В Армении азербайджанцам всегда давали понять, что они здесь "в гостях". Так же, хотя, может быть, несколько менее явно, к армянам относились в Баку. На это обратила внимание английская писательница Сьюзан Ричардс, когда в 1989 году гостила в Баку у двух армянок: матери и дочери. У Татьяны – дочери – почти все друзья были азербайджанцами. Ричардс пишет:

"Советская власть утвердила в республике превосходство азербайджанцев тюркского происхождения. Пока этому принципу ничто не угрожало, у азербайджанцев не было оснований перестать быть радушными и приятными в общении. Но условия игры надо было соблюдать. Это внешнее превосходство азербайджанцев следовало всячески подчеркивать. Поведение самой Татьяны служит наглядной иллюстрацией хрупкого равновесия между терпимостью азербайджанцев и их превосходством. Белая кожа красивой девушки свидетельствует о ее армянском происхождении, однако в целях безопасности она маскируется под азербайджанку. "Однажды, – рассказывает она, – мой начальник, представляя меня кому-то, сказал: "Это Татьяна, она азербайджанка", хотя было достаточно очевидно, что это не так. Просто таким образом он хотел подчеркнуть: "Она – своя". Все дело в отношении к человеку. Армяне, которые не приживаются здесь, должны винить только себя". Все это хорошо до тех пор, пока, чего и опасалась ее мать, она не наткнулась бы на какого-то азербайджанца, который бы не знал, что, несмотря на армянское происхождение, "она – своя" (3)

События января 1990 года уничтожили всякую возможность мирного сосуществования армян и азербайджанцев. Даже те армяне, которые, как Татьяна и ее мать, были интегрированы в общество и много лет прожили в Баку, вынуждены были покинуть город.

"Мы живем с ними мирно, мирно и спокойно", – говорит Белла Саакова. Белла, бакинская армянка, сидит в маленькой комнатке общежития в пыльном пригороде Еревана. "Они" – это ее соседи, армяне из Армении. После депортации из Баку в 1990 году она прожила в Армении десять лет, но по-прежнему не чувствует себя здесь как дома. Как и многие другие армянские беженцы, Белла не приняла армянского гражданства и до сих пор считает покинутый город своей родиной. Белла – бакинка до мозга костей (4).

За столом у Беллы в Ереване собрались только бакинские беженцы. Все они армяне, но говорят по-русски, носят русские имена. Их всех отличает спокойствие, мягкость – в чем они так не похожи на коренных жителей Армении, суровых и упрямых.. Как и любим беженцам, им свойственна острая ностальгия и категоричность суждений. Сейчас они спорят о бакинских школах. "Я ходил в школу №142, это лучшая школа в Баку", – твердо заявляет Гриша. Алеша затягивает песню на азербайджанском языке о ветре, дующем в Баку с моря. Гриша поет по-русски: "Баку, ты город мой родной"

За столом у Беллы беседовали в основном на две темы: делились воспоминаниями об Азербайджане и вспоминали черные дни января 1990 года, когда из Баку были изгнаны последние армяне. У каждого из сидящих за столом была своя версия тех событий, и кажется, что отпечатавшиеся в их памяти обстоятельства изгнания стали во многом определяющими для их отношения к Баку. Гриша рассказывал о тех, кого прежде чем перевезти на паромах через Каспийское море избили, раздели и ограбили в кинотеатре "Шафак".

Рассказ Беллы о последних днях в Баку свидетельствовал о ее всепрощающем сердце. Она говорила, что никогда не забудет ощущения ужаса, когда вместе с другими беженцами стояла на холодной, продуваемой ветрами пристани в ожидании парома, а шеренга советских милиционеров охраняла толпу старых и избитых армян. Но все же у нее остались самые теплые воспоминания от доброты, которую проявили к ней ее азербайджанские соседи. Она оставила одним соседям на сохранение все свое имущество, и до сих пор помнит, как другие за минуту до того, как Белла с детьми покинула свою квартиру, чтобы найти убежище в полицейском участке, собрала им в дорогу корзину с едой. Там были лекарства, колбаса, сыр, хлеб. "Я никогда этого не забуду, – говорит Белла. – Может быть, именно поэтому я совсем по-другому отношусь к азербайджанцам. Знаете, когда кто-то их ругает, даже если ругает и заслуженно, я всегда вспоминаю свою соседку. Я сразу вспоминаю ее и тот хлеб, который она мне дала".

Баку для Беллы до сих пор своего рода потерянный рай. Когда я собирался ехать в ее родной город, она сказала: "Я отдала бы десять лет жизни, чтобы вернуться туда хотя бы на час. Нет, правда!". У Беллы также совсем иное, чем у большинства других армян, отношение к проблеме Нагорного Карабаха: для нее Карабах – не священный символ борьбы армянского народа, а скорее камень преткновения, который окончательно испортил отношения между армянами и азербайджанцами.

Когда я спросил Беллу, бывала ли она когда-нибудь в Карабахе, та ответила, что лишь однажды, еще ребенком. "Честно говоря, я хотела бы туда съездить еще раз, чтобы просто посмотреть, из-за чего мне пришлось перенести столько мучений! – ответила она, смеясь. – Я поставила целью увидеть своими глазами, за что же я понесла такое наказание. Мне хочется верить, что для этого была какая-то важная причина".

Кедры и кипарисы отбрасывали широкие тени на посыпанные гравием аллеи поселка Дарнагюль. Здесь очень тихо. И ни души – не у кого даже спросить дорогу. Я приехал сюда, на северное кладбище города, чтобы взглянуть на места захоронения бакинских армян, чтобы рассказать потом Белле и ее друзьям в Армении, в каком виде содержатся теперь могилы их отцов и дедов. Я с некоторым трепетом вошел в ворота запущенного кладбища и скоро наткнулся на трех сторожей, которые явно не были рады приходу чужака. "Вы должны получить разрешение у начальства", – буркнул один из них. Я сказал, что хочу лишь пройтись по кладбищу, и, не обращая больше на них внимания, быстро зашагал по петляющей аллее.

Свернув за угол, я понял, почему они не хотели меня пускать. По обеим сторонам дорожки железные ограды могил были выворочены из земли, надгробные памятники разбиты. На одном участке черное мраморное надгробие Розы Маркаровой (1925-1974), с выгравированным на нем портретом, валялось рядом с могилой. К счастью, разрушения

коснулись только участков вдоль аллеи. В глубине кладбищенской территории могилы остались нетронутыми и только сильно заросли сорняками и крапивой. Вандалы, очевидно, прошли только по аллее, разрушив все, что попало им на пути, и потом ушли.

Я побродил там некоторое время, ощутив специфическую атмосферу запустения. На обратном пути я опять столкнулся с одним из сторожей. "А что, теперь сюда больше никто не приходит?" – поинтересовался я. "Раньше приходили и армяне, и азербайджанцы, – ответил он. – Еще до того, как тут взорвали бомбу". "Какую бомбу?" Я не был уверен, что правильно его понял. "Сюда приходили "еразы" и все порушили. Они-то и взорвали бомбу", – сказал старик. Под еразами он имел в виду азербайджанцев из Армении и всплеск ненависти в январе 1990 года.

Не так много времени прошло после водораздела 1990 года, но для того чтобы разыскать сегодня армянский Баку требуется, по меньшей мере, терпение археолога. Армянский район города не был полностью стерт с лица земли, как мусульманские кварталы Еревана. Это не так просто, потому что еще в середине 1980-х годов в Баку проживало двести тысяч армян. Упоминания об армянах исчезли из современных туристических путеводителей по Баку, а большинство армянских памятников просто уничтожено.

Единственное напоминание о них – армянская церковь Григория Просветителя недалеко от Площади Фонтанов в центре Баку, построенная в 60-х годах девятнадцатого века. Одиннадцать лет назад церковь подожгли, и с тех пор она стоит заброшенная. С колокольни давно сняли крест, и я обнаружил там зал для игры в бильярд. На том месте, где раньше в тени Девичьей башни в Старом городе стояла старинная часовенка Девы Марии, теперь пустырь. Один дипломат, который работал в Баку в 1992 году, в самый разгар карабахской войны, рассказывал, как на его глазах крушили эту часовню восемнадцатого века.

Большинство бакинцев просто не знают, что некоторые городские постройки были возведены армянами. Например, здание Филармонии на главной улице Истиглалийят – стилизация под знаменитое казино в Монте-Карло – было построено в 1910 году армянским архитектором Габриэлем Тер-Микаэловым, по чьему проекту также возведен внушительного вида особняк напротив Филармонии – веселое строение в псевдоарабском стиле, с высокими псевдовосточными балконами. Тер-Микаэлов, несомненно, считал себя прежде всего бакинцем, а уж потом армянином. И я подчеркиваю его этническую принадлежность лишь потому, что сегодня в Баку национальность армянского зодчего замалчивается.

Маленький армянский Баку все же некоторым образом продолжает жить. Правда, здешние армяне ведут призрачное существование, и отыскать их довольно трудно. Сейчас их в городе насчитывается от пяти до двадцати тысяч, и почти все – женщины, вышедшие замуж за азербайджанцев. В этом смысле Баку сохранил остатки былой толерантности – хотя эти женщины и не афишируют свою национальность. "Правила игры" все еще соблюдаются.

Меня познакомили с несколькими армянскими женами. Черноглазая Ольга с изящно выщипанными бровями, точно сошла с древнеегипетской картины. Она рассказала, что почти все ее родственники, включая брата, бежали из Баку и осели кто в России, кто в Америке, но она осталась здесь с мужем-азербайджанцем и детьми. Я спросил, не было ли ей страшно. Она ответила, что когда у власти в стране был Народный фронт и национализм достиг апогея в 1992-1993 годах, она боялась выйти из дома, но когда к власти вернулся Гейдар Алиев, она вновь почувствовала себя в безопасности. "С тех пор как вернулся Алиев, я спокойна. Теперь моя главная забота – заработать на жизнь", – твердо заявила она.

Другие женщины считают, что армянам в городе живется несладко. Я познакомился с тремя бакинскими армянками, которые пострадали из-за своей национальности. Из их рассказов становится понятно, что в повседневной жизни Баку армянская женщина не чувствует себя ущемленной, но как только у нее возникает какая-то проблема, сразу выясняется, что она

совершенно бесправна.

София пришла со своим мужем-азербайджанцем, с которым прожила шестьдесят лет. Приколотые к ее жакету медали свидетельствовали, что она – участница войны. Она уже много лет не получает пенсию, и как-то в ее присутствии один чиновник сказал: "Пошлите ее документы в Ереван". Обе спутницы Софии лишились своих квартир. Танину квартиру заняли азербайджанские беженцы, а у Евгении квартиру отняла невестка-азербайджанка. Обе безуспешно пытались отсудить утраченную собственность. Евгения, небольшого роста, с заостренными чертами лица, выглядела вконец измученной и, казалось, готова была вот-вот расплакаться. Личные трагедии этих женщин являются частью более серьезных проблем. Но в Баку живут их семьи, и уехать им некуда.

Я рассказал про этих трех армянок Хидаяту Оруджеву, советнику Гейдара Алиева и идеологу по вопросам этнических меньшинств. Оруджев одновременно выступает в роли защитника азербайджанской толерантности и обвинителя армян, причинивших столько страданий азербайджанцам. В своем кабинете на одном из верхних этажей здания президентского аппарата, окна которого выходят на Каспийское море, он заявил: "Ко мне не поступало ни одной жалобы, которая бы возникла на почве национальных отношений". Когда же я поведал Оруджеву о конкретных горестях Софии, Тани и Евгении, он пообещал во всем разобраться, но при этом предположил, что я слишком наивен и что меня ввели в заблуждение: "Есть люди, которые искажают факты и хотят использовать национальный вопрос как ширму для удовлетворения своих претензий, которые не имеют под собой никаких законных оснований" (5).

Оруджев восемнадцать лет прожил в Армении, где работал режиссером азербайджанского драматического театра в Ереване. Он имеет достаточный опыт, чтобы реально оценить всю сложность армяно-азербайджанских отношений, но настаивает, что во всем виноваты армяне. Наша беседа приобрела сюрреалистический характер. Президентский советник подробно рассказал мне, что Азербайджан стал жертвой длительной агрессии Армении и что десятки тысяч граждан республики погибли или были изгнаны из своих домов. Да, соглашался я, добавляя, что сам не раз был свидетелем проявлений враждебности азербайджанцев к армянам. "Это не к армянам, а к правительству Армении, – поправил меня Оруджев. – Азербайджанцы относятся к армянам толерантно, но испытывают ненависть к их руководству", – заявил он.

Специфика занимаемой Оруджевым должности требует от этого чиновника немислимого раздвоения убеждений. В какую-то минуту он будет яростно клеймить позором армянский "геноцид" и агрессию, а в следующую минуту начнет с жаром доказывать, что азербайджанская традиция толерантности и добрососедства никуда не делась, и ни один азербайджанец не испытывает никаких антиармянских чувств. Мне его даже жалко стало – ведь его эрзац-толерантность почти столь же фальшива, как и это здание из стекла и бетона, в котором он сидит. Выйдя из президентской канцелярии на залитую солнцем площадь, я свернул на улицу Истиглалийят и тут же увидел куда более благородный, но незаметный образчик характерного бакинского синтеза стилей и традиций, – чудесный тер-микаэловский особняк в стиле арт-нуво.

Парк имени Самеда Вургуня, расположенный к югу от бакинского железнодорожного вокзала, когда-то был зеленым оазисом в самом центре города, где уединялись влюбленные парочки, да выгуливали своих собак жители окрестных домов. Подойдя поближе к парку, я увидел массу белых палаток, разбитых на голой земле. Перед палатками были установлены пластиковые столики, за которыми сидели усатые мужчины и играли в домино. Это еще одна примета сегодняшнего Баку.

После того, как в 1990 году город покинуло большинство армян, за ними последовали десятки тысяч евреев и русских. На смену им в Баку прибыли беженцы – жертвы конфликта с

армянами: сначала десятки тысяч азербайджанцев из Армении, а затем еще больший поток беженцев, вызванный карабахской войной. Баку постепенно превратился в сугубо азербайджанский город – впервые за свою долгую историю. Эти брезентовые палатки в парке Самеда Вургуня – импровизированные чайные, или чайханы, в которых хозяйничают инвалиды войны. В январе 2000 года были сообщения о яростной стычке в парке между бакинской полицией и группой инвалидов. Полиция напала на чайханщиков с дубинками, а те, защищаясь, пустили в ход костыли – в результате пострадало шесть инвалидов и четверо полицейских (6).

Ветеран войны Руфат, сменивший военную гимнастерку на поварской фартук, пригласил меня к себе в чайную. Это брезентовая палатка с песчаным полом. Из плиты, на которой закипает чайник, торчат электрические провода, а под ней спит грязный серо-белый котенок. Руфат подтверждает, что тут в парке и впрямь тогда была большая драка, но после того как полицейские получили отпор, они решили оставить инвалидов в покое. В палатке Руфата работают двое его братьев из Агдама, а его третий брат погиб на войне. Ветераны зарабатывают немного – всего 20-30 долларов в месяц.

За 1999-2001 годы произошло не одно столкновение между ветеранами войны и представителями власти, и та драка в парке Самеда Вургуня была лишь одним из многих эпизодов трехлетнего противостояния. Эта драка имела важный символический аспект: кто же все-таки обладает большим авторитетом в Азербайджане – правительство или люди, искалеченные в боях за родину? Председатель Ассоциации инвалидов Карабахской войны Этимад Асадов рассказал, что правительство потребовало от Ассоциации уплаты налога в размере 15 тысяч долларов, несмотря на то, что эта Ассоциация – благотворительная организация. Ветераны получают скудные пособия, которых едва хватает, чтобы свести концы с концами (7). Когда спустя год ветераны выступили с протестом, власти арестовали многих из них, а саму организацию закрыли.

У президента нашлись свои политические соображения для разгрома ветеранского движения. Гейдар Алиев всегда воспринимал военных как угрозу, поэтому многие командиры азербайджанской армии теперь оказались за решеткой. Но мне все-таки показалось, что недовольство покойного президента в большей степени было вызвано тем, что эти люди не вписываются в его видение обновленного процветающего Баку. Инвалиды на костылях наводняли городские парки, устраивали митинги под окнами правительственных учреждений, вызывая воспоминания о другом Азербайджане, еще не испытавшем международный нефтяной бум.

Космополитичный Баку начал возрождаться, когда в 1990-е годы появились надежды на новое нефтяное процветание. В последнее десятилетие сотни бакинских азербайджанцев выехали на учебу за границу, стали высококлассными специалистами в области нефтедобычи, а вернувшись, устроились на хорошую работу или открыли собственный бизнес. Город начал прихорашиваться, а некоторые городские кварталы поражают своим фешенебельным видом.

Теперь вы можете жить в "Мариотт-отеле", сидеть в ирландских барах, лакомиться суши и покупать одежду от Гуччи. На Площадь Фонтанов взирает дымчато-стеклянный фасад в мгновение ока возникшего тут небоскреба "Ай-Эс-Ар-тауэр", похожий на упавшее с небес гигантское пресс-папье американского производства. Шотландцы и техасцы, работающие в этом здании, еще более избалованы, чем даже английские солдаты, которые в 1918 году, говорят, буквально стонали от обилия черной икры в их ежедневном рационе "и постоянно жаловались, до тех пор, пока их не избавили от этого "воняющего рыбой джема" (8). Приезжие вновь превратили Баку в интернациональный город.

Однако нефтяное процветание страны, пожалуй, создало больше социальных проблем, чем решило. Некоторые люди сказочно разбогатели. Центр Баку – яркая, но обманчивая витрина

процветания. Ведь всего в нескольких шагах от центра открывается мрачная, более типичная для всей страны картина реальной жизни. Поскольку все отрасли экономики, за исключением нефтяной, не работают, большинство азербайджанцев живет лишь на месячное жалование в несколько долларов или на денежные переводы, присылаемые домой мужчинами-гастарбайтерами в Турции и России.

Недалеко от бывшей штаб-квартиры ветеранской организации Асадова я наткнулся на десятиэтажный дом. Раньше здесь было общежитие студентов Бакинского педагогического института, сейчас тут живут беженцы из Агдама. На фасаде высокого крыльца выложена яркая мозаика, напоминающая о былых мирных временах: двое советских юношей в окружении космонавтов и космических ракет разглядывают пробирку с надписью H₂O. Студент Ровшан Абасов провел меня по общежитию. С тех пор, как в 1993 году судьба забросила его семью сюда, лишь он один из всей семьи сумел прижиться на новом месте.

В общежитии мы навестили его тетю Зумруд Кулиеву и увидели жалкое лицо нового Баку. В тесной комнате, где живет Зумруд, душно, комната отапливается керосиновой печкой. Четверо взрослых спят на кроватях, дети – на полу. Зумруд рассказала, что каждый беженец получает в месяц 50 тысяч манатов, это примерно 10 долларов, чего, конечно, не хватает даже на еду. "Нам кажется, что все о нас забыли, – обреченно вздохнула женщина. – Мы не знаем, что с нами будет дальше".

Ровшан говорит, что водяной насос в общежитии испортился. На верхние этажи вода больше не поступает, а подвал залит водой. Несмотря на жалобы беженцев, водопровод починить некому, и люди боятся, что в один прекрасный день многоэтажное здание рухнет прямо на них. Это тревожная метафора для Баку. Снаружи все выглядит прекрасно, но однажды "крыша" социальной стабильности может обвалиться – и не под бременем межнациональных конфликтов, а из-за растущей пропасти между богатыми и бедными.

Примечания:

1. Сообщение информационного агентства "Туран", 31 марта 2000 г.
2. Henry. Baku, An Eventful History, p. 173.
3. Richards, Epics of Everyday Life, p. 144-145.
4. Все эти беседы состоялись 14 декабря 2000 г.
5. Интервью с Оруджевым 24 ноября 2000 г.
6. Сообщение информационного агентства "Шарг" 1 февраля 2000 г.
7. Интервью с Асадовым 29 марта 2000 г.
8. Béchhofer, In Denikin's Russia, p. 309-310.

Глава 8. 1990-1991 г.г. Советская гражданская война

Час Поляничко

В январе 1990 года с началом беспорядков в Баку ситуация в районах вокруг Нагорного Карабаха вышла из-под контроля. 15 января Москва объявила чрезвычайное положение в автономной области и в приграничных с Арменией районах. Направленная по решению Политбюро специальная комиссия прилетела в Карабах, но на аэродроме толпа жителей окрестных деревень вынудила самолет отправиться обратно. В сельской местности Ханларского района шла стрельба. Затем, после кровавых событий 20 января, Аркадий Вольский и его команда покинули область, оставив ее без дееспособной администрации.

И тогда настал час Поляничко. После "черного января" второй секретарь ЦК азербайджанской компартии, русский по национальности, Виктор Поляничко остался в республике в качестве заместителя нового партийного босса Аяза Муталибова. После того, как команда Вольского покинула Карабах, Поляничко лично возглавил новый Организационный комитет, созданный в качестве исполнительного органа автономной области. Начался пересмотр советского политического курса в нужном для Поляничко направлении. Кремль стал расценивать лояльность Азербайджана как необходимое условие для выживания Союза, и второй секретарь играл роль фактического наместника Москвы в мятежной провинции. Он установил прочные связи с главами силовых ведомств – в частности, с министром обороны Дмитрием Язовым и руководителем КГБ Владимиром Крючковым, а также, видимо, заручился доверием Михаила Горбачева.

26 января 1990 г. Поляничко прилетел в Нагорный Карабах, где его в аэропорту встретил генерал Владислав Сафонов, новый глава военной администрации, которому было поручено обеспечивать режим чрезвычайного положения. В сопровождении Сафонова Поляничко отправился в здание областного комитета на площади Ленина в Степанакерте, где провел первое заседание состоящего из 10 членов Организационного комитета, который был формально создан еще в ноябре прошлого года. Сама же городская площадь служила ареной политических акций для местных армян, протестовавших против присутствия в области бакинских эмиссаров. Первый помощник Поляничко Сейран Мирзоев вспоминает, что на протяжении двух месяцев они находились "в полной осаде, невозможно было выйти из здания, мы не могли нормально питаться" (1).

Поляничко и Сафонов стали политическим и военным столпами новой стратегии Азербайджана в отношении Карабаха. Они хотели провести демонстрацию власти, которая заставила бы армян подчиниться воле Баку. Планировалось, что дополнительный многотысячный контингент внутренних войск под командованием Сафонова восстановит в области порядок, а Поляничко вернет политические институты Карабаха под контроль Баку. Судя по воспоминаниям очевидцев, встречавшихся в тот период с Поляничко, он вошел в свою роль с азартом героя вагнеровской оперы, бросившегося на ратный подвиг. Он внушал страх и уважение. Но американский адвокат и правозащитник Скотт Хортон, посетивший Карабах летом 1991 года, вспоминает о "чрезвычайно высоком уровне недоверия к Поляничко". По словам Хортона, "его считали чуть ли не воплощением зла": "Я неоднократно сталкивался с ситуацией, когда люди отказывались открыто говорить о [Поляничко] – они боялись, что их могут подслушать. Зато они охотно говорили об Аркадии Вольском, о котором многие – как армяне, так и азербайджанцы – отзывались весьма благожелательно" (2).

Новая администрация сразу продемонстрировала свои намерения, арестовав несколько десятков армянских активистов и отправив их за решетку на тридцать суток. В течение последующих полутора лет многие из них снова – и не раз – оказывались в тюрьме; среди них, в частности, был журналист Аркадий Гукасян, нынешний лидер Нагорного Карабаха, которого отправили в тюрьму в российском Ростове-на-Дону (3).

Одновременно Поляничко – несомненно, используя методы, которыми он в совершенстве овладел в Афганистане и Азербайджане, – пытался раздуть пожар междоусобной вражды в рядах мятежников. "Мы делали все, чтобы расколоть сепаратистов, – вспоминает Сейран Мирзоев. – Когда мы прибыли в Нагорный Карабах, они представляли собой единое ядро. К

концу 1991 года нам удалось это ядро расщепить или, говоря точнее, мы вовремя заметили первые трещины в этом ядре". По утверждению Мирзоева, путем распространения слухов и ложных обвинений, они спровоцировали публичную ссору между консервативным партийным функционером Генрихом Погосяном и молодым радикалом Аркадием Манучаровым.

Главным приоритетом Азербайджана было восстановление экономического контроля. В мае 1990 года Муталибов вернулся из поездки в Москву с известием об отмене Госпланом отдельной строки для Нагорного Карабаха в советском бюджете – об этом Горбачев объявил еще в феврале 1988 года, а Вольский пытался это реализовать. Теперь экономика Нагорного Карабаха вновь формально стала частью азербайджанской экономики.

В то же самое время бакинские власти оказали поддержку азербайджанскому населению Карабаха, расселив азербайджанских беженцев в Ходжалы, после чего этот поселок на равнинной части автономной области официально получил административный статус города. Новыми жителями Ходжалы стали несколько сотен азербайджанцев и группа турок-месхетинцев, ранее депортированных из Средней Азии.

Весной 1990 года Поляничко развернул свое самое грозное оружие. По новому советскому законодательству, союзные республики получили право создавать собственные специальные части милиции, которые являлись по сути легализованными военизированными структурами. В Армении эти силы именовались ОМОР, в Азербайджане, как и в ряде других республик, ОМОН, а бойцов этих военизированных подразделений часто называли "черными беретами" – по цвету форменных головных уборов (4).

Азербайджанский ОМОН был размещен почти исключительно на территории Нагорного Карабаха и в прилегающих к нему районах. Около десяти тысяч милиционеров дежурили на пропускных пунктах, патрулировали улицы, искали оружие. Они заняли карабахский аэропорт в Ходжалы, где приобрели дурную славу за вымогательство с сомнительных, на их взгляд, пассажиров и за сексуальную агрессию по отношению к женщинам. В июле 1990 года члены международной правозащитной делегации подали официальную жалобу на то, что омовцы подвергли их издевательствам и задержали пятерых сопровождающих их армян, подчеркнув, что среди омовцев, с которыми им пришлось общаться, почти все оказались азербайджанцами, ранее депортированными из Армении (5).

Спустя год после прибытия в автономную область, Поляничко докладывал центру, что его жесткая тактика доказала свою эффективность. Его помощник Сейран Мирзоев утверждает, что к весне 1991 года армянские колхозники поставляли молоко, мясо и вино в Азербайджан и практически смирились с неизбежностью реставрации власти Баку в автономной области. "Политическое влияние было восстановлено, если и не на всей территории Нагорного Карабаха, то, во всяком случае, на его значительной части, и нагорно-карабахское население определенно признало полномочия республиканского Организационного комитета".

Но были и иные мнения. Вадим Быркин, работавший в то время корреспондентом ТАСС в Нагорном Карабахе, считает, что власть Поляничко была условной: "[Поляничко] не обладал реальным механизмом управления, потому что в его распоряжении не было никаких властных структур. У него был Организационный комитет из 10 человек, но армяне не принимали участия в его заседаниях. В Баку шли отчеты, что здесь все отлично, что армяне начали сотрудничать. А на самом деле никакого сотрудничества не было. Только один армянин, Валерий Григорян, посещал заседания комитета, но и его потом убили. Они могли использовать только один механизм – Советскую Армию, с помощью военного коменданта генерала Сафонова" (6).

Армения: взятие власти

Летом 1990 года Армянское общенациональное движение (АОД) окончательно взяло власть в

республике. На выборах в новый Верховный Совет Армении в мае 1990 года члены АОД получили большинство мест и решили воспользоваться этой победой как тараном для своих притязаний на власть.

4 августа Левон Тер-Петросян был избран спикером Верховного Совета Армении – этот пост позволил ему стать фактическим главой республики. Другой лидер АОД Вазген Манукян получил пост премьер-министра. 23 августа Верховный Совет принял декларацию о независимости, в которой говорилось о продвижении Армении к полноценному суверенитету. Статуя Ленина в центре Еревана была демонтирована.

Лидеры АОД стали первыми некоммунистами, пришедшими к власти в советской республике. И их первой заботой стало удержание этой власти. Манукян и Ашот Манучарян вылетели в Москву и в ходе двухчасовой беседы с членом Политбюро Евгением Примаковым попытались показать себя прагматиками, не представляющими опасности для советского строя. По словам Манукяна, осторожный Примаков вынужден был задуматься, "стоит ли игра свеч", должна ли Москва свергать новую администрацию – и в конце концов решил отказаться от идеи интервенции (7).

Больше всего московское руководство беспокоили незаконные вооруженные формирования в Армении. 25 июля 1990 года Горбачев подписал указ "О запрещении создания вооруженных формирований", направленный главным образом против Армении, где в 1989 году появились два негосударственных военизированных формирования. Армянская Армия Независимости (ААН) была основана Леонидом Азгалдяном, убитым в Нагорном Карабахе три года спустя. Армянскую Освободительную Армию (АОА) создали Размик Василян и Вардан Вартамян. В общей сложности численность обоих формирований составляла около 2 тысяч человек – причем вооружение для личного состава было куплено или похищено с советских военных баз. В 1990 году в Ереване произошло несколько вооруженных столкновений между членами этих военизированных отрядов и советскими войсками.

В августе на участке северной границы между Азербайджаном и Арменией завязалась трехдневная перестрелка. Для восстановления порядка туда были переброшены части внутренних войск МВД СССР, но в ходе вооруженных стычек с обеих сторон погибло 16 человек и было ранено 50. Тер-Петросян воспользовался этим инцидентом, чтобы взять под контроль ополченцев. Его парламентская администрация формально распустила одно из этих негосударственных вооруженных формирований. "Нам сказали, что мы следующие, – вспоминает Левон Эйрамджянц, один из основателей ААН. – Когда стало ясно, что с нами поступят так же, как с АОА, мы решили создать партию, чтобы обеспечить себе политическую крышу". ААН превратилась в политическую партию и после принятия декларации о суверенитете формально сложила оружие. Две тысячи бывших ее бойцов присягнули на верность новому министерству внутренних дел Армении (8).

Новое армянское руководство не желало иметь в республике вооруженные отряды, которые могли бы посягнуть на его власть и вызвать недовольство Москвы. Оно приветствовало их решение отправиться в Карабах, где тлеющий конфликт стал разгораться с новой силой после приезда туда администрации Поляничко. "Мы поняли, что они просто позовут на помощь внутренние войска министерства внутренних дел СССР, чтобы их руками задушить нас, – говорит карабахский лидер Аркадий Гукасян. – А потом стали формироваться партизанские группы, которые наносили удары по частям внутренних войск. Стало ясно, что война неизбежна". В самом Карабахе оружие либо покупали у советских солдат, либо изготавливали сами. Один бывший боец рассказывает, как в то время на мебельной фабрике в Степанакерте тайно наладили выпуск самодельных пистолетов и оболочек для мин. ОМОН несколько раз устраивал на фабрике обыски, но ее тайна так и осталась нераскрытой (9).

В борьбу включалось все большее число ополченцев из Армении, проникавших в горные районы Карабаха и армянские деревни на территории Азербайджана. Новые подразделения

повстанцев выбирали себе названия, которые не вспоминались со времен армянского партизанского движения на рубеже веков. Они создавали "джокаты" – "отряды". А себя именовали "фидаинами". Это слово, заимствованное из арабского, означало бойцов, готовых жертвовать своей жизнью ради священной борьбы. Армянский писатель и политический активист Зорий Балаян рассказывает о более чем двухстах операциях армянских партизан против администрации Поляничко. Они взрывали мосты и участки железных дорог, нападали на колонны военной техники, брали заложников, которых затем обменивали на армянских заключенных из шушинской тюрьмы (10). В ответ на их действия Поляничко закрыл все дороги, связывающие Нагорный Карабах с Арменией.

Операция "Кольцо": планирование

В 1991 году, в последний год существования Советского Союза, Армения и Азербайджан уже двигались по совершенно разным политическим маршрутам. Горбачев работал над новым союзным договором, который как он надеялся, смог бы сохранить Союз путем делегирования союзным республикам больших властных полномочий. Армения совместно с Грузией, Молдовой и прибалтийскими республиками начала движение к независимости и отказалась сотрудничать с Горбачевым. Азербайджан согласился принять участие в работе над договором и остаться в составе Союза – на определенных условиях.

Азербайджанский партийный босс Аяз Муталибов становился ключевой фигурой в процессе политического торга. В "черном январе" он стал лидером республики едва ли не случайно, но теперь цепко держался за свое кресло. Муталибов был нетипичной в тогдашнем Азербайджане политической фигурой, главным образом потому, что родился в Баку, а не в Нахичевани, вотчине Гейдара Алиева. Он сделал традиционную партийную карьеру, много лет проработав директором машиностроительного завода. Культурный но поерхностно мыслящий, Муталибов хотя и не обладал природным авторитетом Алиева, но оказался достаточно умелым политиком, чтобы участвовать в московских партийных играх. Он использовал свою лояльность, чтобы заручиться сильной политической поддержкой Москвы.

Направленный в январе 1991 года в ЦК КПСС письменный доклад Муталибова был исполнен тревожных предсказаний относительно будущего Азербайджана. Отзыв на этот доклад, датированный 11 января и написанный Вячеславом Михайловым, экспертом ЦК КПСС по национальному вопросу, сохранился в партийном архиве. Михайлов приводит слова Муталибова о том, что ситуация в Азербайджане все более осложняется из-за "притязаний Республики Армения на Нагорный Карабах. В телеграмме особо подчеркивается, сколь значительное количество вооружений сосредотачивается у вооруженных формирований, узаконенных Верховным Советом Армении, и указывается на возможность эскалации вооруженного конфликта".

Судя по изложению Михайлова, письмо Муталибова было отчасти предупреждением, отчасти угрозой: "Дальнейшее развитие событий может привести к широкомасштабному военному противостоянию между Азербайджаном и Арменией и, в конечном счете, к захвату власти экстремистскими кругами Народного фронта Азербайджана. Вполне вероятно, что в случае неспособности центра принять экстренные меры, Верховный Совет Азербайджанской ССР примет решение о создании национальной армии, упразднит автономный статус Нагорно-Карабахской автономной области и откажется подписать новый Союзный договор. Положение Коммунистической партии и ее авторитет, завоеванный на выборах в Верховный Совет республики, будут подорваны самым серьезным образом". (11)

Михайлов рекомендовал, чтобы "министерство обороны, министерство внутренних дел и КГБ СССР немедленно осуществили специальную операцию в регионе совместно с соответствующими республиканскими органами Армении и Азербайджана с целью разоружения незаконных вооруженных формирований". 17 января 1991 года ЦК КПСС согласился с этими рекомендациями.

Оба эти документа показывают, насколько тесно проблема Нагорного Карабаха была связана с политикой Москвы. Муталибов использовал призрак внутренних беспорядков в Азербайджане, чтобы заручиться согласием на еще более жесткое подавление армян. Московский истеблишмент согласился на сделку и оказал решительную поддержку Муталибову и Поляничко. В краткосрочной перспективе это решение оказалось выгодным азербайджанскому руководству, так как в регионе для острастки карабахских армян были размещены части советской армии и МВД. Однако в долгосрочной перспективе это решение оказалось губительным для Азербайджана, поскольку республика значительно отстала от Армении в строительстве собственных силовых структур.

17 марта 1991 года советское руководство провело всенародный референдум о будущем СССР. Азербайджан принял участие в референдуме и послушно сказал "да" сохранению Советского Союза в рамках нового союзного договора. Армения, где правило АОД, была одной из шести непокорных республик, которые бойкотировали референдум. Более того, Армения заявила о проведении в сентябре собственного референдума о независимости.

Продемонстрированная руководством Азербайджана лояльность стала необходимым условием для проведения очередного раунда политики твердой руки как внутри, так и вокруг Нагорного Карабаха – реализации плана "разоружения незаконных вооруженных формирований". В самом Азербайджане эту операцию именовали "проверкой паспортного режима", но она обрела печальную известность по своему кодовому названию "Операция "Кольцо". Сутью операции стала проверка наличия штампа прописки в общегражданских паспортах. Азербайджанские власти говорили о намерении проверить паспорта у жителей ряда населенных армянами деревень вдоль границы с Карабахом, в которых якобы укрывались фидаины, выселить лиц без прописки и тем самым восстановить порядок.

Муталибов сейчас признает, что план операции, как он говорит, по "ликвидации террористов" существовал на бумаге еще с 1989 года и лишь ожидал своей реализации. Он откровенно рассказывает, каким образом ему удалось убедить кремлевское руководство в политической целесообразности такой операции: "Я изложил суть дела в политических терминах, ведь я знал, как надо работать в Москве" (12).

А далее вспыхнула маленькая советская гражданская война, которая велась в очень неравных условиях. Одной воюющей стороной была советская 4-я армия, базировавшаяся в Гяндже, чья 23-я дивизия, укомплектованная танками и артиллерией, была задействована в ходе этой операции. Дивизии были приданы части азербайджанского ОМОНа и группы азербайджанских ополченцев из соседних деревень, которые грабили и терроризировали местное армянское население. На другой стороне были армянские фидаины. Их было значительно меньше, – возможно, всего несколько сотен человек, но их моральный дух был исключительно высок. Они пользовались открытой поддержкой нового руководства Армении, активную помощь в передвижении им оказывало местное армянское население, у них были даже вертолеты, которые перебрасывали их с места на место.

Один из лидеров АОД Ашот Манучарян в 1991 году стал министром внутренних дел Армении. Он оказывал военизированным отрядам помощь, снабжая их незаконно купленным оружием и осуществляя его переброску в Карабах. Значительное количество вооружения, по признанию Манучаряна, было приобретено на советских военных базах: "Мы закупили много оружия в грузинских воинских частях". В основном это было легкое стрелковое оружие, автоматическое стрелковое оружие и гранатометы, которые можно было переправить в Карабах вертолетами или перенести по горным тропам (13).

Весной и летом 1991 года отдельные вооруженные стычки переросли в боевые столкновения между соседними деревнями, когда устраивались набеги в духе партизанских вылазок и захватывались заложники. Во время одного такого рейда армянских боевиков на деревню Карадоглы были убиты шесть азербайджанцев (14). Армяне стали применять новый вид

орудия – ракету "Алазань", не предназначенную для военных действий. Ракета представляла собой тонкую трубу около шестидесяти сантиметров длиной с боезарядом, советские метеорологические службы использовали ее в горных районах для разгона грозовых облаков и предотвращения снежных бурь. Ракеты "Алазань" наносили значительный ущерб и при прямом попадании могли убить человека. Армяне впервые применили их в качестве боевого оружия в апреле, подвергнув обстрелу Шушу, во время которого было повреждено несколько домов и ранено трое горожан.

Спустя месяц, 10 мая 1991 года, в рабочий кабинет Виктора Поляничко попала граната, выпущенная из гранатомета армянским партизаном. Он не пострадал в результате этой попытки покушения на его жизнь (в апреле 1991 года в Ростове-на-Дону армяне покушались на генерала Сафонова, но тогда по ошибке был убит другой русский офицер). Однако Поляничко все же был убит уже спустя много времени после того, как он покинул Карабах. В июле 1993 года он погиб в результате нападения на него группы армянских боевиков в Северной Осетии.

"Операция "Кольцо": как это было

Весной 1991 года главным театром военных действий в армяно-азербайджанской партизанской войне был не сам Нагорный Карабах, а лесистые горы к северу от Ханларского и Шаумяновского районов (15). Население обоих регионов состояло преимущественно из армян. "Фидаины" проникали в армянские деревни, отчасти беря на себя функции защитников местного населения от азербайджанских омовцев, а отчасти используя их как перевалочные пункты на пути в Карабах. Несколько десятков бойцов укрепились в поселке Геташен (или, как его именовали азербайджанцы, Чайкенд) и в расположенном вблизи него поселке Мартунашен (или Карабулах) в Ханларском районе. Ими командовал Татул Крпеян, дашнак из Армении, который раньше работал учителем сельской школы.

10 апреля 1991 года было принято решение о начале операции против Геташена и Мартунашена (16). В течение последних двух недель месяца около трех тысяч жителей обоих населенных пунктов были полностью отрезаны от внешнего мира. Поселки были окружены войсками, телефонные линии были перерезаны и подача электроэнергии прекращена. Сигналом к началу операции стала ликвидация поста советского министерства внутренних дел. Внутренние войска были в основном укомплектованы русскими, которые, скорее всего, могли бы встать на сторону армянских жителей. Армейские части состояли в основном из азербайджанцев, а в ОМОНе служили только азербайджанцы (17).

Московская правозащитная организация "Мемориал" восстановила ход событий. 30 апреля военнослужащие 4-ой армии, а за ними следом и омовцы вошли в Геташен. Кое-где им было оказано вооруженное сопротивление, но в ходе перестрелок Крпеян был убит, а его люди взяли в заложники нескольких солдат. Омовцы совершали нападения на дома, грабили, подвергали избиениям многих сельчан. Было убито около десяти человек, причем в основном это были восьмидесяти- и девяностолетние старики. Было захвачено около пятидесяти заложников, половину из них впоследствии обменяли на пленных солдат, а остальных отправили в тюрьму Гянджи.

Атакующими превосходящими силами фидаинам удалось ускользнуть. В течение недели жители обоих поселков были депортированы – большинство вертолетами отправлены в Степанакерт, а оттуда в Армению. Многих заставили подписать бумаги о том, что они добровольно покидают свои дома. После этого была осуществлена до той поры не афишируемая часть "Операции "Кольцо": азербайджанцы-беженцы, покинувшие Армению в 1988-1989 годах, были перебросены в Геташен/Чайкенд и поселились в брошенных армянами домах.

Успешная в военном плане операция Азербайджана против деревенских жителей имела

тяжкие политические последствия. Новый российский парламент во главе с председателем Борисом Ельциным заключил тесный союз с руководством Армении. У них был общий враг – элита советских силовых структур. Российские парламентарии встали на защиту осажденных армянских сельчан. Позднее состоялись первые парламентские слушания по поводу "Операции "Кольцо". Началась новая эра истории армяно-российских политических отношений.

На 6-7 мая было назначено проведение еще одной операции – против деревни Воскепар на северном участке армяно-азербайджанской границы. Воскепар находилась на территории Армении, но между ее жителями и азербайджанцами, живущими по другую сторону границы, то и дело вспыхивали перестрелки. Силовая операция Азербайджана по "нейтрализации" деревни показала, насколько размытой стала грань между официальными и неофициальными силовыми структурами. Недалеко от Воскепара автобус, в котором ехали около тридцати армянских милиционеров, попал в засаду, устроенную солдатами 23-й дивизии. 11 человек были убиты, остальные взяты в плен. С точки зрения азербайджанцев, это были члены армянских военизированных отрядов, армяне же с таким же успехом могли бы утверждать, что азербайджанцы убили советских милиционеров в зоне их юрисдикции.

На место событий прибыли четыре российских парламентария и один из них, Анатолий Шабад, остался в деревне. Шабад наполовину армянин, но основным его мотивом было активное неприятие коммунистических силовых структур. Когда впоследствии в регионе развязалась полномасштабная война, он дистанцировался от движения карабахских армян, а еще позже стал одним из наиболее ярких критиков операции российских войск в Чечне.

Шабад вспоминает, что в Воскепаре царили тревога и смятение. По его словам, сам он не видел вооруженных бойцов, которые, вероятно, действовали по своему усмотрению на окраинах поселка. Через громкоговорители советский офицер объявил жителям поселка о конечном сроке сдачи оружия. После того, как никто не откликнулся на его призыв и срок ультиматума истек, начался артиллерийский обстрел. Большинство снарядов падали позади или в стороне от деревни, но три жителя, в страхе бежавшие из-под обстрела, были убиты. Шабад говорит, что как он понял только потом, артиллерийский обстрел преследовал цель лишь напугать жителей поселка и заставить их подчиниться приказу, а не уничтожить армянских партизан. Он был свидетелем применения точно такой же тактики в Чечне в 1995-1996 годах:

"Вооруженных людей, у которых есть опыт участия в войнах, такими вещами трудно испугать. Им становится страшно, только когда огонь ведется непосредственно по ним. Уже потом я понял, что если вокруг стоит грохот канонады, а снаряды летят в другом направлении, можно спокойно пить коньяк и не обращать внимания. Все эти вещи делаются для того, чтобы посеять панику среди гражданского населения. Женщины начинают плакать, собаки лаять, коровы мычать, и возникает соответствующая обстановка " (18).

Очевидно, только благодаря присутствию российского парламентария жители Воспакара не стали жертвами "Операции "Кольцо". Войска 23-й дивизии не вошли в поселок, а Шабладу удалось затем выкупить из плена армянских милиционеров за солидную сумму, предоставленную ему министерством внутренних дел Армении. Через неделю, впрочем, все жители семнадцати небольших армянских деревушек в Гадрутском и Шушинском районах Нагорного Карабаха были депортированы. По оценкам правозащитников, в ходе первой фазы операции, 5 тысяч армян были депортированы и от двадцати до тридцати – убиты.

Попытка компромисса

Если "Операция "Кольцо" задумывалась именно как акция устрашения карабахских армян, то вскоре она начала приносить плоды. После первой фазы, когда поток беженцев из Геташена хлынул в Степанакерт, в армянском карабахском движении наметились признаки раскола. 19

июня 1991 года депутаты все еще сохранившегося областного совета приняли резолюцию, выражающую их намерение сменить "курс от политики конфронтации к политике диалога и переговоров". Казалось, они предлагали вступить в политический торг: в обмен на воссоздание партийных органов и "демилитаризацию" Нагорного Карабаха проголосовать за приостановку выхода области из состава Азербайджана. Это было серьезной уступкой. Делегация во главе с партийным функционером Валерием Григорьяном отправилась с этими предложениями в Москву. Мирзоев, член азербайджанского Организационного комитета, с гордостью говорит: "Люди поняли, что в Нагорном Карабахе появилась авторитетная власть, и начали с этим считаться" (19).

Несмотря на это кровопролитные столкновения между жителями азербайджанских и армянских деревень не прекращались. Когда в июле стали проводиться операции в Шаумяновском районе, полевой командир по кличке "полковник Феликс" организовал более профессиональную оборону армянских деревень. Выставив пулеметные стволы, вертолеты из Армении пролетали над азербайджанской территорией и приземлялись неподалеку от поселка Гулистан, где в 1813 году был подписан знаменитый российско-персидский мирный договор (20).

Сигналом к началу операции в Шаумяне стал подписанный Горбачевым указ, отменяющий с 4 июля 1991 года чрезвычайное положение в районе в связи с "нормализацией" обстановки. Это была циничная уловка, чтобы отозвать из региона советские внутренние войска, которые либо придерживались нейтралитета, либо защищали армянские деревни. Как только они были выведены, солдаты 23-й дивизии и азербайджанский ОМОН сразу же окружили деревни Эркеч, Бузулук и Манашид.

Болгарская журналистка Цветана Паскалева зафиксировала на видеопленке драму последних дней Эркеча. На пленке видно, как над деревней кружит вертолет, а русский офицер 23-й дивизии объявляет через громкоговоритель, что в деревню будут введены войска "для проверки паспортного режима" и если жители деревни откажутся сотрудничать, к ним будут применены "самые решительные меры". Перепуганные сельчане показывают Паскалевой своих детей, желая показать, что Эркеч – вовсе не партизанское гнездо. Они жалуются, что находятся в блокаде уже полгода: электричество подается с перебоями, не хватает, продуктов питания и воды. В другом конце поселка мы видим вооруженных бойцов – группу крепких бородатых парней в грязных полевых гимнастерках, перепоясанных лентами с патронами. Соппротивление здесь сильнее, чем раньше. Бойцы курят, спорят и распевают фидаинские песни (21). Начинается артобстрел, и жители покидают свои дома. Бойцы отходят колонной, перед тем, как в деревню входит ОМОН. Снаряд попадает в грузовик. Двое убегающих жителей деревни убиты.

Паскалева вернулась в деревню в сентябре, когда ею вновь овладели армянские бойцы. В видеорепортаже об этой поездке мы видим, что произошло с Эркечем после того, как туда вселились азербайджанцы. Деревня полуразрушена, на металлических воротах остались написанные белой краской фамилии азербайджанцев, которые еще совсем недавно вселились в эти дома, но были изгнаны.

После шаумяновской операции партийная делегация карабахских армян отправилась 20 июля в Баку для проведения мирных переговоров с Муталибовым. В письме к азербайджанскому лидеру они заявили о своей готовности вести переговоры "на основе Конституции Советского Союза и Республики Азербайджан и союзных документов по Нагорному Карабаху" и о желании обсудить сроки проведения новых выборов в местные органы власти (22). Это было по существу предложение о капитуляции в обмен на гарантии самоуправления области внутри Азербайджана. Интересно предположить, что могло бы случиться, если бы подобные переговоры состоялись в 1988 году или если бы дальнейшие события не перечеркнули эту мирную инициативу. С высоты сегодняшнего дня, однако, представляется маловероятным, что эта делегация обладала достаточными полномочиями

для заключения компромиссной сделки, к тому же по возвращении в Степанакерт ее миссия подверглась жесткой критике.

10 августа Валерий Григорян, главный проводник идеи компромисса, был убит на улице Степанакерта. Возможно, он пал от руки своих армянских собратьев, которые сочли его предателем. Шведский ученый Эрик Меландер приводит слова активистки карабахского движения Жанны Галстян в беседе с ним: "Кто бы ни подписал такой документ – документ, не имевший силы, потому что ни мы, ни народ не могли ему подчиниться, – он ставил свою жизнь под угрозу: такого человека просто бы убили, даже если бы он был нашим близким другом" (23). Попытка компромисса была сорвана.

Расплата

"Операция "Кольцо" ознаменовала начало открытой, военной фазы карабахского конфликта. Вместе с тем сама по себе она стала, вне всякого сомнения, первой и последней "гражданской войной советского периода", в которой части советской армии участвовали в боевых действиях на советской территории. То, как дезорганизованно и жестоко велись эти действия, проливает свет на общее состояние советских вооруженных сил и, в более широком смысле, всего Советского Союза в 1991 году.

Официальная азербайджанская версия операции сводится к тому, что Азербайджан был вынужден противостоять серьезной угрозе со стороны армянских партизан, проникавших в Карабах. По словам бывшего президента Азербайджана Аяза Муталибова, армянские фидайны использовали Ханларский и Шаумяновский районы как перевалочный пункт в Нагорный Карабах и "терроризировали азербайджанское население". Сейран Мирзоев, помощник Поляничко, человек умеренных взглядов, уверял, что к ним неоднократно поступали жалобы от жителей армянских деревень на действия карабахских бойцов. Так, например, шесть стариков из Гадрутского района буквально умоляли его помочь им уехать из деревни, где они оказались совершенно беззащитны после того, как ее покинули все молодые мужчины, а вооруженные партизаны из Армении появлялись и исчезали, когда им заблагорассудится.

В этом есть доля правды. Фанатично настроенные бойцы в поисках продовольствия и прибежища доставляли немало хлопот простым людям, нарушая их мир и покой. В годы первой чеченской войны 1994-1996 годов бывали случаи, когда жители деревень просили чеченских бойцов покинуть деревню, чтобы избавить их от атак российских войск. Но это не означает, что жители хотели покинуть свои дома без возможности вернуться в родные места – и уж тем более невозможно вообразить, будто жители Гадрута или Геташена желали присутствия в своих деревнях азербайджанских омовцев. Даже если у них возникали трения с армянскими партизанами, то вооруженное нападение на деревню с последующей депортацией не было для них выходом из положения. А немедленное размещение азербайджанских беженцев в покинутых армянами деревнях показывает, что цель таких операций не сводилась лишь к "выявлению террористов".

Две правозащитные группы, проводившие интервью с беженцами, обнаружили свидетельства систематического насилия. Одна из них заключает: "Официальные лица Азербайджана, включая председателя Верховного Совета республики Аяза Муталибова и второго секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Виктора Поляничко, продолжают оправдывать эти депортации, представляя их как добровольное переселение жителей Нагорного Карабаха. Однако у нас есть неопровержимые свидетельства того, что эти действия проводились с применением физического насилия и оружия, что приводило к убийствам, истязаниям и утрате личного имущества" (24).

Так какова же была истинная задача операции? Ясно, что она преследовала стратегическую цель. Опустошая армянские деревни на границах Карабаха, азербайджанские власти

пытались блокировать фидаинов, отрезать пути их снабжения и создать вокруг Карабаха новое "кольцо" азербайджанских деревень. Вместе с тем, однако, представляется, что политические цели операции были даже важнее этого.

Советские власти пытались добиться лояльности Азербайджана, проводя в отношении Нагорного Карабаха жесткую линию. Они пытались подавить карабахское националистическое движение – и в какой-то мере их действия увенчались успехом. Давление Азербайджана произвело впечатление не только на местных карабахских руководителей, но и на нового лидера Армении Левона Тер-Петросяна. 20 июля 1991 года он в первый и последний раз встретился с Горбачевым в рамках переговоров по новому союзному договору в Ново-Огареве и дал понять, что готов пойти на уступки.

В то же самое время в Ереване развернулся серьезный конфликт между АОД-овским руководством Армении и руководством компартии. Тогдашний лидер коммунистов Арам Саркисян обвинил Тер-Петросяна в намерении отдать Шаумяновский район в обмен на более благоприятные условия договора в отношении Нагорного Карабаха (25). Все это показывает, что в 1991 году армянское националистическое движение было куда менее монолитным и более уязвимым, чем это могло показаться стороннему наблюдателю.

И все же, хотя компромисс обсуждался, армянское вооруженное сопротивление продолжалось. Имевшим значительное численное превосходство войскам советской армии и азербайджанским силам, которые даже использовали танки и артиллерию 4-й армии, понадобилось несколько недель, чтобы выбить армянских ополченцев из Шаумяна. Трое очевидцев, находившихся в то время среди армянских бойцов, независимо друг от друга отметили их "высокий боевой дух", "жизнестойкость" и особенно тот факт, что они "намного превосходили противника в морально-психологическом плане". В самой же Армении карательная операция против карабахских армян вызвала небывалый рост числа добровольцев, пожелавших примкнуть к фидаинскому движению, – тем самым была сорвана одна из основных задач этой операции. Вот что по этому поводу говорит Шабад:

"Несомненно, Муталибов убедил Горбачева в том, что там развернулось мощное партизанское движение фидаинов, что их действия приведут к отпадению от Азербайджана территорий с армянским населением, что они бандиты и что их надо уничтожить. И Горбачев – а с его стороны это была, конечно, величайшая глупость – согласился на эту операцию. Он, возможно, понимает сейчас, что операция такого рода была обречена, это было невозможно. Мы же видим в Чечне, что война с партизанами – пустое занятие".

Осенью 1991 года, когда обстановка на фронте неожиданно перевернулась в их пользу, армянам относительно легко удалось вновь взять под свой контроль большинство деревень в Шаумяновском районе. Таким образом, с сугубо военной точки зрения, операция фактически провалилась: ее разработчики недооценили силу противостоящего им партизанского движения. Само проведение "Операции "Кольцо" оказалось возможным благодаря нарастающей политической неразберихе в Москве. Ее поддержали руководители силовых ведомств, которые уже готовили заговор по свержению Михаила Горбачева.

Противоречивость мотивов, которыми они руководствовались, предпринимая попытку государственного переворота в августе 1991 года, – попытка сохранить Советский Союз, сделав ставку на демонстрацию силы и назидательное наказание, – просматривается уже в этой операции. Сам Горбачев, постоянно неуверенный и сомневающийся, похоже, поддержал план операции, не вполне понимая, что происходит. Не исключено также, что он был введен в заблуждение своим окружением. Тогдашний руководитель армянских коммунистов Арам Саркисян вспоминает инцидент с участием советского президента, произошедший в перерыве сессии Верховного Совета в Москве в июле 1991 года. Помимо прочего, его рассказ дает представление о хаотичном состоянии процесса принятия решений на самом верху:

"В перерыве я вдруг заметил что Муталибов, Язов и Крючков обступили Горбачева, и Язов информирует Горбачева о чем-то. Я догадался, что они говорят об ["Операции "Кольцо"], подошел и встал у Горбачева за спиной, понимая, что вообще-то так не делается. Язов увидел меня и замолчал. Горбачев обернулся, взял меня за руку и сказал: "Отойдем!" Мы отошли в сторонку, и он мне говорит: "Что вы, армяне, там творите?" Я говорю: "А что такое?" "Устраиваете взрывы, убиваете, изгоняете людей и так далее". Я говорю: "Простите, это информация с азербайджанской стороны. А у вас есть информация с армянской стороны?" Он говорит: "Что это значит?" Я сказал, что на самом деле это армян депортируют и небольшие группы армянского населения, более или менее организованные, пытаются сопротивляться. Он мне сказал: "Никаких депортаций там не может быть, потому что я не отдавал такого приказа. Тогда я говорю: "Очень прошу вас, вот стоит Крючков, председатель КГБ, пригласите его сюда, и пусть он мне в глаза скажет, что никаких депортаций не проводится!". [Горбачев] понял, что тут что-то не так, и сказал: "Ладно, я сам разберусь". (26)

Поляничко, сторонник московских заговорщиков, был олицетворением этой помеси советского патриотизма и грубой силы. У Скотта Хортона, члена американской правозащитной делегации, побывавшей в Карабахе в июле 1991 года, создалось впечатление, что Поляничко никакого особого расположения к Азербайджану не имел, а просто верил, что, провоцируя разлад в регионе, он укрепляет Советскую власть. Во время недолгого полета из Баку в Степанакерт Хортон разговорился с Поляничко о его прошлом:

"Он стал рассказывать мне о войне в Афганистане и о том, какую важную роль он сыграл в этой войне. Он был ученым-востоковедом, понимал племенную психологию афганцев и отвечал за формирование и осуществление советской стратегии, призванной извлечь выгоду из этого или что-то в этом роде. Я спросил: "Что это означало?" Он ответил, что они, например, переселяли разные этнические группы с места на место. Они брали группу, враждующую с какой-то другой группой, и помещали ее в самую гущу чужаков так, чтобы она оказалась в их окружении. Это делалось с целью вызвать разногласия и напряженность, и тому подобное. Тогда я сказал: "Это очень интересно, потому что это очень похоже на "Операцию "Кольцо" – на то, как там осуществляют переселение разных этнических групп". Но он не захотел больше говорить об этом".

Другой член той же делегации американец Уильям Грин Миллер, возглавляющий комитет по американо-советским отношениям, сделал другой вывод из этой поездки:

"Было совершенно ясно, что там проявились осложнения, связанные с распадом Советского Союза: приверженность советскому прошлому, неуверенность в будущем Советского Союза, неуверенность относительно применения силы в присутствии иностранцев, пусть даже только как наблюдателей. Все это было совершенно очевидно. Я думаю, Поляничко находился в том же состоянии растерянности, которое отражало общее состояние Советского Союза в тот период" (27).

Советский Союз фактически доживал последние дни. Между 19 и 21 августа 1991 года после попытки путча в Москве и краха путчистов ему был нанесен нокаутирующий удар. Подобно всем советским людям, армяне и азербайджанцы после хаоса, возникшего в результате попытки переворота, оказались в совершенно ином мире.

Примечания:

1. Интервью с Мирзоевым 12 апреля 2000 г.

2. Интервью с Хортоном 2 января 2001 г.

3. Зульфугаров. НКАО, стр. 38. Интервью с Гукасяном 7 октября 2000 г.
4. Аббревиатура ОМОР расшифровывается как "Отряды милиции оперативного реагирования"; ОМОН – как "Отряды милиции особого назначения". Выражаю признательность Робину Батти за эти и другие подсказки, связанные с полувоенными формированиями и структурой вооруженных сил.
5. Доклад делегации первого международного Сахаровского конгресса, посетившей Армению и Азербайджан 13-16 июля 1991 г.
6. Интервью с Быркиным 1 июня 2000 г.
7. Интервью с Манукяном 5 мая 2000 г.
8. Интервью с Эйрамджанцем 28 сентября 2000 г. Владимир Киселев. Дорога в никуда. – "Московские новости" №35, 2 сентября 1990 г.
9. Интервью с Авшаряном 18 мая 2000 г.
10. Балаян. Между небом и адом.
11. Russian Archives Project, фонд 89, рол. 1989, 89/4/17.
12. Интервью с Муталибовым 30 мая 2000 г.
13. Интервью с Манучаряном 4 мая 2000 г.
14. Сообщено на Сахаровском конгрессе в июле 1991 г.
15. В январе 1991 г. Шаумяновский район был переименован азербайджанскими властями в Геранбойский район.
16. Подробности Геташенской операции взяты из докладов общества "Мемориал" и Сахаровского конгресса, а также из: Murphy, "Operation 'Ring'", p. 86.
17. Согласно генерал-майору А. Зайцеву, командующему контингентом советских внутренних войск в Нагорном Карабахе:

"Стало ясно, что внутренние войска ни на шаг не отступят от закона и поставят жесткий заслон грабежам, осуществляемым омовцами. Тогда 23-я мотострелковая дивизия советского министерства обороны, на 80% укомплектованная азербайджанскими военнослужащими, была вызвана для проведения насильственной депортации армян. После

этого ситуация радикально изменилась: азербайджанское руководство прибегло к новой тактике. До начала депортации было отменено объявленное ранее в данном районе чрезвычайное положение. Мы были вынуждены вывести свои подразделения, после чего азербайджанская сторона провела "специальную операцию", о которой нас даже не проинформировали". – "Военные в Карабахе – посредники или заложники?". – "Аргументы и факты", 7 февраля 1992 г.

18. Интервью с Шабаром 7 декабря 2000 г.

19. Шахназаров. Цена свободы, стр. 220-221. Интервью с Мирзоевым.

20. Интервью с Шабаром.

21. Цветана Паскалева. Высоты надежды, 1991. Выпущено снова как "Раны Карабаха" (TS Film, Yerevan, 1996).

22. Melander, "The Nagorno-Karabakh Conflict Revisited, p. 70.

23. Ibid., 71.

24. Доклад делегации первого международного Сахаровского конгресса о событиях в Нагорном Карабахе, 13-16 июля 1991, стр. 3.

25. Интервью с Саркисяном 4 мая 2000 г.

26. Интервью с Саркисяном.

27. Интервью с Миллером 9 января 2001 г.

Глава 9. Противоречия. Сюжет двадцатого века

На границе между Советской Арменией и Азербайджаном, между городами Иджеван и Казах, к югу от Грузии, некогда стояла скульптура в виде дерева. На самой его верхушке расцвел гигантский цветок, чьи лепестки символизировали дружбу трех братских республик Советского Закавказья.

В советскую эпоху никто, наверное, не обращал особого внимания на этот экзотический древоцвет, но разве лишь потому, что, по-видимому, для большинства людей его смысл был очевиден. Большинство жителей Кавказа сегодня говорят, что вплоть до конца 1980-х годов они жили в дружбе с соседями всех национальностей и считали себя лояльными советскими гражданами. В течение семи десятилетий почти не было случаев массового насилия между армянами и азербайджанцами. Они жили бок о бок и торговали друг с другом. Межнациональные браки не были редкостью.

Тем не менее, распря между армянами и азербайджанцами в 1988 оказалась чем-то большим, чем просто непонимание. Это был глубокий раздор, который расколол оба народа и сыграл важную роль в распаде Советского Союза. Но почему и каким образом мирное сосуществование двух народов внезапно обернулось конфликтом?

Возможный ответ на этот важнейший и тревожный вопрос следует начать с того, что хотя между армянами и азербайджанцами раньше существовали и добрососедские отношения, и торговля, и межнациональные браки, между ними, как ни удивительно, практически отсутствовал живой диалог. Если послушать лидеров обеих сторон, рассуждающих об источниках армяно-азербайджанского конфликта, то становится ясно, что это две разные повести, герметически запечатанные и не имеющие между собой почти ничего общего.

Многие азербайджанцы, к примеру, в принципе отвергают идею наличия некоего "карабахского вопроса". Они говорят, что стали жертвой опасной армянской идеологии, которая почти никакого отношения не имела к Нагорному Карабаху как таковому. Азербайджанский оппозиционный деятель Иса Гамбар, к примеру, утверждает, что события февраля 1988 года в Карабахе стали проявлением ирредентистского движения, импортированного из Армении, и его можно было бы подавить путем своевременных действий бакинского руководства:

"Инициатива принадлежала армянской стороне. Они начали выдвигать территориальные претензии к Азербайджану. Они стояли за вспышкой сепаратистского движения в Нагорном Карабахе. Так что нет сомнений, что вся ответственность в этом вопросе лежит на армянских ультранационалистах. В то же самое время мы считаем, что тогдашнее руководство Азербайджана несет свою долю ответственности в том смысле, что оно не заняло более жесткую и решительную позицию -ведь тогда эту проблему можно было разрешить в течение первых нескольких дней" (1).

Армянский лидер Роберт Кочарян предлагает совершенно иные аргументы полагая, что конфликт в Карабахе был исторически неизбежен: "В 1917 году произошла революция. Когда центральная власть в [царской] России перестала существовать, эта проблема встала с предельной остротой. Три года шла война, и в итоге советские войска насильно присоединили Карабах к Азербайджану. Так что эта проблема была всегда, и было совершенно очевидно, что как только центральная власть ослабеет или исчезнет вовсе, случится то, что мы имеем сейчас. Это было совершенно очевидно для всех карабахских армян. В этом ни у кого не возникало сомнения – и мне кажется, что это было также очевидно и для самих азербайджанцев" (2).

Противоречащие друг другу взгляды на недавнюю историю показывают, как в советскую эпоху Армения и Азербайджан двигались разными политическими, экономическими и культурными курсами, которые редко пересекались. Это выросло во взаимное неуважение и страх.

Спор двадцатого века

Пытаясь выявить корни карабахского конфликта, мы должны, прежде всего, отвергнуть идею, что это был "извечный конфликт". Как по форме, так и по содержанию армяно-азербайджанские разногласия возникли чуть более ста лет назад. Нагорный Карабах, ставший яблоком раздора и причиной войн в 1905 и 1918-1920 годах, был передан Азербайджану в 1921 году, а его нынешние границы были окончательно установлены в 1923 году. Как заметили два американских историка, "можно сказать, что причины нынешнего конфликта скрыты в туманах двадцатого столетия" (3).

Идеологический контекст спора имеет вполне современный характер. Националистическая идеология – убеждение, что тот или иной этнос обладает исконным правом

государственности на определенной территории – не играла сколько-нибудь существенной роли в регионе вплоть до конца девятнадцатого века. Так что нижеследующее описание затрагивает уже историю века двадцатого.

Корни этого спора восходят к тому периоду, когда Османская и Российская империи находились в стадии умирания, а армяне и азербайджанцы открыли для себя идею национального самоопределения. Армян вдохновил пример движений за независимость на Балканах и в Восточной Европе. Ведущая националистическая партия в Армении, Армянская Революционная Федерация, больше известная под названием "Дашнакцутюн" (или "дашнаки"), была основана лишь в 1890 году. В то же самое время азербайджанцы, обратив свой взор на "тюркских братьев", начали укреплять связи с Турцией и встали на путь вооруженной борьбы за отделение от России.

Катастрофа 1915 года изменила и ускорила этот процесс. Крах Османской империи и массовая резня армянского населения положили конец вековому проживанию армян в Турции и превратили российскую Армению в страну беженцев. Затем, с падением Российской империи в 1917 году, народы Кавказа неожиданно обрели независимость. В мае 1918 года три больших нации Кавказа образовали независимые государства. Наибольшую выгоду от независимости получила Грузия, потому что ни армяне, ни азербайджанцы не обладали всей полнотой власти в своих государствах. 28 мая Азербайджан провозгласил независимость с временной столицей в Гяндже, так как Баку все еще находился под властью большевистской Коммуны. Армяне объявили о своей независимости в тот же день и сделали это, с большой неохотой, в грузинской столице Тифлисе. Они только что остановили войска турок в битве при Сардарабаде и должны были через несколько дней подписать унижительный мирный договор.

Два националистических режима во главе с партиями Дашнакцутюн в Армении и Мусават в Азербайджане, взявших в 1918 году власть, заспорили о том, где пройдут границы между двумя государствами. Камнем преткновения стали три области с этнически смешанным населением: на карте они выстроились друг за другом с запада на восток, подобно опирающимся друг на друга костяшкам домино, – Нахичевань, Зангезур и Карабах. Азербайджану удалось при поддержке Турции взять под свой полный контроль самую западную область, Нахичевань, изгнав оттуда тысячи армян. В Зангезуре, расположенном восточнее, за горным массивом, беспощадный командир армянских партизанских отрядов Андраник смерчем пронесся по всему региону, сжигая азербайджанские деревни и изгоняя жителей. Ситуация в горах Карабаха была более сложной: местная ассамблея карабахских армян предприняла попытку провозгласить независимость, но у нее почти не было связи с находящейся по другую сторону гор Республикой Армения.

Когда в ноябре закончилась Первая мировая война, Турция капитулировала перед Антантой и вывела свои войска из Азербайджана. В республику вошли войска Великобритании, и Азербайджан провел первый год в качестве независимого государства под британским мандатом. Заинтересованные в Азербайджане как оплоте против большевиков и источнике нефти, англичане предприняли вялые попытки разрешить территориальный спор. В декабре в Шуше была учреждена британская миссия, просуществовавшая там восемь месяцев (где-то за городской стеной похоронены два британских солдата – ланкаширский пехотинец и патан с северо-западной границы).

Генерал Уильям Томсон, возглавлявший экспедиционный корпус, назначил в Карабахе крайне непопулярного среди армян губернатора-азербайджанца доктора Хосров-бека Султанова и уговорил командира армянских партизанских отрядов Андраника вернуться в Армению. Томсон говорил, что это лишь временная договоренность, и все оставшиеся вопросы будут разрешены на предстоящей Парижской мирной конференции (4).

Но Парижская мирная конференция так и не разрешила спор о границах. Англичане ушли из

Азербайджана в августе 1919 года, оставив после себя обманутые ожидания и неурегулированные раздоры. В Карабахе вековая дилемма – сотрудничество или конфронтация? – стала причиной раскола армянской общины. Одни – в основном это были дашнаки и жители сельских районов – хотели воссоединения с Арменией. Другие – в основном большевики, торговцы и ремесленники – по словам армянского историка Ричарда Ованнисяна, "считали, что экономически область связана с западным Закавказьем, и искали возможности примирения с правительством Азербайджана, видя в этом единственный путь спасения Нагорного Карабаха от полной разрухи". Эта группа главным образом концентрировалась в Шуше, однако сторонники обеих групп были убиты или изгнаны в ходе жестокого подавления армянского мятежа в марте 1920 года, когда погибли сотни шушинских армян. Британский журналист С. И. Беххофер, путешествуя по Армении в апреле 1920 года, был потрясен картиной хаоса, экстремизма и насилия:

"Невозможно убедить партию ярых националистов, что два минуса не дают в сумме плюс. Соответственно, ни дня не проходило без того, чтобы обе стороны, армяне и татары, не выставляли друг другу целые списки взаимных обвинений – в неспровоцированных нападениях, убийствах, поджогах деревень и тому подобного. Налицо был порочный круг: каждое новое нападение татар или армян вызывало ответное нападение. Побуждаемые страхом, оба лагеря шли на все новые эксцессы. Дашнаки оставались у власти благодаря сложившейся ситуации, а ситуация была именно такой не в малой степени из-за того, что у власти были дашнаки" (5).

Предложенное Беххофером решение получило неожиданный резонанс восемьдесят лет спустя: он был убежден, что единственный способ разрубить узел состоит в том, чтобы всеми были признаны границы Армении и чтобы состоялся взаимный переход армян и азербайджанцев через новую границу – как это и случилось в 1988-1990 годах. Однако вскоре после поездки Беххофера в регион вновь вернулась старая имперская власть – Россия, надевшая новую военную форму. Большевики захватили Баку и свергли мусаватистское правительство. В мае 1920 года XI Красная Армия вошла в Карабах, и спустя полгода захватила власть в Армении.

Большевики поначалу решили отдать Армении все спорные территории, по-видимому, в награду за ее обращение в большевизм. В декабре 1920 года коммунистический лидер Азербайджана Нариман Нариманов приветствовал "победу братского народа" и объявил, что все три спорных района, Карабах, Нахичевань и Зангезур, отныне становятся частью Советской Армении. Это обещание, сделанное явно под давлением Москвы, никогда не было выполнено.

Весной 1921 года баланс сил изменился, и антибольшевистский мятеж в Армении сразу испортил отношения между Москвой и Ереваном. Все прошлые договоренности утратили силу. К тому моменту судьба Зангезура и Нахичевани уже была решена с помощью военной силы. Лидер дашнаков Нжде захватил Зангезур, изгнав оттуда остатки азербайджанского населения и добившись, как эвфемистически выразился один армянский автор, "реарменизации" региона (6). Азербайджанцы получили Нахичевань, и его статус был подтвержден Московским договором, подписанным в марте 1921 года между Советской Россией и Турцией. По этому же договору Карс, регион, ранее в основном армянский, отошел к Турции.

После этого под вопросом осталась лишь судьба Нагорного Карабаха. Окончательное решение относительно его статуса должны были принять шесть членов "Кавбюро", большевистского комитета по делам Кавказа, чья деятельность находилась под неусыпным наблюдением комиссара по делам национальностей Иосифа Сталина. 4 июля 1921 года бюро проголосовало за присоединение Карабаха к Советской Армении, против чего решительно возражал Нариманов. Спустя сутки, бюро решило, что "исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи между

верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Аз ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в г Шуше, входящим в состав автономной области" (7).

В июле 1923 года советские власти создали Нагорно-Карабахскую автономную область и через месяц утвердили ее административные границы. Армянский поселок Ханкенди стал областным центром и был переименован в Степанакерт, в честь одного из бакинских комиссаров, Степана Шаумяна. Область, населенная преимущественно армянами -94% от общей численности населения – получила новые границы, но оказалась оторванной от Армении. Десятки литров чернил было изведено на споры о том, почему Нагорный Карабах в 1921 году стал частью советского Азербайджана.

Аргументы за и против этого решения отражают самую суть политической подоплеки карабахской проблемы: экономические интересы и географические особенности Азербайджана сталкиваются с доводами армян, апеллирующих к демографической ситуации и исторической преемственности. Проще говоря, регион, который населен преимущественно армянами и в котором сильны традиции армянского самоуправления, был расположен восточнее естественного рубежа между Арменией и Азербайджаном, и экономически был интегрирован с Азербайджаном.

В 1921 году позиция большевиков отчасти изменилась в силу конъюнктурных стратегических соображений. Для них тогда приоритетной задачей было укрепление своей власти в Азербайджане, который только благодаря нефтяным месторождениям представлял куда большую важность, чем Армения. Кроме того, в 1921 году Азербайджан был формально независимым большевистским государством, близким союзником Турции.

Республика имела свой комиссариат иностранных дел, дипломатические представительства в Германии и Финляндии, консульства в Карсе, Трабзоне и Самсуне. Большевики в Москве надеялись, что новая мусульманская советская республика станет, по словам бакинского большевика Султана Галиева, "красным маяком для Персии, Аравии и Турции", способствуя их присоединению к мировой революции. Коммунистический лидер Армении Александр Мясникян позднее жаловался на угрозу Нариманова, заявившего, что "если Армения будет претендовать на Карабах, мы перестанем поставлять туда керосин".

Образование Нагорно-Карабахской автономной области внутри Азербайджана часто приводится в качестве примера политики "разделяй и властвуй", когда Москва натравливала один подвластный себе народ на другой, чтобы упрочить свою власть. Но это упрощенный взгляд. Разумеется, большевики восстанавливали империю всеми имеющимися у них средствами. Однако если бы они хотели только "разделять и властвовать", то было бы куда логичнее передать нагорно-карабахский анклав Армении, создав причудливый островок суверенной Армении внутри Азербайджана.

На самом деле, вероятно, решение Кавбюро было продиктовано далеко идущими соображениями как экономического, так и колониального характера. Ленин и Сталин сделали Нагорный Карабах элементом новой запутанной мозаики автономных областей и республик, которая шла на смену старой царской системе однородных губерний. Новые области должны были стать экономически жизнеспособными территориями, и все прочие соображения отходили при этом на второй план.

Так, скажем, на Северном Кавказе жителей равнинных и горных районов – таких, как кабардинцы и балкарцы, – воссоединили в границах одной автономной республики. Эти народности ранее не имели этнических связей, но планировалось, что они станут работать плечом к плечу на новых стройках социализма и поведут отсталые горные племена к светлому будущему. Решение оставить Карабах в составе Азербайджана было продиктовано той же экономической логикой.

Особенно на руку это было тысячам азербайджанских и курдских пастухов-кочевников, которые регулярно перегоняли отары овец на высокогорные пастбища Карабаха летом и спускались на равнины Азербайджана в зимнее время (8). В этом смысле образование Нагорного Карабаха точнее было бы назвать результатом политики "объединяй и властвуй". Причем советская разновидность подобного объединения сама по себе таила в себе немалую опасность, потому что стимулировала острую конкуренцию между новыми партнерами.

Маленькие империи

Непредвиденным побочным продуктом изобретенного Лениным нового административного устройства страны стало то, что новая система, привязав национальность к территории проживания, консервировала внутри себя национализм в скрытой форме. СССР был образован как федерация республик, названных по национальности. Каждая "союзная республика" (в 1922 году их было четыре, а после 1956 года – пятнадцать) сохраняла элементы суверенитета, включая формальное право выхода из состава Советского Союза. Все они имели свой флаг, герб, гимн и политические институты.

Большинство атрибутов суверенитета имели, впрочем, чисто декоративный характер и мало что значили в условиях жестких ограничений однопартийной системы авторитарного государства. Но при этом они подчеркивали и без того очевидные национальные различия, формализованные самой системой. Советский Союз (в отличие, например, от США), не был "плавильным котлом". Достигнув шестнадцати лет, каждый советский гражданин должен был заявить о своей национальной принадлежности, закрепленной в печально известном "девятом пункте" внутреннего советского паспорта.

Это означало, что все люди в СССР принадлежали, по крайней мере, к двум группам, а некоторые национальные меньшинства, вроде азербайджанцев и курдов, проживавших в Армении, например, или армян, лезгинов или русских в Азербайджане, к трем. Они принадлежали, во-первых, к национальности, указанной в их советских паспортах (курды, армяне, азербайджанцы и т. д.), во-вторых, они были гражданами союзной республики – России, Армении или Азербайджана, и, наконец, гражданами Советского Союза – то есть частью "советского народа" в целом.

Уже в послевоенные годы Советский Союз обрел свой стандартный серый внешний вид. Его граждане могли вступать только в одну партию, покупать только три вида сосисок, читать только "Правду", "Известия" и "Труд". Армянину или азербайджанцу многое было привычно – будь то одинаковые жилые дома или одинаковое мыло – и в Ташкенте и в Таллинне, равно как и в Баку и Ереване. Тем не менее, подспудно существовала масса различий. После смерти Сталина, баланс экономической власти начал смещаться от центра вовне – от России к союзным республикам. Кое-кто из русских даже жаловался, что бремя империи становится слишком дорогим. Говорит реформатор горбачевской эпохи Александр Яковлев:

"[В 1970-1980-е годы] Политбюро уже не обладало такой властью, как при Сталине. Во-вторых, появилось понимание того, что нам необходимо дать республикам некоторую степень свободы. В итоге они обрели бы определенную ответственность и перестали бы вечно кланяться: "Дайте денег, дайте денег, постройте то, постройте это". Все чаще звучала идея заставить республики платить за себя – ведь они работали, они зарабатывали свои собственные средства. Понимаете, советская империя была очень странной империей. Россия доминировала политически, но экономически она страдала, все делалось вопреки экономическим интересам России" (9).

Три кавказские республики постепенно упрочивали свою значимость, и ряд ярких атрибутов их нового статуса как мини-государств был закреплен в новой "брежневской" Конституции 1977 года. Так, в каждой республике язык титульной нации – грузинский, азербайджанский и

армянский – стал официально считаться "республиканским языком" (в случае с Грузией Москва согласилась пойти на такой шаг после массовых уличных выступлений протеста). 72-я статья Конституции подтвердила, пусть только на бумаге, право союзных республик на выход из состава СССР, а статья 78-я гласила, что "территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия" – это и стало конституционным козырем Азербайджана в карабахском споре.

Растущая уверенность доминирующих этносов союзных республик – армян, грузин и азербайджанцев – вынуждала национальные меньшинства чувствовать шаткость своего положения. Ситуация, позволившая Андрею Сахарову назвать союзные республики "маленькими империями", нашла отражение в демографической статистике. В Армении, численность армянского населения в период между двумя переписями 1970 и 1979 годов выросла на 23%, а численность азербайджанцев в этой республике за тот же период увеличилась лишь на 8%.

Это свидетельствовало о том, что азербайджанцы, у которых темпы роста рождаемости были весьма высоки, покидали Армению. В результате армяне составили более 90% населения Армении, что сделало ее самой гомогенной республикой Советского Союза. За тот же период в Азербайджане численность этнических азербайджанцев выросла на четверть, а вот численность армян и русских фактически упала. К 1979 году в Нахичевани армяне составляли лишь 1% населения или три тысячи человек. Карабахские армяне приводили этот факт как пример медленной "деарменизации" Нахичевани на протяжении двадцатого века и как пример того, что может случиться с ними.

Еще более малочисленные народности Кавказа, как, например, курды, также жаловались на ассимиляцию. В 1920-е годы азербайджанские курды имели свою национальную автономию к западу от Нагорного Карабаха – Красный Курдистан. В 1930 году ее упразднили, и большинство курдов постепенно стали считаться "азербайджанцами". По подсчетам одного из лидеров курдской общины, в настоящее время в Азербайджане проживает около 200 тысяч курдов, хотя официальная статистика говорит только о 12 тысячах (10).

Российский эксперт по национальному вопросу Валерий Тишков комментирует: "[Союзные республики] обращались со своими национальными меньшинствами куда жестче, чем Москва. При обсуждении причин распада [Советского Союза] основное внимание уделяется политике Москвы, но крупнейшими ассимиляторами были Грузия, Азербайджан и Узбекистан (Армения в меньшей степени, только потому, что там было меньше национальных меньшинств)" (11).

Феодальные первые секретари

В 1960-1970-е годы к власти в трех кавказских республиках пришли представители нового поколения первых секретарей ЦК местных коммунистических партий. Эдуард Шеварднадзе в Грузии, Карен Демирчян в Армении и Гейдар Алиев в Азербайджане были у власти более десяти лет и создали разветвленную сеть, основанную на безусловном подчинении вышестоящему начальнику. По сути дела, они были своего рода феодальными князьями, платившими дань Москве и единолично правившими дома.

Это наследие впоследствии помогло и Шеварднадзе, и Алиеву вернуться во власть в качестве президентов независимой Грузии и независимого Азербайджана в 1992 году и 1993 году. И никого особенно не удивляло, что при одной системе оба были преданными ЦК партийными боссами, а при другой в одночасье стали служащими народу национальными лидерами. В 1998 году в Армении Демирчян едва не последовал их примеру, но потерпел поражение во втором (спорном) туре президентских выборов.

Занимая с 1969 по 1982 годы пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии

Азербайджана, Гейдар Алиев был, вероятно, наиболее успешным руководителем союзной республики в СССР. Он поднял престиж некогда непривилегированной советской республики, постоянно продвигал азербайджанцев на высокие посты в стране и мастерски льстил Брежневу. Брежнев трижды посещал Азербайджан, где его всякий раз осыпали щедрыми подношениями и устраивали ему грандиозные приемы. Однажды Алиев преподнес ему кольцо с огромным бриллиантом, - Брежнев -,обрамленном пятнадцатью бриллиантами меньшего размера – союзные республики. Говорят, кольцо обошлось в астрономическую по тем временам сумму – - 226 тысяч рублей (12). Правда, и Брежнев отплатил не менее щедро.

В 1995 году, в одном из интервью Алиев рассказал, как ему удалось убедить Брежнева профинансировать строительство в Азербайджане нового завода по производству кондиционеров. И все потому, что во время партийной конференции в Ташкенте у советского лидера разыгралась бессонница:

"Утром [Брежнев] пошутил, что в его комнате всю ночь как будто какой-то трактор работал, и только под утро он понял, что это кондиционер. Кто-то ему сказал, что этот кондиционер выпущен в Баку. А мы действительно наладили выпуск кондиционеров на одном заводе, но конечно, не имея никакой технологии. Он ужасно шумел и не особенно охлаждал воздух, но ничего другого не было. И когда Брежнев удивился, как это в нашей стране не производятся кондиционеры, я предложил построить завод кондиционеров в Баку. Он согласился. После этого я стал проталкивать, то есть буквально проталкивать решение по этому вопросу. Потом я стал выбивать финансирование. И когда средства были выделены, министр электротехнической промышленности Антонов решил построить завод в Запорожье [на Украине], потому что он там когда-то обучал рабочих, и там легче было начать производство. Его логику можно было понять, но я пошел к Брежневу, и он сдержал свое обещание" (13).

Этот рассказ многое проясняет: почему советские люди на Кавказе и в Средней Азии каждое лето страдали от жары; как командная экономика оказалась не в состоянии обеспечить производство необходимых товаров: насколько оторваны были советские руководители от повседневных проблем советской жизни; как важно было иметь доступ к Брежневу; как принимались в стране важные решения.

Рассказ Алиева служит иллюстрацией того, как советская система, при всех разговорах о гармонии и братстве республик, способствовала конкуренции и соперничеству. Это особенно ощущалось именно на Кавказе, где региональное экономическое сотрудничество было на удивление слабо развито и, в силу абсурдности системы централизованного планирования, завод в Армении мог с таким же успехом иметь смежников в Минске или Омске, как и в соседнем Азербайджане.

В политической сфере брежневский авторитарный режим хоть и ограничивал полномочия местных руководителей, но зато не возлагал на них почти никакой ответственности: вместо разделения власти, между Москвой и регионами шел бесконечный торг за распределение благ и льгот. Будучи политически полностью подчинены центру, республиканские лидеры в Баку, Тбилиси и Ереване ревниво лелеяли свою личную власть и не имели ни малейшего стимула для взаимного сотрудничества.

Как следствие, отношения между руководителями трех закавказских республик оставались неважными. Говорили об острейшем соперничестве между Алиевым и Шеварднадзе, хотя впоследствии они наладили взаимоотношения в 1990-е годы, возглавив независимые Азербайджан и Грузию. Но самые плохие отношения установились, вероятно, между Алиевым и Демирчяном.

В 1970-1980-е годы Алиев и Демирчян враждовали по поводу распределения бюджетных ресурсов. Их самая знаменитая размолвка была вызвана планами строительства трассы,

которая должна была пройти по территории Армении и соединить азербайджанский анклав Нахичевань с республикой, причем этот вопрос вновь был поднят в 1999 году, хотя и в совершенно ином виде. Как азербайджанский партийный руководитель, Алиев, уроженец Нахичевани, активно лоббировал идею строительства трассы союзного значения в Нахичевань через армянский Мегрийский район.

Это был престижный дорожно-строительный проект, причем трасса должна была пролегать только по советской территории, что могло бы принести номинальную выгоду всем заинтересованным сторонам. Однако Демирчян решительно выступал против проекта и в конце концов ему удалось его заблокировать. Он очевидно был убежден, что то, что хорошо для советского Азербайджана, – плохо для советской Армении.

Когда встал вопрос о прокладке шоссе через Мегри, Игорь Мурадян, впоследствии зачинатель движения карабахских армян, работал в республиканском Госплане – комитете государственного планирования. По его словам, ему дали задание: найти аргументы против строительства магистрали. "Нам нужно было доказать, что грузопоток в Нахичевань является незначительным".

Как мы уже видели, Мурадян, хотя и был активистом националистического движения, пользовался негласной поддержкой Демирчяна в своих кампаниях по дискредитации Алиева и Азербайджана. Отвечая на вопрос, почему глава Коммунистической партии республики оказывал помощь ему, диссиденту, Мурадян со смехом объяснил, что он просто оказался полезным оружием во внутренней борьбе за власть. "Дорогой мой, Советский Союз перестал существовать уже в начале семидесятых! – сказал он. – Существовали разные республики. Одна республика воевала с другой и так далее. Их совершенно не интересовали общечеловеческие идеалы" (14).

Три первых секретаря республиканских компартий пошли еще дальше по пути создания экономической самостоятельности и суверенности своих республик. Они активно выступали за возрождение "национальных культур", что давало им возможность узаконивать их власть внутри и укреплять имидж своих республик за их пределами.

Хрущевская оттепель 1960-х годов стимулировала всплеск интеллектуальной и культурной жизни во всех национальных республиках. Любое проявление нелояльности к России или коммунистической партии все еще было недопустимо, но писатели и историки теперь могли обращаться ко многим аспектам культуры и прошлого, которые до той поры находились под запретом. Это была своего рода мягкая деколонизация, совершаемая без жесткой политики. Размышления двух поэтов, азербайджанца и армянина, поразительным образом схожи. Вот что сказал Сабир Рустамханлы, известный азербайджанский поэт:

"Этот период – шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы – был периодом маленького возрождения в Советском Союзе. В разных республиках начался процесс самоидентификации, национальное самосознание росло. Несмотря на то, что в студенческие годы нас заставляли изучать литературу, связанную со сталинизмом и тому подобное, наше поколение полностью отрицало это. В наших стихах, в наших произведениях, не было ни слова о советской идеологии, о братских узах с Москвой" (15).

А это рассказ армянки Сильвы Капутикян: "Руководство не подавляло наши национальные чаяния. Выходили совершенно необычные книги. Когда я была в Америке в 1964 году, я подарила одну из своих книг, посвященную целиком Армении, армянским проблемам, армянским трагедиям и тому подобное, одной женщине-дашначке. Она была поражена тем, как такое могло быть напечатано. Я объяснила ей, что у нас более или менее либеральное руководство – в хорошем смысле слова" (16).

Армения легко приспособилась к этому мягкому национализму. Россию и Армению так много

связывало в смысле традиций и истории, что было несложно примирить армянский национализм и лояльность советскому режиму. В 1960-е годы в Ереване стали появляться символы армянской государственности. После снятия статуи Сталина – некогда самой высокой в мире – ее заменили статуей Матери-Армении. Был создан мемориал в память жертв геноцида, установлены памятники армянскому воителю пятого века Вартану Мамиконяну и даже командиру партизанских отрядов Андранику.

В Азербайджане оказалось сложнее вписать местный национализм в советский шаблон. И все же Алиеву удалось поднять престиж Азербайджана в глазах соседей. Азербайджанский язык стал языком официального делопроизводства и политической жизни. Останки репрессированного при Сталине поэта Гусейна Джавида были доставлены из Сибири и перезахоронены в Азербайджане. Алиев открыл памятники азербайджанским поэтам, таким как Вагиф и Низами. На этом фундаменте строилось новое здание национальной государственности Азербайджана.

Карабах как камень преткновения

По мере того, как в послевоенный период армяне и азербайджанцы все больше осознавали свою силу, Нагорный Карабах все чаще становился ареной столкновения их национальных амбиций. Нагорный Карабах, где армянское население составляло подавляющее большинство, стал единственным случаем в советской федеративной системе, где члены одной этнической группы, имеющей собственную союзную республику, руководили автономной областью, входящей в другую республику.

С самого начала партийные руководители Карабаха использовали весьма слабые институты, которые имели по статусу автономной области, для поддержания некоего уровня "арменизации" посредством библиотек, школьных учреждений, радиостанций и развития связей с Арменией.

Напряженность вокруг Нагорного Карабаха возникла еще при власти Сталина. В 1945 году руководитель Компартии Армении Григорий Арутюнов обратился к Сталину с просьбой передать область Армении. Азербайджанский руководитель Мир-Джафар Багиров дал отрицательный ответ в ироничной форме. После смерти Сталина карабахские армяне продолжали лоббировать этот вопрос в Москве (но никогда не в Баку). В 1965 году группа из тринадцати партийных работников и представителей армянской интеллигенции Москвы написала обращение к советскому руководству, жалуясь на методы управления Нагорным Карабахом из Баку.

Многие после этого были уволены с работы, а шестеро были вынуждены переехать из Москвы в Армению. Климат изменился после того, как в 1969 году Алиев стал руководителем Компартии Азербайджана и вступил в конфликт с двумя местными армянами, Гургеном Мелкумяном и Мушегом Оганджаняном, которые в течение предыдущих десяти лет руководили автономной областью.

Оганджанян, в 1960-е годы возглавлявший исполнительный комитет облсовета Нагорно-Карабахской области, то есть бывший как бы премьер-министром Карабаха, и сейчас остается членом местного парламента в Степанакерте. Он признает, что испытывал противоречивые чувства в отношении Алиева, с которым он потом тесно работал в Баку. С одной стороны, этот карабахский армянин восхваляет бывшего партийного руководителя за то, что он сделал для Азербайджана.

По словам Оганджаняна, в семидесятые годы он ездил на партийные конференции в Москву с высоко поднятой головой: "Когда Алиев был у власти, мы все гордились тем, что мы из Азербайджана. Потому что при его режиме, как в экономике, так и в политике, да и в материальном плане, дела пошли куда лучше, чем при других [партийных руководителях

Азербайджана]" (17). Но с другой стороны, по словам Оганджяна, Алиев "ужесточил политику" с целью усиления контроля Баку над Нагорным Карабахом.

В 1973 году довольно простой вопрос – празднование пятидесятилетия образования Нагорно-Карабахской автономной области стал предметом спора между Баку и Степанакертом. По словам Оганджяна, они с Мелкумяном планировали провести торжественные мероприятия, которые подчеркнули бы историю и достижения Нагорного Карабаха как административно-территориальной единицы в составе СССР, а не как части Азербайджана.

С этой целью они намеревались пригласить на торжества со всего Советского Союза пятьдесят академиков и генералов, выходцев из Нагорного Карабаха. По словам Оганджяна, высокие чиновники в Баку разгневались, увидев список приглашенных гостей – в основном из Москвы и Еревана. Они отложили проведение торжеств на несколько месяцев, а затем исключили из списка приглашенных большинство армян и русских. Лишенные помпезности торжества, на которых в основном присутствовали гости из самого Азербайджана, должны были подчеркнуть азербайджанскую принадлежность Нагорного Карабаха.

Алиев постепенно усиливал контроль над областью. В 1973-1974 годах он сменил в Карабахе все местное партийное руководство. Мелкумян был уволен, а Оганджян получил высокую партийную должность в Баку. Новый карабахский партийный лидер Борис Кеворков, армянин, но не уроженец Карабаха, был женат на азербайджанке и всецело предан Алиеву. Говорят, за все четырнадцать лет пребывания на своем посту он ни разу не съездил в Армению.

Оценки социально-экономической ситуации в Карабахе в этот период расходятся. Тех, кто побывал там в 1988 году, поразила общая атмосфера полного безразличия. "Дороги были, как после атомной войны", – вспоминает московский чиновник Григорий Харченко, который был также неприятно удивлен антисанитарным состоянием системы водоснабжения. Эти впечатления, впрочем, нельзя воспринимать вне общего контекста. Азербайджан в то время был беднейшей из трех республик Закавказья: по официальным данным, средняя заработная плата в республике была на 25% ниже, чем в среднем по Советскому Союзу (18).

Согласно официальной статистике (к которой следует относиться с осторожностью), количество экономических показателей, превышающих средние по Союзу, в Нагорном Карабахе было больше, чем в Азербайджане. Недовольство карабахских армян своим экономическим положением заключалось не в том, что они жили хуже, чем остальной Азербайджан, а в том, что они могли бы жить еще лучше после присоединения к Армении.

Распределение прибылей в теневой экономике, которые с трудом поддаются оценке, было, по-видимому, куда более существенным фактором. Андрею Сахарову сообщили, что общий оборот капитала в теневой экономике Азербайджана в 1988 году составлял 10 миллиардов рублей, а в Армении – 14 миллиардов рублей (23). В Азербайджане процветал черный рынок горючего, цветов и черной икры, если ограничиться лишь тремя самыми популярными в Союзе продуктами. Азербайджанцы говорят, что в Нагорном Карабахе выращивалась марихуана.

Подпольная торговля была неотъемлемой частью повседневной жизни. Вот что пишет об Азербайджане летописец "советской мафии" Аркадий Ваксберг: "По-видимому, ни в одной другой республике мафии не удалось захватить так много должностей снизу доверху в государственном и партийном аппарате, в торговле, науке, сельском хозяйстве и культуре" (19). Еще больше удручало карабахских армян в 1970-1980-е годы то обстоятельство, что они явно проигрывали более мощным сетям азербайджанской теневой экономики: будучи национальным меньшинством, они не обладали достаточной силой и влиянием, чтобы претендовать на большой кусок пирога.

Но было бы ошибкой сводить проблему Нагорного Карабаха лишь к социально-экономическим факторам. Карабахские армяне не отрицают, что социально-экономическое положение региона отнюдь не было катастрофическим. В интервью в январе 1994 года, армянский лидер Роберт Кочарян сказал, что Карабах хоть и был отсталым регионом, но это не было главным фактором. "И все же я бы не стал сводить дело к тому, хорошо мы жили или плохо. Я не исключаю возможности, что даже если бы в Азербайджане все было хорошо, эти проблемы встали бы в любом случае. Я убежден, что есть вещи поважнее, чем хорошая или плохая жизнь, это народ понимает, и это заставляет народы стремиться к независимости" (20).

Ставка была сделана на нечто большее и менее материальное. Это можно назвать политикой самоопределения обеих сторон – в самом широком смысле слова. Армяне и азербайджанцы придерживались диаметрально противоположных представлений о культурной и политической идентичности Нагорного Карабаха. В этом отношении показательна советская демографическая статистика, данные которой более достоверны. Согласно этим данным, в Нагорном Карабахе на всем протяжении советского периода общая тенденция была не в пользу армянского населения: в то время как численность азербайджанского населения Карабаха резко возрастала, число армян оставалось примерно на одном уровне. В 1926 году в Карабахе насчитывалось 117 тысяч армян и 13 тысяч азербайджанцев. В 1979 году соответственно – 123 тысячи и 37 тысяч..

Одной из причин, объясняющих эти тенденции в демографии, была целенаправленная политика бакинских властей: азербайджанцы направлялись на постоянное место жительства в крупные населенные пункты Ходжалы и Шушу. Была и иная причина: область покидали карабахские армяне – в основном, имевшие высшее образование, – что укладывалось в русло демографических тенденций на Кавказе и в Советском Союзе в целом. Для наиболее профессионально активных работников единственная возможность карьерного роста была только в столице республики, в нашем случае – в Баку.

Но карабахские армяне, будучи национальным меньшинством, не обладали достаточными связями и высокими покровителями, а следовательно, имели меньше шансов подняться по республиканской партийной лестнице. Поэтому многие карабахские армяне устремляли свой взор на Ереван или Москву, и многие родители посылали своих детей учиться в русские школы Степанакерта (нынешний Карабах – в такой же степени русскоязычный, в какой и армяноязычный). Общины карабахских эмигрантов возникли в столь разных городах Советского Союза, как Ташкент, Москва и Грозный.

Для этой карабахской диаспоры и для интеллигенции, как в самом Карабахе, так и в Армении, все упиралось в спор двух культур в самом широком смысле. Та роль, которую они сыграли во всех этих событиях, опровергает гипотезу о том, что в условиях конфликта образованный средний класс действует как сдерживающий фактор. В Карабахе как раз произошло обратное: советская интеллигенция первой разорвала узы дружбы со своими соседями, в то время как рабочие и колхозники продолжали трудиться и жить в согласии и мире.

На вопрос о том, какой характер носили межэтнические отношения в советский период, бывший партийный работник из Карабаха Сергей Шугарян отвечает: "В верхних слоях [общества] не было никаких столкновений [на межэтнической почве], потому что люди опасались конфронтации. А на среднем уровне напряженность на национальной почве существовала всегда. На самом же низовом уровне все жили дружно, там вообще никаких проблем не возникало" (21).

Армянская интеллигенция составила длинный список претензий. Например, в Нагорном Карабахе отсутствовало телевидение на армянском языке, в армянских школах не преподавали историю Армении, 24 апреля в Степанакерте не отмечался День геноцида, директор местного краеведческого музея Шаген Мкртычян был уволен по приказу из Баку.

Серьезную озабоченность вызвал тот факт, что десятки древних армянских церквей в Карабахе не только не действовали, но даже не ремонтировались и постепенно разрушались. Карабахские армяне сравнивали положение дел в области и в Армении, где национальная культура с санкции официальных властей, переживала возрождение.

Другими словами, суть всех этих претензий сводилась к тому, что Азербайджан всячески подавляет стремление Нагорного Карабаха считаться армянским культурно-историческим анклавом. Но у азербайджанцев подобное стремление не получало никакой поддержки, ибо они имели свое представление о Карабахе как об азербайджанском анклавом с давними культурными и историческими традициями.

В этом сюжете есть и еще один немаловажный поворот: если карабахские армяне ощущали себя культурно и политически ущемленными на территории Азербайджана, то карабахские азербайджанцы чувствовали себя не менее ущемленными на территории Нагорного Карабаха. Они приводят массу примеров дискриминации со стороны армян и рассказывают о том, как несладко им жилось в Степанакерте – городе с подавляющим армянским населением. "Армяне жили во сто раз лучше нас", – говорит директор школы Эльхан Алекперов, возглавлявший в 1980-е годы Министерство культуры в Шуше. Он приводит в пример маленькую армянскую деревушку в своем районе, где имелся свой Дом культуры, в то время как в гораздо большем азербайджанском поселке вообще отсутствовали какие-либо культурные учреждения. "Они нас всячески унижали, – говорит Алекперов. – Как-то мы поехали в Степанакерт на музыкальный конкурс. У нас были очень сильные исполнители. Но когда мы вышли на сцену и начали исполнять своей номер, в зале вдруг погас свет, и отключились все микрофоны" (22).

От раздора к расколу

Советский Союз можно сравнить с огромным особняком с десятками темных комнат и отдельных квартир. Когда в 1980-е годы утомленный и престарелый хозяин особняка – руководство Коммунистической партии – начал было менять условия договора найма, заключенного с жильцами, последние сделали несколько неприятных открытий: особняк прогнил изнутри, договор был плохо составлен и полон противоречий, а дух "братства", с которым сюда вселились их деды, оказался мыльным пузырем. Тогда жильцы решили заняться ремонтом самостоятельно, да только переругались друг с другом и с домовладельцем. Даже после того, как хозяин умер, они продолжали вести яростные споры о том, кому какая квартира принадлежит по праву.

Армянские и азербайджанские "квартиросъемщики", затеявшие спор о Нагорном Карабахе, первыми обнаружили, что советская постройка обветшала и медленно рушится. Похоже, в конце 1980-х годов на ситуацию в Карабахе, которая, в отличие от других горячих точек, быстро переросла из раздора в открытый конфликт, оказали влияние три ранее не принимавшихся в расчет фактора.

Во-первых, карабахским армянам удалось мобилизовать свои силы благодаря имеющимся в наличии автономным институтам. Они использовали областной совет для принятия резолюции о выходе из состава Азербайджана в феврале 1988 года и применили полуофициальные средства борьбы – местную бюрократию, местную газету и радиостанцию – в целях усиления политической борьбы. В этом смысле Нагорный Карабах оказался первым из ряда мятежных регионов, включая Чечню и Абхазию, которые воспользовались своим автономным статусом как трамплином для отделения.

Это был хотя и существенный, но недостаточный фактор для развязывания конфликта. Так, в Крыму, который в 1954 году был передан от России Украине, тоже имелись достаточно сильные институты, но русские крымчане не решились поднять борьбу за отделение от Украины. Второй, куда более значительный, фактор в развязывании карабахского конфликта

заклучался в той легкости, с которой ненависть на этнической почве распространилась среди массы населения. Турецкий историк Халил Берктай называет эти массовые всплески страха и предрассудков "повестями ненависти". Это и было оборотной стороной "возрождения" 1960-х годов.

Причем, вызвать подобные всплески ненависти между Арменией и Грузией или Азербайджаном и Грузией было гораздо труднее. Армянские и азербайджанские ученые на протяжении двадцати лет отвергали любые аргументы коллег из противоположного национального лагеря. В 1988 году требовалась только инъекция политики – неразбавленного "спирта" – в эту гремучую смесь. Разгоревшаяся война брошюр, пропитанных ядом многолетнего опыта тенденциозных историографических штудий, сарказма, недомолвок и предвзятого цитирования, заражала ненавистью тысячи и тысячи людей.

У двух наиболее шовинистически настроенных бойцов интеллектуального фронта были одинаковые инициалы: "З" и "Б" – Зорий Балаян и Зия Буниятов. Оба состояли в КПСС, и оба вполне преуспевали при советской системе. Буниятов писал антиармянские исторические статьи еще с 1960-х годов. Возглавив азербайджанскую Академию Наук, он воспользовался своим новым статусом и поставил публикацию антиармянских материалов на поток. В 1990 году возглавляемая Буниятовым Академия выпустила 30-тысячным тиражом забытый расистский трактат, принадлежащий перу русского публициста начала XX века Василия Величко.

В книге "Кавказ" (1904 г.) Величко утверждал, что политическая неблагонадежность армян, как и евреев, объясняется плоской формой их черепов, и восхвалял лояльность азербайджанцев царскому режиму. "Насколько армяне и евреи, в силу расового инстинкта, нутром враждебны всякой государственности и особенно идее неограниченной монархии, настолько азербейджанцы [sic!] стихийно, органически ей сочувствуют – даже мятежники, даже разбойники". Ненависть Величко к армянам, кажется, стала единственным поводом, побудившим Буниятова переиздать сей труд (23).

Зорий Балаян, известный советский журналист и писатель, в 1984 году опубликовал книгу "Очаг", в которой рассказал о своих поездках по армянской земле. Среди важнейших памятных мест на этом маршруте он провокационно указал азербайджанский анклав Нахичевань и реку Аракс, протекающую по южной границе Азербайджана. "Я встретил восход на берегу Аракса. Мы беседовали с армянской рекой по-армянски" (24).

И хотя книга была написана в догорбачевскую эпоху, Балаян называл турок – в том числе и азербайджанцев – "врагами" и России и Армении. Книга вызвала бурю протестов в Азербайджане – на что автор, вне всякого сомнения, и рассчитывал. И все же этой ненависти, возможно, так бы и не позволили выплеснуться за пределы малотиражных изданий, если бы не третий фактор конфликта: ослабление контроля со стороны Политбюро и неуклонное падение авторитета Москвы.

В 1988 году центральная власть, сама того до конца не осознавая, начала отказываться от своего имперского мандата. Советскому Политбюро даже не пришлось в голову начать диалог, как поступило бы любое демократическое руководство, с целью примирения конфликтующих сторон. Его единственным мощным оружием была военная сила, которую оно категорическим образом отказалось применить. Реформы Горбачева с пугающей стремительностью выявили, что фундаментальные доктрины, на которых покоился Советский Союз, были в сущности пустышкой. Говоря словами Юрия Слезкина, "лидеры страны поняли, как все труднее стало объяснять, что такое "социалистическое содержание" и, когда Горбачев наконец отбросил устаревшее марксистское пустословие, остался единственный язык – отточенный и привычный язык национализма" (25).

Исследователь национализма Эрнест Геллнер использует другую метафору, говоря, что национализм заполнил вакуум, где у него не было конкурента: "Этнический национализм естественно был порожден сложившимися после семи десятилетий советского якобинства условиями. Его питает двойной вакуум: отсутствие серьезной противодействующей ему идеологии и отсутствие серьезных противодействующих ему институтов" (26).

По мере заполнения этого двойного вакуума, местные лидеры в Армении и Азербайджане с тревогой обнаружили, что "декоративный национализм", ими же санкционированный, обладает разрушительной силой, которая и смела большинство из них с властных постов. А простой народ отреагировал со смешанным чувством страха и энтузиазма, видя, как система, в которой он существовал, начала уходить из-под ног.

Чтобы дать разгореться конфликту, центру нужно было просто сидеть, сложа руки. В реальности же центр сделал наихудший выбор. В 1991 году он вручил каждой из сторон по чаше с ядом – передал обеим республикам советские военные арсеналы. Тем самым Москва позволила им превратить распрю, участники которой воевали друг другом охотничьими ружьями и острыми перьями публицистов, в полномасштабную войну, ведущуюся с применением танков и артиллерии.

Примечания:

1. Интервью с Гамбаром 7 апреля 2000 г.
2. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.
3. Laitin and Suny, "Karabakh: Thinking a Way out", p. 145
4. Томсон был в известной степени демонизирован армянскими историками за признание де-факто азербайджанского владычества над Карабахом, которое продолжалось и в коммунистическую эпоху. Но судя по архивным документам, его действия были продиктованы больше инстинктивным стремлением к стабильности, нежели армянофобией: полагая, что сохранение контроля Азербайджана над Карабахом наилучшим образом способствует стабильности в регионе, Томсон вместе с тем направил в Лондон телеграмму, о том, что армянам следует отдать территории в восточной Турции.
5. Vechhofer, In Denikin's Russia, p. 283.
6. Mutafian, The Caucasian Knot, p. 134
7. Историческая справка, стр. 33
8. Об экономических вопросах и в частности кочевниках, см.: Yamskov, Ethnic Conflict in the Transcaucasus.
9. Интервью с Яковлевым 8 декабря 2000 г.
10. Интервью с Шамилем Аскеровым 20 ноября 2000 г.

11. Интервью с Тишковым 5 декабря 2000 г.
12. Vaksberg, The Soviet Mafia, p. 192.
13. "Московский комсомолец" 18 октября 1995 г.

14. Интервью с Мурадяном 5 мая 2000 г.

15. Интервью с Рустамханлы 8 ноября 2000 г.
16. Интервью с Капутикян 26 сентября 2000 г.
17. Интервью с Оганджянном 5 октября 2000 г.
18. В 1989 г. размер средней заработной платы в СССР составлял 182 руб.; в Азербайджане – 132 руб. См.: Ариф Юнусов. "Азербайджан в постсоветский период: проблемы и возможные пути развития". – В кн.: "Северный Кавказ и Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития" (Москва, 1997), стр. 130.
19. Vaksberg. The Soviet Mafia, p. 254
20. Кочарян, беседа с Андреем Карауловым в передаче "Момент истины" на телеканале ОРТ 10 января 1994 г., опубликовано в кн.: Арутюнян. События, том V, стр. 271.
21. Интервью с Шугаряном 13 декабря 2000 г.
22. Интервью с Алекперовым 7 июня 2000 г.
23. Величко. Кавказ, стр. 155
24. Балаян. Очаг, стр. 21
25. Slezkine, "The Soviet Union as a Communal Apartment", p. 229. Образ особняка – адаптация блестящей метафоры Слезкина, уподобившего Советский Союз коммунальной квартире.
26. Gellner, Nationalism in the Vacuum, p. 250.

Глава 10. Урекаванк. Непредсказуемое прошлое

Самвел Карпетян развернул на полу своего кабинета двухметровый рулон ватманской бумаги. Издали этот прямоугольник плотной белой бумаги с нанесенным на него множеством цветных точек смахивал на абстракционистское полотно Джексона Поллока. Но склонившийся над ним Самвел походил не на живописца, а скорее на генерала, разрабатывающего план очередной кампании.

Это была карта Кавказа, составленная по итогам переписи населения царской России в 1914 году. Самвел выяснил этнический состав всех населенных пунктов – больших и малых – между Черным и Каспийским морями и присвоил каждой народности свой условный цвет. Потом он раскрасил каждую деревушку и город на карте в соответствии с национальной принадлежностью населения.

В результате получился букет многоцветных созвездий, ставший своего рода исторической рентгенограммой Кавказа. В равнинных районах преобладали черные точки, которыми обозначались "татары", то есть азербайджанцы. Плотные группы зеленых точек в высокогорных районах Кельбаджарского и Лачинского районов обозначали курдские поселения. Редкие голубые кружки – русских. На территории нынешнего Азербайджана Самвел обратил мое внимание на две длинные красные полосы: одна тянулась вдоль южных предгорий Кавказского хребта, а другая по вертикали пересекала территорию Нагорного Карабаха. Это были армяне – то есть Самвел хотел показать, что именно они и являются истинными хозяевами и стражами азербайджанских предгорий.

Самвел Карапетян – один из самых непримиримых участников яростного конфликта между Арменией и Азербайджаном, а именно спора о далеком историческом прошлом обоих народов. Его шумный кабинет на шестом этаже Института искусств в самом центре Еревана похож на генеральный штаб этой кампании. В шкафах – документы, тысячи фотографий и более двухсот карт Нагорного Карабаха. На стенах – множество карт, а также плакаты и календари с изображением карабахских монастырей.

Нагорный Карабах, из-за которого разгорелся спор, является полем ожесточенной битвы, которую ведут между собой армянские и азербайджанские историки. Их мало интересует недавняя история. Они упрямо исходят из не признаваемой международным правом посылки, что тот, кто первым владел данной территорией, и является ее хозяином на вечные времена – то, что в римском праве именовалось *prior tempore – fortior jure*. В результате Карабах превратился в административно-территориальную единицу с "непредсказуемым прошлым", как когда-то говорили о Советском Союзе.

Первые перышки листьев пробились на деревьях кладбища Урекаванка. Серые стены средневековой церкви оттенялись зеленью. Эта церквушка и это кладбище, куда меня привез Самвел, стали первым пунктом нашей экспедиции по северной части Нагорного Карабаха. Самвел путешествует по этим местам каждую весну, в конце марта или начале апреля, как сейчас, когда стоит мягкая погода и редкая пока еще листва не прячет надгробий от объектива его фотоаппарата.

Самвел и две его ассистентки, приступают к работе с прусской деловитостью. Прежде всего Эмма и Наринэ развернули длинную рулетку и принялись обмерять церковь. Потом с помощью прутиков и карандашей они соскоблили грязь с длинных холодных могильных плит в церкви, чтобы прочесть высеченные на них надписи. Самвел прочел армянские буквы надписи и сказал, кто захоронен в могиле. Внешне Самвел производит внушительное впечатление: он высок ростом, у него подвижные внимательные глаза и совершенно лысая голова.

Под этими надгробными плитами, объяснил Самвел, покоятся епископы и князья из рода Бегларянов. Бегларяны были одним из пяти кланов меликов или князей, которые правили Карабахом в XV-XIX веках. Это были крупные феодалы, которые не допускали сюда завоевателей и свято хранили армянские традиции в карабахских горных крепостях, за что и были удостоены чести оставаться хранителями армянской государственности даже в мрачную пору персидского владычества.

Впрочем, судя по летописям, их холодные замки становились ареной интриг и распрей, скорее заставляющих вспомнить кровавые сюжеты "Макбета" и "Генриха Пятого". Брат убивал брата ради титула, семьи меликов строили козни друг против друга. В 1824 году незадолго до отмены феодальных титулов, российский генерал-губернатор Кавказа Алексей Ермолов в отчаянье направил царю письмо с подробностями кровавых междоусобиц Бегларянов из-за родовых поместий и прикрепленных к ним крепостных крестьян (1).

Самвел и его помощницы ходили по росистой траве родового кладбища Бегларянов, точно

члены киносъёмочной группы, расчищающие площадку для натуральных съёмок. Они выдирали из земли ягодные кусты и молодые побеги, обмеряли каждую могилу, соскребали с каждой плиты мох и грязь, копировали все надгробные надписи. Потом Самвел фотографировал каждую могилу, а Эмма и Наринэ держали самодельный метр с приложенными к нему тремя карточками с числами. Впоследствии все фотографии были переведены в цифровой формат и сохранены на компакт-диске.

"В Карабахе нет ни одной деревни, где бы я не смог почувствовать себя как дома", – говорит Самвел. Наступил вечер, и мы сидели за столом в гостиной у Сармена Даллакяна. Дровяная печка с ржавыми дверцами служила одновременно и системой отопления, и кухонной плитой, и тостером. На ней подогревалось молоко, надоенное от коричневой коровы Марал. На ужин нам подали хлеб, сыр и зелень. Самвел останавливался в этом доме двадцать один год назад, когда ему было девятнадцать. С тех пор деревня Талыш была захвачена азербайджанцами, сожжена и почти два года удерживалась ими, пока армяне опять не отбили ее. Большинство домов в Талыше до сих пор в руинах.

Самвел занялся историей в 1978 году, когда ему было семнадцать лет. Вместо того, чтобы поступать в институт, он отправился в долгий поход по Нагорному Карабаху, снимая старые армянские памятники фотоаппаратом "Смена" – самой дешевой моделью советского производства. Через два года – тогда-то он впервые и попал в Талыш – он отправился путешествовать на все лето и пересек Азербайджан и Нагорный Карабах, одолев тысячу километров и останавливаясь на постой в таких вот деревенских домах. Так родилась его миссия.

В советском Азербайджане Самвел вызывал подозрение. "В Азербайджане нет ни одного областного центра, где бы я хоть раз не попадал в милицию или в местное отделение КГБ", – вспоминает он. Очень скоро причина стала ему ясна. По его словам, он стал препятствием в целенаправленной кампании по "азербайджанизации" культурной истории республики путем уничтожения всех армянских артефактов. Возвращаясь сюда каждый год, вспоминает Самвел, он обнаруживал уничтоженные памятники, которые еще совсем недавно стояли целые и невредимые, как, например, церковь девятого века в Кедабекском районе на северо-западе Азербайджана. "Я приехал туда во второй раз в 1982 году – а первый раз побывал там в 1980-ом – и она была на половину разрушена. Я увидел лопату и топор на земле, словно кто-то оставил их там, а сам ушел обедать. Единственное что мне оставалось – выбросить инструменты в ущелье".

К тому времени, как ему исполнилось двадцать пять, Самвел уже был ходячей энциклопедией. Он составил опись сотен церквей, древних надписей и захоронений, которая хранилась в коробках у него в ереванской квартире. Все свободное время и деньги он тратил на свои изыскания: "Если мне приходилось выбирать, что купить – фотопленку или еду, я выбирал пленку". Но для достижения поставленной им перед собой цели – составить полный реестр всех армянских памятников за пределами Армении – не хватило бы целой жизни.

Хозяин дома Сармен налил нам по стаканчику тутовки – забористой карабахской тутовой (шелковичной) водки. На следующий день в Ки-Уэсте, в американском штате Флорида, должны были начаться мирные переговоры о будущей судьбе Нагорного Карабаха. Мне хотелось услышать мнение Самвела об этих переговорах, хотя я мог бы заранее догадаться, каков будет его ответ. Самвел сказал, что он категорически против любых дипломатических сделок с Азербайджаном, связанных с исконно армянскими землями: "Я даже думать об этом не хочу. Надеюсь, никакого урегулирования не будет!"

Тем не менее, он поинтересовался моим мнением относительно того, что ждет армянскую сторону в случае мирного соглашения. Я ответил, что в этом случае армянам придется вернуть по крайней мере шесть оккупированных районов вокруг Нагорного Карабаха и согласиться на возвращение изгнанных оттуда сотен тысяч азербайджанских беженцев.

"Даже Кельбаджар?" – осведомился Самвел. Я кивнул. "Это невозможно!" – заявил он. Он не воевал. Но как только Кельбаджарский район был "освобожден" в 1993 году, он отправился в полностью обезлюдивший район и нашел там сотни армянских могил, церквей и фрагментов. Это историческая сокровищница армянского искусства, убежден он, и она должна принадлежать армянам.

Но какие претензии историческое прошлое может предъявлять к настоящему? В каком смысле Кельбаджар можно назвать "армянским", если на протяжении последних ста лет там не проживал ни один армянин? Я не могу согласиться с тем, сказал я Самвелу, что Кельбаджар является "освобожденной" территорией, коль скоро из района были изгнаны все пятьдесят тысяч его жителей, азербайджанцы и курды. Безусловно, доказывал я, все эти люди имеют полное право жить в домах, в которых они родились.

Но для Самвела прошлое затмевало настоящее. Для него эти люди были "турками" и захватчиками. В ту пору, когда он ездил на автобусе по Азербайджану, его всегда рано или поздно сгоняли с сиденья. "Каждый турок или азербайджанец просит клочок земли: "Дайте немножко земли, чтобы было, где жить!" А через несколько лет оказывается, что у тебя – крохотный клочок земли, а у него все остальное".

Написанная история Карабаха неупорядочена. Первым европейцем, ступившим на эту землю, был служивший в монгольской армии немец Йоганн Шильтбергер, который провел зиму 1420 года в равнинной части Карабаха и видел там и христиан, и мусульман. "Неверные называют этот край, на своем неверном наречии, Караваг, – писал он. – Неверные владеют всем этим краем, и тем не менее он расположен в пределах Эрмении. В деревнях проживают также и армяне, но они обязаны платить дань неверным" (2).

Оставленное Шильтбергером описание этой территории со смешанным населением соответствует истории правления мусульманских ханов и армянских меликов, которые управляли этим краем, как правило, независимо друг от друга, но иногда и совместно. С течением веков состав населения Карабаха из-за набегов завоевателей, голода и миграции менялся весьма существенно. Дополнительная сложность связана с тем, что большая часть азербайджанского населения вела кочевой образ жизни. Европейский аристократ барон фон Хакстхаузен, совершивший в 1843 году путешествие по этим землям, пишет:

"Татары и армяне Карабаха образуют пестрое и смешанное население, первые в основном ведут кочевую жизнь и в летнюю пору, засеяв свои поля, скитаются по краю, а осенью получают скудный, но достаточный для выживания урожай. Они кочуют по горам, где есть густые леса и тучные пастбища, а в жаркие месяцы поднимаются в районы вечных снегов, где расположены поселения кровожадных курдских татар. В осеннюю пору они спускаются сносить урожай на равнины, которые в дождливый сезон становятся прекрасными пастбищами для их скота. Это зажиточный и гостеприимный народ: отдельные татары владеют многотысячными табунами лошадей лучших пород" (3).

Учитывая факт сезонных миграций, мы должны с большой осторожностью относиться к демографической статистике XIX века. Представляется вполне вероятным, что большинство населения в высокогорных районах Карабаха составляли летом азербайджанцы, а зимой – армяне.

Несмотря на это, историки как в Азербайджане, так и в Армении умудрились создать противоречивые версии истории региона, которые обращены в глубину веков, если не тысячелетий, и заявляют о непрерывном армянском или азербайджанском присутствии в этом крае. И, разумеется, не удовлетворяясь отстаиванием своих историографических доводов, они всячески принижают доводы противоположной стороны. Как в Армении, так и в Азербайджане можно услышать, что другой этнос – это самые настоящие "цыгане", то есть кочевой народ, который никогда не знал истинной государственности.

Армянская версия говорит о непрерывающейся традиции армянского владычества в Карабахе, восходящего к древнему царству Арцах две тысячи лет назад. В не столь далекие времена карабахские мелики трактуются как могущественные князья, при этом роль мусульманских суверенов всячески приуменьшается. Армяне не забывают подчеркнуть, что в конце XVII века карабахские мелики обратились одновременно к папе римскому, баварскому курфюрсту и Петру I с просьбой о защите от соседей-мусульман. Когда же Армения оказалась под пятой Оттоманской империи, карабахские мелики держались до последнего. Именно в Карабах в 1822 году бежал, спасаясь от оттоманского плена, Ефрем, католикос Эчмиадзина.

У армянских историков-патриотов есть явное преимущество – надгробные надписи, которые собирает Самвел: они выступают как бы в роли немых свидетелей прошлого армянского народа. Однако, эта версия истории обходит молчанием многие дружественные и деловые союзы, заключенные в прошлом двумя этническими общинами этого региона. В 1724 году, например, карабахские армяне и азербайджанцы из Гянджи заключили договор о совместной защите от Оттоманской империи (4). И если мусульмане оставили после себя мало свидетельств в камне, то не потому, что их тут не было, а потому, что они в меньшей степени были склонны к оседлости. Они, конечно, строили и караван-сарай, и мосты, но все же их непреходящими культурными достижениями оказались куда менее осязаемые артефакты, такие как песни и ковры.

Армянские националисты используют два основных аргумента, чтобы очернить своих соседей. Один аргумент заключается в следующем: так как большинство из них были "кочевниками", то они представляли низший класс по отношению к оседлым сельским жителям. Отвергая претензии беженцев из Кельбаджра, Самвел сказал мне: "Те, кто потерял свои дома, – это местные жители в третьем, максимум в четвертом поколении. Они же были кочевниками, и царь силой заставил их осесть в этих местах". Другое направление атаки – сам Азербайджан: это, мол, искусственное образование было создано только в двадцатом веке и посему у его граждан меньше "исторических прав".

В одном из интервью в феврале 1988 года писатель Зорий Балаян надменно заявил: "Мы можем понять термины "Грузия", "Россия", "Армения" – но только не "Азербайджан". Употребляя это название, мы подтверждаем факт существования такой страны" (5). Это напоминает знаменитое изречение, приписываемое Голде Меир, заявившей, что палестинцы "никогда не существовали" как народ.

В ответ азербайджанские историки могли бы с успехом сконцентрировать свои усилия на изучении богатой истории сефевидского периода, когда Карабах был частью тюркоязычной династической империи с центром в северном Иране. Глубокое исследование этой эпохи могло бы пролить свет на удивительную и разнообразную историю Карабаха в промежутке между XVI и XIX веками.

Но они этим не занялись. Вероятно, по причине того, что советским политикам для подкрепления историй новых союзных республик требовались буквальные примеры доморощенной государственности, азербайджанские ученые воспользовались другим маршрутом. Роль главного историка-патриота досталась весьма противоречивой фигуре. Зия Буниятов по крайней мере мог претендовать на звание настоящего бойца. Солдатом Красной Армии он прошел во Вторую мировую войну через всю Европу, дошел до Германии. На его глазах над Рейхстагом в 1945 году водрузили красное знамя Победы. За свои боевые заслуги он был удостоен золотой звезды Героя Советского Союза. Награда помогла ему сделать успешную научную карьеру и стать видным историком-кавказоведом. Позднее Буниятов пошел в политику. Его противоречивая карьера завершилась загадочным убийством на пороге собственного дома в феврале 1997 года.

Одно из самых ранних исторических наблюдений Буниятова было хорошо обосновано. Он одним из первых среди историков заметил, что добрая часть армян в Армении и в Карабахе

были потомками иммигрантов XIX века. В 1828-1830 годах, вскоре после завоевания юго-западного Кавказа, Россия переселила 57 тысяч армян из Турции и Ирана в Армению и Нахичевань. Небольшие группы осели также в Карабахе, где армяне-выходцы из Персии основали селения Меликджанлу, Цакури и Марага. Историки пока что не пришли к окончательному выводу, какую долю девятнадцатитысячного армянского населения Карабаха в 1830-е годы составляли поселенцы (половину, четверть, десятую часть?), но очевидно, что их там было немало.

Этот интересный исторический нюанс пробивает брешь в теории "непрерывной генеалогии" карабахских армян. Азербайджанских полемистов, впрочем, интересовали не бреши, а сокрушительные удары – вот почему Руфат, владелец чайной в парке Самеда Вургуня в Баку, втолковывал мне, что русский поэт Александр Грибоедов, служивший российским послом в Персии, в 1820-е годы привез "всех армян" на Кавказ.

В 2001 году выходящая в Баку объединенная азербайджанско-чеченская газета прибегла к "аргументу Грибоедова", чтобы выразить поддержку освободительной войне чеченцев, отвлекаясь при этом от аналогии между стремлением чеченских сепаратистов отделиться от России и стремлением армянских сепаратистов отделиться от Азербайджана. В редакционной статье было сказано: "В отличие от армян, размещенных из Турции и Ирана в XIX веке в Карабах, чеченцы живут на земле предков. По этой причине никто не имеет права лишить чеченцев жить на своей земле" (6).

Спор вокруг событий XIX века выглядит мелкой перепалкой в сравнении с битвами на переднем крае войны между армянскими и азербайджанскими историками: речь идет о периоде средневековья, а также о старинных церквях и кладбищенских памятниках, таких как Урекаванк, который изучает Самвел Карапетян. Спор ведется относительно таких фигур, как правивший независимым княжеством в Карабахе князь Хасан-Джалал, который выстроил красивейшие монастыри и чей кинжал, украшенный армянскими надписями, ныне выставлен в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Можно предположить, что владельцем этого кинжала был армянин – что вполне логично, применительно к XIII веку. Но все не так просто.

Вот где профессор Буниятов выступает с самыми смелыми утверждениями. Он избрал основной сферой своих научных изысканий "древнюю историю Азербайджана" и, в частности, историю "Кавказской Албании". Согласно предложенной им теории, карабахско-армянские правители вроде Бегларянов и Хасана-Джалала были вообще-то не армянами, а арменизированными албанцами!

"Албанцы", о которых говорит Буниятов, не имеют ничего общего с нацией на Балканах. "Албанцами" римляне называли кавказский народ, с которым встретились во время своих первых набегов на Кавказ в I веке до н. э. Когда в 1960-е годы Буниятов начал популяризировать свою теорию, кавказские албанцы были давно забытым древним народом. В исторической науке существовало общепринятое мнение, что это была христианская народность или группа народностей, которые ранее населяли территорию на севере нынешнего Азербайджана и ко времени арабских завоеваний X века начали ассимилироваться с окружающими народами. Так что хотя "албанская" кровь в эпоху средневековья текла в жилах всех кавказских народов, "Албания" как политический и культурный феномен к тому времени уже исчезла. Впрочем, она продолжала существовать как топонимический термин: уже после полной ассимиляции самих албанцев название "Албания" иногда использовалось для наименования территории внутри и вокруг Нагорного Карабаха.

Буниятов оспорил эту общепринятую точку зрения и заявил о великой исторической роли албанцев. На самом деле, говорил он, албанцы были одним из трех больших христианских народов Кавказа и прародителями большей части населения нынешнего Азербайджана; они дожили до современной эпохи, но армяне устроили гонения на их церковь, перевели их

литературные памятники, после чего уничтожили оригиналы. Не только сам Карабах, но и значительные территории восточной Армении, уверял Буниятов, в действительности были "албанскими". Буниятов развязал ядовитую полемику, за которую сами кавказские албанцы не несут никакой ответственности (в результате их история ничуть не прояснилась) (7).

Достоинства теории Буниятова весьма спорны. Позднее даже выяснилось, что две статьи о кавказской Албании, которые он опубликовал в 1960 и 1965 годах, были прямым плагиатом. Он напечатал под своим именем, не указав авторство, переводы двух англоязычных статей, написанных западными учеными С.Ф. Дж. Доусеттом и Робертом Хьюсенем (8). Однако он преследовал, прежде всего, политические цели, в чем и преуспел. Подтекст его теории был ясен всякому жителю Кавказа: карабахские армяне не имеют никакого отношения к армянам, проживающим в Армении. Они являются либо "гостями" Азербайджана (иммигранты девятнадцатого века), либо азербайджанцами по крови (как потомки албанцев), и значит должны вести себя соответственно.

Армянские ученые были в ярости. Армянский историк А. С. Мнацаканян, чтобы развенчать историческую географию Буниятова переселил кавказских албанцев далеко на северо-восток, к Каспийскому морю. По уверениям Мнацаканяна, они полностью исчезли к X веку. Что же до средневековой "Албании", существовавшей в западной части региона, вокруг и на территории Карабаха, то ее он назвал "Новой Албанией" – областью, управляемой Персией, где от прежней Албании осталось разве что историческое наименование, и которая была полностью заселена этническими армянами.

В 1970-е годы представители молодого поколения армянских и азербайджанских историков подхватили знамя войны за Кавказскую Албанию и опубликовали ряд статей с язвительными сносками. Затем молодая ученица Буниятова Фарида Мамедова открыла в полемике новый фронт. Ее диссертация "Политическая история и историческая география Кавказской Албании" была настолько провокационна, что ей в течение пяти лет не разрешали защититься. Говорят, Горбачев лично заинтересовался возникшим вокруг этой диссертации шумом, и ее экземпляр лег ему на стол. Когда я встретился с Мамедовой в ее тесном кабинете в Западном университете в Баку, трудно было поверить, что эта миниатюрная приятная брюнетка могла вызвать столь громкий скандал. Но потом, когда она начала торопливо и убежденно излагать основные положения своей диссертации, рассказывая, как "армяне вынесли мне смертный приговор", ее глаза заблестели: было видно, что она с удовольствием смакует войну с армянами.

Насколько я понял, Мамедова ухватилась за албанскую теорию, чтобы полностью вытеснить армян с Кавказа. Она поместила Кавказскую Албанию на территории нынешней Республики Армения: все земли, церкви и монастыри в Республике Армения оказались албанскими. Она камня на камне не оставила от армянских святынь. Обращение Армении в христианство в IV веке? На самом же деле, с ее точки зрения, сей факт имел место в тысячах километрах к югу от сегодняшней Армении, на реке Евфрат. Резиденция главы армянской церкви в Эчмиадзине? Она была албанской вплоть до XV века, когда туда переселились армяне.

Что же до основных письменных памятников этой албанской цивилизации, то, уверяет Мамедова, они были намеренно уничтожены, – сначала совместно армянами и арабами, а затем в ходе второй кампании по систематическому уничтожению этих памятников в XIX веке. Мамедова рассказала мне, как в 1975 году она с группой французских ученых посетила знаменитый Гандзасарский монастырь в Карабахе, бывшую резиденцию Хасан-Джалала. Ее спутники поначалу с недоверием отнеслись к ее теориям, и тогда, воспользовавшись своим блестящим знанием средневекового армянского, который изучила в Ленинградском университете, она зачитала им надпись на фасаде монастыря. Надпись гласила: "Я, Хасан-Джалал, выстроил эту церковь для моего народа Агванкаї" "Агванк" было древним названием Албании. И Мамедова добавила еще одну деталь, которую, как она полагала, я должен был знать: в деревне Ванк, в равнинной части региона, она заметила

физиономические особенности местных жителей – ни один, по ее словам, не был похож на армянина, потому что они и не были армянами. Все они на самом деле были албанцами.

Но почему же тогда сотни "албанских" надписей, сказал я, в таких местах, как Гандзасар или Урекаванк, написаны на средневековом армянском? Мамедова объяснила, что хотя албанцы вроде Хасана-Джалал и писали по-армянски, они никогда не называли себя армянами, а только – "агванк", то есть албанцами. По поводу этих надписей у нее имелась еще одна теория, хотя и не подкрепленная фактами: "Есть гипотеза, что эти надписи появились гораздо позднее, уже в девятнадцатом веке, но у нас пока нет тому доказательств".

Мамедова постоянно подчеркивала, что не занимается политикой, но во время нашей второй с ней встречи ее политические взгляды проявились вполне отчетливо. "Карабахскую проблему невозможно разрешить без албанцев", – заявила она. Должно быть, я выглядел скептически. "В мире существуют только два народа, имеющие национальную идентичность, но не имеющие государственности, – продолжила она. – Это евреи и армяне. Разница в том, что евреи создали государство на своей исторической родине, а армяне создали государство не на своей исторической родине". (9)

Теории обходительной госпожи Мамедовой представляют собой усовершенствованный вариант того, что стало в Азербайджане очень грубым инструментом. Упрощенная версия "албанской теории" получила в Азербайджане широкое распространение. Мне неоднократно приходилось слышать, как любую церковь, построенную в любом месте страны до XIX века, называют не иначе как "албанской". Албанцы попали даже в далекий юго-восточный регион Нахичевани: все уцелевшие там армянские церкви получили название албанских.

В вышедшей в 1997 году брошюре под названием "Албанские памятники в Карабахе" Игара Алиева и Кямила Мамедзаде вопрос о средневековых армянских надписях вообще обойден стороной. На обложке изображен рисунок фасада церкви в Гандзасаре, откуда художник аккуратно убрал все армянские надписи. Фотографии в интерьере церкви сделаны с безопасно далекого расстояния, так, чтобы у азербайджанского читателя и мысли не возникло о том, что тут могут быть надписи по-армянски. Алиев и Мамедзаде завершают свой исторический очерк такими словами:

"Из вышесказанного следует бесспорный вывод, что у так называемых армян Карабаха и собственно азербайджанцев (которые являются потомками албанского населения) северного Азербайджана – общая мать. Оба эти народа являются очевидно и бесспорно, бывшими албанцами и поэтому собственно армяне, проживающие на территории Нагорного Карабаха, куда они массовом порядке переселились в первой четверти девятнадцатого века, не имеют никаких прав" (10).

Между тем в Армении "албанский вопрос" помог многим специалистам по древней истории выдвинуться на передовые рубежи политики. Одним из основателей Комитета Карабах в 1988 году стал Алексан Акопян, ведущий армянский специалист по албанскому периоду. В настоящее время он совмещает энтузиазм историка и археолога с обязанностями "губернатора" оккупированного азербайджанского Лачинского района, расположенного между Арменией и Нагорным Карабахом.

Я встретился с Акопяном в его рабочем кабинете в здании парламента Армении. Приятный мужчина с густыми усами, он обрадовался, услышав имя Фариды Мамедовой. "О, моя сестра!" – воскликнул он. Они оба изучали древнеармянский в Ленинграде у одного и того же научного руководителя, и Акопян, похоже, с умилением вспоминает об их яростных баталиях, развернувшихся на страницах малотиражных научно-исторических журналов. "У меня в Азербайджане много братьев и сестер, – объяснил он, – я всегда с ними воевал. Я десять лет участвовал в войне между армянскими и азербайджанскими историками. Война началась раньше, но я принимал в ней участие в последние десять лет" (11).

А затем Акопян с энтузиазмом принялся излагать мне свою версию границ "Албании". Его представление об Албании как о древней северной провинции не имело почти ничего общего с азербайджанскими теориями. Ее не следовало путать с "Новой Албанией", расположенной в Нагорном Карабахе – областью, которая позаимствовала у албанцев одно лишь название в пору их быстрого исчезновения как отдельной народности. А то, что Хасан-Джалал именовался князем "Албании" в XIII веке, на его взгляд, то же самое, что титул младшего сына английской королевы Елизаветы – "граф Уэссекский", данный ему в честь давно уже не существующего английского королевства.

Мне бы понадобилось несколько лет научных изысканий и знание нескольких древних языков, чтобы составить компетентное суждение об "албанской проблеме". К счастью, мне помог профессор Роберт Хьюсен из Роуэнского колледжа в штате Нью-Джерси, ведущий специалист по этому периоду истории Кавказа. В его элегантно, тщательно составленном ответе на целый список моих вопросов я уловил интонации человека, преодолевавшего на протяжении своей научной карьеры рифы кавказской исторической политики.

Хьюсен прислал мне свою статью 1982 года, посвященную анализу оригинальных источников. Он сурово выговаривал Буниятову за плохо изложенную историю, но критиковал и Мнацаканяна за избирательный подход к свидетельствам (12). В своем письме он подчеркнул, что свидетельств о Кавказской Албании на самом деле мало, но согласился с утверждением, что к X веку албанцы скорее всего уже распались: "поскольку по свидетельству Страбона албанцы образовали союз двадцати шести племен, то принято считать, что их государство начало распадаться в период арабского завоевания и к X веку полностью прекратило существование; албанский же этнос, возможно, просуществовал дольше, но мы этого не знаем".

По словам Хьюсена, найти следы албанцев трудно. Многие ученые предполагают, что удины – небольшой христианский народ, некогда населявший северную часть современного Азербайджана, – были потомками албанцев. Они говорили на исконно кавказском языке, близком к лезгинскому. Кроме того, сохранилось несколько фрагментов текстов, которые еще требуют расшифровки. Нет почти никаких доказательств в поддержку обвинения, будто армяне сознательно уничтожили албанские литературные памятники. Если "Албания" и уцелела, то в виде отдельной ветви армянской церкви с центром в Карабахе. Наконец мы подошли к карабахскому князю Хасану-Джалалу. Профессор Хьюсен заключает: "Я не нашел ни малейших свидетельств того, что [мелики] когда-либо называли себя иначе, нежели армянами, хотя и принадлежали к албанской ветви армянской церкви".

Хьюсен также проследил генеалогию Хасана-Джалала и обнаружил, что в его роду были почти исключительно армяне: "Происхождение [Хасана-Джалала] можно проследить вплоть до IV века, и в его роду встречаются представители следующих домов: по мужской линии: 1) князя (позднее цари) Сюника. По линии нескольких княгинь, вышедших замуж за его предков, Хасан-Джалал происходил 2) от царей Армении или династии Багратуни, с центром в Ани; 3) от армянских царей Васпуракана династии Арцруни, с центром в районе Ван; 4) князей Гардмана; 5) персидской династии Сасанидов и 6) Аршакидов, второго царского дома Албании, которые в свою очередь, были потомками 7) царей древней Парфии (13).

Все это доказывало, что, вероятно, и так не подлежало сомнению: человек, на чьем кинжале, хранящемся в коллекции Эрмитажа, имеется надпись на армянском языке, действительно, не был новоявленным кавказским албанцем. Но чтобы это доказать, потребовалось вмешательство ученого из Нью-Джерси.

Густые буковые леса Нагорного Карабаха на карте Самвела Карапетяна изображены в виде красных ленточек. Прежде чем расстаться, мы с Самвелом совершили экспедицию в этот лесной край: наш путь лежал к затерянному в глуши знаменитому карабахскому монастырю.

Нам указывали путь два местных проводника, Борис и Слава из деревни Талиш. У обоих были двуствольные охотничьи ружья. Мы вошли в вековой дикий лес и шли несколько часов, пробираясь через огромные гниющие поленья под серебристыми стволами буков. Самвел шел с проводниками, не теряя темпа. Глядя на него, размашисто шагающего впереди, можно было подумать, что это не человек, а какое-то диковинное морское животное, выбравшееся на сушу. Я испытывал к этому неутомимому историку смешанное чувство восторга и тревоги. Он был, как назвал его один наш общий армянский знакомый, "конструктивным ультранационалистом". И что бы он ни желал доказать, важнейшим результатом его деятельности будет знакомство мира с сокровищами средневекового христианского искусства, которые почти не известны за пределами Армении и могли бы быть утрачены навсегда. Но если бы его политические взгляды доминировали, вышел бы когда-либо Кавказ из продолжительного увлечения средневековьем?

Спустя три часа мы увидели цель нашего путешествия: сквозь зеленую листву виднелся маленький всплеск белого камня с устремленной к небу небольшой квадратной колокольней. Егише Аракял (Апостол Егише) стоит на каменистом выступе над ущельем, по дну которого пенится река Тертер. Семь церквей окружены толстой крепостной стеной: сразу видно, что средневековым князьям требовалась надежная защита. Как только мы вошли в ворота, Самвел и его команда, достав рулетки и фотоаппараты, незамедлительно приступили к работе. Когда спустилась ночная тьма, мы оказались во власти очарования карабахского леса. Я прислушивался к тихому потрескиванию костра, уханью совы и далекому рокоту горной реки.

А потом до моего слуха донесся новый звук: чуть слышная скороговорка армянской речи. Я поднялся и, шагнув в темноту, двинулся вдоль бледных очертаний монастырских часовен, жавшихся друг к другу, точно корабли у причала. Самвел, Эмма и Наринэ стояли прямо у низкого каменного входа в часовню. Наринэ держала фонарик, чей луч падал на письма над дверным проемом, Эмма держала наготове ручку с блокнотом, а Самвел, чью большую лысую голову прикрывала оранжево-синяя вязаная шапочка, одну за другой вслух читал армянские буквы. Самвел был непреклонен. Даже ночные часы использовал он, чтобы собрать еще больше информации для ведения своей многолетней войны.

Примечания:

1. Письмо Ермолова опубликовано в кн.: "Армяно-русские отношения", том II, стр. 178-181.
2. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, p. 86.
3. Huxthausen, Transcaucasia, p. 438.
4. С. А. Мамедов. Исторические связи азербайджанского и армянского народа. Баку: Элм, 1977. стр. 172-180.
5. Зорий Балаян в интервью для The Armenian Mirror-Spectator, Boston, 20 February 1988, перепечатано в кн.: Libaridian, The Karabagh File, p. 76.
6. "Салам", №1 (издано как приложение к "Элилер" №12 (97), стр. 19-30, март 2000 г.)
7. Приношу благодарность проф. Роберту Хьюсену, ставшему моим проводником по этому дремучему историческому лесу. Все неверные истолкования следующего ниже материала следует приписать исключительно мне.
8. Работа Буниятова "Мхитар Гош, албанская хроника, предисловие, перевод и комментарии З. М. Буниятова", вышедшая в 1960 г. является переводом, без указания авторства, статьи С. F. J. Dowsett "The Albanian Chronicle of Mxitar Gosh", опубликованной в "Bulletin of the School of Oriental and African Studies XXI, Part 3 (1958)". Статья Буниятова "О хронологическом

несоответствии глав "Истории Агван" Моисея Каганкацваца", изданная в Баку в 1965 г., является переводом, без указания авторства, статьи Роберта Хьюсена "On the Chronology of Movses Dasxuranc'!", опубликованной в Bulletin of the School of Oriental and African Studies XXVII, Part 1 (1954).

9. Интервью с Мамедовой 8 июня и 28 ноября 2000 г.

10. Играр Алиев и Камиль Мамедзаде. Албанские памятники Карабаха. Баку. Азербайджан девлет нешрияти, 1997 г., стр. 19.

11. Интервью с Акопяном 13 октября 2000 г.

12. Robert Hewsen, "Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians".

13. Письмо Роберта Хьюсена от 10 января 2001 г

Глава 11. Август 1991 – май 1992 гг. Начало войны

Дни независимости

Ранним утром 19 августа 1991 года депутат российского парламента Анатолий Шабад проснулся в деревне Атерк, расположенной в северной части Нагорного Карабаха. Он прибыл сюда вести переговоры об освобождении сорока солдат внутренних войск МВД СССР, взятых в заложники армянскими партизанами. Части советской 23-й дивизии, базировавшейся в Азербайджане, окружили деревню, получив приказ освободить заложников силой. Были опасения, что дело кончится кровопролитием.

Шабад включил радио и услышал потрясающую новость. Только что созданный в Москве Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) объявил об отставке президента СССР Михаила Горбачева. Это был государственный переворот. Случившееся изменило в Советском Союзе все. К власти пришли люди, занимавшие высшие посты в силовых ведомствах, поэтому советские военачальники в Карабахе стали еще более агрессивными. Приехавшие из Еревана эмиссары договорились об освобождении захваченных солдат.

На следующий день Шабад отправился в покрытые густым лесом горы над Атерком, чтобы встретиться там с освобожденными пленниками и сопровождать их к деревне. Группа спускалась вниз горными тропами, и Шабад заметил, что молодые крепкие солдаты еле плетутся позади него, московского чиновника-интеллигента, к тому же отнюдь не атлетического телосложения. Его охватило беспокойство:

"Я спросил: "Что с вами такое? Вас били? Может быть, вас не кормили эти две недели?" Мне ответили: "Нет, нет, все в порядке". Позднее выяснилось, что накануне заложники крепко выпили вместе со своими охранниками, празднуя отставку Горбачева. И те, и другие ужасно обрадовались, что Горбачева свергли – вот все и напились в стельку" (1).

В глазах политических руководителей Азербайджана Аяза Муталибова и Виктора Поляничко захват власти сторонниками жесткого курса в Москве оправдывал их приверженность устоям советской системы, и теперь они могли рассчитывать на поддержку в жестком подавлении карабахских армян. 19 августа Муталибов был в Иране. Его главный советник по внешней политике Вафа Гулузаде говорит, что посоветовал ему до возвращения в Баку воздержаться

от комментариев по поводу ситуации в Москве. Тем не менее, азербайджанский лидер не последовал его совету:

"Находясь в Тебризе, [Муталибов] связался по телефону с Поляничко, вторым секретарем, и тот сказал ему: "Поздравляю вас, это наша победа". Муталибов очень обрадовался... И у мемориала азербайджанскому поэту Шахрияру, он оказался в центре всеобщего внимания. Я стоял рядом с ним. Журналисты засыпали его вопросами о том, что же на самом деле произошло в СССР, и Муталибов начал говорить, что Горбачев проводил неверную политику и так далее, и так далее..." (2)

Тем не менее, уже через три дня попытка переворота провалилась и ситуация вновь резко изменилась. Горбачев вернулся, заговорщики отправились в тюрьму, а Ельцин торжествовал победу. В Азербайджане просчитались., Рассказывают, что Поляничко, выступая по бакинскому радио, заявил: "Я готов поделиться моим карабахским опытом с ГКЧП Советского Союза" (3).

Он уехал из Азербайджана. Осторожные заявления Муталибова в Иране позволили ему остаться у власти, однако с меньшими полномочиями.

Все эти события создали в Нагорном Карабахе вакуум власти. Оставшиеся члены оргкомитета Поляничко покинули регион в сентябре, а советский воинский контингент, служивший инструментом власти Азербайджана в регионе, был деморализован и обезглавлен. Не встречая больше серьезного сопротивления, армянские ополченцы вернулись в Шаумяновский район и вновь захватили поселки Эркеч, Манашид и Бузлух, потерянные в ходе "Операции "Кольцо".

Августовские события ускорили распад Советского Союза, и союзные республики начали принимать декларации о суверенитете. Муталибов провозгласил независимость Азербайджана 30 августа, и 14 сентября азербайджанская коммунистическая партия самораспустилась, хотя прежнее руководство осталось у власти. 8 сентября Муталибов был избран первым президентом Азербайджана, но победа была автоматической: в избирательном бюллетене стояло только его имя, поскольку кандидаты от оппозиции или бойкотировали выборы, или отказались от участия в них. На той же неделе Гейдар Алиев вернулся в большую политику: он был избран спикером парламента в автономной области Нахичевань и приобрел новую самостоятельную политическую базу.

В Армении намеченный на 21 сентября 1991 года референдум о независимости стал простой формальностью: 95% населения республики проголосовали "за". Через три недели, 16 октября, Левон Тер-Петросян подавляющим большинством голосов был избран президентом. Десять членов Комитета "Карабах" (из одиннадцати) получили высокие посты в правительстве или парламенте, что сделало их победу еще более убедительной.

После обретения Азербайджаном и Арменией независимости, что было признано мировым сообществом в начале 1992 года, карабахский конфликт вышел на новый, межгосударственный, уровень. Власти Азербайджана почувствовали, что у них появились еще более сильные аргументы, чем раньше. Формально новые государства сохранили старые границы, согласно которым Нагорный Карабах был – и остается – международно признанной частью Азербайджана.

Предъявляя претензии на часть суверенного государства, армяне рисковали подвергнуться критике на международном уровне. Они обошли эту проблему, объявив Нагорный Карабах "независимым" и, следовательно, неподотчетным Еревану. 2 сентября 1991 года, через три дня после провозглашения независимости Азербайджана, региональный совет в Степанакерте объявил независимость новой "Республики Нагорный Карабах". Представители совета уверяли, что по советским законам автономные области обладают правом выхода из

вновь образованных независимых государств.

Объявление "независимости" Нагорного Карабаха – региона с населением немногим более 100 тыс. человек – было по сути дела политической уловкой, позволившей Армении утверждать, что она всего лишь заинтересованный наблюдатель, а не участник конфликта. Однако, это стало также и актом самоутверждения карабахских армян, чья политическая программа действий никогда полностью не совпадала с целями и задачами ереванских политиков.

Спикером только что избранного карабахского парламента и фактически руководителем области стал молодой историк Артур Мкртчян. Он и многие его товарищи состояли в националистической партии Дашнакцутюн, которая была в плохих отношениях с администрацией Тер-Петросяна. 14 апреля 1992 года Мкртчян погиб при загадочных обстоятельствах. По официальной версии, он чистил ружье и нечаянно выстрелил в себя; однако есть мнение, что он покончил с собой или был убит политическими противниками. После его смерти отношения Степанакерта и Еревана улучшились.

В связи с интернационализацией конфликта в Нагорном Карабахе появилось новое поколение посредников. Первым в роли миротворца выступил Борис Ельцин, который приехал в Степанакерт в сентябре 1991 года, когда еще свежи были воспоминания о его триумфальной победе над московскими заговорщиками. В этой поездке его сопровождал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Переговоры проходили в российском курортном городе Железноводске, и при посредничестве российской делегации была подписана "Железноводская декларация", в которой был выработан рамочный мирный договор.

Хрупкое ельцинское мирное соглашение было нарушено 20 ноября, когда азербайджанский вертолет с двадцатью двумя пассажирами и экипажем на борту разбился на юге Карабаха, близ Мартуни, видимо, подбитый армянами. Среди погибших азербайджанцев были и высокопоставленные лица – глава Шушинского района Вагиф Джафаров и пресс-секретарь президента Муталибова Осман Мирзоев. В числе погибших были также российские и казахстанские официальные лица, приехавшие для осуществления мирного соглашения. В Азербайджане как правительство, так и оппозиция были разгневаны.

Поддавшись давлению оппозиции, Муталибов передал значительную часть полномочий республиканского 360-местного парламента небольшой Милли-шуре, или Национальному совету, половина из пятидесяти членов которого принадлежали к оппозиции. 26 ноября новый Национальный совет Азербайджана проголосовал за отмену автономного статуса Нагорного Карабаха и объявил его обычной областью Азербайджана, не обладающей особыми правами.

Кроме того, Степанакерт был официально переименован в Ханкенди. В ответ на это карабахские армяне провели 10 декабря референдум о независимости, в котором, разумеется, не принимали участия азербайджанцы. Согласно официальным данным, 108615 человек проголосовали за независимость Нагорного Карабаха и только 24 против. "Война законов" была доведена до абсурда, и компромиссы теперь стали невозможны.

Добровольческие армии

Распад Советского Союза сделал Армению и Азербайджан независимыми государствами, находящимися в состоянии войны друг с другом, но при этом не имеющими национальных армий. Несмотря на то, что Армения отрицала свое участие в конфликте, факты указывали, что так называемая карабахская война была также конфликтом между новыми государствами – Арменией и Азербайджаном. Простые жители Армении воспринимали это как факт. Экономика страны почти развалилась с закрытием границы с Азербайджаном, который теперь стал зоной боевых действий. Тяжелее всего игнорировать факт, что граждане

Армении гибли в карабахском конфликте.

Армения была лучше готова к войне. Группа советских офицеров приступила к созданию армянской армии. Некоторые из них были служившими в Армении русскими, как генерал-лейтенант Анатолий Зеневич, который начал сотрудничать с карабахскими армянами в 1992 году. Другие были армянскими офицерами, демобилизовавшимися из советской армии, как заместитель начальника советского генерального штаба, Норад Тер-Григорянц, ставший главой нового армянского Генштаба.

Но участие в войне этих офицеров было менее важно, чем участие фидаинов, которые уже получили боевую закалку в горах Карабаха. Провозглашение независимости способствовало новому притоку армянских добровольцев, которые ехали сюда по зову сердца и из чувства патриотизма. Самвел Даниэлян принадлежал к группе студентов-дашнаков Ереванского университета, отправившихся добровольцами на фронт. "От государства мы не получили ничего, – вспоминает он. – Каждый сам находил себе одежду, оружие камуфляж и обувь. Иногда бывало, что приходили дашнаки и раздавали вещи" (4).

Ситуация была близка к хаосу. Оружие нередко попадало в руки людям, у которых было лишь желание идти убивать. Один из лидеров карабахских армян Серж Саркисян вспоминает: "Оружие и война в первую очередь привлекали парней с криминальными наклонностями. Это было недопустимо". Почти не было координации действий и боевой подготовки. Вспоминает телеоператор и репортер Вартан Ованесян, который участвовал в освещении первой фазы войны:

"Вначале это были разношерстные подразделения, возникавшие на совершенно разных принципах: на базе идеологии партии Дашнакцутюн, или по принадлежности к тому или иному региону. Деревни создавали собственные подразделения, или бывало, что два человека встречались во дворе, садились в машину и просто уезжали "на фронт". У кого-то было боевое оружие, у кого-то охотничье ружье. Бывало, люди вооружались совершенно необычным оружием, некоторые даже сами делали оружие, которое разрывалось у них в руках" (5). Положение Азербайджана оказалось намного хуже. Главные проблемы власти не были решены, люди опасались вспышки гражданской войны между президентом Муталибовым и националистической оппозицией. Для многих политиков война в Карабахе была менее важной, чем борьба за власть в республике.

В октябре 1991 года президент Муталибов создал министерство обороны. Однако офицеров, способных работать в новом ведомстве, было мало. В Советской армии солдаты-мусульмане обычно подвергались дискриминации, поэтому если среди армян насчитывались тысячи старших и высших офицеров, имевших боевую выучку, азербайджанцы в Советской армии чаще бывали поварами или строителями, чем профессиональными офицерами. Основой новой азербайджанской армии мог стать только ОМОН, который использовался в Нагорном Карабахе лишь для поддержки советских армейских частей. Рассказывает министр внутренних дел Армении Ашот Манучарян: "Поскольку мы были вынуждены действовать тайно, незаметно, в обход советских органов власти, все, что мы создали, в конечном счете стало армией. В распоряжении же азербайджанцев были только силы милиции" (6).

В результате штат нового министерства обороны Азербайджана был укомплектован менее чем сотней людей. Штаб размещался в здании бывшего клуба КГБ в центральной части города. За те полгода, когда в Азербайджане один политический кризис следовал за другим, в оборонном ведомстве сменилось, по меньшей мере, четыре министра. Второй министр обороны, советский кадровый офицер Таджеддин Мехтиев, которому удалось продержаться на этом посту два месяца, так описывает министерство, которое он возглавил в декабре 1991 года:

"Совершенно не было военно-технического оборудования... Не было и средств связи. Сейчас

у нас есть мобильные телефоны. А тогда не было абсолютно ничего. Невозможно было разговаривать. Все прослушивалось. В то время все правительственные линии связи проходили через российское ГРУ [Главное разведывательное управление – военная разведка], и они слушали все наши разговоры. Других же линий не было. У нас не было ни казарм, ни учебных полигонов, ни оружия, ни оборудования" (7).

Мехтиев, крупный мужчина с военной выправкой и румяным лицом, говорит, что за все девять недель, что он занимал пост министра, у здания, где находился его кабинет, постоянно проходили демонстрации Народного фронта с требованиями его отставки. Мехтиев нашел простое решение. Он сказал Муталибову, что для наведения порядка "нужно расстрелять сотню, а лучше пятьсот человек". Нежелание Муталибова последовать его совету он расценил как "нерешительность".

Министерство обороны почти не контролировало реальных участников боевых действий. Это были многочисленные вооруженные группы, часть которых была создана лидерами оппозиции для личной охраны. Лидер Народного фронта в южном городе Ленкорань Аликрам Гумбатов сформировал собственную бригаду. То же самое сделал и ветеран оппозиционного движения Этибар Мамедов, который уверяет, что к середине 1992 года под его началом было около двух тысяч вооруженных людей – преимущественно студентов. Было ясно, что оружие в руках этих людей должно было служить не только в боях против армян, но и в борьбе за власть в самом Азербайджане. Мамедов говорит, что президент Муталибов сначала намеревался подчинить его батальоны новой вышестоящей инстанции – Совету обороны – но потом передумал:

"Субординация полностью отсутствовала, потому что был создан Совет обороны; но прошло только одно заседание, и после этого мы уже не встречались. А 27 января [1992 года], [Муталибов] выпустил указ о роспуске Совета обороны. Однако к тому времени было уже слишком поздно. Вместо того, чтобы самому возглавить процесс, [Муталибов] опасался, что эти вооруженные группы выступят против него самого, и сделал все, чтобы остановить их формирование" (8).

Город Агдам, расположенный на равнине ниже Степанакерта, официально был форпостом азербайджанской армии, однако, в 1992 году он жил по своим законам. Проблемы Агдама отражали ситуацию в стране в целом. У этого города всегда была репутация пристанища для людей вне закона и спекулянтов, и теперь некоторые лидеры преступного мира пытались взять под контроль военные действия. Весной 1992 года нейрофизиолог Кямал Али приехал в Агдам воевать:

"Когда я приехал в Агдам в 1992 году, армии как таковой не было, а было шесть или семь отдельных подразделений, сражающихся с армянами. Эти группы были организованы местными преступниками, бандитами, которые провели много лет в советских тюрьмах за убийства и другие преступления... Но эти группировки конфликтовали между собой точно так же, как и с армянами. Например, договаривались захватить склады русского оружия. После захвата одному доставалось пять танков, а другому – ни одного. И все! Отныне они враги! Поэтому эти шесть группировок были не в состоянии осуществить ни одной совместной боевой операции. Кто-то шел в атаку, а другой говорил: "А я не пойду, сегодня я не хочу воевать" (9).

Командиром одной из таких вооруженных групп был Ягуб Мамед, который раньше занимался гравировкой могильных плит и расположил свой вооруженный отряд на городском кладбище; позже его арестовали и предъявили обвинение в вымогательстве денег за тела погибших солдат, которые он держал замороженными в холодных хранилищах. Другим командиром был Асиф Магеррамов, который недавно вышел из тюрьмы, где отбывал срок за убийство. У него была кличка "Фрейд", так как он имел репутацию интеллектуала. (10). Кямал Али говорит: "Преступники часто оказываются великими патриотами. Война – хорошее место для

уголовников. На войне можно делать, что угодно. Можно пырнуть ножом, можно убить. Образованный человек не пойдет на войну, а вот уголовник пойдет. В то время нашей армией командовали преступники".

Карабах вооружается

В конце 1991 года Нагорный Карабах еще представлял собой мозаику из азербайджанских и армянских деревень. После ухода советских войск каждая из сторон попыталась нарисовать сложную карту региона заново – в свою пользу. Обитатели сравнительно немногочисленных азербайджанских деревень попали в плотную сеть небольших ловушек, оставшись на милость армянских фидаинов. Согласно армянскому лидеру Роберту Кочаряну: "Когда [советские] войска ушли из Карабаха, мы остались с азербайджанцами один на один, но мы были организованы и имели как минимум трех- или четырехлетний опыт подпольной деятельности" (11). Армянские бойцы стали угрожать карабахским азербайджанцам и тем самым вынуждали их покидать свои деревни. Армянский военачальник Серж Саркисян дал эвфемистическое объяснение этой тактике: "Мы решили попытаться сократить линию фронта" (12).

Тем не менее, если азербайджанцы были загнаны в массу маленьких ловушек, армяне попали в одну большую западню. Областной центр Карабаха Степанакерт, главный город Карабаха и столица армян, был крайне уязвим. Расположенный на открытом пологом склоне горы, он был со всех сторон окружен азербайджанскими населенными пунктами. В двадцати пяти километрах к востоку находился Агдам и равнинная часть Азербайджана, в десяти километрах к северу – населенный азербайджанцами город Ходжалы с единственным в Карабахе аэропортом. Прямо над Степанакертом, в южной стороне, на горе – город Шуша. Единственную связь Степанакерта с внешним миром обеспечивали вертолеты, летавшие в Армению над горами.

Армяне вооружались, захватывая арсеналы расквартированных в Карабахе советских воинских частей. "Это было очень серьезно, – говорит Роберт Кочарян. – Все вооружение осталось у нас, мы не дали его вывезти". Часть вооружения была взята у четырех полков внутренних войск МВД СССР, размещенных в Карабахе в 1991 году. 22 декабря группа вооруженных армян ворвалась в казармы полка внутренних войск в Степанакерте, захватила склад боеприпасов и бронетехнику и заставила российских солдат покинуть Карабах без оружия. В перестрелке погиб один русский водитель. По крайней мере, такова официальная версия событий – вполне вероятно, что эта вылазка была лишь прикрытием для тайной сделки(13).

В регулярных частях 4-й армии Азербайджана, укомплектованных призывниками из разных концов Советского Союза, царил беспорядок. Солдаты из провозгласивших независимость союзных республик просто оставили казармы и уехали домой. В Степанакерте с августа 1988 года базировался 366-й мотострелковый полк. Офицеры этого полка начали помогать армянам, а военнослужащие подразделений 23-й дивизии в Гяндже стали сотрудничать с азербайджанцами. Анатолий Шабад стал очевидцем этой, по сути дела, приватизации Советской Армии.

"Части 23-й дивизии фактически воевали друг с другом: те подразделения, которые базировались в Степанакерте, открыто поддерживали армянские вооруженные силы. Для меня это было очевидно... и я наблюдал, как командир воинского подразделения в Степанакерте обеспечивал боевую поддержку армянской стороне, в то время как командир Будейкин в Гяндже, без сомнения, помогал азербайджанцам" (14).

Около 50 из примерно 350 оставшихся солдат 366-го полка были армянами, включая и командира второго батальона майора Сейрана Оганяна. Для карабахских армян сам полк и его обширные запасы боевой техники были даром богов. Даже до августовского путча в

Москве солдаты продавали оружие, или сдавали его напрокат. Американский правозащитник Скотт Хортон говорит, что в июле 1991 года некий офицер по имени Юрий Николаевич, приняв его за бизнесмена, предложил ему купить танк за 3 тысячи долларов. Рассказывали также, что армяне просто платили полковым офицерам водкой или рублями, чтобы те вели стрельбу или готовили оружие к бою (15).

Наиболее ценным имуществом 366-го полка были десять танков, причем другой тяжелой бронетехники в Нагорном Карабахе не было. В начале 1992 года армяне несколько раз "одалживали" эти танки. Азербайджанский прокурор Юсиф Агаев рассказывал, что в феврале он был в южном поселке Юхары Вейсаллы, когда туда прибыла полковая бронетехника для огневой поддержки наступления армян, развернутого с целью изгнания азербайджанского населения.

Большинство призывников полка, однако, оказались между двух огней. В феврале 1992 года в московском еженедельнике "Аргументы и факты" было опубликовано письмо молодого призывника другу Максиму. В нем он описывает базу, где на осадном положении находились двести или триста солдат. Там не было ни газа, ни воды, были убиты и съедены все собаки; солдаты не могли выйти за территорию гарнизона, так как рисковали попасть под огонь армян, и были вынуждены пережидать в казармах ракетные обстрелы с азербайджанских позиций в Шуше. Вот что писал солдат:

"Когда нас освободят, я даже и не знаю, каким образом мы выберемся отсюда. Азербайджанцы не пустят нас дальше Степанакерта. Каждый, кто покидает часть, должен или "продать" наш полк, или же стать заложником. В таких условиях думаешь только о том, как бы нажраться, чтобы не сойти с ума. Забор вокруг расположения полка заминирован, мы вооружены до зубов и не сдадимся без боя" (16).

Война соседей

Война в Нагорном Карабахе никогда не была официально объявлена, и только в самом конце в ней сражались две армии. В 1991-1992 годах ополченцам платили мало или ничего, и война превратилась в своеобразный бизнес. Обе стороны фактически торговали друг с другом. Самвел Даниэлян вспоминает, что во время боев на северном участке фронта в 1991 году у него и его товарищей совсем не было еды, зато было полно алкоголя, поэтому они вступили в деловые отношения с врагом: "Мы торговали ночью и воевали днем". Армяне меняли коньяк и спирт на сухари и консервы (17).

Самым отвратительным видом подобной коммерции был захват заложников, который практиковался в Карабахе с 1989 года, и потом получил самое широкое распространение. Азербайджанские бойцы ехали в Баку, брали там в заложники кого-то из оставшихся в городе армян и пытались обменять на своих пленных товарищей. Это прекратилось только после того, как карабахские армяне отказались принимать бакинских армян в качестве живой валюты. Только в 1993 году стороны создали специальные комитеты для организации обмена пленными, но отдельные случаи захвата заложников все же имели место (18).

По большому счету конфликт протекал стихийно, импровизированно, доходя до выяснения личных отношений. Отсутствие каких бы то ни было правил и обязательств делало его крайне жестоким. Обе стороны вернулись к практике отрезания ушей убитых врагов в качестве военного трофея, которую применял в начале XX века лидер армянского партизанского движения Андраник. Британский фотограф Джон Джонс вспоминает, как зимой 1992 года некий командир в Гадруте достал из кармана сверток из воценой бумаги, развернул его и продемонстрировал отрезанное ухо. Это был сувенир с последнего боя.

Азербайджанский доброволец Кямал Али говорит: "Гуманность сохраняется только до того момента, пока не происходит нечто ужасное. После того, как вы увидите, что сделали с

вашим другом, гуманность исчезает, и вы хотите только одного – сделать что-нибудь похуже. Так случилось с армянами, то же самое происходило и с нами. Я еще мог себя сдерживать. Мне было за тридцать, я был образован, но вокруг меня были в основном двадцатилетние деревенские мальчишки". Он продолжает:

"Я видел, как мы убивали пленных и как они убивали пленных. Им отрубали пальцы, уши. Я по образованию нейрофизиолог. Во время последней поездки на фронт я работал в военном госпитале в Кубатлы, и к нам привезли наших солдат, освобожденных из плена. Их обменивали и отправляли на лечение. Все они умерли в госпитале. Человек прибывает здоровым, а через неделю умирает. Так вот во время вскрытия оказалось, что им вводили подкожно бензин. Под видом антибиотиков им делали подкожные инъекции бензина..."

Тем не менее, разделенные линией фронта бойцы хорошо знали друг друга и, в каком-то смысле это была "война соседей". Сета Мелконян, вдова армянского военачальника, вспоминает, как один солдат из Мартунинского района на юге Карабаха совершенно случайно взял в заложники друга своего отца: "Заложник сидит в комнате, входит [ополченец], и они начинают беседовать, расспрашивать друг друга о семьях. "Как поживает твой отец? А мать как? А тот, а этот, а братья? И они так рады видеть друг друга, но при этом один находится в плену, а другой волен распоряжаться его жизнью" (19).

Поскольку карабахские азербайджанцы и армяне понимали язык друг друга, они нередко настраивались на радиочастоты противника и обменивались новостями или взаимными оскорблениями. Ходит множество историй о бывших друзьях, неожиданно столкнувшихся на поле боя. По рассказам очевидцев, в Корнидзоре один армянин из числа защитников деревни, прицелился из винтовки в азербайджанца, бегущего в атаку, но друг остановил его с криком: "Стой, не стреляй! Это же мой сосед Ахмед, он мне должен 800 рублей!" (20). Сета Мелконян рассказывает о солдате из отряда ее мужа, который ухаживал за азербайджанской девушкой из Физули, города, расположенного за линией фронта. Он продолжал общаться с ней даже после резкого обострения конфликта. Когда его убили в бою, ей так и не смогли передать эту весть. Многолетний опыт соседской жизни мог бы снизить степень жестокости этой войны, но так происходило не всегда.

Ходжалы

Начиная с 1 января 1992 года, армяне стали предпринимать вооруженные вылазки за пределы Степанакерта. Они захватили азербайджанские деревни вокруг города, изгнав сотни оставшихся там азербайджанцев. Их главной целью теперь оказался Ходжалы, город, расположенный в девяти километрах к северо-востоку от Степанакерта, где находился единственный в регионе аэропорт. Когда-то в Ходжалы в массовом порядке были размещены азербайджанские переселенцы. В 1991 году его население составляло 6300 человек. (21)

В октябре 1991 года армяне отрезали дорогу, соединяющую Ходжалы с Агдамом, и до города стало возможно добираться только на вертолете: короткий перелет из Агдама и затем резкое снижение по спирали. Когда в январе американский репортер Томас Гольц совершил этот жуткий перелет, его взору предстал холодный и незащищенный город. "В Ходжалы не работали телефоны, вообще ничего не работало: не было ни электричества, ни отопления, ни водопроводной воды, – писал Гольц. – Единственным средством сообщения с внешним миром были вертолеты, – и каждый рейс был связан с риском". К 13 февраля 1992 года, когда был выполнен последний рейс вертолета в Ходжалы, оттуда в общей сложности эвакуировали, наверно, менее 300 жителей, а в городе оставались 3000 человек, Оборону Ходжалы обеспечивал командир ОМОНа аэропорта Алиф Гаджиев и около 160 легко вооруженных ополченцев. Жители с тревогой ожидали наступления армян. (22)

Штурм начался в ночь с 25 на 26 февраля. Этот день был, вероятно, выбран в память об армянских погромах в Сумгаите, случившихся четыремя годами ранее. Боевую поддержку

армянам оказывала бронетехника 366-го полка Советской Армии. Они окружили Ходжалы с трех сторон, после чего армянские солдаты вошли в город и подавили сопротивление защитников.

Только один выход из Ходжалы оставался открытым. Говорят, Гаджиев убеждал мирных жителей бежать в Агдам, обещая дать им для защиты отряды ОМОНа, которые сопровождали бы их до самого города. Ночью огромная толпа людей побежала по колена в снегу через лес и начала спускаться в долину речки Гаргар. Ранним утром жители Ходжалы в сопровождении немногочисленных омоновцев вышли на равнину недалеко от армянской деревни Нахичеваник. Здесь их шквалом огня встретили армянские бойцы, засевшие на горных склонах прямо над равниной. Милиционеры открыли ответный огонь, но силы были очень неравны, и их перестреляли. К месту ужасающей бойни прибывали все новые и новые беженцы. Хиджран Алекперова, бывшая жительница Ходжалы, рассказала представителю правозащитной организации "Хьюман райтс уотч":

"Мы добрались до Нахичеваника к девяти утра. Там было поле, на нем лежало много убитых. Наверное, их было сто человек. Я не пыталась их сосчитать. Меня на этом поле ранили. Гаджиева Алифа подстрелили, и я хотела ему помочь. Пуля попала мне в живот. Я видела, откуда они стреляли. Я видела много трупов на этом поле. Они были убиты совсем недавно – у них еще не изменился цвет кожи" (23).

Взору журналистов и следователей, приехавших сюда несколько дней спустя, предстала жуткая картина кровавой бойни. Растерзанные тела лежали повсюду на мерзлой земле. Анатолий Ливен из лондонской "Таймс" писал, что "у некоторых из них, в том числе и у одной маленькой девочки, на теле были ужасные раны. У нее уцелело только лицо". Азербайджанский прокурор Юсиф Агаев заметил следы пороха около входных пулевых отверстий, из чего сделал вывод, что многие жертвы были расстреляны в упор: "В них стреляли с очень близкого расстояния. Мы приехали на место, где все это случилось. Мне, специалисту, сразу все стало понятно" (24).

Помимо тех, кто получил огнестрельные ранения, десятки людей погибли от холода и обморожения в лесах. Более тысячи жителей Ходжалы были взяты в плен, среди них и несколько десятков турок-месхетинцев, беженцев из Средней Азии.

Существуют разные оценки числа убитых азербайджанцев в Ходжалы или в его окрестностях. Пожалуй, наиболее правдоподобная цифра – та, которая была получена в ходе официального расследования, предпринятого азербайджанским парламентом. По этим данным, число погибших составило 485 человек. Даже принимая в расчет, что здесь учтены не только погибшие в перестрелке, но и умершие от переохлаждения, эта огромная цифра затмевает данные о потерях за всю историю войны в Нагорном Карабахе. Ответная стрельба азербайджанцев была незначительной и никоим образом не может служить оправданием хладнокровного убийства в открытом поле сотен беспомощных мирных жителей, в том числе и детей (25).

Постепенно известия о резне в Ходжалы стали достоянием общественности. Поначалу многие просто отказывались в это верить, поскольку до той поры мировые средства массовой информации, освещающие конфликт, в основном изображали армян как жертву этого конфликта, но не как агрессоров. Оправдательное интервью, данное бывшим президентом Азербайджана Аязом Муталибовым не помогло. В попытке приуменьшить свою роль в неспособности защитить город, Муталибов всю вину за бойню в Ходжалы возложил на руководство Народного фронта. Его интервью широко цитировалось в Армении (26).

И все же сейчас армяне уже не отрицают, что во время бегства из Ходжалы погибло много азербайджанских мирных жителей. Некоторые обвиняют армянских ополченцев, будто бы действовавших самовольно. Сотрудник армянской полиции майор Валерий Бабаян считает,

что главным мотивом тех событий была личная месть. Он сказал американскому журналисту Полу Куинн-Джаджу, что многие участвовавшие в нападении на Ходжалы, "были родом из Сумгаита и других подобных мест" (27).

Когда армянского военачальника Сержа Саркисяна попросили рассказать о взятии Ходжалы, он осторожно ответил: "Мы предпочитаем об этом вслух не говорить". Что касается числа жертв, то, по его словам, "многое было преувеличено", да и убежавшие азербайджанцы оказали вооруженное сопротивление. Однако по поводу происшедших событий Саркисян высказался честнее и более жестко:

"Но я думаю, что главный вопрос был совсем в другом. До Ходжалы азербайджанцы думали, что с нами можно шутки шутить, они думали, что армяне не способны поднять руку на гражданское население. Мы сумели сломать этот [стереотип]. Вот что произошло. И надо еще принимать во внимание, что среди тех мальчиков были люди, бежавшие из Баку и Сумгаита".

Оценка Саркисяна заставляет под другим углом взглянуть на самую жестокую бойню карабахской войны. Не исключено, что эти массовые убийства явились, пусть хотя бы и отчасти, преднамеренным актом устрашения.

Падение Муталибова

Массовые убийства в Ходжалы спровоцировали кризис в Баку. Азербайджанцы обвиняли правительство в неспособности защитить город. Сотни людей, для которых события в Карабахе до сих пор были чем-то далеким, записывались добровольцами на войну. Обвинений было много, в том числе, например, почему не была предпринята попытка прорыва блокады. Салман Абасов, выживший после событий в Ходжалы, позднее жаловался:

"За несколько дней до тех трагических событий армяне много раз предупреждали нас по радио, что собираются захватить город, и призывали нас уйти. Долгое время в Ходжалы летали вертолеты, и было непонятно, думал ли кто-нибудь о нашей судьбе, проявлял ли интерес к нам. Мы не получили практически никакой помощи. Более того, когда была возможность вывезти наших женщин, детей и стариков, нас уговорили этого не делать" (28).

На заседании азербайджанского парламента 3 марта депутаты от оппозиции потребовали показать документальный фильм, снятый телеоператором Чингизом Мустафаевым. "Пошли первые кадры фильма – и следующие десять минут изменили историю страны", – пишет Гольц. Мустафаев полетел на вертолете в горы над Агдамом. После приземления его видеокамера зафиксировала десятки разбросанных по долине трупов. Среди них были сельские жительницы в ярких головных платках и зимних пальто, лежащие в грязи и на талом снеге. Рыдающий мужчина поднял мертвого ребенка в теплой куртке и с обмотанным шарфиком лицом и принес его к вертолету.

Под напором таких жутких кадров правящий режим пошатнулся. 6 марта, после выдвинутого оппозицией ультиматума, Муталибов подал в отставку. Действующим главой государства официально стал новый спикер парламента Ягуб Мамедов. Он, правда, был не профессиональным политиком, а деканом медицинского факультета Бакинского университета. Реально власть перешла в руки оппозиции. Мамедов признал это, назначив министром обороны Рагима Газиева, придерживающегося радикальных взглядов активиста Народного фронта. Новые президентские выборы должны были состояться через три месяца, и на этих выборах Народный фронт надеялся одержать победу.

Осада Степанакерта

После той позорной роли, которую сыграл 366-й полк при взятии Ходжалы, из Москвы поступил приказ вывести его из Карабаха. В начале марта 1992 года в Степанакерт была

направлена колонна для сопровождения полка, однако местные армяне блокировали дороги, чтобы воспрепятствовать выводу техники. В конце концов, личный состав полка перебросили на вертолетах, а почти все военное снаряжение оставили. В гарнизоне остался майор Оганян, чьему примеру последовали многие его армянские однополчане и ряд офицеров-славян, включая и несостоявшегося торговца танками Юрия Николаевича, который позднее был замечен в роли инструктора по боевой подготовке карабахских ополченцев (29). Переброшенный в Грузию 366-й полк был расформирован 10 марта.

А 3 марта, незадолго до вывода полка, Гагику Авшаряну, офицеру-отставнику, бывшему командиру танкового экипажа, позвонил его товарищ Самвел Бабаян: "Мы встретились [с Бабаяном] и я спросил: "Ты куда?" "На базу". И мы пошли туда. Он сказал: "Можешь завести этот танк?" Я завел танк и угнал его, как говорится, прямо из расположения части. Было ли это организовано, и если было, то как, я сказать не могу. Ведь невозможно увести из части танк, чтобы [об этом] не знал командующий. Либо они уже взяли на себя командование, либо подняли мятеж, я не знаю. Факт, что когда мы пришли, я сел в этот танк, завел его, и мы подцепили на буксир еще один танк" (30).

Как говорит Авшарян, солдаты полка намеренно взорвали один из десяти танков, еще один стоял без двигателя и поэтому был не на ходу, а остальные восемь просто бросили. После некоторого ремонта эти танки стали пригодны для боевых действий. Однако у армян возникла другая проблема. Авшарян ранее служил в советских танковых войсках и знал танк Т-64, но не Т-72, а некоторые из его теперешних товарищей по оружию раньше вообще никогда в танке не сидели. Им нужно было всему учиться буквально по ходу боя. 6 марта им пришлось отражать атаку азербайджанских войск в Аскеране на самой окраине Степанакерта:

"Когда мы впервые пошли в бой, мы даже не знали, как заряжать пушку. Мы могли заложить снаряд в ствол вручную, как это делается во всех танках, но не знали, как это сделать в автоматическом режиме. Мы шли в бой, держа снаряды в руках, и на коленях. Наш командир находился в БМП-2. Когда [азербайджанцы] атаковали Аскеран, нам приказали выдвинуться и остановить их. А он не знал, как заряжать снаряд в ствол БМП-2. Нам сказали, что Сейран Оганян сейчас в Аскеране и что "он может показать, как это сделать". Они встретились на дороге, Сейран показал ему, как загонять в ствол снаряд, и после этого они пошли в бой".

Всю весну 1992 года Степанакерт был в осаде. По официальным данным, в городе проживало 55 тысяч человек. В течение почти двух лет не имея наземного сообщения с Арменией, большинство жителей Степанакерта фактически находились в западне. В начале февраля военачальник Народного фронта Азербайджана Рагим Газиев передислоцировал две ракетные установки "Град" в расположенную над Степанакертом Шушу, чтобы оттуда вести обстрел города (31).

Пусковая установка "Град", хотя и не обладает высокой точностью стрельбы, представляет собой чудовищное оружие, предназначенное для использования против живой силы противника, но никак не гражданского населения. В стволы, установленные на подъемной решетке на грузовике, можно зарядить до сорока ракет и запустить их одновременно. При залпе ракеты издают ужасный вой и градом обрушиваются на большую территорию. К тому времени у армян тоже были две ракетные установки "Град" с советской военной базы в Армении, но, как оказалось, у них было меньше ракет. Видимо, в этом случае против армян сыграло то обстоятельство, что боезапас приходилось доставлять на вертолетах из Армении. В начале 1992 года, азербайджанцы имели преимущество. Степанакерт лежал перед Шушой как на ладони и представлял собой легкую мишень для артиллерии. Однако, стрельба из установок "Град" велась без согласования того, когда и как стрелять. Говорит азербайджанский офицер Азай Керимов: "Любой мог проснуться утром с похмелья, после ночной попойки, сесть в "Град" и стрелять, стрелять, стрелять по Степанакерту без цели, без каких-либо координат" (32).

Начиная с середины февраля, сотни ракет градом сыпались на Степанакерт из Шуши, сея разрушения и панику. В течение весны 1992 года общее количество погибших в результате этих обстрелов исчислялось, наверное, сотнями.. Многие горожане жили в панельных многоэтажках, которые были легкой мишенью для азербайджанской артиллерии. 12 марта семья Азизянов пошла за водой, когда ракета угодила в их гостиную. Когда они вернулись домой, то обнаружили, что фасадная стена их квартиры вырвана, а шторы валяются в нескольких сотнях метров от дома – во дворе детского сада.

Все ночи жители города проводили в подвалах своих домов; сначала освещение было газовым, когда же подача газа прекратилась, стали жить при свечах. Утром люди выбирались наружу, чтобы сходить за водой к роднику в нескольких километрах от города. Продовольствие и медикаменты были на исходе. Журналист Вадим Быркин вспоминает: "Единственное, что я помню, это холод. Когда вы проводите ночь в бомбоубежище, в подвале, и когда печка гаснет под утро, становится ужасно холодно. Утром, когда вы поднимаетесь наверх, вы не знаете, уцелел ваш дом или нет" (33).

В мае, когда Шуша была захвачена и осада снята, Степанакерт лежал в руинах. Рассказывает британский журналист Ванора Беннет:

"Степанакерт был охвачен лихорадкой весенней уборки. На залитых солнечным светом улицах маленькие старушки подметали каменные и бетонные обломки стен. Самым громким звуком был звон битого стекла, которое убирали с развороченных мостовых. Кругом руины, почти на каждом доме война оставила свой след: разрушенная кровля, отверстия от пуль, трещины на стенах, выбитые стекла. Не было ни магазинов, ни газа, ни электричества, ни телефонов, ни почты, ни наличных денег" (34).

За пределами Степанакерта и Шуши велась война между деревнями, и многие из событий этой войны так и не были записаны. Почти неизвестной, но очень жестокой была резня в Мараге, армянской деревне в северной части Карабаха, недалеко от границы, рядом с азербайджанским городом Тертер. 10 апреля азербайджанцы захватили деревню, и ее защитники-армяне отступили. На следующий день армяне отбили деревню и сообщили, что нашли и похоронили тела, по меньшей мере, сорока трех жителей. Группа представителей организации Christian Solidarity International во главе с пэром Британии, горячей сторонницей карабахских армян баронессой Кэролайн Кокс, приехала в Марагу для расследования обстоятельств этой бойни. Они записали рассказы местных жителей и эксгумировали и сфотографировали "обезглавленные и обугленные тела". По меньшей мере, пятьдесят жителей Мараги были также взяты в заложники, из которых девятнадцать так никогда и не вернулись (35).

Падение Шуши

Весной 1992 года эпицентр войны сместился в Шушу, горную цитадель в самом сердце Карабаха. Азербайджанцы уже были изгнаны почти из всех населенных пунктов в Карабахе и оставались только в Шуше и в ряде окрестных деревень. Они все еще контролировали дорогу из Карабаха в Армению и поэтому могли держать Степанакерт в осаде. Окруженная с двух сторон скалами, Шуша была построена как крепость, которую легко оборонять. Она с успехом выдержала две долгие осады персидских войск в 1795 и в 1826 годах. Если бы азербайджанцы сумели здесь удержаться, они могли бы еще надеяться, что карабахские армяне будут в конце концов вынуждены повиноваться.

Однако Шуша сама была в осаде. Попасть в город наземным транспортом можно было только с запада, через город Лачин, находящийся в непосредственной близости от Армении. После того как 28 января над Шушой был сбит вертолет, все пассажиры которого погибли, этот длинный путь стал для города поистине дорогой жизни. Подходили к концу запасы воды, с которой в Шуше и так всегда были проблемы.

Командиры приезжали и уезжали. Второй министр обороны Азербайджана Таджеддин Мехтиев прибыл в Шушу 20 января. Предпринятые им меры показали, что за многие годы службы в советском Генеральном штабе он так и не смог набраться опыта ведения военных действий на Кавказе. Мехтиев возглавил обреченную вылазку из Шуши с целью захвата армянской деревни Каринтак (азербайджанцы называют ее Дашалты). Его отряд попал в засаду, и в завязавшемся бою около семидесяти солдат погибли, остальные были убиты во время бегства. Прибывший на место событий фоторепортер Джон Джонс увидел заснеженный горный склон, весь усеянный трупами. После этого сокрушительного разгрома Мехтиев покинул Шушу и вскоре был отстранен от должности министра обороны (36).

В начале февраля в Шушу приехал новый военный руководитель – Рагим Газиев. Газиев был не профессиональным военным, а преподавателем математики: он умел много и страстно говорить, но идеи его были далеки от практики. Он заявил на митинге, что оставит город "только по дороге на Ханкенди [Степанакерт]". Однако ему так и не удалось объединить четыре разрозненные вооруженные группы, находившиеся под его началом. Их командиры не доверяли друг другу и не поддерживали контактов даже по радиосвязи. Говорит Азай Керимов, один из руководителей местной милиции: "У каждого лидера партии был собственный батальон. Единого командования не существовало. У нас были люди, которые хотели воевать, было оружие и провиант, было все, что нужно. Но люди не хотели защищать город" (37).

Политические междоусобицы в Азербайджане стали отрицательно сказываться на обороне Шуши. Обещанное подкрепление так и не прибыло. В марте Газиева назначили министром обороны, и он вернулся в Баку. В апреле была сформирована новая "шушинская бригада" под руководством подполковника Эльбруса Оруджева, кадрового армейского офицера. Оруджева назначили военным комендантом еще трех южных городов, помимо Шуши, – Лачина, Кубатлы и Зангелана, что было абсурдно тяжелым бременем ответственности для одного человека. Когда он приехал в Шушу, воинские части просто покидали город. Репортер Миршахин Агаев, вспоминал, что видел колонну солдат и бронетехники, покидавшую Шушу ночью с выключенными фарами (38).

Для армян захват Шуши был стратегической задачей номер один. Операцию по взятию города было поручено провести Аркадию Тер-Татевосяну по прозвищу "Командос" или "Командо". У Тер-Татевосяна, тихого профессионального офицера из Грузии было одно большое преимущество – отсутствие каких-либо политических амбиций. Он стал получать из Армении новые партии оружия, когда после захвата Ходжалы вновь открылся единственный в области аэродром.

Тер-Татевосян говорит, что его главной целью было окружить Шушу, взять окрестные деревни и отвлечь часть азербайджанских сил от обороны города. "Нам нужно было сделать вид, что мы хотим захватить эти деревни, чтобы сбить с толку противника" (39). Часть самых жестоких сражений происходила за пределами города. В ходе кровопролитного боя в конце апреля азербайджанцам почти удалось выбить армян с так называемой "26-й высоты" в пригороде. Потери были велики. "Если бы они приложили больше усилий, чтобы взять 26-ю высоту, им бы это удалось", – говорит Тер-Татевосян. В начале мая все было готово к штурму, но он был отложен на несколько дней, видимо, из-за плохой погоды. Таким образом, начало штурма совпало с визитом президента Армении Тер-Петросяна в Иран.

За два дня до наступления связь Шуши с внешним миром была отрезана. Оруджев говорит, что в городе остались только несколько сотен защитников, и он по радио запросил подкрепление:

"Я сказал: "Кто-нибудь меня слышит? Я в Шуше. Со мной только семь человек. Вы меня слышите?" В это время я находился на городской телевизионной станции. Мне отвечают: "Агдам на связи. Я вас слышу". "Барда на связи. Я вас слышу". "Кубатлы. Я вас слышу". Я

отвечаю: "Это Эльбрус Оруджев, комендант Шуши. Мы удерживаем город. Я отбил атаку армян. Умоляю вас, пришлите сюда людей, всех, кто у вас есть. Все, кто любит свою страну, берите оружие в руки, идите сюда и защищайте город" (40).

Единственным среди азербайджанских военачальников, кто откликнулся на этот призыв, был родной брат Оруджева, Эльхан Оруджев, который предпринял отвлекающую атаку из Агдама, но уже было слишком поздно. Пока Оруджев передавал свой призыв, войска спешно покидали Шушу. Один из оборонявших город, Юсиф Гусейнов, вспоминает, что "даже седьмого мая некоторые воинские части еще покидали город. И мы не знали об этом. Я сам ходил туда [восьмого числа] и увидел, что казармы пусты и вся техника вывезена" (41).

Штурм начался в 2 часа 30 минут 8 мая. Тер-Татевосян говорит, что по его расчетам, вся операция должна была занять "три-четыре дня". Он надеялся посеять панику среди защитников города и заставить их покинуть город без боя. Крупный воинский контингент был выставлен у открытой дороги на запад из Шуши, причем солдатам был дан приказ не стрелять в людей, бегущих из города, однако блокировать доступ в город для подкрепления. Одним из тех, кто находился на этой позиции был и Роберт Кочарян, нынешний президент Армении. Еще одно десантное подразделение получило приказ взобраться на высокую скалу над Каринтаком, но помешала плохая погода. Таким образом, основное бремя наступательной операции легло на плечи тех армянских солдат, которые подходили к городу по горным тропам с севера и востока. "Мы поднимались по тем самым тропам, по которым они сами раньше шли на нас в атаку и которые мы заметили", – вспоминает Тер-Татевосян.

Днем шли ожесточенные бои за шушинскую телевизионную башню на северной окраине города и за тюрьму на востоке. Гагику Авшаряну был дан приказ поставить танк Т-72 на дороге и прикрыть северные подступы к городу. Когда показался один из трех азербайджанских танков, оба танка открыли огонь друг по другу с расстояния в 350 метров. "Он отлично стрелял", – комментировал Авшарян. Он сумел открыть люк, как раз в тот момент, когда в его танк попал третий снаряд противника. Он выскочил наружу и, несмотря на сильные ожоги, выжил, а механик-водитель и стрелок погибли (42).

К вечеру защитники города решили, что атака армян отбита. Оруджев говорит, что в восемь часов вечера он услышал по радио, как русский командир по прозвищу "Казак" отдал приказ отступить от города. "Если бы мы продержались еще два часа, они бы отошли", – говорил Азай Керимов. Роковым для города оказалось то, что, как и предполагал Тер-Татевосян, в течение этого дня большинство защитников попросту бежали из Шуши.

Многие азербайджанские мирные жители оставались в городе до последнего и только к концу дня тоже обратились в бегство. Сона Гусейнова, работавшая в Шуше поваром, говорит, что она покинула город "в последнем танке" с четырнадцатью другими беженцами. Артиллерийская канонада была такая громкая, что "у меня долго потом в ушах гудело, и я ничего не слышала" (43). Юсиф Гусейнов вспоминает, что он буквально волоком вытащил своего отца из города, когда уже исчезла всякая надежда. "Психологически люди потеряли веру и уже не ждали никакой помощи. В конце концов, эти последние пять лет подготовили жителей к мысли о том, что город придется покинуть. И даже в последний день, когда все уже было известно о штурме, нам не оказали хоть сколько-нибудь существенной помощи, то есть вообще никакой". У Оруджева уже не хватало людей для продолжения боя, и он дал приказ к отступлению. Одним из тех, кто покинул Шушу в числе последних, был чеченский доброволец Шамиль Басаев, впоследствии печально известный лидер боевиков в чеченской войне.

Бой продлился всего один день, но в ходе боев погибло, вероятно, около трехсот человек (44). Первые армяне вошли в Шушу только утром 9 мая. Они боялись, что внезапно затихший город может оказаться для них ловушкой.

Шуша захвачена

10 мая сотни армян хлынули в захваченную Шушу. В церкви Казанчецоц они нашли сотни ящиков с ракетами для установки "Град", которые азербайджанцы так и не использовали. "Когда я вошел и увидел эти боеприпасы, у меня чуть не случился сердечный приступ", – говорит Тер-Татевосян. В кадрах снятого тогда фильма запечатлена цепочка армянских добровольцев, которые осторожно выносят из церкви деревянные ящики, похожие на маленькие гробы. Пока они этим занимались, мародеры и поджигатели в разных уголках города начали устраивать пожары, пропуская мимо ушей протесты вернувшихся в родной город армянских жителей и представителей армяно-карабахских властей. "У карабахцев существует дурной обычай, вернее предрассудок, сжигать дома в захваченных городах, чтобы враг не мог вернуться", – говорит Тер-Татевосян.

Падение Шуши произошло в тот момент, когда президент Армении Левон Тер-Петросян встретился в Тегеране с действующим лидером Азербайджана Ягубом Мамедовым для проведения мирных переговоров. Это была первая попытка Ирана стать посредником между конфликтующими сторонами, а также первый визит Тер-Петросяна к своему влиятельному южному соседу. 9 мая две делегации подписали коммюнике по основным принципам мирного соглашения. По словам Мамедова, Тер-Петросян пытался убедить его, что он сторонник мира, но у него есть сложности с карабахскими радикалами: "У него в стране была такая же оппозиция, что и у нас. Я чувствовал, что он стремится решить эту проблему позитивно и политически" (45).

Переговоры закончились. Тер-Петросян с армянской делегацией улетел в Исфахан, а президент Ирана Хашеми Рафсанджани проводил Мамедова в тегеранский аэропорт. На трапе самолета Мамедову вручили сообщение о том, что армяне атаковали Шушу. Эта новость стала катастрофой для посреднической миссии иранцев – и это была их первая и последняя попытка играть роль посредника в урегулировании конфликта. Новость также вызвала большое замешательство у Тер-Петросяна, который знал о плане захвата Шуши, но не был извещен о точной дате проведения операции. Теперь все выглядело так, будто он или пытался обмануть азербайджанцев, или не контролировал ситуацию. Кое-кто даже подозревал, что наступление было отложено не по причине плохой погоды, а все это было заранее спланированной хитростью карабахских лидеров, чтобы сорвать мирные переговоры в Иране и унизить Тер-Петросяна (46).

Потеря Шуши явилась для Азербайджана самым большим военным ударом. Теперь азербайджанцы лишились своего последнего оплота в Карабахе, но этим значение их военного поражения не исчерпывалось. Ведь Шуша известна как колыбель азербайджанской культуры. Даже восемь лет спустя в глазах Эльбруса Оруджева блещут слезы, когда он говорит о последних днях города: боль от пережитого и горькое осознание своего бессилия защитить Шушу, по-видимому, все еще живы в его душе.

Захват "неприступной крепости" Шуши тотчас породил различные теории заговоров, о причинах падения города: говорили, что Шушу продали; что с армянами заключили сделку; что Рагим Газиев сдал город русским, чтобы вернуть к власти Аяза Муталибова. Однако в своих интервью оба главных участника этого сражения отвергали подобные теории. И Оруджев, и Тер-Татевосян настаивали на том, что Шуша просто была плохо защищена. "У них не было одного командира, которому бы все подчинялись", – заявил Тер-Татевосян. Сам же он был единоличным командиром, проводившим боевую операцию, и под его началом воевали солдаты, для которых провал захвата Шуши означал продолжение обстрелов Степанакерта.

Азербайджанцы не смогли организовать оборону города вплоть до того момента, пока туда не прибыл Оруджев, а это случилось всего лишь за несколько дней до начала штурма. К тому времени многие защитники уже давно уехали в Баку. Сам Оруджев обвиняет бакинских политиков в том, что они не сочли организацию обороны города приоритетной задачей. Он говорит, что "если бы в Баку не царил такой беспорядок, никто и никогда не смог бы захватить

Шушу".

Столь прямолинейное объяснение причины падения города подкрепляется словами одного из его защитников – ни кем иным, как чеченским боевиком Шамилем Басаевым. В 2000 году в интервью, которое он дал корреспонденту азербайджанской телевизионной компании АНС высоко в горах Чечни, Басаев сказал:

"Шушу просто бросили на произвол судьбы. Около семисот армян пошли в наступление, ну и что с того! Имея такой крепкий гарнизон и такое количество оружия, к тому же учитывая, какое стратегически выгодное положение занимала Шуша, сто людей могли бы, по крайней мере, год удерживать город. Но не было организации. Сегодня можно арестовать какого-то конкретного генерала или министра, просто арестовать и сказать, что он предал город, что он его сдал, он его продал. Но это все болтовня. Просто не было единого управления. Никто ни за что не отвечал" (47).

"Самый настоящий хаос"

Падение Шуши усилило политические разногласия в Азербайджане. В Баку стороны обменивались обвинениями в некомпетентности или предательстве. Гейдар Алиев, в то время спикер парламента Нахичеванской автономии, продолжал свою тонкую игру, стремясь стать "третьей силой" в Азербайджане. Он сказал корреспонденту информационного агентства Рейтер, что "когда в Азербайджане бушует война", провести в назначенные сроки президентские выборы невозможно – имея в виду выборы, в которых он не участвовал по возрастным ограничениям. "В Баку сейчас нет руководства, – категорически заявил Алиев. – Там царит самый настоящий хаос" (48).

14 мая 1992 года парламент возобновил свою работу, и депутаты от бывшей коммунистической партии неожиданно устроили конституционный переворот с целью возвращения к власти Аяза Муталибова. Депутаты объявили, что, поскольку предварительные результаты расследования в Ходжалы доказали невиновность Муталибова, то его отставка, следовательно, неконституционна. Муталибов вернулся в зал заседаний парламента и объявил, что он с радостью соглашается со своим восстановлением в должности президента. Естественно, нужно было отменить президентские выборы 7 июня, поскольку он вновь стал президентом Азербайджана.

Этот маневр явился фактически объявлением гражданской войны. На стороне азербайджанской националистической оппозиции была конституция, по которой были уже запущены все механизмы для проведения новых выборов; кроме того, решение о восстановлении в должности Муталибова было принято без необходимого кворума. Тем не менее, Муталибов вернул себе контроль над парламентом и президентской администрацией. Добровольцы стекались в штаб Народного фронта, чтобы присоединиться к акции протеста, запланированной руководителем азербайджанской военизированной организации "Серые волки" Искандером Гамидовым. 15 мая во второй половине дня Гамидов возглавил колонну солдат и бронетехники, которые штурмом взяли стоящее на холме здание парламента и городскую телестанцию. Поразительно: в перестрелках погибло менее двенадцати человек. Муталибов снова был свергнут – на этот раз окончательно.

Оппозиция укрепила свою победу. Ветеран оппозиции Иса Гамбар стал не только спикером парламента, но и действующим главой государства Азербайджана вплоть до проведения вновь назначенных на 7 июня президентских выборов. Гамидов, возглавивший контрпереворот, стал министром внутренних дел. Газиев сохранил пост министра обороны, а другой ветеран оппозиции Тофик Касумов стал министром иностранных дел. После этого старый парламент под давлением новых властей объявил о самороспуске, и его заменила милли-шура, законодательный орган, состоящий из пятидесяти человек.

В результате политических пертурбаций в Баку, однако, азербайджанские вооруженные силы вновь ушли из Карабаха. "Геранбойский батальон" Народного фронта и многие другие небольшие вооруженные формирования оставили фронт и поспешили в Баку, чтобы оказать своему руководству помощь в свержении Муталибова. Самое главное, никто не позаботился об укреплении Лачина, азербайджанского города в узком коридоре между Нагорным Карабахом и Арменией. Оборону Лачина обеспечивали около трех тысяч бойцов, но дополнительного подкрепления туда не направили. Не было единого командующего с тех пор, как месяцем раньше был расформирован "лачинский полк" под командованием местного военного лидера Арифа Пашаева. "Полк к тому времени был ликвидирован, но никаких распоряжений по поводу того, кому должны подчиняться солдаты полка и что они вообще должны делать, не поступало", – жалуется Пашаев, один из лидеров Народного фронта, который продолжал быть в своем родном городе неофициальным комендантом (49).

К 17 мая карабахские армяне подошли к высотам над Лачином. И в этом городе, выгодно расположенном на горе, вполне можно было бы обеспечить надежную оборону. Но и тут, как и в Шуше, большинство защитников просто сбежали. "У меня складывалось впечатление, что они сдерживали нас только для того, чтобы люди могли покинуть город", – вспоминает армянский командир Сейран Оганян, чьи отряды столкнулись в Лачине лишь со слабым сопротивлением противника (50). В фильме, снятом съемочной группой телекомпании АНС, показано массовое бегство из Лачина: вещи везли на телегах, запряженных лошадьми, горожане шли пешком, пастухи гнали своих овец, а бронемшины и грузовики были забиты солдатами. Чингиз Мустафаев, телерепортер АНС, призывал солдат вернуться, обвиняя их в трусости и предательстве, но они отвечали, что понятия не имеют, где их командиры. 16 мая телекомпания АНС сняла фильм о брошенном командном пункте, где не осталось почти ни одного вооруженного защитника (51).

18 мая 1992 года армяне захватили и сожгли Лачин, при этом потери с обеих сторон были минимальны. Теперь Нагорный Карабах имел связь с Арменией. Заново была открыта дорога, более двух лет остававшаяся закрытой, и стали возможны хозяйственные и военные поставки из Армении прямо в Карабах. Из области были изгнаны все азербайджанцы. Для армян все это казалось кульминацией победоносной кампании – но на самом деле, активная фаза войны только началась.

Примечания:

1. Интервью с Шабаром 7 декабря 2000 г.
2. Интервью с Гулузаде (на английском языке) 28 ноября 2000 г.
3. 20 августа 1991 г. Дано по изложенному в кн.: Арутюнян. События, том IV.
4. Интервью с Даниэляном 14 октября 2000 г.
5. Интервью с Ованисяном 15 декабря 2000 г.
6. Интервью с Манучаряном 15 октября 2000 г.
7. Интервью с Мехтиевым 31 марта 2000 г.

8. Интервью с Мамедовым 22 ноября 2000 г.
9. Интервью с Али 4 апреля 2000 г.
10. О "Мамеде-муле" см. Goltz, Azerbaijan Diary, p. 149-153.
11. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.
12. Интервью с Саркисяном 15 декабря 2000 г.
13. Официальное сообщение о порядке вывода внутренних войск приведено в статье А. Петрова "Для политиков Карабах – урок, для солдат – второй Афганистан" – "Красная звезда", 19 февраля 1992 г.
14. Интервью с Шабадом.
15. Интервью с Хортоном 2 января 2001 г. Ашот Манучарян сказал, что: "мы часто платили Степанакертскому полку, и они стреляли по Шуше" (из интервью 15 октября 2000 г.). Ариф Юнусов даже приводит расценки, хотя и без ссылок на источники. По его словам, за обстрел Шуши платили 20 л спирта; 5 тыс. руб. стоило участие БТР в боевой операции, 1 тыс. руб. – один выстрел из пушки БТР. Ариф Юнусов. "Трагедия Ходжалы". – "Зеркало" №26, 20-26 июня 1992 г. По оценке Александра Касатова (в "Сама не своя") из 1200 солдат 366-го полка после его официального вывода в НКАО осталось 350 чел.
16. "Военные в Карабахе – посредники или заложники?" – "Аргументы и факты", №7, февраль 1992 г.
17. Интервью с Даниэляном 14 октября 2000 г.
18. Goltz, Azerbaijan Diary, p. 150; интервью с Али; Human Rights Watch, Azerbaijan, Seven Years of Conflict, p. 51-57.
19. Интервью с Мелконяном 7 мая 2000 г.
20. Агаджанов. Светлая сторона войны, стр. 57.
21. Ариф Юнусов. Трагедия Ходжалы. – "Зеркало" №25, 13-19 июня 1992 г.
22. Goltz, Azerbaijan Diary, p.119; Эльман Мамедов, глава городской администрации Ходжалы, в интервью, данном им в Агдаме телекомпании АНС в феврале 1992 г.; Юнусов. Трагедия Ходжалы. – "Зеркало" №25, 13-19 июня 1992 г. Гольц пишет, что у Гаджиева было 60 омоновцев, а под подсчетам Юнусова, общее число защитников города составляло 160 чел.

23. Human Rights Watch, *Bloodshed in Caucasus*, p. 22

24. Anatol Lieven, "Bodies Mark Site of Karabakh Massacre" [Место карабахской резни отмечено трупами], *The Times*, 3 March 1992; интервью с Агаевым 25 ноября 2000 г.

25. По следам трагедии Ходжалы появились разноречивые статистические данные, что, учитывая обстоятельства, неудивительно. Доступ к месту массовых убийств был затруднен, сотни людей были захвачены в плен и на протяжении многих дней об их судьбе не было ничего известно. Следует также учитывать и главную особенность этого события, как и погромов в Сумгаите и Баку: в списки погибших попадали люди, считавшиеся пропавшими без вести, но, как выяснялось позднее, оставшиеся в живых, или те, которые неподвижно лежали на земле, но были не убиты, а ранены. По событиям в Ходжалы появлялись следующие данные о погибших (приводятся в возрастающем порядке): Намиг Алиев, член парламентской комиссии, расследовавшей события в Ходжалы, заявил представителям "Helsinki Watch" в апреле 1992 г., что в Агдаме похоронено 213 жертв. Другой азербайджанский чиновник Айдын Расулов заявил той же самой группе, что более 300 трупов с признаками насильственной смерти (как можно предположить, в это число не входили умершие от холода) было отправлено на судмедэкспертизу (обе цифры приводятся в докладе "Human Rights Watch" "Bloodshed in the Caucasus", стр. 23). Газета "Карабах" сообщила, что Комиссия помощи беженцам из Ходжалы распределила гуманитарную помощь 476 семьям погибших (письмо Арифа Юнусова автору от апреля 2001 г.). Имам в Агдаме показал Томасу Гольцу неполный список из 477 убитых, составленный по показаниям родственников погибших (Goltz, *Azerbaijan Diary*, p. 122-123). Азербайджанская газета "Орду" (выпуски 9, 16 и 20 за 1992 г.) опубликовала список 636 погибших (письмо Юнусова).

26. Находившемуся в Агдаме Томасу Гольцу с трудом удалось убедить своих редакторов серьезно отнестись к его репортажу. Интервью Муталибова появилось 2 апреля 1991 г. в "Независимой газете".

27. Paul Quinn-Judge, "Armenians, Azerbaijanis tell of terror; Behind an alleged massacre, a long trail of personal revenge", *Boston Globe*, 15 March 1992.

28. Ходжалы, хроника геноцида. Баку, 1992 г., стр. 32.

29. Quinn-Judge, *op. cit.*

30. Интервью с Авшаряном 18 мая 2000 г.

31. Как вспоминает бывший азербайджанский президент Аяз Муталибов, он узнал, что Газиев приобрел установки "Град", только после начала обстрелов Степанакерта. "Однажды мне кто-то сообщил, что Рагим Газиев обстреливает Степанакерт из "Градов". Я ему позвонил и говорю: "Ты что, с ума сошел?" Он отвечает: "А что мне остается делать?" Я говорю: "Ты что же думаешь, армяне не смогут достать "Грады"? Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?" – Интервью с Муталибовым 30 мая 2000 г.

32. Интервью с Керимовым 13 ноября 2000 г.

33. Интервью с Быркиным 1 июня 2000 г.

34. Bennet, *Crying Wolf*, p. 65

35. О событиях в Мараре см. Human Rights Watch, *Bloodshed in the Caucasus*, p. 29; Caroline Cox and John Eibner, *Ethnic Cleansing in Progress: War in Nagorno-Karabakh* [Этнические чистки

в действии: война в Нагорном Карабахе] (London: Institute for Religious Minorities in the Islamic World, 1993); "Трагедия Мараги: четыре года спустя" – "Голос Армении", 9 апреля 1996.

36. Сам Мехтиев говорит, что в ходе операции в Каринтаке/Дашалты потери составили только 17 человек убитыми.

37. Многие подробности о событиях в Шуше взяты из фильма "Падение", показанного в Баку по каналу АНС.

38. Интервью с Агаевым 13 апреля 2000 г.

39. Интервью с Тер-Татевосяном 28 сентября 2000 г.

40. Интервью с Оруджевым 29 ноября 2000 г.

41. Интервью с Гуссейновым 12 апреля 2000 г.

42. Командиром экипажа танка в Шуше был Альберт Агарунов, бакинский еврей, погибший позднее в бою на дороге между Шушой и Лачином. Томас Гольц присутствовал на его похоронах на Аллее мучеников в Баку.

43. Интервью с Гусейновой 12 апреля 2000 г.

44. Тер-Татевосян оценивает потери армян в 58 чел. убитыми, а азербайджанцев – 200 чел. Оруджев говорит, что армян погибло больше, а он потерял 159 чел. убитыми и 22 пропавшими без вести.

45. Интервью с Мамедовым 14 ноября 2000 г.

46. Это мнение Ашота Манучаряна, бывшего тогда советником по национальной безопасности президента Тер-Петросяна.

47. Интервью Басаева телекомпании АНС 17 июля 2000 г.

48. Goltz, Azerbaijan Diary, p. 185-186; David Ljunggren, "Azerbaijanis Say Armenians Attack Town Near Karabakh"[Азербайджанцы говорят, что армяне атакуют город недалеко от Карабаха], Reuters, Баку, 12 мая 1992 г.; Elif Kaban, "Azeri Strongman Says War Makes Elections Futile" [Азербайджанский тяжеловес говорит, что выборы в условиях войны бессмысленны], Reuters, Анкара, 11 мая 1992 г.

49. Интервью с Пашаевым (в переводе с азербайджанского) 13 ноября 2000 г.

50. Интервью с Оганяном 16 мая 2000 г.

51. "Никто не забыт, ничто не забыто", передача АНС, 1992. Менее чем через месяц, 15 июня 1992 г., Чингиз Мустафаев был убит около Агдама.

Глава 12. Шуша. Последняя цитадель

На скале, над дорогой, серпантинном поднимающейся от Степанакерта до Шуши, установлен

монумент победы. Это тот самый танк Т-72, из которого в полдень 8 мая 1992 года, в самый разгар боя, выбросило Гагика Авшаряна. После того, как армяне одержали победу в войне за Карабах, они восстановили сгоревший танк, выкрасили его в защитный цвет и поместили на горе, выведя белой краской номер на броне: 442. Танковая пушка нацелена на Шушу.

Спустя восемь лет и один день, 9 мая 2000 года, армянский Нагорный Карабах праздновал свой День Победы. Праздничные мероприятия на пути к высокогорной цитадели состоялись в трех пунктах, которые стали как бы остановками своеобразного крестового хода, начавшегося у танка-памятника и закончившегося в церкви Казанчецоц, где отслужили благодарственный молебен.

Башня танка была усыпана красными и белыми гвоздиками. Члены семей героев стояли рядом. Из трех членов экипажа танка номер 442 выжил только Гагик, командир. Рядом с ним стояли Стелла, вдова механика-водителя Ашота, и Ованес, его десятилетний сын. Стелла выглядела бледной, потерянной и неправдоподобно юной. Бабушка наводчика Шагена, с черным покрывалом на голове, комкала в руке платочек. Оплакивая своего погибшего внука, она начала горестно причитать, а потом завывала в голос, стуча кулаками по корпусу танка.

Вдруг скорбящие родственники оказались в центре официальной церемонии. Построившийся у подножия мемориала духовой оркестр грянул военный марш, чередой высокопоставленных гостей потянулась вверх по лестнице. Облаченный в высокий черный клобук архиепископ Карабахский Паркев, военные чины в парадной форме и премьер-министр в щеголеватом сером костюме по очереди возложили к монументу цветы. Уже через несколько минут оркестранты спешили к своему автобусу. Колонна машин с ревом унеслась по направлению к Шуше, где состоялась очередная церемония: в нижней части города был открыт памятник герою Великой Отечественной войны летчику-истребителю Нельсону Степаняну.

Конечным пунктом нашего похода стала возведенная в 1887 году церковь Казанчецоц, которая была одной из крупнейших армянских церквей в мире и символом процветания армянской буржуазии в Шуше. Закрытая при коммунистическом режиме, она была восстановлена после 1992 года. Сейчас она, облицованная белым известняком, как и прежде сверкает девственной белизной, гордо возвышаясь над городскими руинами. Внутри храма было гулко и безлико. Архиепископ Паркев, импозантный в своем высоком черном клобуке, пророкотал армянскую литургию, которую сопровождало пение хора, эхом отскакивавшее от стен. Отдав дань памяти павшим в недавней войне с Азербайджаном и в Великой Отечественной войне и получив благословение, присутствующие могли спуститься в Степанакерт, где на футбольном стадионе готовился поп-концерт.

Шушу называли "Карабахским Иерусалимом". Владеющий городом контролирует не только стратегически важную цитадель в самом сердце анклава, но и место, имеющее историческое значение. О Шуше говорят как о колыбели азербайджанской музыкальной культуры и поэзии, из которой вышли такие поэты, как Вагиф и Натеван. Потеря Шуши в 1992 году для культурной жизни Азербайджана стала жесточайшим ударом. Один бакинский интеллигент сказал мне: "Когда до нас дошла эта весть, я и многие мои друзья просто рыдали".

А вот для армян Шуша стала скорее неутраченной болью. Когда смотришь на одинокую колокольню храма Казанчецоц, которая высится над развалинами, в голову невольно приходит мысль, что Шуша теперь скорее символ, чем живой город, который люди хотели бы назвать своим домом. Задолго до описанных событий, в 1920 году, Шуша была крупным армянским торговым городом. В недавнем прошлом армяне, выступая в роли современных крестоносцев, приходили сюда либо пожить чужим добром, либо помолиться святым местам, но никто не хотел здесь жить. Думаю, что армяне, с которыми мы стояли плечом к плечу во время празднования Дня Победы, не столько ликовали по поводу того, что Шуша снова стала армянской цитаделью, сколько радовались уничтожению Шуши, важного стратегического оплота азербайджанской армии. Ведь сохранение контроля над горной

цитаделью является гарантией их безопасности, и едва ли кто-нибудь из армян смирится с возвращением в Шушу азербайджанского населения после окончательного заключения мира (1).

Вечером шушинского Дня Победы меня пригласили на обед в Степанакерт. В старом двухэтажном доме в центре города собрались представители всех слоев карабахского армянского общества. Женщины заняли одну половину длинного стола – поближе к кухне, мужчины – другую. На столе лежали пучки тархуна и реган, на горячее подавали горную дичь – оленину и зайчатину.

Эти армяне сильно отличались от армян из Армении. Карабахские армяне – это горцы, славящиеся своим гостеприимством и любовью к выпивке. К армянам, населяющим равнины, они относятся настороженно, а те, в свою очередь, зачастую называют их ишаками за упрямство. Равнинные армяне с трудом понимают сочный карабахский диалект, где ударение падает иначе, ближе к концу слова, и который пестрит персидскими, турецкими и русскими словами. За ужином многие гости общались по-русски – привычка, приобретенная за годы жизни в советском Азербайджане, и результат традиционных связей с Россией. В Степанакерте мне кто-то сказал: "Мы, карабахцы, ненавидим армян. Мы любим русских и персов, а армян ненавидим". Шутка, конечно. Но с долей истины.

Среди армян распространено мнение, что Карабах – последний оплот христианства перед лицом исламского Востока. Это и привело к тому, что держать в руках оружие стало для жителей Карабаха делом таким же привычным, как для шотландцев в Великобритании. В числе родившихся здесь советских военачальников-армян два маршала Советского Союза, несколько Героев Советского Союза, среди которых Нельсон Степанян, и даже – хотя до моря и далеко – советский адмирал Иван (Ованес) Исаков. А еще раньше Карабах подарил миру генерала российской царской армии Валериана Мадатова, сражавшегося против Наполеона, и Рустама, воевавшего на стороне французов и служившего у Наполеона денщиком.

Карабахцы настолько увлеклись почитанием своих славных военных традиций, что записали себе в земляки великого маршала наполеоновской армии и короля Неаполитанского Иоахима Мюрата. Мне все уши прожужжали о том, будто Мюрат – армянин по происхождению и родился в карабахской деревне Кяркиджахан. Но это миф. Биографы Мюрата утверждают, что тот в действительности сын хозяина постоялого двора из центральной французской провинции Гиень. Курбан Саид, автор великого кавказского романа "Али и Нино", вообще-то побывал здесь раньше меня. Его герой, посетив Шушу еще в 1914 году, делится своими наблюдениями: "[местная знать] дни напролет сидит на ступеньках крылечек, покуривая трубки и обсуждая, сколько раз Российская Империя, да и сам царь были спасены карабахскими генералами, и какая ужасная участь постигнет россиян, если карабахцы бросят их на произвол судьбы" (2).

Большой неожиданностью для армян должен стать тот факт, что карабахские азербайджанцы, оказывается, тоже отличные воины. После того, как провинция в 1805 году вошла в состав Российской империи, знаменитые карабахские скакуны носили азербайджанских всадников Карабахского полка, одного из четырех мусульманских полков русской армии. На первый взгляд кажется удивительным, что азербайджанцы сражались в рядах русской армии против Оттоманской империи. Но они были шиитами, выступавшими против суннитов – таков результат великого раскола в исламе (3). В 1829 году Александр Пушкин воочию увидел "Карабахский полк" в деле под Карсом, когда тот вернулся в лагерь с восемью турецкими знаменами. Он даже посвятил стихотворение юному воину Фархад-Беку, адъютанту командира полка:

Не пленяйся бранной славой,

О, красавец молодой!

Не бросайся в бой кровавый

С карабахскою толпой! (4)

О широте и щедрости натуры карабахцев гораздо лучше свидетельствует разнообразие блюд, которыми меня угощали за ужином в Степанакерте, чем начищенная броня отремонтированного танка или восстановленная церковь Казанчецоц. Карабах был точкой соприкосновения христианского и мусульманского миров, местом встречи армян, азербайджанцев, персов и русских. Нет нужды напоминать об этом старшему поколению. В 1924 году армянский ученый Степан Лисициан провел детальное этнографическое исследование только что образованной Нагорно-Карабахской автономной области. Этот труд, который он предложил напечатать в Баку, так и не был опубликован при его жизни, скорее всего потому, что высказанные в нем идеи расходились с советской концепцией о том, что такое Нагорный Карабах.

Но работа Лисициана вовсе не является националистической. Напротив, его приводит в восхищение гибридная культура Карабаха:

"Продолжительное соседство равнинных районов (Карабах и Мугань) и горных плато (горный Курдистан) с тюркско-татарскими племенами, вековая политическая зависимость от верховной власти персидских шахов, постоянное общение с тюркскими родовыми старейшинами (нередко имели место случаи заключения брачных союзов между ними и семьями меликов, местных князей) – все это привело к усилению турецко-иранского влияния не только на местную феодальную знать, но и на прочие слои армянского населения Карабаха. Это проявлялось и во всеобщей образованности (особенно среди мужского населения), и в распространении тюркского языка, и в обычае давать детям мусульманские имена и обучаться музыке в тюркско-иранских традициях, и в том, что положение женщины становилось все более бесправным и униженным, и в отдельных случаях полигамии (как в семье меликов Шахназарянов), и в том, что вполне допускалось взять в дом вторую жену, если первый брак оказался бесплодным, и тому подобные вещи. К великому сожалению, важнейшие вехи взаимодействия армянской и тюркско-азербайджанской культур так и остались до конца не исследованными" (5).

За столом, накрытым по случаю Дня Победы, по правую руку от меня сидел старик с орлиным профилем, чьи щеки обрамляли седые бакенбарды. Он рассказал мне, что вот уже семьдесят лет живет в этом городе, еще с тех пор, когда это была небольшая деревушка. Наверное, трудно себе даже представить, как все тут изменилось за это время, заметил я. "Изменилось, прежде всего, то, – лаконично сказал старик, – что раньше здесь жило много азербайджанцев, а теперь их нет".

В разгар трапезы мой сосед поднялся с места и произнес тост, держа в руках рюмку тутовки – местной жгучей, но сладкой тутовой водки. Начал он, к моему удовольствию, по-русски, потом плавно перешел на сочный карабахский диалект, а затем на певучий язык, в котором я, к своему изумлению, узнал азербайджанский. Я уловил несколько раз повторенное слово "Агдам", и пришел к заключению, что он рассказывает забавную историю про свою поездку, еще в советские времена, в горком партии Агдама. Во время рассказа сидевшие за столом старики, прекрасно знавшие азербайджанский язык, хохотали до слез. А молодежь, не понимавшая ни слова, только переглядывалась и сконфуженно улыбалась.

Все лучшее и все худшее, что сплелось в истории Нагорного Карабаха, особенно ярко проявилось в истории Шуши. Взаимному процветанию и прогрессу положил конец разрушительный ген нигилизма, проявившийся в обеих общинах, уничтоживших все самое ценное и у противников, и у себя самих. В некотором смысле, развалины Шуши – это

свидетельство непримиримого отношения обоих сообществ к наследию друг друга.

История города берет свое начало в 1740-х годах, когда Панах-хан, глава азербайджанского рода Джаванширов, сделал попытку стать правителем Карабаха. Персы и турки в то время уже сдали свои позиции, а русские еще не посягнули на Кавказ. Панах-хан возвел ряд крепостей, чтобы утвердиться в звании хана Карабахского. Он еще больше укрепил свое положение, женив сына на дочери Шахназара из Варанды, одного из пяти армянских меликов, или князей. В 1750 году Панах-хан построил крепость Шуша. Отвесные скалы с южной стороны обеспечивали естественную защиту, и в новых крепостных стенах достаточно было всего двух ворот.

В годы правления преемника Панах-хана, Ибрагим-хана, начался бурный расцвет города. Здесь в 1750 году обосновался азербайджанский поэт и политический деятель Вагиф, который стал придворным поэтом и великим везирем Ибрагима. Вагиф был убит в конце продолжительной войны с Персией 1795-1797 годов, в ходе которой персидский шах Ага Мухаммед-хан был также убит в Шуше. В мае 1805 года Ибрагим-хан начал переговоры с Россией об условиях капитуляции. Он сохранил в основном свою власть, но обязался прекратить любые отношения с другими державами и ежегодно выплачивать России дань в размере восьми тысяч золотых монет.

Последовавшие Гулистанское и Туркманчайское мирные соглашения, заключенные, соответственно, в 1813 и 1828 годах, усилили контроль России над Карабахским ханством. Последний хан, Мехти Кулу-хан, в 1822 году был вынужден бежать в Иран.

В девятнадцатом веке Шуша была одним из крупнейших городов на Кавказе, превосходящим размерами и богатством Баку и Ереван. Здесь, на пересечении множества караванных путей, находилось десять караван-сараяев. Славилась Шуша своими шелками, мощеными улицами, большими каменными особняками, яркими узорчатыми коврами и чистокровными скакунами. В 1824 году сюда заехал по пути из Ирана Джордж Кеппел, граф Албемарль, который возвращался из Индии в Англию и пересек "черные и неприступные горы плодородной провинции Карабах". "Шиша" произвела на него большое впечатление. "Город построен на склоне высокой скалистой горы. Склон настолько крут, что кажется, будто дома подвешены к нему наподобие птичьих клеток. Я два часа карабкался вверх, пока достиг вершины" (6).

Кеппел насчитал в городе две тысячи домов. Три четверти их обитателей были азербайджанцы и одна четверть – армяне. "Язык представляет собой диалект турецкого, но местные жители, за исключением армян, прекрасно говорят и пишут на персидском. Торговлей занимаются преимущественно армяне, которые ведут дела с городами Шеки, Нахичевань, Хой и Тебриз" (7).

Этот город был настоящей кузницей талантов. Среди армян преобладали строители и архитекторы. Два армянских скульптора, выходцы из Шуши Степан Агаджанян и Акоп Гурджян снискали себе славу в Париже. Для азербайджанцев Шуша была "консерваторией Кавказа" и средоточием их музыкальных традиций. Самая известная азербайджанская поэтесса Натеван была дочерью последнего хана Мехти Кулу. Здесь родились Узеир Хаджибеков и один из первых азербайджанских писателей двадцатого века Юсиф Везир Чеменземинли. Тем не менее, благополучие Шуши зависело от покровительства России. В 1905 году город пал жертвой ожесточенной армяно-татарской войны. Британский журналист и писатель Луиджи Виллари описывает, как она закончилась:

"2-го числа [сентября] мусульманские военачальники послали к армянам гонца, и в русской православной церкви наконец-то состоялись мирные переговоры. Татары и армяне прилюдно заключили друг друга в объятия и поклялись в вечной дружбе – до поры до времени. Состоялся обмен пленными, – как и подобает цивилизованным противникам. Число убитых и раненых достигало 300 человек, из которых две трети составляли татары, поскольку армяне

были лучше вооружены и находились в более выгодном стратегическом положении. Ущерб оценивался в сумму от 4 до 5 миллионов рублей. [Русские] воинские части численностью в 350 человек, казалось, ничего не предпринимали в разгар военных действий, зато любезно предоставили военный оркестр для торжеств по случаю примирения" (8).

Еще дважды Шуша подвергалась разграблению, и ее былому величию пришел конец. В марте 1920 года, когда город был взят азербайджанской армией, армянский квартал был сожжен и около пятисот армян убито. В советскую эпоху численность населения в городе, где ранее проживало сорок тысяч человек, сократилась вдвое. А затем, в мае 1992 года, уже сами армяне разрушили Шушу до основания.

И армяне, и азербайджанцы сделали все возможное, чтобы уничтожить культурное наследие противной стороны. В 1992 году азербайджанцы устроили в церкви Казанчецоц склад ракет для установок "Град". Они выбросили из храма все каменные скульптуры и продали большой бронзовый колокол. В декабре 1992 года некий армянский чиновник сообщил, что обнаружил этот колокол на рынке в украинском городе Донецк. Он выкупил святыню за три миллиона рублей и отправил ее назад в Армению (9).

Захватив город, армяне в отместку демонтировали и продали бронзовые бюсты трех азербайджанских музыкантов и поэтов, уроженцев Шуши, причем и эти реликвии были чудом спасены, на сей раз благодаря скупщику металлолома в Тбилиси. Я видел эти три бронзовых бюста – в плачевном состоянии, со следами от пуль, они валялись во дворе штаб-квартиры Красного Креста в Баку: поэтесса Натеван с покрытой платком головой, держащая книгу в руке с отбитым большим пальцем; композитор Гаджибеков, испещренный пулями, в двубортном пиджаке и сломанных очках, и знаменитый певец Бюль-Бюль, похожий на мыслителя..с выпуклым бронзовым лбом.

Но если бы не усилия горстки храбрых армян, потери могли быть значительно больше. Армянский художник Мгер Габриелян рассказывал мне, как он вернулся в свой родной город после его взятия утром 9 мая 1992 года и с ужасом увидел, что вандалы и мародеры сравнивают его с землей. Мгер и несколько его друзей встали перед одной из двух городских мечетей девятнадцатого века, чтобы остановить ватагу юнцов, собравшихся стрелять по фасаду здания из пушки бронетранспортера.

Храбрецы забаррикадировались в городском музее и в течение нескольких дней держали там осаду, чтобы предотвратить разграбление коллекции ковров, утвари и картин. У Мгера, как представителя армянского меньшинства большого азербайджанского города, было много друзей-азербайджанцев. Он убеждал меня, что уничтожение Шуши для него стало такой же личной утратой, как и для них. "Я знаю, для них это большое горе, но и для нас тоже. Лично я не ощущаю себя в этом городе победителем. Потому что город как таковой мертв" (10).

Мне не верится, что Шуша когда-нибудь вернется к былому величию. В 2000 году она была фактически городом-призраком. Большинство ее двухтысячного населения составляли беженцы, которые приехали сюда только потому, что им негде было больше жить. Я видел нищету в их глазах. Возле верхней мечети, хотя и уцелевшей, но запустелой, я впервые за все время пребывания в Нагорном Карабахе встретил попрошайку: ко мне пристали двое ребятишек, прося милостыню. Единственным знаменитым армянином, выполнившим свои обещания в отношении Шуши, стал местный архиепископ Паркев. Он поселился здесь в 1992 году, спустя всего несколько дней после взятия города, и сразу начал сбор средств на восстановление городских храмов. Но, похоже, немногие разделяют его энтузиазм по поводу восстановления Шуши.

"Многие вернулись бы сюда, если бы мы нашли для них работу, – говорил мне Паркев. – Мы уже открыли торговлю чаем и ювелирное дело. Есть предложение по созданию производства варенья, которое даст нам тридцать-сорок рабочих мест. Но нам нужны деньги на

восстановление зданий". Этот разговор состоялся через три дня после Дня Победы. Мы сидели в его рабочем кабинете в Шуше. У архиепископа пронзительные умные глаза, темпераментная речь и такая окладистая черная борода, что в ней, верно, птички могли бы вить гнезда. О нем ходит молва как о человеке, пользующемся в Карабахе непререкаемым авторитетом. Он часто вступал в дискуссии с политиками как выразитель чаяний простых людей. Похоже, он не только духовный лидер области, но и инициатор развития малого бизнеса в Шуше (11).

Архиепископ рассказал, что впервые приехал в Карабах весной 1989 года, когда администрация Аркадия Вольского дала разрешение на возобновление церковной деятельности. В начале двадцатого века на территории Карабаха было 118 церквей и 12 монастырей, но после 1930 года их закрыли, а всех священнослужителей либо сослали, либо посадили, либо расстреляли. Он поставил перед собой задачу начать возрождение Армянской Апостольской Церкви в Карабахе. Я поинтересовался, можно ли быть армянином, но не христианином. "Нет, невозможно, – ответил Паркев, – быть армянином и быть христианином – это одно и то же".

Судя по рассказам архиепископа, христианство в Армении было скорее коллективным символом национальной идентичности и непокорности, чем духовным кредо. Паркев всегда находился в гуще событий. Он рассказал, как однажды ноябрьской ночью 1991 года в Степанакерте он вошел к себе в спальню. А через несколько минут ракета, выпущенная из Шуши, попала в комнату, из которой он только что вышел, и все было уничтожено пожаром.

Паркев говорил, что когда вечером 8 мая 1992 года захлебнулась первая атака армян на крепость Шуша, именно он разгадал суть проблемы и предложил ее решение. Дело, по его мнению, было в том, что на центральной площади Степанакерта стоял памятник Антихристу – Ленину. "Я сказал: "Сбросьте Ленина!", – и вскоре мы заняли Шушу. Вот как это было. Через пару часов наши уже вошли в центр города".

Архиепископ Паркев сказал, что он поддерживал штурм Шуши молитвой и в самих военных действиях участия не принимал. Однако я знал как минимум одного священнослужителя, не отличавшегося такой щепетильностью. Четырьмя годами раньше, в 1996 году, когда я впервые посетил Шушу, недалеко от того места, где мы сейчас сидели с Паркевом, я встретил настоящего отца-воителя, как будто уцелевшего со времен средневекового христианства. Было воскресное утро, и я с коллегой пришел на службу в маленькую церквушку Канач Жам. В ее каменных стенах звонко звучали слова армянской литургии. Службу проводил отец Корюн, высокий, молодой священник с густой черной бородой и ясными восторженными глазами.

По окончании службы отец Корюн пригласил нас к себе домой, в полуразрушенное многоквартирное здание. Он выставил коньяк и познакомил нас с женой и сыном. Большая часть беседы представляла собой страстный монолог энтузиаста национальной истории, у которого современная война перемешалась с событиями более чем тысячелетней давности. Корюн сказал, что не мог не приехать в Карабах, поскольку его "призвала сюда кровь предков". И его долг состоял не только в том, чтобы править церковную службу, но и воевать. "Я, целовал крест, потом откладывал крест и евангелие в сторону, – рассказывал он, помогая себе жестами, – снимал сутану, надевал военную форму, брал в руки оружие и шел сражаться".

Должно быть, мы выглядели удивленными. Но святой отец, нимало не смущаясь, пояснил, что он не просто служитель церкви, но и "сын армянского народа". "Все наши территории будут освобождены, – заявил он. Взгляните на карту! – он ткнул пальцем в висевшую на стене карту Великой Армении, на которой границы современной сухопутной Армении раздвигались, тянулись через Турцию, Грузию и Азербайджан к двум морям. – Не знаю, суждено ли мне увидеть это, не знаю, увидит ли это мой сын. Но наше дело завершит мой

внук". Когда четыре года спустя я спросил архиепископа Паркева об этом воинственном священнике, он уклонился от ответа и заявил, что тут, должно быть, произошла какая-то ошибка. Существует практика, когда священники проводят обряд крещения солдат в зоне боевых действий и используют каски как потиры для святой воды, но не более того. "Оружие священника – его крест", – заявил он, рассчитывая, что эту метафору я приму за чистую монету. Я не стал его больше расспрашивать.

Архиепископ оказался гораздо большим реалистом, чем его воинственный собрат, но выражался он столь же жестко. Паркев заявил, что Шуша, или Шуши, – исконно армянский город. Когда же я упомянул о заброшенных городских мечетях, он возразил, что азербайджанскими их называть нельзя, поскольку построены они в девятнадцатом веке, когда – армяне не устают вас в этом убеждать – азербайджанцев в Карабахе не было. "Так почему же их не восстанавливают?" "Мы переговорили с иранцами и дали им разрешение на восстановительные работы, – ответил Паркев. – Но они пока не торопятся".

Когда же я затронул тему возвращения азербайджанцев в Шушу, архиепископ стал мрачнее тучи. Он сказал, что родился в деревне в Нижнем Карабахе, к северу отсюда, откуда в настоящее время изгнано все коренное армянское население. "Моя деревня, Чардахлу, сейчас в руках азербайджанцев. Испокон веков это была армянская деревня. Как по-вашему, когда я смогу туда вернуться?". Затем, немного подумав, он добавил: "Слишком все запутано. Нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить, но нужно время, чтобы мы смогли ответить на большие вопросы".

"Хотел бы я, чтобы Шуши вновь стала столицей", – сказал Паркев. Мы стояли на пороге его дома, прощались и смотрели на шпиль церкви Казанчецоц и окружающие ее руины. Но каким образом? И столицей чего? В начале двадцать первого века, когда от города осталась груда развалин и там живет от силы две тысячи горожан, надежды на это практически нет. А ведь еще сто лет назад здесь проживало сорок тысяч человек, действовало шесть церквей и две мечети, издавалось двадцать газет...

Архиепископ поинтересовался, где я изучал русский. Я сказал, что защитил диплом по русской литературе, и бородатое лицо Паркева просветлело. "И я изучал русскую литературу. Тема моего диплома – "Мастер и Маргарита" Булгакова". Он продолжил по-английски, тщательно подбирая слова: "Я и английский изучал". Оказалось, что английский он учил дома с помощью проигрывателя. "Я очень любил "Битлз", – признался Паркев и скороговоркой выпалил длинный список своих любимых песен: "Yesterday", "A Hard Day's Night", "Eleanor Rigby", "Paperback Writer"... И я покинул разрушенный город с неожиданной симпатией к архиепископу-любителю "Битлз".

Примечания:

1. Лидер карабахских армян Аркадий Гукасян говорит, что при заключении справедливого мирного соглашения он не стал бы возражать против возвращения азербайджанцев в Шушу, но тут же добавляет, что на практике такое вряд ли возможно. В интервью 30 марта 2001 г. он сказал: "Мы верим, что беженцы, вне зависимости от их национальности, имеют право вернуться в свои дома. Это относится как к армянским, так и к азербайджанским беженцам. Другое дело, захотят ли этого беженцы, когда нет прочного мира, а есть риск возобновления войны?"

2. Kurban Said, Ali and Nino, p. 44

3. Шушинский. Шуша, стр. 134-135; Swietochowski, Russia and Azerbaijan, p. 10. Святоховский отмечает, что шиитские добровольцы также сражались на стороне русских против суннитов в русско-турецкой войне 1853-1855 гг.

4. Шушинский. Шуша, стр. 135. Пушкин описывает шушинский полк в своем "Путешествии в

Арзрум".

5. Лисициан. Армяне Нагорного Карабаха, стр. 44

6. Keppel, Personal Narrative of a Journey, p. 188.

7. Ibid., p. 194

8. Villari, Fire and Sword in the Caucasus, p. 199.

9. Сообщение информационного агентства "Снарк" 25 декабря 1992 г., приводится в кн. Арутюнян. События, том IV, стр. 301.

10. Интервью с Габриэляном 15 декабря 2000 г.

11. Интервью с архиепископом Паркевом Мартиросяном 12 мая 2000 г.

Глава 13. Июнь 1992 – сентябрь 1993 г.г. Эскалация конфликта

Поражение армян

В середине июня 1992 года многотысячный поток беженцев устремился через Нагорный Карабах к югу: перед лицом вражеской атаки люди бросали свои дома. Этот исход запечатлен на видеоленте: забитые людьми грузовики на проселочных дорогах, люди, идущие пешком... Это сельские жители: старухи в платках, молодые женщины с детьми на плечах, крестьяне, ведущие на веревке бычков или подгоняющие их хворостинками. Усталые люди соскребают дорожную грязь с домашних тапочек, в которых они выбежали из дома. Изможденная женщина с растрепанными седыми волосами кричит прямо в объектив камеры: "Кто нас проклял? Мы что вселенские сироты, что они так мучают нас?" (1)

Это был армянский исход, но эти беженцы могли быть и азербайджанцами. Массовое изгнание мирных жителей стало одной из самых ужасных сторон армяно-азербайджанской войны – причем среди азербайджанцев число ее жертв, в конечном счете, оказалось намного больше. В карабахском конфликте погибло меньше людей, чем в сопоставимых с ним региональных войнах, например, в Боснии или Чечне: с обеих сторон здесь погибло, вероятно, около 20 тысяч человек. Но кризис с беженцами, порожденный этой войной и оставивший без крова сотни тысяч людей, стал одной из самых масштабных трагедий современного мира.

Эти армянские беженцы спасались от азербайджанских войск, которые 12 июня 1992 года неожиданно перешли в наступление и стремительно овладели всей северной частью Нагорного Карабаха. За четыре дня азербайджанцы захватили Шаумяновский район, вынудив спастись бегством тех самых людей, которые год назад в ходе "Операции "Кольцо" были уже один раз депортированы из родных мест, а затем вновь вернулись домой. В течение следующих трех недель был полностью захвачен Мардакертский район.

Большинство людей, как военные, так и мирные жители, просто убежали до того, как территориями овладевали наступающие азербайджанские части. Доброволец Кямал Али был в числе первых солдат, вошедших в Мардакерт вечером 4 июля, спустя всего лишь несколько часов после того, как город покинул последний армянин. Он увидел, что все защитники бежали в панике. "Они побросали оружие и удрали", – вспоминал Али. – Когда мы вошли в город, у нас создалось такое впечатление, что все просто легли спать, чтобы утром встать и пойти на работу. На земле не было ни одной стреляной гильзы. Все осталось в целости и

сохранности. Они бросили все: мебель, вещи" (2)

К началу июля около сорока тысяч армян стали беженцами, и людской поток двигался к Степанакерту. Азербайджанское наступление началось спустя пять дней после того, как 7 июня 1992 года президентом республики был избран Абульфаз Эльчибей, приведший наконец к власти Народный фронт. Победа Эльчибея, казалось, разрешила затянувшийся политический кризис в стране, и моральный дух азербайджанских войск на передовой окреп. Боевые части, подобные дивизии "Серые волки" под командованием ультранационалиста Искандера Гамидова, сражались теперь за правительство, которое они поддерживали. Армянами же, напротив, после захвата Шуши и Лачина овладела обманчивая эйфория. Многие бойцы-фидайны, посчитав, что война уже выиграна, попросту вернулись в Армению. Армянские лидеры Нагорного Карабаха ожидали, что азербайджанские войска развернут наступление с востока и ослабили северный сектор области. И когда наступление началось, фронт просто развалился.

На острие азербайджанской атаки двигалась фаланга бронетранспортеров и танков – по некоторым данным, до 150 единиц, – которые смяли оборону плохо вооруженных армянских частей. Использование тяжелой бронетехники привело к резкой эскалации конфликта. В июле российский военный журналист Павел Фельгенгауэр писал: "Партизанский период конфликта в Карабахе окончен. Начинается "нормальная" война, в которой роль добровольца, с "калашниковым" в руках защищающего свою родную деревню от любых врагов, будет становиться все меньше и меньше" (3).

Тяжелая бронетехника была российского производства, и механики-водители были тоже русские. Азербайджанские командиры быстро завладели советским военным имуществом в Азербайджане, договорившись с командованием 23-й дивизии 4-й армии, которая базировалась в Гяндже. Несмотря на предпринятые попытки скрыть присутствие в рядах азербайджанской армии российских военных, было ясно, что Азербайджан не располагал таким количеством опытных водителей танков. Но российских военных видели – не только жители армянских деревень, но и один западный дипломат и один американский журналист (4).

Наступление возглавили российские военные, и – как ни удивительно это звучит – остановили его также русские. В начале июля карабахские армяне столкнулись с угрозой поражения. По свидетельству высокопоставленного армянского чиновника, "этот поток [людей] приближался к Степанакерту, как стадо, и не было никакой возможности остановить его или организовать оборону города. И должен сказать, что этот поток остановили русские". Чиновник, попросивший не называть его имени, сказал, что армянские власти уговорили российских военных вмешаться и помочь им переломить ситуацию на фронте. Поднятые в воздух российские штурмовые вертолеты нанесли ряд ударов, благодаря которым азербайджанское наступление захлебнулось. В итоге получилось, что российские военные в какой-то момент воевали друг против друга. Армянский чиновник подчеркнул, что это был единственный случай за всю карабахскую войну, когда российские военные активно вмешались в боевые действия, чтобы помочь армянской армии (впрочем, это утверждение решительно оспорило бы большинство азербайджанцев).

Тот же чиновник вспоминал, что после российско-армянской контратаки, "потребовалось два-три дня для восстановления линии фронта". Но карабахские армяне все еще были на волоске от краха. Азербайджанские войска оккупировали почти половину территории Карабаха и с востока были в получасе от Степанакерта. В августе азербайджанцы с помощью русских или украинских пилотов приступили к воздушным налетам на город. Бомбардировщики уничтожили десятки домов, уцелевших после зимних и весенних артобстрелов. Местный парламент пребывал в смятении. Правительство Тер-Петросяна в Ереване и его союзники в Карабахе решили, наконец, взять руководство в свои руки. Вспоминает Роберт Кочарян:

"Обстановка была паническая. Азербайджанские войска захватили сорок восемь процентов территории Карабаха, появилось огромное количество беженцев, постоянно шли заседания президиума Верховного Совета [Карабаха], который находился чуть ли не в шоке и был не в силах принять какие-либо решения. Тогда я внес два или три предложения и выдвинул условие, что если они эти предложения принимают, то я готов взять на себя ответственность за все последующие действия. План был такой: ввести военное положение, создать государственный комитет обороны. Мой план был принят буквально за тридцать или сорок минут" (5).

Моделью для созданного 15 августа нового Государственного комитета обороны Нагорного Карабаха стал – и по названию, и по назначению – одноименный властный орган, который Сталин в 1941 году сформировал в Советском Союзе. Комитет принял на себя всю полноту исполнительной власти. Все армянское мужское население Карабаха в возрасте от 18 до 45 лет было призвано в новую армию, насчитывавшую около 15 тысяч человек. Все местные предприятия стали работать на военные нужды.

Новому главе комитета и лидеру карабахских армян Роберту Кочаряну было тогда 37 лет. Среди карабахских активистов он был самым спокойным и упрямым и оставался своего рода загадкой даже для хорошо знавших его людей. В советскую эпоху Кочарян возглавлял парторганизацию степанакертской шелкопрядильной фабрики и считался хорошим коммунистом, хотя и с реформаторскими наклонностями. (Аркадий Вольский вспоминал, что он часто цитировал философа-марксиста Георгия Плеханова). Он не был блестящим оратором, и лучше говорил по-русски, чем по-армянски. Его азербайджанский друг и коллега Захид Абасов вспоминает, что он всегда сохранял спокойствие, никогда не пил и не курил. Более подходящим объяснением его агрессивной внутренней энергии может служить то, что он увлекается активными видами спорта – вроде парасейлинга (полет на парашюте за катером) и дельтапланизма, – к каковым он, как говорят, причислял также и "войну".

В то же самое время на старинного друга Кочаряна – Сержа Саркисяна – было возложено материально-техническое обеспечение карабахской военной кампании. Когда они оба работали в степанакертском горкоме комсомола, Саркисян занимал более высокую должность, чем Кочарян, и, по словам самого Саркисяна, "не было недели, чтобы мы не ходили на охоту или рыбалку" (6). Абасов вспоминает что "Сержик" Саркисян был более общительным, любил выпить и вообще со стороны казался прирожденным лидером. В новом комитете обороны оба стали работать в тесной связке и впоследствии тандемом вознеслись на вершину власти в Армении.

Большой дележ

15 мая 1992 года, на встрече в Ташкенте Армения и Азербайджан официально унаследовали большие арсеналы советского вооружения, оставшиеся после распада Советской Армии. На бумаге оба новых государства получили право забрать по 220 танков, 220 бронемашин, 285 артиллерийских стволов и 100 боевых самолетов. Для двух воюющих сторон, которые еще год назад довольствовались метеорологическими ракетами и охотничьими ружьями, это был гигантский прорыв в укреплении их разрушительной мощи (7).

На практике же обе стороны получили куда больше вооружений, чем предусматривалось заключенным договором. Весной 1992 года на военных базах как в Армении, так и в Азербайджане произошла серия загадочных взрывов, в результате чего было списано немало вооружений. А вот другое вероятное объяснение: советское оружие многократно переходило из рук в руки, что стало возможным, по словам одного армянского военного эксперта, благодаря "деньгам, личным связям и морю водки" (8).

Эта бесплатная раздача оружия поначалу дала преимущество Азербайджану. В советские времена Армения, ближайший сосед члена НАТО Турции, рассматривалась как зона боевых

действий в случае будущей войны, и поэтому в республике стояли лишь три дивизии, а военных аэродромов не было. Азербайджан же считался тыловой зоной вероятного конфликта, и концентрация войск там была более высокой: в республике базировались пять дивизий, и, кроме того, там располагались пять аэродромов. Вдобавок на территории Азербайджана было складировано значительно больше вооружения, чем в Армении. Согласно одной оценке, если на территории Армении размещалось только пятьсот вагонов боеприпасов, то в Азербайджане – десять тысяч вагонов (9).

Лейла Юнусова, тогдашний заместитель министра обороны Азербайджана, вспоминала, что азербайджанцы, зная, в чей карман нужно класть, сумели приобрести львиную долю этого арсенала, обеспечив себе военное преимущество. "Чтобы [русские] передали нам больше оружия, чем предусмотрено договором, мы просто платили командирам дивизий. Армянам это было труднее сделать, потому что у них не было столько дивизий". Буквально все, от директоров заводов до домохозяек, приняли участие в широкой патриотической кампании по сбору средств для закупки оружия. "Мы все платили, – говорит Юнусова, – каждый магазин вносил свою долю, все заводы переводили деньгї Женщины отдавали золото и бриллианты на оружие. Каждый что-то отдавал". (10)

Двум высокопоставленным азербайджанским чиновникам удалось закупить у русских оружие сравнительно легко и на выгодных условиях. Министр обороны Рагим Газиев с нехарактерным для сторонника Народного фронта энтузиазмом поддерживал Россию. Его старый знакомый Хикмет Гаджизаде говорит, что, когда после январских событий 1990 года Газиев оказался за решеткой в Москве, "у него в голове произошел сдвиг. После Лефортовской тюрьмы у него возникла идея, что с Россией надо дружить, что Россию надо подкупать".

Другим азербайджанским русофилом был Сурет Гусейнов, холеный молодой директор текстильной фабрики в Евлахе. Не имея никакого военного опыта, Гусейнов создал вооруженную бригаду и, отправившись в Карабах воевать, добился там таких успехов, что был удостоен звания Героя Азербайджана и должности "специального представителя" по Карабаху. Гусейнов был очень богат. Будучи одним из королей азербайджанского черного рынка, он истратил на военные нужды страны больше любого из своих конкурентов: его солдаты получали высокое жалование, и что самое важное, Гусейнов стал близким другом генерала Александра Щербака, командира советской 23-й дивизии в Гяндже.

Результатом стало то, что к лету 1992 года Азербайджан уже обладал огромным арсеналом. В ноябре 1993 года министерство иностранных дел Азербайджана признало, что к маю 1992 года в азербайджанской армии насчитывалось 286 танков, 842 бронетранспортера и 386 орудий, что значительно превышало предусмотренные ташкентскими соглашениями лимиты вооружений (12).

Армяне обратились к России с просьбой помочь восстановить военный паритет. Традиционные дружеские отношения Армении с Москвой и личные связи, установившиеся между Борисом Ельциным и Леоном Тер-Петросяном, сыграли главную роль. Сегодня Тер-Петросян утверждает, что президент Ельцин лично санкционировал поставки российских вооружений в Армению. По его словам, он направил Ельцину письменный запрос о поставках оружия, и тот попросил российского министра обороны обеспечить Армению соответствующими типами и количеством вооружений. Как вспоминает Тер-Петросян, поскольку Азербайджану досталась значительно большая доля советского военного арсенала, чем Армении, Ельцин хотел обеспечить баланс сил в карабахском конфликте:

"Выяснилось, что у Азербайджана втрое больше оружия, чем у Армении. И в ходе переговоров с российской стороной, мы пришли к выводу – и мне удалось убедить их, – что нам следует получить компенсацию. И Ельцин согласился, он согласился, что надо обеспечить равенство сил. Равенство – и не более того. В последующие годы, в 1992-ом,

1993-ом, 1994-ом, мы почти полностью компенсировали свое военное отставание от Азербайджана. А в 1994 году добились паритета. Я имею в виду, по материальной части, по танкам, артиллерии, БТрам, стрелковому оружию" (13).

Истинные масштабы военных поставок в Армению выяснились только в 1997 году в докладе, представленном в Государственную Думу генералом Львом Рохлиным. Рохлин, оценивший общую стоимость заключенных сделок в один миллиард долларов, заявил, что обнародовал эти факты лишь потому, что они расходились с обязательством России не вооружать ни одну из воюющих сторон в этом конфликте. Если верить Рохлину, большинство поставок тяжелого вооружения в Армению было осуществлено уже после окончания боевых действий, то есть в 1995-1996 годах. Эти поставки включали 84 танка Т-72 и 50 единиц БМП-2. Однако ряд поставок был осуществлен уже летом 1992 года. С августа 1992 года по июнь 1994, по утверждению Рохлина, масштабные поставки в Армению боеприпасов шли со складов российской военной базы в Моздоке. В тот же период Россия поставляла Армении запчасти и горючее. Он, правда, не уточнил, когда именно были отправлены в Армению другие виды боеприпасов, в частности 350 тысяч ручных гранат (14).

Переправка в Армению всего этого вооружения была масштабной и довольно сложной операцией. Комментирует Павел Фельгенгауэр: "Это было санкционировано Кремлем и подписано Колесниковым. Я спросил: "Значит, была получена санкция?" Да, конечно, была. В России такие вещи – вроде переброски танков по воздуху – не происходят без санкции свыше. Их доставку осуществлял самый большой в России транспортный самолет "Антонов-124", или "Руслан". (15)

Российский фактор

Военные поставки из Москвы в Армению – это только фрагмент самой большой загадки карабахского конфликта – российского фактора. Сама по себе это очень непростая проблема. К концу 1992 года, когда Россия уже начала поставлять в Армению оружие и горючее, российский министр обороны Павел Грачев, похоже, наладил тесные связи со своими коллегами в армянском военном ведомстве. Правда, до сих пор не вполне ясно, каким образом его дружба с армянами проявилась на полях сражений. Причем, что еще больше усложняет общую картину, российская сторона продолжала помогать в это же время и Азербайджану. Так что, хотя российская военная помощь, несомненно, сыграла важную роль в преодолении отставания Армении от Азербайджана в 1992-1993 годах, еще надо доказать, стала ли эта помощь решающей предпосылкой для победы армян в 1993-1994 годах.

Еще одним усложняющим элементом является то обстоятельство, что "российская помощь" обеим воюющим сторонам по большей части поступала вовсе не из России. На ранней стадии конфликта, в условиях неразберихи, возникшей сразу же после распада Советского Союза, появились десятки, если не сотни "русских" добровольцев и наемников, воевавших на стороне как Армении, так и Азербайджана. Многие из них не были "русскими" в точном смысле этого слова. Это были бывшие советские солдаты – в основном, русские, но также украинцы и белорусы, которые после вывода воинских частей из Гянджи или Степанакерта, остались там, чтобы заработать на кусок хлеба.

Это были главным образом военные специалисты, востребованные на местах – такие, как, например, украинский летчик Юрий Беличенко, сбитый над Степанакертом в августе 1992 года. Через месяц азербайджанцы в Кельбаджарском районе захватили в плен шестерых русских солдат. По словам пленных, они входили в группу из двенадцати российских наемников, бывших спецназовцев 7-й армии, которые воевали на армянской стороне. Они избежали смертного приговора только благодаря личному вмешательству российского министра обороны Павла Грачева.

Русские также воевали в качестве механиков-водителей танков. Они возглавили

азербайджанскую наступательную операцию в июне 1992 года, и есть свидетельства, что позднее несколько русских танкистов служили в армянских частях. Как выразился один армянский житель карабахской деревни Талиш, "русские сначала помогали азербайджанцам, а потом развернулись и стали воевать за нас". Азербайджанский офицер Захид Нифталиев вспоминал, как в феврале 1993 года в результате атаки армян на высоту "Глобус" в окрестностях Мардакерта он со своими товарищами оказался в окружении. У них закончились боеприпасы, им грозила неминуемая гибель:

"Нам нечем было отстреливаться. Нам пришлось бы или умереть, или сдаться. Подъехал русский танк с русским экипажем. Из башни вылез парень и сказал: "Уходите, я не стану вас убивать". Русские дали нам уйти и сказали: "Мы не хотим вас убивать. Просто уходите отсюда". Они захватили территорию и передали ее армянам" (16). Представляется, что многие, если не все, русские военные, участвовали в этой войне как наемники, не зависимые от Москвы. Об этом периоде вспоминает Лейла Юнусова:

"Знаете, сколько там было бывших офицеров Советской Армии? Умные образованные офицеры, ракетчики, радисты – их буквально оставили без гроша! Им не на что было жить. Были летчики. Они жили в военных гарнизонах, с семьями, с детьми. Им не платили зарплату, у них ничего не было. Им буквально не на что было купить еды. Вы думаете, они слушались Москву? Да какая Москва! Все решали деньги!" Кямал Али вспоминает русских, которые работали у мафиозного командира "Фрейда" в Агдаме и даже денег не просили:

"У [Фрейда] была военная техника, которую он купил у русских где-то. Никто не умел ремонтировать российскую военную технику. Стрелять они еще могли, но оружие быстро выходило из строя. Тогда они привезли из Гянджи трех полковников, чтобы те сделали ремонт. Русские отработали с утра до полудня, а потом начали пить вино и пропьянствовали всю ночь. Утром [люди Фрейда] побоями заставили их проснуться и протрезветь. После этого они вновь приступили к работе и отремонтировали всю технику".

Азербайджанцы постепенно утратили свое военное превосходство. Осенью 1992 года Россия начала выводить войска из Азербайджана и закрывать свои военные базы. В результате азербайджанцам удалось лишь один раз пожить в 1992 году, когда они "приватизировали" несколько сотен бывших офицеров советской 4-й армии. А в Армении 7-ая советская армия, расквартированная в Гюмри, осталась и вошла в состав новой Российской Армии. Таким образом, множество дружественных российских офицеров осталось на армянской земле. Эти военнослужащие новой армии были также незаметно "национализированы", потому что большинство из них в действительности были этническими армянами. Как выразился один российский военный наблюдатель, "армию, в которой от 60 до 80% солдат и от 20 до 30% офицеров – армяне, вряд ли можно назвать российской" (17). Поэтому никого не удивило, когда в январе 1994 года азербайджанцы захватили на поле боя восемь грузовиков и пятерых армян-офицеров 7-й российской армии.

Обе стороны продолжают спорить, было ли в Москве принято политическое решение помочь Армении одержать победу в войне. Что касается российских военных поставок, то Тер-Петросян уверяет, что целью Ельцина было только достижение "баланса сил" между Арменией и Азербайджаном и что фактически Москва не была заинтересована ни в победе, ни в поражении Армении. "Все эти рассказы о том, будто Москва больше помогала Армении – это все легенды, это абсурд! Русские вели себя честно и просто поддерживали баланс сил. Откуда мне это известно? Потому что я знаю, что когда мы просили немного увеличить помощь, они нам отказывали. Я это знаю. Они никогда не давали больше, чем требовалось для поддержания равновесия".

Со своей стороны, азербайджанские официальные лица в категоричной форме утверждают, что по крайней мере с осени 1992 года Москва действовала против них. По их словам, российские официальные лица постоянно прибегали к скрытым угрозам, намекая, что

Азербайджан может потерпеть поражение на поле боя, если будет навязывать свой вариант мирного урегулирования. В более явной форме эта российская позиция проявилась уже после того, как весной 1993 года прозападное правительство Егора Гайдара ушло в отставку, а националистический режим Эльчибея продолжал оставаться у власти в Азербайджане.

Эльчибей настаивал на выводе российских военных баз из республики и угрожал, что Азербайджан не вступит в созданную под эгидой Москвы организацию постсоветских республик Союз независимых государств (СНГ). Посол Азербайджана в Москве Хикмет Гаджизаде вспоминает, что его постоянно принуждали согласиться на такой план мирного урегулирования, который предусматривал бы присутствие российских военных наблюдателей.

"В течение всего периода моей работы послом я получил три [проекта] соглашения. Это началось в конце 1992 года. Так, к примеру, они говорили: "Вот соглашение – подпиши! Российские части будут размещены вот здесь. Война временно прекратится, и начнутся переговоры". А мы им отвечали: "Это может превратиться в Кипр". А они говорили: "Хорошо, тогда армянские войска возьмут Кельбаджар..." (18)

Если намерения России, особенно в 1992 году, представляются туманными, то, по-видимому, только потому, что одни российские ведомства не давали себе труда ставить в известность другие ведомства о своих планах. Самым активным российским игроком на Кавказе в то время было министерство обороны, которое даже и не думало информировать о своих намерениях прочие ведомства ельцинского правительства.

Трое высокопоставленных российских военных имели свой интерес на Кавказе и постепенно оказывали армянам все большую поддержку. Генерал-полковник Федор Реут, ранее командовал 7-ой советской армией в Армении. Теперь, будучи командующим базирующимися в Тбилиси российскими частями Закавказского военного округа, он помог оказавшейся в изоляции Армении получать все необходимое через грузинские порты на Черном море. Михаил Колесников, также бывший командующий 7-ой советской армией, стал начальником российского Генерального штаба, и армяне могли рассчитывать на его проармянскую позицию. И что самое важное, новый российский министр обороны Павел Грачев тоже начал придерживаться проармянской линии.

Именно Армению Грачев выбрал для первого заграничного визита в мае 1992 года, спустя несколько дней после своего назначения на пост министра обороны России. Только что произошли вооруженные столкновения на границе между азербайджанским анклавом Нахичевань и Арменией, напряжение усилилось также и оттого, что Турция, член НАТО, заявила о готовности действовать в обеспечение безопасности Нахичевани в соответствии со своими обязательствами по Карскому договору 1920 года. Грачев вместе с ближайшим помощником Ельцина Геннадием Бурбулисом, прибыл в Ереван, чтобы подтвердить обязательства Москвы по защите армянской границы с Турцией и для отражения "турецкой угрозы".

Грачев был чужд дипломатических тонкостей, и его видение ситуации на Кавказе, как представляется, питалось коммерческими и личными интересами и упрощенным пониманием стратегических интересов России в этом регионе. Проще говоря, эти интересы сводились к увеличению численности российских войск на Кавказе. Подобная стратегия не предполагала поддержку только одного режима или одной страны. Как пишет Фельгенгауэр, "министерство обороны находилось в хороших отношениях с Арменией, но и на полный разрыв с Азербайджаном не шло". Грачев строил свою политическую тактику на личной основе и установил тесные дружеские контакты с коллегами-министрами обороны. В Грузии он даже попросил министра обороны стать его крестным, когда вдруг решил креститься, – но при этом оказывал поддержку абхазским мятежникам, развязавшим войну за отделение от Грузии. В 1992 году, вскоре после визита в Ереван, Грачев подружился с азербайджанским

министром обороны Рагимом Газиевым и несколько дней гостил у него дома в Шеки, в горах северного Азербайджана. Газиев даже поехал на похороны матери Грачева.

Самые крепкие узы дружбы, однако, связывали Грачева с армянским министром обороны Вазгеном Саркисяном. Уже после смерти Саркисяна Грачев в декабре 1999 года присутствовал на объединительной конференции союза ветеранов войны "Еркрапа" и стал почетным гражданином Еревана. В марте 2001 года он вновь приехал в Ереван на юбилейные торжества памяти Саркисяна и заявил своим гостеприимным хозяевам: "Вазген Саркисян был моим другом и хорошим учеником. Я был счастлив обучать его военному искусству" (19).

В сентябре 1992 года Грачев организовал в черноморском городе Сочи встречу министров обороны трех закавказских республик – азербайджанца Газиева, армянина Саркисяна и грузина Тенгиза Китовани. Газиев и Саркисян, как сообщалось, подписали краткое заявление, в котором содержался призыв к перемирию и к размещению в зоне карабахского конфликта "наблюдателей из стран СНГ". Однако Грачев не проинформировал об этой встрече многих заинтересованных сторон, в частности, руководителей Белоруссии, Украины и Казахстана, которые и должны были бы направлять "наблюдателей", а также Владимира Казиминова, которого российское министерство иностранных дел недавно назначило посредником по урегулированию конфликта. Казимиров в это время находился в Баку.

Он вспоминает: "Я привез Эльчибею послание от Ельцина с предложениями по мирному урегулированию конфликта, но я понятия не имел о том, что на следующий день, 19 сентября, Грачев проводит эту встречу в Сочи" (12). Казимиров узнал об этой встрече только после того, как один коллега-дипломат обратил его внимание на заметку в "Интернэшнл геральд трибюн". Когда же он собрался присоединиться к участникам встречи, оказалось, что уже поздно.

Через неделю Грачев направил в зону боев 56 российских наблюдателей, но был вынужден отозвать их, потому что боевые действия так и не прекратились. Газиеву не консультировался со большинством своих коллег в азербайджанском руководстве, так что в результате, после возвращения в Баку, ему устроили разнос. На что именно он тогда дал свое согласие, так до конца и неясно, но, по словам Тофика Зульфугарова, в то время высокопоставленного чиновника азербайджанского министерства иностранных дел, русские претендовали на Лачинский коридор между Арменией и Азербайджаном в качестве своего стратегического трофея. "[Газиев] дал согласие на то, чтобы [Россия] получила так называемый Лачинский коридор во временное пользование", – сказал Зульфугаров.

Как бы там ни было, президент Эльчибей, конечно, не одобрил подписанный Газиевым в Сочи документ. 28 сентября министр внутренних дел Азербайджана Искандер Гамидов заявил: "Совершенно ясно, что размещение в Азербайджане российских миротворческих сил является ничем иным, как скрытой формой агрессии" (21). Столь явная антироссийская позиция изолировала Газиева и способствовала более тесному сближению российского министерства обороны с армянами.

Армения в осаде

Независимая Армения с трудом пережила 1992 год. Политическая обстановка в стране оставалась стабильной. Оппозиция взяла власть бескровно, и многие старые коммунисты стали работать в администрации Тер-Петросяна. Главные оппоненты Тер-Петросяна находились в стане националистической оппозиции, прежде всего – в партии "Дашнакцутюн", которая летом 1992 года сформировала на местах первые антиправительственные администрации. В целом же, однако, он пользовался широкой поддержкой.

Перед Арменией встала важнейшая проблема – экономическое выживание. Всего несколько

лет назад одна из самых процветающих союзных республик, она теперь оказалась в нищете. Установленная Азербайджаном экономическая блокада лишила ее электроэнергии, железнодорожного сообщения и импорта продовольствия. Россия находилась слишком далеко, а на трех ближайших соседей положиться было нельзя. Турция выражала солидарность с Азербайджаном и после некоторого потепления в двусторонних отношениях, в 1993 году полностью закрыла границу с Арменией. Северная соседка Грузия находилась в состоянии перманентного кризиса, и ее трубопроводы, шоссейные и железные дороги часто перекрывались. В эти условиях самым дружественным соседом Армении стал Иран, но он находился далеко, и попасть туда можно было только по извилистой высокогорной дороге. Тем не менее, без иранских товаров, Армения едва ли смогла бы пережить две жестокие зимы 1991-1992 и 1992-1993 годов.

В эти зимы по уровню жизни армянские граждане были отброшены на несколько веков назад. Горожане брали воду из колодцев, срубали деревья для домашних дровяных печурок и коротали долгие вечера при свечах. Снабжение Армении электроэнергией достигло достаточных объемов только в 1996 году, после вызвавшего много споров возобновления работы Мецморской атомной электростанции.

Острая нехватка средств жизнеобеспечения, впрочем, возымела парадоксальный психологический эффект: у населения Армении выработалось характерное для военного времени чувство солидарности. То есть бытовые тяготы лишь укрепили общественную поддержку войны в Карабахе. И тем не менее, реальность за фасадом экономических трудностей была более сложной. С окончанием войны начали раздаваться обвинения, что в Армении производилось достаточно электроэнергии для последующей прибыльной перепродажи ее в Грузию и что политические лидеры страны воспользовались военной обстановкой для приватизации целых секторов экономики.

Мощным теневым игроком была также армянская "мафия". Это неожиданно раскрылось в январе 1993 года, когда в камере московской тюрьмы убили армянского гангстера Рафика Багдасаряна по кличке Сво. Тело Сво было отправлено домой в Ереван и погребено в самом престижном месте городского кладбища Тохмах. Советскому криминальному братству не было дела до межнационального конфликта, и старые товарищи Сво из Азербайджана решили прилететь в Ереван отдать последнюю дань уважения усопшему. Это был первый и единственный раз за первую половину девяностых годов, когда между Ереваном и Баку возобновилось воздушное сообщение. Кроме того, гангстерам удалось добиться возобновления поставок газа и электроэнергии из Азербайджана в Армению на те три дня, что они участвовали в похоронах и поминках. После того, как мафиозные гости разъехались, блокада была возобновлена, и на город вновь опустилась тьма.

Импровизированные армии

Победа Армении и поражение Азербайджана в 1994 году объясняется тремя факторами: политическим и военным хаосом в Азербайджане, более масштабной российской помощью Армении и более высокой боевой подготовкой армян.

Последнее обстоятельство имеет исторические корни. Как и другой мятежный народ кавказского высокогорья, чеченцы, карабахские армяне имеют долгую традицию ведения войн. В 1993 году карабахские бойцы получали денежное вознаграждение, если они умудрялись вывести из строя вражеский танк, повредив гусеницы: это можно было отремонтировать. Если же танк подбивали выстрелом по броне, то премии бойцы не получали. Армянский журналист Вартан Ованесян, вспоминает свое пребывание в Мардакертском районе, когда на его глазах три азербайджанских танка предприняли внезапную атаку. У группы бойцов, с которыми он там находился, был лишь один гранатомет. Пока Ованесян умолял их поскорее открыть огонь, они спорили, кому стрелять, чтобы потом получить награду. Они даже стали вспоминать старые обиды со времен деревенского

прошлого. Танки были уже почти в двухстах метрах, когда один из бойцов, наконец, взял гранатомет и выстрелил. Граната попала танку в гусеницу, и тот замер. Находившийся внутри экипаж не пострадал. Остальные два танка повернули назад.

Поначалу добровольческая армянская армия была неорганизованной. "Командующего не было, – вспоминает Самвел Даниэлян. – Подразделение могло прекратить боевые действия, сняться с позиций и в полном составе отправиться в Армению хоронить убитого товарища". В фиданском движении, в конце концов, удалось навести дисциплину после того, как его бойцы стали выполнять особые боевые задания в составе регулярных армейских частей. Вартан Ованесян, характеризуя их роль на поле боя, использует русское слово "штурмовик". Им хватало мужества и фанатизма атаковать неприятельские части под покровом ночи или во время тумана, сея в их рядах панику. "Нам надо было побеждать умением, а не числом", – говорит Ованесян (22).

В Карабах приехала сражаться группа армянских добровольцев из-за рубежа. Самым знаменитым из них был Монте Мелконян, археолог, родившийся в Калифорнии, бывший член террористической организации АСАЛА (Армия освобождения Армении), которая в 1970-х и 1980-х годах убивала турецких дипломатов. Мелконян несколько лет скрывался, пока в 1990 году не оказался в Армении. Когда в Карабахе началась война, Мелконяна назначили командующим войсками юго-восточного Мартунинского района. Мелконян, известный под фронтовым прозвищем Аво, был профессиональным воином и ярким армянским националистом, считавшим Карабах ареной священной войны. Он запрещал своим солдатам употреблять алкоголь и всячески боролся с мародерством. Такое поведение, по словам его вдовы Сеты, создало ему немало проблем, когда он возглавил нерегулярную постсоветскую армию.

"Приходили люди и предлагали [Монте] взятки. Он даже не понимал, о чем они говорят. "Что? Что это?" Ему и в голову не приходило, что ему предлагали, например, взятку за то, чтобы он вывез чью-то семью. Кто-то хочет вывезти свою семью, но Монте говорит: "Нет". Если не будет мирных жителей, солдаты не смогут хорошо сражаться. Ему, скажем, подносят бутылку спиртного, а он этого не понимает. Он боролся с мародерами, но многим это не нравилось, ведь солдаты хотели забирать вещи, которые они могли потом передать своим семьям. Он был против пыток, в том числе когда пытали раненых азербайджанских солдат и несколько раз наказывал армян, если те издевались или били и плохо обращались с ранеными азербайджанцами" (23).

Мелконян погиб в июне 1993 года. К этому времени, когда боевые отряды карабахских армян уже вышли за пределы своей территории, круша на своем пути азербайджанские города и села, даже патриотично настроенные армяне ощутили перемену в общем отношении к войне. "Когда мы сражались за Карабах, солдаты вешали у себя в казармах портреты [армянских героев-партизан] Андраника и Ндже, – вспоминает военный советник Гурген Бояджян. – А когда мы заняли Агдам, солдаты развешивали картинки с голыми девицами. Психология совершенно изменилась" (24).

Азербайджанскому командованию приходилось формировать боевые части из неоднородных элементов. Типичен в этом отношении пример кадрового военного Исы Садыхова. Азербайджанец Садыхов переехал в Азербайджан из Грузии летом 1992 года и стал комендантом Казахского района в северо-западной части республики. К нему под начало попала группа недисциплинированных, одетых кто во что бойцов. "Главной проблемой в то время было пьянство". К тому же "это были добровольцы, люди уже в летах, бородатые. Они не хотели сбривать бороды, но все же я их заставил побриться". Садыхов рассказывал, что ввел суровые наказания за дезертирство и запретил солдатам эвакуировать семьи из региона. Он объяснял, что "война в основном носила психологический характер. Армяне стреляли по крупным населенным пунктам, возникала паника, начиналось массовое бегство населения, а за ним бежали армейские части. Я считал своей главной задачей остановить

поток беженцев. И мне это удалось" (25).

Добившись военного превосходства над противником летом 1992 года, азербайджанцы не смогли из-за нехватки личного состава и боевого опыта эффективно воспользоваться этим преимуществом. В октябре 1992 года армия застряла в горах на севере Нагорного Карабаха. В документальном фильме, снятом азербайджанским министерством обороны, есть кадры, где офицеры яростно спорят о причинах военных неудач. Командир Неджмеддин Садыхов жалуется, что ракеты "Град" запускаются куда попало и часто летят мимо цели. Заместитель министра обороны Лейла Юнусова добавляет: "Нам говорят, что у нас огромное количество ракет, и мы впустую их тратим, расстреливая деревья в лесу". Хуже того, использование грозного оружия неопытными солдатами несколько раз заканчивалось ужасно - когда азербайджанские военные становились жертвами огня своих войск.

Был случай, когда азербайджанские самолеты подвергли бомбардировке азербайджанский город Физули. Вспоминает Кямал Али: "Часто бывало, что я целый день вел огонь по какой-нибудь высоте. А потом выяснялось, что там засели наши солдаты. И они целый день стреляли в нас. В такие же ситуации попадали и армяне". Самый впечатляющий случай "огня по своим" произошел в этой войне с армянами. У них на вооружении находилось лишь два истребителя Су-25, и один из них был сбит карабахскими армянами, которые по ошибке приняли его за азербайджанский самолет. Летчик катапультировался, и когда приземлился, на него набросилась группа деревенских жителей, которые избили его. После этого выяснилось, что он армянин. Карабахцы потом шутили, что им удалось "уничтожить пятьдесят процентов военно-воздушных сил Армении" (26).

В целом, за все время военных действий армяне сумели лучше распорядиться своими ресурсами. Чтобы защититься от налетов азербайджанской авиации, осенью 1992 года армяне выстроили систему противовоздушной обороны – причем, по мнению Лейлы Юнусовой, с помощью России. "Мы располагали самолетами, и небо над Степанакертом было открытым. А потом, в течение нескольких недель, у них появляется отличная система противовоздушной обороны". После этого применение авиации стало слишком большой роскошью.

Армяне занимались также восстановлением трофейной техники. По оценке одного армянского военного эксперта, после каждого боя из строя выходило от 15 до 20% боевой техники, а советский танк на поле боя "живет" в среднем всего лишь полтора дня (27). Чтобы решить эту проблему, карабахские власти переоборудовали станцию по ремонту тракторов в цех по ремонту танков. Американский репортер Ли Хокстадер побывал в этом ремонтном цеху в сентябре 1993 года и увидел там тридцать танков Т-72 и более десяти БМП. "Мы в состоянии отремонтировать 90% поступающих к нам танков, в зависимости от характера повреждений", – сказал Хокстадеру 37-летний инженер Андрей Мусаелян, начальник танково-ремонтного цеха. По его словам, 80% ремонтируемых в этом цеху танков были захвачены у азербайджанцев, и у многих на башнях все еще красовались исламские полумесяцы. А остальные, добавил он, "наши" (28).

Ветер меняется

Осень 1992 года стала кульминацией военных успехов Азербайджана. В какой-то момент азербайджанцы овладели поселком Срхавенд к северу от Степанакерта и дорогой к востоку от города и готовились захватить Лачинский коридор. Министерство обороны в Баку планировало отправить туда колонну автобусов для вывоза армянского гражданского населения с территорий, которые Азербайджан собирался занять. К октябрю 1992 года, однако, продвижение азербайджанских войск было остановлено, и наступательная операция выдохлась.

Как в Карабахе, так и в Армении отряды ополченцев постепенно преобразовывались в

регулярные формирования. В Карабахе деятельность нового комитета обороны начала приносить первые плоды. Бывший автомеханик, 27-летний Самвел Бабаян, применил жестокие методы для создания карабахско-армянской "армии", насчитывавшей не менее 10 тысяч человек. Другие командиры, как покоритель Шуши Аркадий Тер-Татевосян, из-за разногласий с Бабаяном вернулись обратно в Армению.

В самой Армении Тер-Петросян в октябре 1992 года назначил своего старого товарища и соперника Вазгена Манукяна министром обороны. Манукян, не будучи профессиональным военным, совместно с Норадом Тер-Григорянцем, начальником Генерального штаба, приступил к строительству новой армии. Он признает, что публичные заверения, будто армянская армия не принимала участия в военных действиях, предназначались исключительно для зарубежной аудитории: "Будьте уверены, что какие бы политические заявления мы ни делали, карабахская и армянская армия вели совместные боевые действия. Я не придавал значения тому, откуда мои солдаты – из Карабаха или Армении". По словам Манукяна, он неоднократно приказывал армянским командирам вступать в бой, не информируя об этом Тер-Петросяна, проводившего более осторожную политику (29).

Между тем в Азербайджане общественная поддержка режима Эльчибея постепенно таяла. Гейдар Алиев, под чьим руководством Нахичевань стала своего рода полунезависимым княжеством, представлял серьезную причину для беспокойства. Похолодание в отношениях между Алиевым и бакинским режимом наступило после того, как местные активисты Народного фронта в октябре 1992 года попытались отстранить его от власти. Алиев был непревзойденным мастером затяжных политических игр и создания альянсов. Он воспользовался открытием в мае 1992 года новой дороги между Нахичеванью и Турцией для укрепления собственных связей с Анкарой, не испортив при этом отношений с Россией.

Алиев также постарался сделать все, чтобы не допустить военных действий между Нахичеванью и Арменией. После серьезных пограничных столкновений в мае 1992 года обе стороны решили, что им не следует открывать второй фронт в этой войне. Стремясь снять напряженность в приграничной области, Алиев ежедневно поддерживал телефонную связь с Ашотом Манучаряном, советником по национальной безопасности армянского президента. Манучарян регулярно обеспечивал Алиеву воздушный коридор для полетов из Нахичевани в Баку над армянской территорией. Ходили слухи, что когда в апреле 1993 года Алиеву надо было вернуться домой из Анкары, где он присутствовал на похоронах Тургута Озала, он позвонил Манучаряну домой, чтобы получить его разрешение на пролет над армянской территорией, но застал только его престарелую мать, с которой он уже разговаривал. Та пообещала передать его просьбу сыну, но не смогла найти его. Когда армянский истребитель поднялся на перехват самолета Алиева и пилот спросил, кто дал добро на его вхождение в воздушное пространство Армении, ответ был: "Мама Ашота!"

В Баку президент Эльчибей столкнулся с прямым неповиновением министра обороны Рагима Газиева и главнокомандующего Сурета Гусейнова. Создавалось впечатление, что оба тайно сговорились с российскими военными. В феврале 1993 года командир Захид Нифталиев уже не сомневался в вероломстве обоих высших военачальников.

Армяне стали постепенно отвоевывать захваченные азербайджанцами территории на севере Нагорного Карабаха, и азербайджанское подразделение попало в окружение близ села Атерк. Нифталиев вспоминает, что когда он прибыл в расположение штаба неподалеку от поселка, к нему выбежала знакомая телефонистка вся в слезах. Она рассказала, что подслушала телефонный разговор Газиева и Гусейнова, во время которого Газиев сказал Гусейнову, что оставляет окруженных в Атерке солдат на произвол судьбы. Нифталиев немедленно связался с министром внутренних дел Искендером Гамидовым, чтобы расследовать случай явного предательства. "Искендер Гамидов пришел в кабинет к Рагиму Газиеву, – рассказывал Нифталиев, – и они начали громко спорить. И он заставил Газиева приказать нашей бригаде покинуть Атерк. Наши солдаты покинули Атерк и вышли оттуда с большими потерями" (30).

После этого инцидента Гусейнов отвел две бригады с передовой. Эльчибей снял его со всех постов, но Гусейнов просто отправил свою 709-ю бригаду на базу в Гяндже и отказался ее расформировать. Вскоре после этого, 20 февраля, Газиев был вынужден уйти в отставку с поста министра обороны.

Кельбаджар

Демонстративный уход Сурета Гусейнова с передовой оставил зияющую прореху на одном из самых уязвимых участков азербайджанской обороны, в высокогорье большого Кельбаджарского района. Кельбаджарский район – это узкая полоска земли, зажата между северо-западной частью Нагорного Карабаха и Арменией. Этот район представляет важное стратегическое значение для обеих сторон. Здесь также берет начало большинство рек региона.

Армянское наступление началось 27 марта 1993 года. Кельбаджар обороняла небольшая группа азербайджанских солдат, которые не получили никакого подкрепления. "От наших не было никакой помощи", – говорит Шамиль Аскеров, один из лидеров большой курдской общины Кельбаджара (31). Основной удар наступательной операции армянских войск был направлен с запада, со стороны Варденисского района Армении, хотя тогда этот факт всячески отрицался по политическим соображениям. Поддержка наступления обеспечивалась со стороны Карабаха.

Эта операция обострила разногласия в армянском руководстве между президентом Тер-Петросяном, сторонником урегулирования конфликта дипломатическими методами, и теми, кто подобно министру обороны Вагзгену Манукяну и карабахским армянам, стремились развить достигнутые на фронте успехи. Манукян вспоминает, что он намеренно не информировал Тер-Петросяна о масштабе вовлеченности вооруженных сил Армении в Кельбаджарской операции, так как понимал, что президент будет этим недоволен. "Я доложил ему лишь малую часть этой операции, – рассказывает Манукян, – и, получив его согласие, мы сделали больше". Тер-Петросян направил карабахскому лидеру Роберту Кочаряну письмо, в котором призвал его остановить наступление (32).

3 апреля армяне захватили город Кельбаджар. Потери были минимальны, так как большинство азербайджанских солдат покинули город вместе с мирными жителями. Новый поток беженцев устремился по единственному маршруту, который армяне не перекрыли, – восьмидесятикилометровой заснеженной дороге на север через Муровский горный массив. Дом Аскерова – вместе с его уникальной библиотекой, насчитывавшей тридцать тысяч томов, – был уничтожен ракетами "Град". Он был в числе беженцев, оказавшихся на той горной дороге. "2 апреля мы достигли вершины Муровского перевала", – вспоминает Аскеров. Кто-то гнал через перевал восемьдесят овец. Я попал в середину стада. Все они там погибли. Был снег и ветер. Я спрятал одного ягненка себе под пальто. У меня слезы замерзали на щеках". Большинство из нескольких сотен мирных жителей, погибших при взятии Кельбаджара, погибли от холода. Армяне заняли всю область, почти не понеся потерь.

Утрата Кельбаджара явилась ударом для режима Народного фронта. Президент Эльчибей ввел в стране чрезвычайное положение сроком на два месяца, чтобы преодолеть последствия своего первого крупного военного поражения. Начался всеобщий призыв юношей в армию (33). В то же самое время режим Эльчибея подвергся сильному давлению со стороны Москвы, потребовавшей подписать мирное соглашение, предусматривавшее размещение в регионе российских миротворческих войск. Даже если русские и не участвовали напрямую во взятии Кельбаджара, эта победа армян явно была им выгодна, став дополнительным рычагом силового давления на Азербайджан.

Успех Кельбаджарской операции обеспечил армянам еще один мост между Карабахом и Арменией, но дипломатическая цена этой победы оказалась высока. Впервые выявились

неопровержимые факты того, что армянские вооруженные силы вели боевые действия за пределами Карабаха на территории Азербайджана. Были сделаны предположения, что в боевых действиях принимали участие военнослужащие 7-й российской армии (34). Захват азербайджанского района за пределами Нагорного Карабаха, вкупе с предположениями о вмешательстве внешних сил, вызвал осуждение Армении международным сообществом.

30 апреля 1993 года Совет Безопасности ООН принял первую резолюцию по конфликту в Нагорном Карабахе. Призвав обе воюющие стороны прекратить военные действия, резолюция содержала особое обращение к Армении, в котором содержалось требование "немедленного вывода оккупационных сил" из Кельбаджара. И без того хрупкие отношения Армении с Турцией были окончательно подорваны. В 1992 году Турция не установила дипломатические отношения с Арменией, но и не разорвала с ней все связи. К примеру, Турция дала согласие на доставку через свою территорию 100 тысяч тонн пшеницы в качестве гуманитарной помощи Европейского Союза для Армении. После взятия Кельбаджара Тер-Петросян попытался укрепить контакты с соседней страной и даже отправился в Анкару на похороны Тургута Озала, но Турция решила свернуть двусторонние отношения, и вторая поставка гуманитарной пшеницы в Армению уже была заблокирована.

Уступая давлению, Тер-Петросян поддержал мирный план, согласованный между Россией, Соединенными Штатами и Турцией. Согласно этому плану, армяне должны были вывести войска из Кельбаджарского района в обмен на гарантии безопасности для Нагорного Карабаха. 14 июня армянский лидер отправился в Степанакерт, чтобы попытаться убедить карабахских армян принять этот план мирного урегулирования. Дискуссии были бурными, и местный парламент высказался за мирный план только после того, как спикер Георгий Петросян ушел в отставку. Однако карабахцы попросили месячной отсрочки для претворения плана в жизнь. У них была веская причина – время работало на них: они видели, что Азербайджан вот-вот станет ареной политической междоусобицы.

Поражение азербайджанцев

Крах президентства Абульфазы Эльчибея наступил с поразительной быстротой. 4 июня 1993 года он направил правительственные войска для разоружения мятежного гарнизона войск под командованием Сурета Гусейнова. Когда операция провалилась, правящий режим не сделал почти ничего, чтобы себя защитить. Спустя две недели, как только Гусейнов выступил со своими войсками в направлении Баку, Эльчибей отрекся от власти и бежал из столицы.

Полковник Иса Садыхов был в числе тех, кого послали разоружить Гусейнова. По его словам, когда он 4 июня прибыл в Гянджу, Гусейнову уже доложили, что против него посланы войска. Мятежный командующий выставил перед своим штабом "живой щит" из женщин и детей, чтобы предотвратить вооруженное столкновение. Когда Садыхов с несколькими офицерами прибыли в Гянджу на встречу с Гусейновым, их обманом заманили в ловушку, избили и заперли в подвале. Они чудом спаслись.

Гусейнов действовал самоуверенно: по-видимому, он уже готовился к захвату власти. Правительственные делегации, прибывавшие к нему на переговоры, вели себя скорее как просители, а не официальные лица. Побывавший тогда в Гяндже Томас Гольц нашел на территории военной базы зримое объяснение самонадеянности Гусейнова: ему досталось все вооружение российской 104-й воздушно-десантной дивизии, покинувшей Гянджу всего лишь десять дней назад. Не встретив никакого сопротивления со стороны растерянной власти, Гусейнов двинулся "маршем" на столицу Азербайджана (35).

Правительство Народного фронта в отчаянье обратилось за помощью к Гейдару Алиеву, призвав его вернуться из Нахичевани в Баку. Это было, как заметил Гольц, все равно, что "пригласить крокодила в загон для коз". В стремительной круговерти дальнейших событий Эльчибей лишился власти, а Алиев вместо него занял президентское кресло.

Сначала, 15 июня, Алиев сменил Ису Гамбара на посту спикера парламента. Через три дня, в то время как мятежные части под командованием Гусейнова продолжали двигаться на Баку, Эльчибей вернулся к себе на родину в Нахичевань. 24 июня парламент наделил Алиева чрезвычайными президентскими полномочиями: шаг, предложенный вечным оппозиционером Этибаром Мамедовым. 30 июня Алиев назначил Гусейнова – уже не мятежника – новым премьер-министром Азербайджана. Он также разорвал несколько контрактов, подписанных Эльчибеем в начале июня с рядом западных нефтяных компаний. Спустя два месяца, 28 августа, Алиев прибегнул к общенациональному референдуму чтобы вынести Эльчибею всенародный вотум недоверия. Тем самым он расчистил себе путь к победе на президентских выборах 3 октября.

Смена правящего режима осуществлялась быстро и жестко. Многие наблюдатели полагали, что Алиев действовал вместе с Гусейновым, чтобы сбросить правительство Народного фронта и захватить власть. Однако последующие события доказали, что Гусейнов и Алиев стали союзниками лишь в силу обстоятельств. Второй мятеж в другой части страны свидетельствует, что был задуман иной сценарий развития событий. Вскоре после мятежа Гусейнова командир Аликрам Гумбатов поднял сепаратистский мятеж в Ленкоранском районе на юге Азербайджана и провозгласил новую "Талыш-Муганскую республику". Гумбатов, заручившись поддержкой бывшего министра обороны Рагима Газиева, присягнул на верность бывшему азербайджанскому президенту Аязу Муталибову. Этот мятеж, почти бескровно подавленный в августе, по-видимому, был, подобно мятежу Гусейнова в Гяндже, составной частью крупной политической интриги.

Можно предположить, что Гусейнов, при поддержке своих друзей среди российских военных, в действительности планировал вернуть к власти Муталибова, но его план был сорван неожиданно возникшим альянсом между Алиевым и азербайджанским парламентом.

Армяне безжалостно воспользовались разразившимся в Баку политическим кризисом, из-за которого карабахский фронт оказался почти беззащитен. Вскоре после мятежа Гусейнова было предпринято наступление на Агдам. 27 июня армяне вновь овладели городом Мардакерт и большей частью территории северного Карабаха, сильно пострадавшей и разоренной в ходе вооруженного конфликта. 23 июля, почти не встречая сопротивления, они заняли имеющий важнейшее стратегическое значение город Агдам. Спустя месяц, армянские войска двинулись на юг и захватили Физули и Джебраил. В конечном итоге за четыре месяца боев, пока в Баку происходила смена власти, азербайджанцы утратили пять районов, а также всю северную часть Нагорного Карабаха. Азербайджан лишился территории общей площадью около 5 тыс. кв. км.

Каждое свое наступление армяне упрещдали пропагандистской кампанией, настаивая, что действуют в целях самообороны против хорошо вооруженного противника. В действительности же в большинстве случаев они входили в обезлюдившие города и деревни уже после того, как азербайджанцы их покидали. Один очевидец язвительно назвал это "военным туризмом". Вспоминает Габиль Ахмедов, житель одной из деревень Физулинского района:

"Наши солдаты не защищали нашу землю. Армяне просто занимали оставленные ими позиции. 18 августа армяне за три или четыре часа продвинулись на двадцать километров. Ленкоранская бригада ничего не делала. Они просто собрали свое оружие, гранатометы и ушли. У нас равнинный район, воевать там легко, но солдаты сразу оставили нашу деревню, а последними ушли мирные жители" (36).

Эта наступательная операция вызвала один из самых массовых в Европе со времен второй мировой войны исход беженцев. Около 350 тысяч человек лишились крова. Томас Гольц стал свидетелем этой человеческой трагедии:

"Издалека их можно было принять за цыганский табор, следующий на местный блошинный рынок или сельскую ярмарку. По дороге громыхали побитые машины с колесами без покрышек, доверху нагруженные коврами, чайниками и кастрюлями. Задыхаясь в клубах выхлопных газов и сгибаясь под тяжестью матрасов и железных кроватей, люди пытались обогнать трактора с кузовными прицепами для перевозки хлопка, в которых среди сваленной в кучу одежды сидели чумазные ребята и крякающие утки. Замыкали колонну обычно мужчины, которые или сидели верхом на ослах, или вели в поводу впряженных в повозки мулов, а босоногие пастухи сгоняли на обочину перепуганных овец, коров и бычков, которые норовили попасть под колеса проезжающих мимо грузовиков" (37).

За беженцами по пятам следовали части карабахских армян, которые методично сжигали дома, грабили и брали в плен тех, кто не успел вовремя сбежать. Тысячи беженцев переправились через реку Аракс на территорию Ирана. Многие при этом утонули, не добравшись до спасительного берега.

Примечания

1. Из фильма Цветаны Паскалевой "Дорогие мои, живые и мертвые", 1993, повторно выпущенного в Ереване студией "TS Film" в 1996 г.
2. Интервью с Али 4 апреля 2000 г.
3. Павел Фельгенгауэр. Накануне решающих сражений. – "Независимая газета" 18 июля 1992 г.
4. Интервью с западным дипломатом.
5. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.
6. Интервью с Саркисяном 15 декабря 2000 г.
7. Human Rights Watch, Azerbaijan, Seven Years of Conflict, p. 87
8. Интервью с Леоном Эйрамджанцем 28 сентября 2000 г.
9. Отчасти в этом виноваты сами армяне. Армянские политики резко возражали против создания в 1989 г. крупного склада боеприпасов вблизи озера Севан, поэтому склад был размещен недалеко от города Агдам на территории Азербайджана.
10. Интервью с Юнусовой 20 ноября 2000 г.
11. Интервью с Гаджизаде 28 марта 2000 г.
12. Dmitry Danilov, "Russia's search for an international mandate in Transcaucasia" [Россия стремится получить международный мандат в Закавказье] – In: Coppieters, Contested Borders in the Caucasus, note 161.
13. Интервью с Тер-Петросяном 24 мая 2000 г.

14. По оценкам Рохлина, вооружений было поставлено на общую сумму в 720 млн. долл. Цифра 1 млрд. долл. включает также транспортные расходы, стоимость запчастей и горючего. Фельгенгауэр считает, что армяне возместили какую-то часть расходов. В июле 1992 г. Фельгенгауэр также писал, что армянам передали вооружение Ереванской дивизии 4-й армии (см: там же). Наиболее полный анализ распределения вооружений дан в статье: Лев Рохлин. "Спецоперация или коммерческая афера?" – "Независимое военное обозрение", №13, 1997. Рохлин был убит в июле 1988 г., но предположений о том, что это убийство как-то связано с его разоблачениями, не возникало.
15. Интервью с Фельгенгауэром 6 декабря 2000 г.
16. Интервью с Нефталиевым 28 ноября 2000 г.
17. Касатов. "Сама не своя", стр. 1.
18. Интервью с Гаджизаде 15 ноября 2000 г.
19. Армянское телевидение, 1-й канал, Ереван (на армянском языке), 5 марта 2001 г.
20. Интервью с Казимировым 1 декабря 2000 г.
21. Интервью с Зульфугаровым 9 ноября 2000 г.; сообщение информационного агентства "Туран" от 28 сентября 1992 г. Приношу благодарность Лоре Ле Корню за информацию о Сочинской встрече.
22. Интервью с Ованисяном 15 декабря 2000 г.
23. Интервью с Мелконяном 7 мая 2000 г.
24. Интервью с Бояджяном 26 сентября 2000 г.
25. Интервью с Садыковым 6 апреля 2000 г.
26. Агаджанов. Светлая сторона войны, стр. 33.
27. Интервью с Азадом Исазаде, бывшим пресс-секретарем министерства обороны, 21 ноября 2000 г.; интервью с Давидом Петросяном 25 мая 2000 г.
28. Lee Hockstader, "Armenians Winning with Creativity, Aid" [Армяне побеждают благодаря творческому подходу и внешней помощи] – Washington Post, 12 September 1993. Серж Саркисян утверждает, что за годы войны карабахские армяне захватили 156 танков противника.
29. Интервью с Манукяном 3 октября 2000 г.
30. Западный дипломат, встречавшийся с Эльчибеем вскоре после его бегства из Баку в июне 1993 г, вспоминает, что он спросил Эльчибея, почему тот так долго терпел инакомыслие Газиева и Гусейнова. На это Эльчибей ответил, что эти двое были единственные, кто мог с легкостью приобрести у русских оружие.
31. Интервью с Аскеровым 20 ноября 2000 г.
32. Сергей Баблумян. Кельбаджар в огне. – "Известия", 6 апреля 1993 г.

33. Human Rights Watch, Azerbaijan, Seven Years of Conflict, p.16.

34. К примеру, азербайджанцы захватили датированную 1 апреля 1993 г. военную карту, которая принадлежала майору С. О. Барсегяну. Даты на карте указывали на то, что 2 марта Барсегян находился на берегу озера Севан, 27 марта в 16:30 пересек армяно-азербайджанскую границу и направился к Кельбаджару. У Азада Исазаде, бывшего сотрудника азербайджанского министерства обороны, сохранилась копия этой карты. Что касается предполагаемого участия российских военных, то Шамиль Аскеров утверждает, что он видел в небе над Кельбаджаром шесть самолетов, которые могли быть только российскими. Азербайджанское министерство безопасности позднее обнародовало аудиозапись перехваченных радиопереговоров между офицером, говорящем на чистом русском языке, и армянином, говорящим по-русски с сильным акцентом. Все армянские официальные лица категорически отрицали участие российских военнослужащих в боевых действиях.

35. Наиболее подробное и авторитетное описание мятежа Гусейнова содержится в кн. Thomas Goltz, Azerbaijan Diary (pp. 356-392).

36. Интервью с Ахмедовым 19 ноября 2000 г.

37. Goltz, Azerbaijan Diary, p. 399.

Глава 14. Сабирабад. Детская республика

Из большого зала под рифленой железной крышей доносилась музыка: слышались режущие ухо звуки какого-то струнного инструмента, топот ног, переливы аккордеона, барабанная дробь. Посреди зала в такт мелодии скользила шеренга держащихся за руки девочек в розовых и зеленых платицах. Хореограф хлопнул в ладоши – сидящие в углу музыканты перестали играть, и девочки со смехом вернулись в исходное положение.

Этот танцевальный зал, где царит жизнерадостное веселье, находится в лагере беженцев недалеко от города Сабирабад, на засушливой равнине центрального Азербайджана. Каждый уик-энд просторный двор посреди лагеря преображался, становясь местом необычного проекта. В помещении по соседству с танцевальным классом группа ребятишек разучивала текст оперетты Узеира Гаджибекова, а на пустыре, где сквозь трещины в засохшей грязи кое-где пробивалась трава, проходил футбольный матч. Между занятиями пробежавшие мимо возбужденные дети подходили ко мне поболтать. И хотя я был в лагере беженцев, этот двор показался мне самым обнадеживающим среди всех прочих мест, которые я посетил на Кавказе.

Шестьсот или семьсот детей, живущих в лагере С-1, с радостью согласились стать участниками необычного эксперимента. Несколько лет назад группа азербайджанских педагогов-психологов пришла к выводу, что даже спустя годы после окончания войны в Карабахе, многие дети из семей беженцев все еще не избавились от комплекса страха и тревоги. Старшие все еще не забыли ужасных событий, связанных с изгнанием из домов летом и осенью 1993 года. У младших проблемы другого рода: они уже не помнят своего родного дома, они росли, не имея особых целей в жизни, в атмосфере полного безразличия, царящей в лагерях для беженцев.

Психологи решили, что этим детям, пока они еще не соскользнули в пучину депрессии, нужна срочная помощь. Азад Исазаде, один из психологов-основателей детского лагеря С-1, стал моим гидом. Он сказал мне: "Дети, конечно, не понимают, что происходит, но получившие

специальную подготовку учителя наблюдают за ними и распознают их нужды".

Они разработали четыре программы занятий для детей: народные танцы, театр, изобразительное искусство и спортивные игры – и все это своеобразная форма терапии. "Это процесс, – говорит Азад, худощавый мужчина, обладающий пытливым и изобретательным умом. – Так, к примеру, в музыке: сначала им нужно было слушать грустные мелодии, потом нейтральные, а потом веселые. Или возьмем рисование. Мы раздали детям по листу бумаги и попросили нарисовать самый печальный день в их жизни, а потом дали им много бумаги и попросили нарисовать самый радостный день в жизни".

Я убедился, что программа оказывает на детей поразительное действие. Однако жаль, что еще очень много детей-беженцев – не говоря уж об их родителях – в Азербайджане не получают такой же помощи или просто внимания.

Азербайджан, возможно, сейчас единственная в мире страна со столь высокой долей перемещенных лиц на душу населения. В абсолютных цифрах, возможно, их значительно больше в Афганистане или Конго, но в Азербайджане каждый десятый житель был лишен крова в результате карабахской войны. Сначала, в 1988-1989 годах, около 200 тысяч человек бежали из Армении в Азербайджан. Затем, между 1992 и 1994 годами, перемещенными лицами стали все азербайджанцы из Нагорного Карабаха и жители семи районов вокруг Карабаха – более полумиллиона человек. В 2000 году, спустя шесть лет после подписания соглашения о прекращении огня, около 80 или 90 тысяч человек все еще проживали в лагерях для беженцев. Сотни тысяч продолжали обитать в огромном архипелаге, состоящем из домов отдыха, студенческих общежитий и временных квартир. И все они останутся жить в ужасных условиях, при полной неопределенности, до тех пор, пока конфликт не будет урегулирован (1).

Двух основных факторов, необходимых с точки зрения детских психологов для работы программы психологической реабилитации, а именно – много свободного времени и неиспользуемая энергия, – в лагере для беженцев оказалось в избытке: учителя из числа беженцев, музыканты и спортсмены работали бесплатно и постепенно взяли на себя все обязанности педагогов. Позже, летом 1999 года, психологи создали "Детскую республику" с мини-правительством, в котором работали исключительно дети – и в интересах детей. Дети избрали "парламент" в составе 12 членов, который принимал коллективные решения. "Министерство экологии" разбило сад, "министерство информации" выпускало газету, дети из двух лагерей, в которых работали психологи, устраивали конкурсы и соревнования, выезжали на музыкальные и танцевальные фестивали, на которых, к радости своих учителей, они оказывались среди наиболее уверенных в своих силах.

На футбольном поле мальчик в желтых тренировочных штанах криком подбадривал игроков своей команды: "Мы избрали его в парламент, – пояснил Азад, – чтобы направить его агрессию в творческое русло". Он обратил мое внимание на кроссовки, в которые были обуты юные футболисты. Эти кроссовки стали зримым плодом политики "суровой любви", которой могли бы гордиться Тони Блэр и Билл Клинтон. "Мы не покупаем детям подарки, – сказал Азад. – Они должны добиться каких-то достижений. Дети получают спортивную обувь только в том случае, если они участвуют в соревнованиях". Но такая политика создавала свои проблемы. Родители, привыкшие к бесплатной раздаче гуманитарной помощи, ожидали получить кроссовки в подарок, и те, чьи дети не принимали участие в субботних и воскресных занятиях, были вынуждены уйти ни с чем.

Работа в детском лагере изменила и жизнь педагогов. Во время войны Азад работал в пресс-службе министерства обороны Азербайджана, но после перемирия 1994 года вернулся к своей прежней профессии, клинической психологии. Я спросил, что заставляет его на протяжении последних четырех лет каждую субботу приезжать сюда, в Сабирабад, находящийся в четырех часах езды на машине от Баку. Ответ, который я услышал от него,

человека, привыкшего видеть в обществе цинизм, был впечатляющим: "Я чувствую свою ответственность за этих людей. Я же не смог их защитить".

В лагерях беженцев, развернутых в этом районе, проживают более 20 тысяч человек. В основном это жители Физулинского, Джебраильского и Зангеланского районов, завоеванных армянами летом и осенью 1993 года. "Хорошо, что это случилось летом, – сказал мне Наги Тадыров, чиновник, ответственный за беженцев. – Зимой все было бы гораздо хуже. Некоторые даже забыли свои документы. Жители Джебраила и Зангелана перебрались через реку Аракс в Иран".

Жизнь в лагере С-1 трудная и скучная. Лагерь стоит на месте бывшего хлопкового поля, там, где встречаются течения двух серых, мелководных рек – Аракса и Куры. Зимой поле превращается в море грязи, а летом покрывается иссохшей и растрескавшейся под палящими лучами солнца коркой. Мы приехали сюда в самый благодатный сезон – ранней весной. Такое было впечатление, что тут разбили лагерь участники великого библейского исхода. На солнце подсыхали слепленные из глины и соломы кирпичи. Самодельные домики были возведены из всего, что попадалось под руку: соломы, глины и даже целлофана. Азад обратил мое внимание на трактор, сонно глядевший куда-то вниз с глинистой кучи. "Аккумулятор сел – вот он и стоит теперь без движения. Нет денег на покупку даже самых простых вещей".

Мы подошли к низкой хибарке, крытой рифленым железом. Перед хибаркой на лавочке сидела Зохра с мужем. Они пригласили нас присесть. На Зохре было зеленое домашнее платье, стоптанные туфли, на голове – цветастый платок. Они постарались придать своему дому более или менее жилой вид. Дверные панели были сделаны из жестянок из-под растительного масла с надписями "FINAL". В саду росли одна или две чахлые розы. Зохра с мужем мучаются от безделья. От голодной смерти их спасает только гуманитарная помощь, но работы у них нет. Все тут получают одинаковую пенсию или зарплату – 25 тысяч манатов в месяц, что составляет около пяти долларов. Помимо этого они получают гуманитарную продовольственную помощь: пять кило муки, кило семян, кило гороха и литр растительного масла.

Зохра говорит, что в Зангеланском районе у них был двухэтажный дом с садом, где росли тутовые деревья. Армяне пришли в октябре 1993 года. "Мы спаслись, переправившись через Аракс. Нам удалось забрать с собой тридцать человек соседей, – она указала на стоящий в дальнем конце двора грузовик. – Мы взяли с собой только матрасы. Наши бойцы продержались три дня, а потом тоже сбежали".

Мое появление вызвало некоторый интерес. Кое-кто из соседей Зохры подошел к заборчику, чтобы поглядеть на меня и поделиться своими мыслями. Армяне, говорили они, "вели себя хуже фашистов, сжигали все на своем пути, отрезали людям носы и уши". Как объяснил мне мужчина в серой кепке-"аэродромке", проблема восходит ко временам Петра Первого и империалистических замыслов России в отношении Кавказа. А Горбачев был армянским агентом, который просто продолжил дело русских царей. "Как вы тут живете теперь?" -спросил я. "Как?- горько рассмеялся он. – Как овцы!"

У этих людей было много времени. Они могли вести беседы круглые сутки, но едва ли понимали, какую судьбу готовят им политики и участники международных мирных переговоров. Они жаловались на "сатгынлык" – что по-азербайджански значит "продажность". Никто не защитил их от армян в 1993 году, – говорили они – и никого теперь не заботила их судьба. "Богатые в Баку разъезжают на "мерседесах", -заявил один мужчина. – О войне они не думают. Все бремя войны упало на нас". Я спросил Зохру, кто, по ее мнению, сможет изменить их жизнь к лучшему. "Только Аллах", – ответила женщина.

Парадокс в том, что руководство Азербайджан при любом удобном случае поднимает вопрос

о беженцах, при этом постоянно твердит о "миллионе беженцев" в стране. Однако предпринимаемые на протяжении нескольких лет правительством меры носят лишь кратковременный характер. До сих пор нет государственной программы трудоустройства или профессионального обучения беженцев. В итоге многие встали на путь преступления или занялись контрабандой – или же опустили руки, и теперь полагаются лишь на скудную гуманитарную помощь.

Бывший работник по оказанию помощи рассказал мне, какое недовольство у правительственных чиновников вызвали его предложения по вовлечению беженцев в местное хозяйство. Подтекст был такой: в этом случае они перестанут быть беженцами и объектом сострадания, а правительству, возможно, выгоднее иметь их как символ страданий Азербайджана, а не как людей с реальными проблемами.

Тем временем международные агентства по предоставлению гуманитарной помощи переключили свое внимание на другие проблемы. "Несколько лет назад у меня отбоя не было от журналистов, – вспоминает Вугар Абдусалимов, сотрудник пресс-службы бакинского представительства Верховного комиссариата ООН по делам беженцев. – А теперь хорошо, если зайдут один или два. И потом у нас всегда трудности, стоит только где-то возникнуть новому кризису с беженцами – как, например, в Конго или Косово. В 2001 году, когда планировалось распространить опыт "Детской республики" на другие лагеря, финансирование проекта бакинских психологов сократилось, и программу пришлось сворачивать.

"Я оставил все свои книги, – сказал Габиль Ахмедов. – А некоторые произведения теперь просто не найти, например, Фенимора Купера. Мне очень нравился его "Последний из могикан".

Чтобы пережить унижительное изгнание из родного дома, требуется недюжинная сила характера. В лагере С-3 в окрестностях Саатлы я встретил человека, обладающего такой силой. Я искал кого-нибудь, кто мог бы сказать мне нечто, не похожее на те стандартные ответы и чужие мысли, которых я наслушался от других. Учитель азербайджанского языка и литературы Габиль имел собственное мнение. Ему, высокому мужчине с угольно-черными бровями и щетинистым подбородком, было тесно в хижине из тростника и валунов, в которой он обитал вместе с женой.

Габиль снаружи утеплил стены старыми газетами, одеялами и мешками. Все пространство "гостиной" занимали керосиновая печурка, ковер, телевизор, на котором лежал венок из искусственных роз, и книжный шкаф. Жена Габилля Аджият, обрадовавшись появлению в доме гостя, пожарила нам яичницу и принесла блюдо с сухофруктами. Они приехали сюда из поселка Юхары-Абдурахманлы Физулинского района, расположенного в предгорьях южнее Нагорного Карабаха. По словам Габилля, из окон их двухэтажного дома на холме открывался вид на двадцать километров: "А здесь такое ощущение, что живешь в колодце или в яме. Ничего вокруг не видно". Он тосковал по своему саду, где росли гранаты, айва, орехи, вишни, яблоки и шелковица. "Когда мой старший сын женился, он заснял на видеопленку наш дом и сад, – вспоминал Габил. – Моя семья видела этот фильм три или четыре раза. А я не могу смотреть, потому что я своими руками построил этот дом и вырастил этот сад".

Жизнь Габилля омрачена двумя войнами. В Великую Отечественную его отец воевал в Крыму, где пропал без вести. Его мать была вынуждена одна растить четверых сыновей в ужасающей нищете. В семье вечно не хватало хлеба, и им приходилось воровать колоски с полей. У детей не было обуви, и они ходили в школу босыми. Габиль вспомнил, как люди носили одежду, сшитую из марли. "Тогда еще хуже было", – вздохнул он.

После войны Габиль и его братья добросовестно отучились и устроились на хорошую работу. Он сам стал школьным учителем и уже собирался выйти на пенсию, когда началась война

из-за Нагорного Карабаха. Они быстро лишились всего, что сумели заработать за всю свою жизнь. В середине августа 1993 года, в условиях наступившего в Азербайджане политической хаоса, когда второй президент страны Абульфаз Эльчибей ушел со своего поста, а Гейдар Алиев еще не стал президентом, армянские войска в результате молниеносного наступления вторглись в Физулинский район. Азербайджанская армия просто бросила Юхары-Абдурахманлы, и многие жители поселка не успели убежать. Армянские солдаты, сказал Габиль, хладнокровно убили двенадцать ни в чем не повинных сельчан и сожгли поселок. "Через месяц один наш сосед вернулся после обмена пленными, – продолжал он, – и рассказал, что весь поселок сожгли. Уцелело только три дома".

Я спросил его о будущем. "Мне уже 66. Как же мне не печалиться, если я не знаю, что с нами будет дальше!" – хриплым басом сказал он, скорее с обреченностью, чем с отчаянием. Он твердо повторял, что не испытывает к армянам злобы – разве что глубокое сожаление. У него, школьного учителя, было немало коллег-армян. "Многие годы мы жили с армянами душа в душу", – сказал Габиль, который много ездил по Нагорному Карабаху и имел немало друзей в Степанакерте. И, поразмыслив, добавил: "Это все ужасно, просто ужасно. Мне стыдно – и за них и за нас".

Изменения на карте военных действий в Нагорном Карабахе навсегда меняли судьбы людей. Поздним летом 1993 года, армяне взяли Физулинский район. В январе 1994 года азербайджанцы развернули контрнаступление и отбили две трети территории района. К несчастью для Габиля, наступление выдохлось буквально за несколько километров до его родной деревни, и его дом так и остался за линией фронта, у армян.

Спустя несколько дней после встречи с Габилем я побывал в отвоеванных местностях Физулинского района. По ним можно судить о том, с какими огромными проблемами столкнется Азербайджан, если ему суждено будет когда-нибудь вернуть себе все "оккупированные территории". За три месяца оккупации армяне превратили весь этот регион в пустыню. Равнинный пейзаж, испещренный руинами, напоминал поле боя времен Первой мировой войны. То там, то здесь на глаза попадались по-средиземноморски яркие пятна восстановленных домов, выкрашенных на манер итальянских вилл розовой краской. Используя деньги Всемирного банка и ООН, азербайджанцы отстроили разрушенные дома, но создавалось впечатление, что восстановительные работы только начинаются.

Железнодорожный разъезд в Горадизе был уничтожен. Уцелевшему составу некуда было ехать по рельсам, тянувшимся на запад, в сторону Нахичевани и Армении. Азербайджанская районная администрация разместила своих сотрудников в здании бывшего управления мелиорации. "Всюду были проблемы, – вспоминал Магеррам Назаров, вернувшийся сюда в 1994 году – Все было сожжено. В домах не было ни дверей, ни крыш. Кушать тоже было нечего". По его мнению, люди вернулись сюда слишком быстро. Работы для них не было, и несколько человек подорвались на минах – так что большинство были вынуждены возвратиться в лагеря беженцев. "Это было жизненным уроком, – сказал Назаров, – если мы освободим другие территории, мы постараемся не дать населению вернуться, пока не будут созданы нормальные условия".

Как рассказали мне в Баку, с 1996 года было восстановлено в общей сложности около полутора тысяч домов, на что ушло около 6 миллионов долларов, причем размах коррупции был настолько велик, что часть денег вообще не дошла до Физулинского района. А ведь это лишь малая доля той огромной территории площадью 7 тысяч квадратных километров которую захватили армяне. Для Габиля и его товарищей по несчастью это был дурной знак. Даже если после заключения мирного соглашения они смогут вернуться в свои дома, на этом их мытарства не закончатся.

В двух километрах от линии фронта чета стариков сидела перед своим кое-как сколоченным домиком, в окружении коробок от гуманитарной помощи. Пустые желтые и белые мешки

из-под риса и муки из Дубаи, Таиланда и Соединенных Штатов покрывали стены их недавно отремонтированного дома. Из садика доносилась какофония собачьего лая и куриного кудахтанья.

Курбан и Сайят Абиловы, прежде чем вернуться сюда, провели два года в лагерях Саатлы. Они рассказали, что все их восемь детей теперь живут в Баку. Старики едва сводили концы с концами – но с куда большим оптимизмом относились к своему положению, чем многие в лагерях беженцев. Старуха вскочила и побежала отгонять бычка от дерева, по пути шуганув цыплят с крыльца, а ее муж продолжал сыпать шутками и все рассказывал, рассказывал. Казалось, у этих стариков был один бесценный ресурс – и это их роднило с ребятами из "Детской республики" в Сабирабаде – вера в будущее. Сотни тысяч бездомных азербайджанцев скорее склонны перепоручать заботу о своем будущем воле Всевышнего.

Примечания

1. Данные о перемещенных лицах см. в Приложении 1. В этой главе я употребляю общий термин "беженцы" для обозначения лиц, которые в строгом смысле являются "вынужденными переселенцами" или "перемещенными лицами", так как они были изгнаны из своих домов, но остались в своей стране.

Глава 15. Сентябрь 1993 – май 1994 г.г. Истощение

Инерция войны

3 октября 1993 года Гейдар Алиев был избран президентом Азербайджана. Результат был предопределен: он получил неправдоподобные 98,8 процентов голосов. Сомнения вызывало, однако, был ли к тому времени Азербайджан функционирующим государством – армянские войска захватили обширный клин азербайджанской территории к востоку, западу и югу от Нагорного Карабаха. Фактически оккупированной оказалась вся юго-западная часть Азербайджана, за исключением Зангеланского района с тридцатитысячным населением, оказавшемся в котле близ проходящей южнее границы с Ираном. В конце октября наступление с двух сторон – из Нагорного Карабаха и из Армении смело и Зангелан.

В серии речей Алиев обвинил армейских командиров и глав захваченных районов в измене родине. Объявляя парламенту о падении городов Физули и Джебраил, он обвинил военачальников в том, что вместо того, чтобы держать фронт, они сидели в Баку и занимались обустройством своих дач. 11 декабря на встрече с главами администраций утраченных районов, которая продолжалась несколько часов и транслировалась по национальному телевидению, Алиев зло распекал каждого лидера по отдельности, требуя объяснить, почему те бежали раньше основных масс населения. Президент с прискорбием объявил, что весь Зангеланский район был сдан противнику ценой гибели всего 27 солдат (1).

В негодовании Алиева было заключено сильное политическое обвинение. Таким образом он подрывал авторитет военачальников, которые могли за его спиной подготовить заговор с целью его смещения – включая и его собственного союзника полковника Сурета Гусейнова, с чьей помощью был свергнут предыдущий режим. В какой-то степени, вероятно, неудачи на фронте были даже ему на руку. Президент использовал свои новые полномочия для расформирования лояльных Народному фронту тридцати трех батальонов общей численностью около 10 тысяч человек и пообещал создать новую национальную армию (2). В ходе этой кампании в армию были призваны десятки тысяч необстрелянных подростков. Параллельно с началом воинского призыва были введены жесткие ограничения на работу

баров и ресторанов, введена военная цензура.

В то же самое время Алиев, мастер оставлять за собой право выбора, начал мирные переговоры с армянами. В сентябре 1993 года он санкционировал проведение первой встречи между азербайджанским политиком и официальным представителем карабахских армян, тем самым впервые признав, что карабахские армяне являются "одной из сторон конфликта". Это стало подтверждением реального положения вещей: спикер нагорно-карабахского парламента Карен Бабурян вспоминал, что в этот период "от Гейдара Алиева звонили десятки раз, была масса телефонных звонков" (3). 13 сентября в Москве заместитель спикера азербайджанского парламента и верный сторонник Алиева Афиятдин Джалилов встретился с "министром иностранных дел" Карабаха Аркадием Гукасяном. Они договорились продлить режим прекращения огня, который позднее, впрочем, был нарушен; но сам факт встречи имел большое значение.

24 сентября Алиев, еще не будучи избранным президентом Азербайджана, но уже исполнявший обязанности президента, лично отправился в Москву на подписание договора о присоединении республики к Содружеству независимых государств (СНГ). На следующий день в доме приемов российского министерства иностранных дел на Спиридоновке – импозантном особняке в стиле модерн – состоялись конфиденциальные переговоры Алиева и лидера карабахских армян Роберта Кочаряна. До этого российский посредник семь раз тщетно пытался организовать подобную встречу. А 9 октября, накануне своей инаугурации, Алиев вновь встретился с Кочаряном в Москве, на сей раз в другом доме приемов министерства иностранных дел, на Воробьевых горах. Встреча хотя и не принесла результатов, однако заложила основу рабочих отношений, которые возобновились между обоими лидерами через шесть лет, когда Кочарян стал президентом Армении (4).

Осенью 1993 года, казалось, возник благоприятный момент для переговоров об окончании нагорно-карабахской войны. У президента Алиева появился удобный шанс достичь компромисса, возложив ответственность за военные поражения на предыдущий режим. Президент Армении Левон Тер-Петросян, пожинавший горькие плоды экономической изоляции страны и оказавшийся под огнем критики, содержавшейся в четырех резолюциях ООН, очевидно, хотел бы заключить мирный договор. Рассказывали, что после атаки на Кельбаджар весной 1993 года Тер-Петросян неодобрительно относился ко всем наступательным операциям армянских вооруженных сил за пределами Карабаха. "После Кельбаджара Тер-Петросян испугался, чуть ли не до смерти, – вспоминал Ашот Манучарян. – После этого он категорически возражал против любых военных действий" (5). Однако конфликт уже приобрел собственную инерцию, и Тер-Петросян утратил контроль над армянской военной машиной. Окрыленные успехами на фронте, карабахские армяне стали действовать более агрессивно и самостоятельно. Сам же анклав превратился в маленькую Спарту, где все взрослое мужское население служило в армии.

Главный командир карабахских сил Самвел Бабаян в свои двадцать восемь лет стал самым могущественным человеком в регионе, и с его амбициями надо было считаться. Невысокий и щуплый, этот "маленький Наполеон" был сыном войны. Не имея образования, он когда-то зарабатывал на жизнь в кафе и тем, что мыл машины. В 1991 году азербайджанские власти арестовали его и посадили в тюрьму. Выйдя на свободу, он стал местным героем, хотя, по словам азербайджанского прокурора Юсифа Агаева, преступление Бабаяна было не политическим, а уголовным (6). В 1992 году Бабаян прославился как смелый командир и блестящий военный организатор. Позднее, он, как и многие его боевые товарищи, относился к захваченным азербайджанским территориям как к неиссякаемому источнику наживы.

Машину войны уже нельзя было остановить. У Алиева, очевидно, велико было искушение предпринять еще одно усилие и отбить утраченные Азербайджаном территории. 10 октября, на следующий день после его второй встречи с Кочаряном и инаугурации, он выступил с воинственной речью, угрожая армянам многолетней войной. В тот же день обе стороны

обвинили друг друга в нарушении перемирия. В течение десяти дней полномасштабные военные действия возобновились. Армяне развернули последнее крупное наступление на юге, захватив железнодорожный разъезд Горадиз и Зангеланский район. Тем самым им удалось укоротить южную линию фронта с 130 до 22 километров – при этом десятки тысяч мирных жителей были изгнаны из своих домов и бежали через реку Аракс в Иран. В Иране азербайджанские солдаты были разоружены. Беженцев разместили во временных лагерях, а потом репатриировали обратно в Азербайджан.

Посредники

Этническая география внутри и вокруг Нагорного Карабаха была настолько сложной, что уже на ранней стадии армяно-азербайджанского конфликта возникли три возможных варианта его окончания.

Один из них в том, что Азербайджан сумеет полностью окружить Карабах и ему удастся либо изгнать из региона всех армян, либо диктовать им условия подчинения. Этого они почти достигли в июне 1991 года, а затем вновь в июне-июле 1992 года. Аркадий Гукасян рассказывал о переговорах, в которых он принимал участие летом 1992 года: "Мы тогда были заинтересованы в прекращении огня, и в это время шли переговоры. Но они вели себя провокационно, они фактически поставили условия, на которых мы должны капитулировать... Они делали все, чтобы не допустить прекращения огня. А потом, когда обстановка изменилась, сами стали просить мира" (7).

Другой возможный исход мог быть таким: армяне кровью прочертят новые границы, изгнав всех азербайджанцев из Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов, и возведут оборонительные рубежи вдоль всей зоны захваченных территорий. После этого они смогут потребовать прекращения огня на своих условиях. Что в конце концов, и произошло. Уже зимой 1991 года первый армянский руководитель Нагорного Карабаха Артур Мкртчян нарисовал карту, как он полагал, "защищаемых границ", которая удивительным образом совпала со сложившейся впоследствии обстановкой на театре военных действий (8).

Третьим возможным вариантом исхода вооруженного конфликта могло стать достигнутое при участии посредников соглашение, в силу которого обе стороны были бы вынуждены прекратить войну. К этому стремились международные посредники, но по ходу конфликта им, в лучшем случае, удавалось добиться временного прекращения огня. Вспоминает Гукасян:

"Соглашения были возможны, но к несчастью ни одна из сторон не рассматривала серьезно вопрос о прекращении огня; это бывало тактической уловкой. Доверия не было. Мы, допустим, соглашались на прекращение огня, но затем тут же где-то вдруг возникал локальный конфликт. В принципе, я думаю, [соглашение на более ранней стадии] было возможно, хотя мне трудно сказать, на какой именно стадии. Но если бы мировые державы отнеслись [к конфликту] более серьезно, тогда его можно было бы прекратить гораздо раньше".

В 1991-1992 годах появлялось немало желающих сыграть роль посредников. Была совместная миссия президентов Ельцина и Назарбаева; бывший государственный секретарь США Сайрус Вэнс побывал в регионе в качестве специального представителя генерального секретаря ООН; была кратковременная посредническая миссия Ирана. Но в итоге все эти усилия еще больше запутали ситуацию, так как обе стороны конфликта занимались только тем, что "выторговывали" для себя наиболее выгодного посредника.

В 1992 году одна организация – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в которую входили 49 государств, – начала проявлять к конфликту стойкий интерес. Миссия СБСЕ возникла, как выразился один из очевидцев, "почти случайно" в конце Пражской встречи 31 января 1992 года, на которой в члены организации были приняты

большинство бывших республик Советского Союза. Встреча уже походила к концу, когда британский делегат обратил внимание присутствующих на то, что две только что принятые в члены Организации страны, Армения и Азербайджан, находятся в состоянии войны и что СБСЕ обязана в этой связи что-то предпринять. И тогда было решено направить в регион конфликта миссию СБСЕ для выяснения обстановки (9).

На следующей встрече организации в Хельсинки 24 марта министры иностранных дел СБСЕ решили созвать мирную конференцию по Нагорному Карабаху, которую представитель Белоруссии, еще одной новой страны-участницы, неожиданно предложил провести в Минске. Никто не стал возражать – так и возникла идея "Минской конференции". Армения, Азербайджан и девять других государств-членов СБСЕ согласились принять в ней участие наряду с "избранными" и "иными" представителями Нагорного Карабаха – эта формула подразумевала как армян, так и азербайджанцев Карабаха. Эта встреча была впоследствии отменена в связи с эскалацией военных действий, поэтому Минская конференция превратилась в Минскую группу, первым председателем которой стал бывший заместитель министра иностранных дел Италии Марио Раффаэлли. В итоге первое заседание группы состоялось в Риме, а не в Минске (10).

В результате создания в 1992 году Минской группы СБСЕ (позднее переименованной в ОБСЕ) западноевропейские государства, Соединенные Штаты и Турция получили возможность участвовать в процессе урегулирования карабахского конфликта. Воюющие стороны приветствовали широкое участие международного сообщества в миротворческой миссии. Но это таило в себе опасность: теперь карабахский мирный процесс был увязан с широким контекстом взаимоотношений Запада с Россией. Возрастал и риск того, что соперничество между Вашингтоном и Москвой за влияние на Кавказе будет тормозить, а не подстегивать, поиск путей решения конфликта.

И армяне, и азербайджанцы саркастически отзываются о первых шагах миротворческой миссии ОБСЕ и Минской группы. Советник азербайджанского президента по международным делам Вафа Гулузаде вспоминает "совершенно некомпетентных послов Франции, других стран. Они участвовали в работе группы без малейшего понимания особенностей региона и сути конфликта, не имея никаких рычагов влияния на противостоящие стороны" (11).

Бывший президент Армении Левон Тер-Петросян говорит: "ОБСЕ стала серьезно заниматься проблемой только с 1996 года. До этого все это было блефом, абсолютно никакого мирного процесса не было. Наоборот. Они больше были заняты соперничеством друг с другом, чем думали о решении карабахской проблемы" (12). С такой оценкой не спорят и некоторые посредники. "Было ясно, особенно переговорщикам, представлявшим конфликтующие стороны, что карабахская война мало интересовала западные страны", – считает бывший представитель США в Минской группе Джон Мареска (13). На очередной встрече в Стокгольме в декабре 1992 года почти удалось прийти к выработке соглашения, но Азербайджан в последний момент его отверг. Несомненной заслугой тех, кто смог приехать в Стокгольм, стало то, что стороны начали переговоры. Председатель группы Марио Раффаэлли не приехал, сославшись на семейные обстоятельства. Российская делегация практически отсутствовала. За исключением Марески, государственный департамент США не направил своих представителей для обсуждения вопроса, который, как можно было понять, Вашингтон не считал приоритетным. Более того, сами принципы формирования группы сделали ее практически неработоспособной.

Вот что писал Мареска: "И вдобавок требование итальянского председателя группы переводить все на итальянский язык привело к тому, что немецкий и французский представители также потребовали соблюдения их права на использование родных языков. Все это превратило Минскую группу в неповоротливую и громоздкую переговорную машину, состоящую из представителей одиннадцати стран и двух регионов, председателя, секретариата и пяти кабинок, в которых сидели переводчики-синхронисты. Уступки,

касающиеся вопросов войны и мира, жизни и смерти, в таких условиях не вырабатывают " (14).

Мирный процесс тормозился в силу специфических особенностей конфликта, который одновременно носил и международный, и внутренний характер. Азербайджанцы придерживались позиции, что это ирредентистская война, ведущаяся Арменией против Азербайджана, и поэтому отказывались признавать карабахских армян одной из сторон конфликта. На это Армения возражала, утверждая, что карабахские армяне ведут сепаратистскую войну против Баку, в которой Армения является лишь заинтересованным соседом. Обе эти позиции были очевидно ложными и были избраны в качестве тактической уловки, что, однако, затруднило переговорный процесс.

Было очевидно, что для выработки действенного мирного соглашения требуется некая форма диалога между азербайджанским правительством и карабахскими армянами. Однако обе стороны продолжали ходить кругами вокруг друг друга, причем Азербайджан опасался придать Степанакерту политическую легитимность самим фактом официальных переговоров с карабахскими армянами, которые, в свою очередь, постоянно искали возможность повысить свой статус за столом переговоров. К тому же внешний блеск, свойственный международным дипломатическим встречам, лишь ухудшал ситуацию. Сев за стол переговоров и вооружившись резолюциями ООН и терминологией международного права, обе стороны превратили дискуссию о статусе спорной территории в риторическое состязание. Вардан Осканян, нынешний министр иностранных дел Армении, рассказывает следующее:

"Как я теперь вспоминаю ситуацию в [19]92 и [19]93 годах, мы спорили о каких-то детских вещах: какой формы должны быть столы, где будут сидеть представители Карабаха, как к ним следует обращаться, являются они равноправными участниками переговоров или нет. Помню, мы дрались из-за запятых, из-за того, где надо расставлять запятые в тексте. Помню, на будапештском саммите мы спорили, какие слова следует употреблять: "среди" или "между". Если спор шел "между", то значит между двумя участниками, но "среди" могло означать, что участников больше двух, а значит, мог подразумеваться и Карабах. Словом, мы дрались за символы. Но после шести или семи лет таких пререканий по-настоящему устаешь и начинаешь больше думать о результатах" (15). Возможно, СБСЕ могла бы решить проблему непризнанного государственного образования вроде Нагорного Карабаха легче, чем ООН, которая институционально ориентирована на целостные государства. Но существенный недостаток СБСЕ по сравнению с ООН состоял в том, что у нее не было опыта ведения операций по поддержанию мира. Это стало серьезной причиной того, что самый серьезный мирный план СБСЕ не был реализован летом 1993 года. Все знали, что лишь одна страна была готова незамедлительно направить войска или наблюдателей в горы Кавказа. И это была Россия.

Те же, и г-н Казимиров

Россия имела множество преимуществ в Армении и Азербайджане. В 1992 году Кавказ и Россия все еще были частью единого экономического пространства, все говорили по-русски, и даже телефоны старой правительственной связи все еще обеспечивали прямую связь с Москвой. В мае 1992 года Россия направила для работы в Нагорный Карабах Владимира Казиминова – по общему мнению, наиболее талантливого и опытного дипломата среди всех, кто занимался карабахским вопросом.

Казимиров был закаленным советским дипломатом, работавшим послом СССР в Анголе в самый разгар войны в этой африканской стране. Хикмет Гаджизаде называл его "дирижером" армяно-азербайджанских переговоров, посредником, который всегда лучше других знал, что происходит. Впоследствии азербайджанцы демонизировали Казиминова, веселого и добродушного человека, за то, что он будто бы пытался навязать им выгодный для России неокOLONиальный вариант мирного урегулирования. И все же было бы ошибкой считать его

лишь проводником российской имперской власти: он потратил куда больше времени и сил, чем кто-либо, для решения конфликта и за четыре года совершил десятки поездок по региону. И сейчас, уже находясь на пенсии, он по-прежнему проявляет горячий интерес к карабахской проблеме и даже писал о ней стихи.

Проблема российского МИДа заключалась в том, что, по понятным причинам, у него не было никакого опыта работы в республиках бывшего Советского Союза. В МИДе работало много специалистов по Франции и Вьетнаму, но не было никого, кто бы знал регион, совсем недавно переставший быть частью единого государства. Это было одной из причин, почему министерство обороны, имея тысячи сотрудников на Кавказе, сумело занять там лидирующие позиции. Грачев умышленно подчеркнул главенствующую роль своего ведомства, не пригласив Казиминова на переговоры в Сочи в сентябре 1992 года.

С 1993 года политика России стала более координированной. 28 февраля президент Ельцин объявил, что настал момент "когда все ответственные международные организации, включая Организацию Объединенных Наций, должны предоставить России особые полномочия гаранта мира и стабильности на территории бывшего Союза". Россия заявила о своих особых правах, включая право на защиту границ, которые она продолжала называть "ближним зарубежьем".

Российское министерство обороны стремилось стать проводником политики на Кавказе. Идея Грачева заключалась в том, что обеспечив соглашение о прекращении огня, российские войска станут рычагом влияния России в регионе. Именно так и произошло в грузино-абхазском конфликте, где российские вооруженные силы, в конце концов, были размещены между воюющими сторонами. В Нагорном Карабахе было сложнее. Хотя армяне видели в военном присутствии России лучшую гарантию своей безопасности, Азербайджан, напротив, сделал вывод российских войск со своей территории абсолютным приоритетом и противился их возвращению в любой форме.

Устанавливалась модель: русские лестью, а иногда и угрозами склоняли Азербайджан к подписанию мирного соглашения, предусматривавшего размещение российского воинского контингента в регионе. Вспоминает Хикмет Гаджизаде:

"Они показывали нам текст соглашения и говорили: "подпишите это соглашение о прекращении огня с Арменией!" А каким образом происходит прекращения огня? Это технический процесс. Пункт первый: надо прекратить огонь, начиная с двадцати двух часов в такой-то день. Пункт второй: в течение трех дней артиллерия отводится на пять километров. Пункт третий: устанавливается связь с наблюдателями, которые находятся в середине. И наконец: прибывают силы по поддержанию мира. И что это за миротворцы? У ООН нет средств, они нам так и сказали. Америка денег не даст, она далеко. Ну конечно, это русские. "У вас есть другие предложения?" "Нет". "Вот бумага". Мне давали пять или шесть таких листов бумаги" (16).

Для помощника президента по иностранным делам Вафы Гулузаде, основного азербайджанского критика российской политики, проблему представляла Россия как таковая. После падения Кельбаджара в апреле 1993 года Гулузаде был приглашен в Москву на встречу с первым заместителем министра иностранных дел Анатолием Адамишиным. Он вспоминает, что в московском аэропорту его встречала большая делегация министерства иностранных дел и по случаю его приезда в одной из официальных резиденций министерства был устроен роскошный завтрак, во время которого московские чиновники пытались его убедить в достоинствах плана, согласно которому российские войска должны быть размещены в Кельбаджаре.

"Г-н Адамишин попросил меня убедить президента Эльчибея в том, что в наших же интересах разрешить дислокацию в Кельбаджаре российских войск. Хотя бы одного российского

батальона. Тут у нас начались острые дискуссии. Я спросил, что они имеют в виду: "Почему российские военные должны быть в Кельбаджаре?" (17) По словам Гулузаде, он убедил свое руководство отвергнуть любой мирный план, предполагающий участие российских войск.

Армяне отвергают обвинение, будто бы они были орудиями в руках Москвы, и заявляют, что тоже подвергались давлению со стороны России. По словам Гукасяна, весной 1993 года Россия настаивала на том, чтобы армяне вернули Кельбаджар. Год спустя Кочарян написал российскому министру иностранных дел письмо, в котором отверг совет вернуть Азербайджану в качестве "жеста доброй воли" (18) один из оккупированных районов. Суть проблемы заключалась в том, что вовлеченная в конфликт Россия одновременно была и единственным серьезным посредником. Монопольное положение России еще более упрочилось после того, как летом 1993 года провалился мирный план Минской группы. После этого Москва с новой силой стала продвигать идею размещения между армянскими и азербайджанскими позициями российских "разъединительных сил" (19).

Позиция США

Соединенные Штаты Америки были новичками на Кавказе, где им никогда не доводилось играть какую-либо роль. Оказалось, США столкнулись здесь с конфликтом интересов. С одной стороны, Вашингтон поддерживал стремление Грузии и Азербайджана проводить более независимую от России политику и рассматривал Азербайджан в качестве потенциального объекта для инвестиций американских нефтяных компаний. С другой стороны, свои требования выдвигала миллионная община американских армян – одно из наиболее влиятельных в стране этнических лобби. В 1992 году у Армении появился министр иностранных дел – уроженец США Раффи Ованнисян.

Армянское лобби в конгрессе, при поддержке таких видных политических фигур, как сенатор Роберт Доул, пользовалось исключительно сильным влиянием и постоянно голосовало за предоставление независимой Армении крупной финансовой помощи. Размер финансовой помощи американского правительства Армении, в 2000 году составившей 102,4 миллиона долларов, по объему на душу населения уступал только помощи Израилю. 24 октября 1992 года, в разгар избирательной кампании в США, армянское лобби провело через конгресс поправку 907а к "Акту о поддержке свободы". Этим законодательным актом Азербайджан наказывался почти полным запретом на оказание ему американской правительственной помощи "до тех пор, пока президент не определит, о чем и доложит конгрессу, что правительство Азербайджана предпринимает очевидные недвусмысленные шаги по отмене блокады и прочих видов применения силы против Армении и Нагорного Карабаха". Поправка 907, окончательно отмененная только в 2002 году, на протяжении многих лет оставалась ярким примером того, как внутренняя политика может формировать внешнеполитический курс Соединенных Штатов.

В 1992 году отношения между Вашингтоном и Москвой достигли самой высокой точки развития почти по всем вопросам, но не по Кавказу. Соединенные Штаты с подозрением относились ко вмешательству России в дела Грузии и Азербайджана, а Россия обвиняла американцев в том, что они вторгаются в ее вотчину. Это соперничество проявилось и в работе Минской группы СБСЕ. В 1994 году, вскоре после завершения своей миссии в качестве американского представителя, Джон Мареска выдвинул против России следующее обвинение: "Россия стремилась восстановить свое господство в регионе и не допустить туда силы извне, в частности, США и Турцию. Россия хочет доминировать в Армении и Азербайджане по ряду причин. Самая очевидная из них та, что Москва хочет восстановить контроль над бывшей советской границей с Турцией и Ираном и получить долю в нефтяных богатствах Азербайджана. Для достижения этих целей Россия оказывала давление на Азербайджан, вынуждая его согласиться с возвращением российских войск в качестве контингента, разъединяющего воюющие стороны и для охраны границ, чтобы обеспечить участие России в нефтяных концессиях, полученных западными компаниями. В качестве

инструмента давления русские использовали неявную, но эффективную угрозу: в случае неповиновения Азербайджана Россия усилит поддержку Армении (российские войска там уже размещены), что для азербайджанцев имело бы катастрофические военные последствия" (20).

На это Казимиров возразил, что Вашингтон так настойчиво выдавливает Россию из региона, что, похоже, рассматривает достижение мира в Нагорном Карабахе как вопрос второстепенной важности: "Бывший представитель США в Минской группе, игравший одно время "первую скрипку" в ее деятельности, в своих заметках и статьях довольно откровенно пишет о том, что надо было "сдерживать" Россию в ее "неоимперских амбициях", причем не делает исключений даже для прекращения огня. Записки американского посла со всей очевидностью показывают, что в подходе Вашингтона прекращение огня не имело самостоятельной ценности, а было лишь элементом в крупной геостратегической игре, нацеленной на снижении роли России в Закавказье" (21).

В период 1993-1994 годов американское участие в решении карабахской проблемы было минимальным. 30 ноября 1993 года швед Ян Элиассон сменивший Марио Рафаэлли на посту председателя Минской группы, решил в меньшей степени полагаться на совместную работу группы в целом и чаще ездить в регион для прямых переговоров с сторонами. Это уменьшило роль США в Минской группе и, соответственно, усилило влияние России. Джон Мареска ушел с поста представителя США в Минской группе.

Это был период, когда посреднические усилия были востребованы острее, чем когда-либо: в декабре 1993 года война вступила в финальную стадию, отмеченную особо жестокими боями.

1993-1994 годы: зимнее наступление

Последняя фаза карабахской войны оказалась самой кровавой. "Настоящая война началась 17 декабря 1993 года и продолжалась до 12 мая 1994 года, – вспоминает Тер-Петросян. – Это была война, когда обе стороны располагали настоящими армиями". По его оценке, азербайджанская армия насчитывала сто тысяч человек, а армянская – тридцать пять тысяч. Впервые обе стороны сделали ставку на молодых неопытных призывников, которые тысячами гибли в ожесточенных боях.

Большинство армянских солдат были выходцами из Армении, чьи попытки отрицать, что она ведет войну с Азербайджаном, уже никого не убеждали. В любом случае карабахский армянин Серж Саркисян в августе 1993 года стал министром обороны Армении, после чего грань между воюющими силами Армении и Нагорного Карабаха окончательно стерлась. В 1994 году сотрудники правозащитной организации "Хьюман райтс уотч" опросили военнослужащих на улицах Еревана. 30% опрошенных служили в регулярной армии Армении и воевали в Карабахе (22). Азербайджан призвал в свою армию от полутора до двух с половиной тысяч афганских моджахедов. Официальные лица отрицали их присутствие, но длинноволосые бородатые бойцы, некоторые в традиционной афганской одежде, так часто появлялись в Баку, что их участие в боевых действиях было секретом полишинеля (23).

Ожесточенные бои возобновились в декабре 1993 году. Армяне попытались продвинуться к востоку от Физули, но столкнулись с беспрецедентным сопротивлением и вынуждены были отступить. После этого Азербайджан атаковал на трех фронтах. Наступление на северо-востоке Нагорного Карабаха вынудило армян оставить ряд поселков в Мардакертском районе. На юго-востоке Азербайджан 6 января вернул железнодорожный разъезд Горадиз на Араксе и продвинулся на север в сторону Физули.

Крупнейшее азербайджанское наступление состоялось в новом 1994 году на северо-западе. Эта кампания, ставшая самой кровавой за всю историю карабахской войны, меньше всего освещалась прессой (24). Наступление развернулось в условиях жестокой зимы на

опустошенной территории, которую покинуло все гражданское население. Оно началось, когда крупные войсковые силы переправились через высокие Муровские горы и Омарский перевал и двинулись в Кельбаджарский район. Поначалу азербайджанцы, которым на поле боя противостояли необученные призывники армянской Ванадзорской дивизии, добились быстрого успеха. 24 января они объявили об окружении и почти полном уничтожении армянского батальона численностью 240 человек близ поселка Чарплы.

К первой неделе февраля азербайджанцы вплотную приблизились к городу Кельбаджар. Однако они уже сильно оторвались от своих тыловых позиций, оставшихся по ту сторону Муровских гор, а армяне уже успели подтянуть для укрепления своих позиций более опытные части из Карабаха. 12 февраля армяне под сильным снегопадом перешли в контратаку. Азербайджанцы в панике бросились отступать, и в ходе этого отступления сотни молодых солдат замерзли до смерти или пропали без вести. К 18 февраля азербайджанские части отступали через Омарский перевал.

Две азербайджанские бригады оказались в окружении и попытались с боями прорваться на север через узкий перевал. Армяне обрушили на окруженные части шквальный огонь ракет "Град". Результат этого обстрела был ужасающий: в этой атаке они вероятно, уничтожили до полутора тысяч солдат. Спустя несколько лет те, кто посещал Кельбаджарский район, находили в горах замерзшие трупы. Позже армяне собрали сотни военных билетов молодых азербайджанских солдат, погибших на Омарском перевале. Съёмочная группа армянского телевидения засняла одну из самых щемящих иллюстраций той войны: ворох красных военных билетов, вываленных на длинный деревянный стол, – единственное, что осталось от десятков погибших молодых азербайджанцев.

В результате зимней кампании 1994 года линия фронта переместилась не так заметно, как после предыдущих наступательных операций, так как Азербайджану удалось отбить лишь небольшие части своей территории на севере и юге. Однако список потерь вырос существенно: азербайджанцы в ходе этой операции потеряли около 4 тысяч человек, а армяне – около 2 тысяч человек. (25)

На пути к прекращению огня

В феврале 1994 года, когда боевые действия были в самом разгаре, шведский председатель Минской группы Ян Элиассон и российский представитель Владимир Казимиров совершили ряд поездок в регион. Теперь они фактически стали соперниками. Позднее Казимиров вернулся в регион вместе с российским заместителем министра обороны Георгием Кондратьевым, который рассматривался как возможный командующий миротворческими силами во главе с Россией.

Есть предположения, что российские военные продолжали играть на обе стороны, стараясь добиться выгодного для себя мирного соглашения. Армяне предполагают, что Азербайджан получал военную помощь от России зимой 1993-1994 годов. Как сказал один армянский правительственный чиновник, "Россия хотела помочь Алиеву, привязав его к российской колеснице".

В последнюю неделю января 1994 года Левон Тер-Петросян отправился в Санкт-Петербург на торжества по случаю пятидесятилетия снятия блокады Ленинграда. Согласно двум армянским источникам (хотя сам Тер-Петросян отказался подтвердить их слова), президенту Армении было необходимо добиться от России новых поставок вооружений. Чтобы встретиться с Ельциным с глазу на глаз, он отправился на балетный спектакль в Кировский театр. Ему удалось добиться личной встречи с Ельциным и договориться об увеличении поставок оружия, что помогло укрепить потрепанные позиции армян.

С азербайджанской стороны отрудник администрации президента Эльдар Намазов

вспоминал, как в начале 1994 года был в кабинете Алиева в Баку, когда Казимиров предупредил, что если азербайджанцы откажутся сотрудничать, то рискуют потерять еще больше территорий. "Казимиров прибыл в Баку и стал угрожать, что если вы не допустите размещения батальонов российских миротворческих сил между позициями армянской и азербайджанской армий, то армяне в течение месяца овладеют Гянджой, Тертером, Бардой и железнодорожной веткой на Грузию" (26). Армяне действительно развернули на северо-западе новое наступление в направлении Тертера и Барды. Но каждая атака приводила к гибели многих необученных призывников. Этот факт вынуждал их осознать, что настало время заключать соглашение о прекращении огня.

4-5 мая парламентские делегации стран СНГ собрались в киргизской столице Бишкеке. На этой встрече присутствовал и Карен Бабурян, спикер карабахского парламента. По итогам встречи был выработан официальный документ, "Бишкекский протокол", который "призвал все конфликтующие стороны [в Нагорном Карабахе] вновь прислушаться к голосу разума: прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая". Под протоколом подписались шесть человек, в том числе Казимиров и два официальных лица из Армении.

Внимание присутствующих теперь было обращено к руководителю азербайджанской делегации, заместителю спикера парламента Афиятдину Джалилову. Но он не стал подписывать документ, сославшись на необходимость получить сначала одобрение президента Алиева. Азербайджанское руководство встало перед непростым выбором. Подписание протокола давало прекрасный шанс добиться мира, но тогда ему пришлось бы умерить свои военные амбиции и столкнуться с острым недовольством внутри страны. В Бишкеке было решено, что пока Джалилов проводит консультации с Алиевым, под документом останется свободное место для его подписи.

Во время встречи в Бишкеке Алиев находился в Брюсселе. После его возвращения домой 8 мая, Казимиров также вылетел в Баку, где встретился со всеми высшими руководителями Азербайджана. В ходе бурной встречи в кабинете Алиева спикер парламента Расул Гулиев был во главе сторонников подписания Бишкекского протокола. В конце концов был выработан консенсус, что Азербайджан подпишет документ при условии, что в тексте будут сделаны две мелких поправки и под документом будет также стоять подпись лидера азербайджанской общины Карабаха Низами Бахманова. Стали искать Бахманова, но его в Баку не оказалось, поэтому он и не смог поставить свою подпись. И тогда Гулиев один подписал "Бишкекский протокол" (27).

Позднее Гулиев поссорился с Алиевым и переехал в Нью-Йорк. Неудивительно поэтому, что в рассказе о том, как он подписал документ о прекращении огня, Алиев предстает в нелестном свете. Как вспоминал Гулиев, он только что вернулся с передовой в Тертере, где лично убедился в том, что азербайджанские позиции находятся в критическом положении. Это убедило его в том, что Азербайджану необходимо прекращение огня. По убеждению Гулиева, Алиев намеренно занял тогда двусмысленную позицию. "[Алиев] не сказал мне ни "да", ни "нет". Я посчитал, что нам нужно подписать его" (28). То, что призыв к прекращению огня подписали спикеры парламента, конечно, было на руку президенту, которому предстояло выдержать шторм критики со стороны оппозиции. Алиев выждал несколько дней, пока не прошла буря, а потом публично поддержал соглашение о прекращении огня.

После того, как принципы прекращения огня были приняты обеими сторонами, встала задача их практической реализации. Это было достигнуто посредством, как выразился Казимиров, "факсовой дипломатии", которая проводилась из его московского кабинета. Азербайджанский министр обороны Мамедрафи Мамедов подписал 9 мая в Баку официальное обязательство соблюдать перемирие. На следующий день в Ереване свою подпись под тем же документом поставил армянский министр обороны Серж Саркисян. Самвел Бабаян, командующий силами карабахских армян, подписал документ в Степанакерте 11 мая. В полночь с 11 на 12 мая 1994 года соглашение о прекращении огня вступило в силу и, - несмотря на первоначальные

сложности – стало соблюдаться.

Павел Грачев затем приступил к выполнению части соглашения, касающейся ввода в зону конфликта контингента российских миротворцев численностью 1,8 тысяч человек. Он пригласил в Москву трех военных руководителей: Мамедова из Азербайджана, Саркисяна из Армении и Бако Саакяна, представлявшего Нагорный Карабах (его усадили отдельно от других делегаций). В начале встречи Грачев настоял на том, чтобы все трое подписали соглашение о прекращении огня, видимо, не придавая значения тому, что соглашение Казиминова действовало уже четыре дня. Его бесцеремонная и агрессивная лексика рассердила Мамедова, и тот отказался поддержать план Грачева. Министр обороны, по словам Казиминова, "не всегда считался с тем, что делают дипломаты – он был сам себе миротворец". Азербайджанское руководство подтвердило свою приверженность режиму прекращения огня, но не согласилось на ввод российских войск в качестве миротворческих сил.

Перемирие 12 мая 1994 года отражало реальности конфликта. И армяне, и азербайджанцы были истощены войной. Азербайджан, потерявший тысячи людей и добившийся незначительных успехов на фронте, согласился с необходимостью прекратить кровопролитие, но не мог смириться с присутствием российского воинского контингента. Это привело к необычной ситуации на линии прекращения огня, которая в отсутствие нейтральных сил по поддержанию мира, стала, по сути, самоконтролируемой. Армяне были заинтересованы не столько в размещении миротворческих сил как таковых, сколько в сохранении укрепленной линии фронта. По словам Роберта Кочаряна, "мы самым серьезным образом начали думать о [перемирии], когда вышли на рубежи, на которых мы могли организовать серьезную оборону Карабаха" (29). Этого они добились, захватив почти весь юго-западный сектор Азербайджана – зону, которая, включая и Нагорный Карабах, составляет почти 14% официально признанной территории Азербайджана. В условиях действующего режима прекращения огня, но в отсутствие подписанного обеими сторонами политического соглашения, конфликт вступил в странную фазу "ни войны, ни мира". Бои прекратились, но фундаментальные проблемы конфликта оставались нерешенными.

Примечания

1. Goltz, *Azerbaijan Diary*, pp. 413-414; Арутюнян. События, том V, стр. 252-253.
2. Информация о 33 батальонах была предоставлена Арифом Юнусовым.
3. Интервью с Бабуряном 7 октября 2000 г.
4. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.; интервью с Казимировым 1 декабря 2000 г.; интервью с Тофиком Зульфугаровым 9 ноября 2000 г.
5. Интервью с Манучаряном 15 октября 2000 г.
6. Интервью с Агаевым 25 ноября 2000 г. По словам Агаева, Бабаян был арестован после криминальной "разборки" в Аскеране, во время которой он застрелил в кафе двух братьев-армян.
7. Интервью с Гукасяном 7 октября 2000 г.
8. Сообщено Вазгеном Манукяном в интервью 15 октября 2000 г.
9. Maresca, "Lost Opportunities", p. 475.
10. Состав "Минской группы" менялся с течением времени. В 1992 г. первоначально в нее входили Белоруссия, Чехословакия, Франция, Германия, Италия, Россия, Швеция, Турция и

Соединенные Штаты, а также Армения и Азербайджан. К 2000 г. вместо бывшей Чехословакии в нее вошли Австрия, Финляндия и Норвегия.

11. Интервью с Гулузаде (на английском языке) 28 ноября 2000 г.
12. Интервью с Тер-Петросяном 24 мая 2000 г.
13. Maresca, "Lost Opportunities", p. 482.
14. Ibid. Покинув "Минскую группу", Рафаэлли попал в число политических деятелей, вызванных в суд для дачи показаний в связи с расследованием дел о коррупции.
15. Интервью с Осканяном 13 декабря 2000 г.
16. Интервью с Хаджизаде 15 ноября 2000 г.
17. Интервью с Гулузаде 28 ноября 2000 г.
18. Арутюнян. События, том V, стр. 317.
19. Казимиров. Россия и "Минская группа".
20. Maresca. "Agony of Indifference in Nagorno-Karabakh", p. 83.
21. Казимиров. Карабах. Как это было, стр. 49.
22. Human Rights Watch. Azerbaijan, Seven Years of Conflict, pp. 67-73.
23. ibid. p. 46.
24. Описание Кельбаджарской кампании основано на информации, предоставленной бывшим пресс-секретарем министерства обороны Азербайджана Азадом Исазаде и Тиграном Хзмаляном, бывшим тогда корреспондентом программы "Вести" российского телевидения и работавшим в расположении армянских войск.
25. Данные предоставлены Арифом Юнусовым.
26. Интервью с Намазовым 14 ноября 2000 г. Сам же Казимиров отрицает, что когда-либо угрожал азербайджанцам.
27. Интервью с Казимировым 1 декабря 2000 г.
28. Интервью с Гулиевым 13 сентября 2000 г.
29. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.

Глава 16. Степанакерт. Обособленное государство

Небольшая комната с голыми стенами и деревянными скамейками была освещена лампами дневного света. Если бы в углу не было металлической клетки от пола до потолка, ее можно было бы принять за классную комнату. В клетке в два ряда сидели под охраной молодые люди, а поодаль – Самвел Бабаян, невысокий мужчина с тонкими усиками и непроницаемым лицом. Бывшего командира вооруженных формирований карабахских армян судили за

попытку убийства и государственную измену.

Падение Бабаяна с высот власти было стремительным. Когда через пять лет после подписания соглашения 1994 года о перемирии с Азербайджаном его провозгласили армянским национальным героем, ему не было и тридцати. Занимая одновременно посты министра обороны и главнокомандующего в непризнанной Нагорно-карабахской республике, Бабаян был фактически господином и хозяином территории.

Позднее, в конце 1999 года между ним и другими членами руководства развернулась острая борьба за власть, и его сместили со всех постов. Три месяца спустя, в марте 2000 года, когда избранный руководитель области Аркадий Гукасян возвращался ночью домой, его "мерседес" в центре Степанакерта был обстрелян двумя неизвестными. Гукасян был ранен в ноги, его водитель и охранник также получили ранения. Бабаяна и его людей арестовали и предъявили им обвинение в заговоре с целью убийства Гукасяна и захвата власти.

И теперь, в октябре 2000 года, зал городского суда в Степанакерте каждый день заполнялся до отказа желающими присутствовать на процессе. Трое товарищей бывшего командующего, которым было предъявлено обвинение, отреклись от своего бывшего начальника и признали свою вину, но сам он отвергал все выдвинутые против него обвинения. Адвокат Бабаяна Жудекс Шакарян заявил, что признания его подзащитного были выбиты на допросах.

Судебный процесс над Бабаяном стал событием, взорвавшим это маленькое замкнутое и скрытое общество. Адвокаты, прокуроры, обвиняемые и свидетели – все были хорошо знакомы друг с другом.

Обвинитель попросил одну из свидетельниц, врача, охарактеризовать свои отношения с главным обвиняемым. "Да, я троюродная сестра Бабаяна", – призналась та. После этого ее попросили назвать свой адрес. "Как вы получили эту квартиру?" – спросил обвинитель, пытаясь выяснить, не была ли она подарком Бабаяна. Раздача квартир была одним из способов, которыми он обеспечивал лояльность своих сторонников.

А за стенами зала суда выяснялись все новые факты о Бабаяне. Перечень имущества, принадлежавшего ему и его семье и конфискованного во время ареста, включал восемь иностранных автомашин, в том числе "мерседес", БМВ и "лендровер"; две фермы: два дома: пять квартир; ювелирные украшения на сумму около сорока тысяч долларов США и шестьдесят тысяч долларов наличными (1). По мировым стандартам, это, может, и нельзя назвать несметными богатствами, но по меркам Нагорного Карабаха Бабаян был невообразимо богат.

Бабаян и его семья сделали хорошие деньги и во время, и после войны. Во время войны богатство текло с "оккупированных территорий", откуда вывозилось и продавалось все, что там было, – главным образом в Иран. Мародеры не упускали ничего, будь то металлолом, заводское оборудование, медная проволока или потолочные перекрытия. Один мой приятель-армянин рассказывал, как однажды в июне, уже после войны, он ездил в разоренный Агдам и увидел там сцену, достойную фильмов Феллини: люди загружали несколько иранских грузовиков лепестками роз. Эти лепестки были собраны с тысяч розовых кустов, растущих на руинах опустошенного города, и иранцы покупали их на варенье.

В мирное время Бабаян и его семья использовали экономическую изоляцию Нагорного Карабаха в своих интересах. Он основал компанию "Юпитер", которую зарегистрировал на имя жены, и, получив монополию на импорт сигарет и горючего, зарабатывал огромные деньги. Но дело не ограничивалось экономикой: "Нельзя было открыть киоск или работать школьным учителем без разрешения Бабаяна", – возмущался один из местных жителей. Все политические соперники были нейтрализованы.

Вражда между Бабаяном и полевым командиром по кличке Вачо закончилась перестрелкой,

после чего Вачо покинул Карабах. Всякий, кто оказывался на пути Бабаяна, рисковал оказаться в шушинской тюрьме и потом выкупать самого себя за огромную взятку. От одного отца семейства потребовали привести к Бабаяну любую из его дочерей-подростков. Он запретил дочкам выходить из дома, а сам бросился собирать выкуп в пять тысяч долларов.

Эта часть биографии Бабаяна была самой отвратительной, но также и наиболее трудно доказуемой, потому что ни одна девушка в Степанакерте не стала бы открыто рассказывать о пристрастии Бабаяна к изнасилованию. Но мне рассказывали, что молодые женщины боялись выходить на улицу по вечерам, потому что Бабаян со своими друзьями, на манер Лаврентия Бери, медленно разъезжали по улицам на "мерседесе" в поисках "добычи". Некоторые родители отсылали своих дочерей в Ереван, чтобы избавить их от жадного взгляда Бабаяна; а некоторых детей прозывали "маленький Сямо".

Отвратительный человек, но готовил ли он захват власти в марте 2000 года? Говорили, что если бы покушение на Гукасяна организовал Бабаян, признанный профессионал в военном деле, то уж оно бы не сорвалось. Болгарская журналистка Цветана Паскалева, большая сторонница Бабаяна, говорила, что когда она встречалась с ним перед самым арестом, все его мысли были заняты планами мирного восстановления политической карьеры.. Но большинство жителей Степанакерта, видимо, считали его виновным. "Если не он, то кто же?" – говорили люди.

Ветеран карабахского движения Жанна Галстян заявила, что суд был логическим итогом его амбиций: "Самвел Бабаян перехватил у нас инициативу, он сделал людей рабами. Если бы не этот суд, все было бы напрасно". Бабаян явился наиболее ярким примером общего послевоенного феномена. Как и в Азербайджане, многие простые карабахские армяне считали себя преданными своими лидерами. Те, кто воевал по идейным убеждениям или потерял на войне сыновей и мужей, были жестоко разочарованы. Сета Мелконян, вдова армянского добровольца Монте Мелконяна, призналась мне, что ей тяжело возвращаться в Мартунинский район, где он командовал отрядом:

"Я знаю семью, которая потеряла всех троих сыновей, троих молодых мужчин. Это была семья беженцев из Баку. Они приехали в Мартуни и потеряли троих сыновей. Один был женат, у него было двое детей, один из которых диабетик. У второго была невеста. Третий не был женат. И каждый раз, когда я вижу их мать, мне становится плохо. Что можно сказать матери? Это те, с кем я общаюсь, а ведь есть много других, кого я не знаю. Они думают: а стоила ли их жертва того, во имя чего они ее принесли?... Я знаю одну женщину, она работает уборщицей в [военном] штабе. По ее лицу видно, что она чувствует. Она потеряла дом; в ее дом попала ракета "Град". У нее погибли оба сына. Погиб ее зять. Что вы скажете этой женщине? У нее на руках шестеро внуков – а мимо проезжает человек на машине, которая стоит сто тысяч долларов!" (2)

В армяно-азербайджанской войне стороны заплатили разную цену. Для Азербайджана этой ценой стала глубокая травма, вызванная потерей территорий и огромным наплывом беженцев; однако военное поражение имело один положительный побочный эффект: благодаря ему полевые командиры лишились амбиций. Несостоявшиеся бонапарты вроде Сурета Гусейнова и Рагима Газиева похоронили в Карабахе свою политическую и военную карьеру.

Карабахские армяне торжествовали победу после подписания договора о прекращении огня в мае 1994 года, однако победа позволила военачальникам Армении контролировать мирную жизнь. В Армении самой влиятельной стала организация ветеранов войны "Еркрапа" – ее лидером был Вазген Саркисян. А в Карабахе люди продолжали зависеть от прихотей военных лидеров.

Послевоенный армянский Карабах столкнулся с фундаментальной проблемой: какое будущее

ожидает экономически изолированное и не признанное мировым сообществом маленькое государство в состоянии нерешенного спора с Азербайджаном? Какова будет цена длительного мира? Когда я встретился с Бабаяном в первый и единственный раз, спустя несколько недель, после того, как его сместили с должности командующего армией и за несколько недель до ареста, он показал, что начинает задумываться над этими вопросами. Внешне командующий скорее был похож на Марселя Пруста, чем на грозного военачальника: невысокий, подвижный, опрятно одетый, с блестящими черными усами. Вместе с тем меня удивило его разительное сходство (такой же рост, такой же тихий голос и возраст, и даже имя почти такое же) с другим знаменитым кавказским боевиком – чеченским полевым командиром Шамилем Басаевым. Как и у Басаева, тяжелый взгляд черных глаз выдавал в Бабаяне разрушителя человеческих судеб.

Он на одном дыхании говорил о войне и мире. Он уверял, что, по его выражению, "четвертый раунд" войны может окончательно поставить Азербайджан на колени. "Если состоится четвертый раунд, он и станет решающим, и тогда нам не будет необходимости останавливать военные действия и садиться за стол переговоров. Если же мы снова остановимся, как это сделали в 1994 году, тогда мы снова забудем о существовании этой проблеме" (3).

Однако он также хотел заключить договор с Азербайджаном. Возможно именно потому, что в течение нескольких лет он отвечал за слабую и изолированную экономику Нагорного Карабаха, Бабаян понимал, что экономическое развитие региона возможно только на пути торговли с восточным соседом: "Мы очень заинтересованы в азербайджанском рынке". Он добавил, что как человек, который отвоевал у противника территорию на полях сражений, мог бы первым отказаться от этих завоеваний за столом переговоров. Потом Бабаян неожиданно, но явно с желанием увидеть мою реакцию, бросил сенсационную фразу: "Ильхам Алиев хочет встретиться со мной в Париже", имея в виду сына и наследника президента Азербайджана. "Я пока еще не сказал "да".

Бабаян так и не смог встретиться с Ильхамом Алиевым – если, конечно, предложение о такой встрече было реальностью, а не фантазией. Три недели спустя Бабаяна арестовали, а в феврале 2001 года он был приговорен к 14 годам тюрьмы за организацию покушения на Гукасяна.

"Этот миф [о Бабаяне] мы поддерживали для внешнего мира. К сожалению, он не сработал". Аркадий Гукасян, избранный "президент" Нагорного Карабаха, полулежал на диване в своей резиденции. Спустя более полугодом после покушения он все еще хромал, и нога у него все еще была забинтована. Гукасян – бывший журналист, но внешне – круглая лысеющая голова, аккуратные усики и веселое лицо – больше похож на управляющего банком. Он пришел к власти в Нагорном Карабахе в результате выборов в 1997 года, после того, как Роберт Кочарян был назначен премьер-министром Армении и переехал в Ереван. Мне было интересно услышать от него, для чего он поощрял культ героя войны Самвела Бабаяна, впоследствии ставшего его личным врагом. "Многие люди повинны в том, что он превратился в того, кем стал", – признал Гукасян (4).

Быть руководителем непризнанного государства – незавидная работа. Ни одна страна – даже Армения – не признала независимость Нагорного Карабаха. Это означает, что никто не приглашает тебя на международные встречи. Организация Объединенных Наций не отвечает на твои письма. Когда ты посещаешь иностранное посольство, тебя принимает не посол, а первый секретарь.

Руководители Карабаха настаивают, что государственность определяется историей, а не международными резолюциями. Холеный премьер-министр непризнанного государства Анушаван Даниэлян, приехавший в Карабах из Крыма, – другой полунезависимой постсоветской области – задавался вопросом, когда начинается и кончается история. "Разве есть что-либо в международном праве, говорящее, что события семидесятилетней давности

– это не история, а десятилетней давности – история?" – риторически спрашивал он (5). Иными словами, почему статус Нагорного Карабаха в составе Азербайджана до 1988 года более юридически состоятелен, чем его статус в последние 10 лет?

Гукасян утверждал, что судебный процесс по делу Бабаяна стал своего рода "экзаменом", который должен был показать, как "в Карабахе развивается новое общество". Он настаивал на том, что Нагорный Карабах превращается в государство, независимо от того, что думает внешний мир.

Не признанная внешним миром Нагорно-Карабахская Республика наслаждается если не содержанием, то, по крайней мере, формой государственности. На фасаде президентской резиденции на бывшей площади Ленина вычеканен огромный герб, а на флагштоке реет флаг Нагорного Карабаха – армянский красно-сине-оранжевый триколор, где с правой стороны изображено подобие лестницы с зигзагообразными ступеньками. На столах у членов правительства теперь стоят чернильницы с символикой Нагорного Карабаха. В блокнотах на каждом листе вытиснена надпись "Нагорно-Карабахская Республика". И каждый год 2 сентября с помпой отмечается "День независимости".

Эта риторика самопровозглашения ставит Нагорный Карабах в ряд с другими четырьмя непризнанными мини-государствами на территории бывшего Советского Союза. Это странный клуб из пяти претендующих на государственность образований, возникших из бывших автономных областей Советского Союза, которые в 1991 году отказались принять условия, предложенные им при разъединении страны на пятнадцать государств – бывших республик СССР. Все пять несостоявшихся государств фактически отделились от своих "родителей" и потом скатились в хаос анархии или войны. В 2000 году ни одно из них не было удовлетворено своим положением. В Чечне вспыхнула вторая война с Москвой. Абхазия и Южная Осетия политически отделились от Грузии, но были крайне бедны и находились в изоляции, как и Приднестровье – область, отколовшаяся от Молдовы.

Среди пяти отколовшихся областей Нагорный Карабах находился в наименее бедственном положении, в основном потому, что объявленная им независимость была, собственно, дымовой завесой. На бытовом уровне Карабах стал провинцией Армении. Карабахские армяне получили право использовать армянские паспорта, местной валютой стал армянский драм. Бюджет Карабаха поддерживается безвозмездными кредитами, предоставляемыми министерством финансов Армении.

На международном уровне Нагорный Карабах, как и Чечня, оставался изгоем. Ни один из принятых им законов и ни одна организация не признавались за пределами его границ, и на его территорию не ступала нога иностранного дипломата, за исключением тех случаев, когда официальные лица прибывали сюда с миротворческой миссией. Фактически подобное положение вещей стало стимулом для превращения Карабаха в неконтролируемую страну. Ходили слухи – в них легко поверить, но трудно проверить, – что Карабах активно пользовался своей репутацией международной "черной дыры".. Военные атташе допускали, что, возможно, именно там складировались излишки российского вооружения, превышавшие квоты, предусмотренные соглашением об обычных вооружениях в Европе. Азербайджанцы утверждали, что Карабах стал перевалочным пунктом для контрабанды наркотиков. Когда лидер курдских сепаратистов Абдулла Оджалан пустился в бега, ходили слухи, что он направился в Карабах. Слухи не подтвердились, но логично предположить, что Нагорный Карабах был единственным местом на земле, где он мог найти убежище от международного правосудия.

Чья в этом вина? Конечно, карабахцев. Но возможно, и наша тоже. Международная изоляция лишь способствует формированию осадного менталитета и оставляет поле для деятельности тех (особенно в армянской диаспоре), кто хотел бы вложить деньги скорее в миф о Нагорном Карабахе, чем в его реальность.

"Извини, что я это говорю, Том, – сказал Валерий. – Но мне кажется, что мы дураки и азербайджанцы тоже дураки". Валерий возил меня по Карабаху на своем такси – кофейного цвета "Жигулях". Он был весел и невозмутим и ехал так медленно, убаюкивая, что у нас было достаточно времени, чтобы насладиться красотой окрестных лесов и поговорить на многие темы. Валерий когда-то работал в Баку, у него были друзья-азербайджанцы, и у него остались самые теплые воспоминания о жизни в советские времена. Мы часто в шутку повторяли, что вот если бы сейчас поехать напрямик через линию фронта, то уже через четыре часа можно было бы оказаться в Баку и провести приятный вечер на берегу Каспийского моря. Он держал в машине любимую кассету с азербайджанской музыкой, но пленка оказалась такой старой и заезженной, что вместо пения слышался сдавленный стон. Валерий не хотел, чтобы Нагорный Карабах снова стал частью Азербайджана, однако он с удовольствием повернул бы стрелки часов назад и вернулся во времена Советского Союза, когда все жили в одном большом государстве и прекрасно ладили друг с другом. Лично он считал, что сложившаяся сейчас ситуация крайне запутана и найти выход из нее – задача не по силам маленьким людям вроде него.

Мы направлялись в город Мардакерт вместе с двумя моими друзьями-армянами и должны были там встретиться с человеком, который был на тридцать лет моложе Валерия, но, как и он,, не испытывал к азербайджанцам вражды.

На посту у военной базы в Мардакерте к нам подошел Рубен, высокий худой новобранец лет девятнадцати. Он приехал из Еревана и проходил военную службу здесь, в Карабахе, на линии фронта. Тот факт, что призывники из Армении служат в Нагорном Карабахе, подчеркивает, насколько полно объединены обе территории. Мы угостили Рубена в кафе недалеко от базы. Мы привезли ему деньги и несколько писем от родных в Армении, а также блок сигарет, чтобы ему было чем скрасить смертную скуку будней патрульной службы. Солдатам в то время платили одну-две тысячи драмов (примерно два-четыре доллара) в месяц; увольнительных у них не было и есть им тоже было почти нечего. Они использовали свое боевое оружие в основном для того, чтобы подстрелить змею или бродячую собаку, которых они потом жарили и ели.

Рубен рассказал нам, что на линии фронта есть участок, где расстояние между окопами с обеих сторон границы всего тридцать-сорок метров. Когда поблизости нет офицеров, армянские призывники общаются с азербайджанскими. Они стреляют в воздух или кричат: "Мулла!", или азербайджанцы кричат: "Вазген!". Потом, в точности как на Западном фронте под Рождество 1914 года, они встречаются посередине, на ничейной полосе. О чем они говорят? "Мы просто встречаемся, обмениваемся сигаретами и говорим друг другу: "Мы не враги, мы все одинаковые, мы друзья". Валерий одобряет это.

Пока мы ждали Рубена, коренастая женщина в камуфляже с короткой стрижкой внимательно оглядела нас с ног до головы и сказала с акцентом жительницы тихоокеанского побережья США: "Хелло!". Позднее мы зашли к Ани, единственной американке, живущей в Мардакерте. Ани тараторила без перерыва: было понятно, что она рада пообщаться с людьми, говорящими на английском. Она жила в одноэтажном домике с некрашеным деревянным полом и металлической кроватью в углу. Дом отапливался дровяной печкой, а воду надо было брать из колодца, Она сказала, что даже и не помнит, сколько раз ее обворовывали.

Армянская диаспора проявляет огромный интерес к Нагорному Карабаху. Чем чаще живущие за границей армяне слышали о коррупции и плохом руководстве в Армении, тем больше надежд они возлагали на Карабах. Они добились того, что конгресс США выделил Карабаху помощь в размере 20 миллионов долларов. В области есть школы, больницы и водяные насосы, которые финансируют армяне из Уотертауна или Бейрута. Асфальтовое шоссе из Армении в Карабах с дорожными знаками, ограждениями и разметкой – лучшая трасса на Кавказе; она обошлась в десять миллионов долларов, выделенных фондом "Айастан", который финансируется армянской диаспорой. Гуманитарную помощь и пропагандистскую

поддержку Карабаху оказывает также организация "Christian Solidarity Worldwide" и ее президент, английская баронесса Кэролайн Кокс.

Все эти друзья Карабаха работают, стараясь вытащить людей из нищеты, помогая детям и ухаживая за больными. Но их представление о Нагорном Карабахе как об осажденном врагами оплоте христиан трудно принять. Ведь в конце концов, они поддерживали карабахцев, занимавших жесткую позицию в споре с Азербайджаном, не задумываясь о возможных последствиях. Возможно, они увидели в Карабахе место, где можно начать историю заново, с нулевого года, в "свободной от турок зоне". Валерий со своими записями азербайджанской музыки и бакинскими друзьями не вписывались в такую картину мира. Как и Рубен, обменивающийся сигаретами с азербайджанскими солдатами на линии фронта.

А также, как оказалось, многие соседи Ани в Мардакерте. К чести Ани, надо сказать, что она была одной из, наверное, полудюжины американских армян, которым хватило смелости, следуя своим убеждениям, приехать жить в Карабах. Реальная жизнь превратила ее в армянского Дон-Кихота. Она пытается перенести на идеализированную почву свои представления об армянской солидарности – лишь для того, чтобы они разбились вдребезги, столкнувшись с реальностью постсоветской армянской провинции.

Мы спросили у Ани, зачем она приехала в Карабах. "Я увидела во всем этом продолжение геноцида", – ответила она. Ани добровольцем приехала в Мардакерт восемь лет назад по приглашению Монте Мелконяна, с которым она училась вместе в университете Беркли. "Никогда не видела войны, никогда не видела похорон, никогда не видела покойников", – тараторила Ани. Она гордо показала нам свой крестик, выплавленный из двух пуль, – подарок семье ее погибшего товарища. "Одна моя подруга, увидев этот крестик, очень рассердилась и велела снять, но я ей сказала: "Бог тоже сражается за свободу".

Домик Ани оказался своеобразной выставкой фотографий, на которых была запечатлена ее борьба за решение "армянского вопроса". Вот демонстрации – она участвовала в их проведении, чтобы добиться признания геноцида армян. А вот она объезжает деревушки в Кении со своей передвижной выставкой, посвященной геноциду. Она даже пыталась – безуспешно – убедить армян наладить контакты с американскими индейцами и другими угнетенными народами. "Я выступала в Нью-Йорке 24 апреля [в день Геноцида] и сказала, что нам нужно пригласить на нашу церемонию американских индейцев. Ведь они, как и армяне, потеряли земли своих предков". Ани была феминисткой и единственной женщиной в Мардакерте, водившей машину.

Она пыталась обучать девочек рисованию и фотографии, но многие родители запрещали своим дочерям посещать ее занятия. Она испортила отношения со всеми – полицией, священником, местными властями. Она ввязалась в долгую тяжбу с командованием военной базы. После того, как ее уволили из армии, она осталась работать в гарнизоне как частное лицо и подала в суд на одного из командиров за сексуальные домогательства. По словам Ани, есть множество проблем с изнасилованиями и попытками изнасилования. Другой ее заботой стала борьба с расхищением гуманитарной помощи. Большая ее часть, поступающая от армянской диаспоры, разворовывалась или доставалась семьям тех, кто занимался распределением. "Я помогаю раздавать гуманитарную помощь из рук в руки, – говорит Ани, – американцы присылают вещи и обувь прямо мне – ведь они знают, что здесь у меня нет родственников".

Я думал: как долго сумеет Ани продержаться в Мардакерте, пытаясь воплотить свою мечту о Нагорном Карабахе, который упрямо не желает следовать ее правилам и продолжает жить по своим? Мне показалось, что она, пожалуй, рано или поздно сдастся и вернется домой в Америку. "Если ты им не нравишься, то считай ты не на их стороне, они закрывают перед тобой двери и хотят от тебя избавиться, – устало сказала она. – Я могу прожить здесь всю свою жизнь и все равно быть для них чужой".

Этот странный край, одновременно привлекательный и неприветливый, сам творит свое странное будущее.

Примечания

1. Radio Free Europe/Radio Liberty, Armenian Service, 25 September 2000.

2. Интервью с Мелконяном 7 мая 2000 г.

3. Интервью с Бабаяном 27 февраля 2000 г.

4. Интервью с Гукасяном 10 октября 2000 г.

5. Интервью с Даниэляном 16 мая 2000 г.

Глава 17. 1994-2001 г.г. Ни войны, ни мира

Стабильность Алиева

В мае 1994 года отношения между Арменией и Азербайджаном перешли в стадию замороженного конфликта, когда массовое насилие прекратилось, но политические разногласия оставались нерешенными. В течение последующих нескольких лет Армения переживала политический кризис. Отвыкший от мирного развития Азербайджан, был обречен на удушающий порядок, установленный Гейдаром Алиевым.

Президент Алиев воспользовался окончанием войны для того, чтобы взять под свой контроль Азербайджан. Он постепенно избавился от своих реальных и потенциальных противников, начав с чистки в армии. В августе 1994 года группу армейских командиров, в том числе бывшего министра обороны Рагима Газиева и лидера Народного фронта Арифа Пашаева, отдали под суд обвинив в том, что два года назад они сдали Шушу армянам.

В октябре 1994 года, президент был в Нью-Йорке, когда узнал об убийстве вице-спикера парламента Афиятдина Джалилова и о мятеже подразделений Отряда полиции особого назначения – ОПОНа (ранее – ОМОН). Президент спешно вернулся в Баку, где с театральной неожиданностью обвинил премьер-министра Сурета Гусейнова в попытке государственного переворота с целью захвата власти. Гусейнов бежал в Россию вслед за Газиевым, который загадочным образом бежал из тюремного заключения. В Москве оба политических деятеля обнаружили свои симпатии, выразив поддержку бывшему президенту Муталибову. Позднее обоих депортировали в Азербайджан, где приговорили к длительным срокам тюремного заключения.

Расправившись с пророссийской оппозицией, Алиев переключил свое внимание на другого противника. В марте 1995 года командир ОПОНа Ровшан Джавадов, оправданный по делу о предыдущей попытке государственного переворота, захватил одну из казарм в Баку и отказался сдать оружие. Для подавления мятежа Алиев послал против опоновцев войска. Десятки людей были убиты, включая и самого Джавадова, умершего от потери крови по дороге в больницу. Истинные организаторы этого мятежа так и остались неизвестны, однако,

вероятно, среди его теневых вдохновителей были действовавшие на свой страх и риск элементы из турецких органов безопасности, а также члены националистического движения "Бозкурт" – "Серые волки". В числе арестованных и посаженных в тюрьму мятежников был местный лидер "Серых волков" и бывший министр внутренних дел Искендер Гамидов.

К этому моменту Алиев уже получил бесценную козырную карту, необходимую ему для стабилизации страны – разработку азербайджанских нефтяных месторождений. В 1994 году некоторые эксперты стали предсказывать новый нефтяной бум в Баку. Правда, часть из ранее сделанных прогнозов, например, что Каспийское море может стать новым Персидским заливом, оказалась чересчур оптимистичной, но более сдержанные оценки говорили о том, что Каспий может стать, по меньшей мере, вторым Северным морем, и со временем давать 5% мировой добычи нефти.

В 1993 году, незадолго до свержения, бывший тогда президентом Азербайджана Абульфаз Эльчибей вел переговоры с западными компаниями по поводу совместной разработки каспийских нефтяных месторождений. Переговоры продолжались при Алиеве, однако их продвижению препятствовала коррумпированность азербайджанских чиновников (ходили слухи, что некое официальное лицо попросило у британской нефтяной компании British Petroleum 360 миллионов долларов в качестве аванса за подпись под контрактом). Осенью 1994 года правительство, в конце концов, подписало контракт по разработке трех нефтяных месторождений с консорциумом компаний, которые объединились в "Азербайджанскую международную операционную компанию" – АМОК (или в английской аббревиации – АЮС). Сделка оценивалась в восемь миллиардов долларов и была названа "контрактом века"

Президент Азербайджана стремился создать широкую международную коалицию для поддержки своих новых нефтяных проектов. Первоначально центральное место в его планах занимала Россия. Он предполагал, что нефть будет переправляться по российским нефтепроводам, поэтому российская компания "Лукойл" получила десять процентов акций в консорциуме АЮС. Однако львиная доля консорциума принадлежала западным компаниям, в основном ВР и Амосо, которые начали менять политическую программу Алиева. Под давлением США Алиев был вынужден отозвать предложение Ирану пятипроцентного пакета акций АЮС.

Создание АЮС увенчалось успехом. Возможно, важнейшее событие за все президентство Алиева произошло в ноябре 1997 года, когда в присутствии высоких гостей со всего мира "ранняя нефть" из азербайджанского месторождения "Чираг" пошла в черноморский порт Супса в Грузии. Торжественный пуск месторождения в эксплуатацию, а также тот факт, что нефть пошла через Грузию, а не Россию, ознаменовали разворот Алиева на Запад. Тремя месяцами ранее он посетил с весьма успешным визитом в Вашингтон. В американской столице ветерана брежневской эры встречали бывшие "генералы" "холодной войны" Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер.

Была определена и новая цель, цементирующая эти теплые отношения с Западом, - прокладка нефтепровода для экспортных поставок бакинской нефти в турецкий порт Джейхан на Средиземном море. С 1997 года правительство США стало оказывать проекту нефтепровода "Баку-Тбилиси-Джейхан" мощную политическую поддержку, несмотря на сомнения ряда нефтяных компаний в его коммерческой обоснованности. Проект "Баку-Тбилиси-Джейхан" символизировал стремление Вашингтона привязать Азербайджан и Грузию к Западу через Турцию и проводить политику сдерживания в отношении России и Ирана. Таким образом, этот проект по-новому поляризовал Армению и Азербайджан, втянув Азербайджан в орбиту Вашингтона и подтолкнув Армению к альянсу с Россией и Ираном.

Посредничество конкурентов

Хотя обе стороны соблюдали заключенное в мае 1994 года соглашение о прекращении огня в

Нагорном Карабахе, в зону конфликта не были введены международные силы по поддержанию мира, и никакого политического соглашения подписано не было. Самое большее, чего удалось добиться посредникам, так это новое соглашение о соблюдении перемирия в течение неопределенного срока, подписанное 26 июля военными лидерами Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха – причем все три подписи впервые были поставлены на одном и том же листе бумаги.

Обе стороны постепенно укрепляли свои оборонительные рубежи на границе, превращая линию фронта в одну из самых укрепленных в мире. На всей границе за пределами Нагорного Карабаха между командирами противостоящих частей не было даже телефонной связи, в основном, потому что азербайджанцы опасались, как бы контакты между сторонами даже на таком уровне не выглядели признанием легитимности сил, оккупирующих их земли. Ежегодно погибало несколько десятков солдат с обеих сторон, хотя число погибших от мин и в результате несчастных случаев и число убитых вражеским огнем было примерно равным. Однако напряженность на границе постепенно снижалась. В 2000 году министр обороны Армении, Серж Саркисян, сообщил, что от снайперского огня погибло всего восемь солдат, сократившись по сравнению с 1998 годом, когда погибло тридцать три человека. Эти данные, несомненно, были близки к данным противоположной стороны (1).

Через шесть лет после подписания соглашения о перемирии министр иностранных дел Армении Вардан Осканян, один из ветеранов переговорного процесса, сожалел об упущенных в 1994 году возможностях:

"Мы не воспользовались нашим преимуществом. И поскольку мы им не сумели воспользоваться, сложившаяся на тот момент обстановка, с течением времени, стала восприниматься как незыблемая. Было бы легче вернуть захваченные территории через два месяца после подписания соглашения о прекращении огня, чем сейчас. Конечно, для Азербайджана было бы намного легче снять блокаду сразу после прекращения огня, чем сейчас. То же можно сказать и в отношении всего другого" (2).

Главным фактором, отрицательно сказывавшемся на процессе переговоров, были опасения Азербайджана по поводу намерений основного посредника, России. После заключения соглашения о прекращении огня Азербайджан отклонил предложение Грачева о введении в страну российских миротворческих сил. Западные дипломаты-члены Минской группы – ни один из которых не был приглашен на организованную Грачевым в мае 1994 года встречу в Москве – при поддержке Азербайджана требовали, чтобы силы по поддержанию мира были многонациональными. Проблема заключалась в том, что у СБСЕ не было механизмов для создания таких сил. Кроме того, страны Запада больше занимала боснийская проблема и они едва ли были готовы согласиться на отправку войск для обеспечения безопасности в более отдаленную конфликтную зону.

В результате, в 1994 году отношения между Россией и Западом в Минской группе достигли нижнего предела. Русские обвиняли Минскую группу в стремлении саботировать единственно реальную на тот момент мирную инициативу; а представители Запада обвиняли русских в попытках заблокировать выработку альтернативного мирного плана, имеющего широкую международную поддержку.

Стороны работали друг против друга. Российский посредник на переговорах Владимир Казимиров говорит, что перед заключением соглашения о прекращении огня, шведы дважды назначали заседания Минской группы в Париже и Праге именно на те дни, когда в Москве должны были состояться встречи представителей СНГ, на которых россияне планировали проводить мирные переговоры. Он видел в этом прямую попытку подорвать посредническую деятельность России. Разногласия обострялись. Посредники из Минской группы выражали недовольство тем, что русские назначили на 8 сентября переговоры в Москве, не проинформировав их об этом.

Со своей стороны, русские возражали, что СБСЕ намеренно перенесло заседание Минской группы в Вене на 12 сентября, то есть на тот день, когда планировалось проведение переговоров в Москве. Россия не направила своего представителя на венскую встречу (3). Все эти склоки заставили президента Армении Левона Тер-Петросяна заявить: "Создается впечатление, что страны-посредники и международные организации заинтересованы не столько в урегулировании конфликта, сколько в выяснении не связанных с ним собственных счетов и взаимоотношений, то есть их интересует не прекращение войны, а возникающая вследствие этого новая ситуация в Закавказье". (4)

Обе стороны в условиях всех этих противоречий стремились к выработке компромиссного соглашения, которое могло быть одобрено на саммите СБСЕ в Будапеште в декабре 1994 года. Планировалось выдать организации мандат на создание первого в ее истории контингента международных сил по поддержанию мира на создание специально для Нагорного Карабаха, в котором бы участвовали, но не доминировали, российские войска. Азербайджан воспользовался этой возможностью. Перед будапештской встречей русские пригласили в Москву президентов обеих стран. Азербайджанцы предварительно направили заместителя министра иностранных дел Тофика Зульфугарова с целью выяснить повестку дня этих переговоров. По словам Зульфугарова, он пришел к выводу, что русские пытаются сорвать заключение соглашения в Будапеште. Поэтому Алиев, сославшись на болезнь, не приехал в Москву, чем вынудил Тер-Петросяна также оставаться в стороне. Говорит Зульфугаров: "Если бы они прилетели в Будапешт из [Москвы], решение о размещении международных сил не было бы выработано" (5).

На саммите в Будапеште 5-6 декабря 1994 года СБСЕ изменило свое название и стало Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ. Не считая проблемы Нагорного Карабаха, отношения между Россией и Западом были хорошими, и западные лидеры подтвердили свою поддержку президенту Ельцину, как раз в то время, когда он принимал роковое решение о вводе войск в Чечню. Что касается карабахского вопроса, то ОБСЕ признала особую роль России в конфликте и предложила ей вместе со Швецией стать сопредседателем Минской группы. Затем ОБСЕ выдала мандат на формирование новых сил по поддержанию мира. Контингент должен был насчитывать 3 тысячи человек, причем на каждую страну-участницу миротворческих сил должно было приходиться не более 30% общего личного состава, и войска могли быть размещены только с санкции ООН и только после политического урегулирования конфликта.

На самом деле, политическое урегулирование было менее достижимо, чем когда-либо. У сторон выявились фундаментальные разногласия по поводу нескольких ключевых проблем. Армяне были готовы в принципе обсуждать вопрос о возвращении Азербайджану шести районов, оккупированных за пределами Нагорного Карабаха – Агдамского, Физулинского, Джебраилского, Кельбаджарского, Кубатлинского и Зангеланского – в случае, если их требования по другим вопросам будут удовлетворены. Однако они заявили, что не будут вести переговоров о возвращении Шуши, находящейся на территории Нагорного Карабаха, и Лачина, обеспечивающего наземный коридор между Нагорным Карабахом и Арменией. Для Азербайджана потеря обоих регионов была неприемлемой. Кроме того, Баку по-прежнему отказывался вести прямые переговоры с карабахскими армянами.

Самым болезненным оставался вопрос о будущем статусе самого Нагорного Карабаха. Решить этот вопрос можно было, лишь примирив противоречащие друг другу требования, касающиеся территориальной целостности Азербайджана и стремления Карабаха к самоопределению (или, проще говоря, состоявшемуся де-факто отделению). В 1995 году был установлен второй канал переговоров между специальными советниками президентов Армении и Азербайджана Жирайром Липаритяном и Вафой Гулузаде. Они стали неофициально встречаться каждый месяц для обсуждения, в частности, проблемы статуса и добились существенного прогресса.

В декабре 1996 года ОБСЕ провело еще один саммит в Лиссабоне, который укрепил позицию Азербайджана. ОБСЕ приняла решение выработать три основополагающих принципа для урегулирования спора. Один из них подтверждал территориальную целостность Азербайджана, включая и Нагорный Карабах. Армения возразила, считая что это предопределяет статус Нагорного Карабаха. В результате армяне оказались в изоляции и наложили вето на включение этих трех принципов в итоговое коммюнике саммита. После Лиссабонского саммита переговоры Гулузаде и Липаритяна прекратились.

Карабахцы берут власть

После заключения в 1994 году соглашения о прекращении огня, Армения и самопровозглашенное государство Нагорный Карабах приступили к процессу объединения. Началось строительство новой 64-километровой дороги между городом Горис в Армении и Степанакертом: ее прокладывали вместо старой, ужасающее состояние которой и в советские времена делало сообщение между Нагорным Карабахом и Арменией почти невозможным.

Прокладка новой трассы заняла пять лет и обошлась в 10 миллионов долларов, которые были собраны армянской диаспорой. Когда дорога – широкая, асфальтированная, с белой разметкой, дорожными знаками и заградительными барьерами – была сдана в эксплуатацию в 1999 году, она стала дерзким символом союза Армении и Карабаха. Армянская диаспора также помогла восстановить пострадавшую в войне инфраструктуру Карабаха и полуразрушенный Степанакерт. Отстроенные заново армянские города и деревни резко контрастировали с так называемыми карабахскими "зелеными деревнями", где когда-то жили азербайджанцы. Они так и остались разоренными и разрушенными..

Армяне расценивали военный успех Нагорного Карабаха как историческую победу. Это обеспечило Карабаху и его лидерам репутацию героев и большое влияние в Армении. В декабре 1994 года карабахский парламент избрал главу комитета обороны Роберта Кочаряна первым "президентом" Нагорного Карабаха. В ноябре 1996 года состоялись выборы, на которых он был переизбран. В мае 1994 года главнокомандующий карабахскими силами Самвел Бабаян получил звание генерал-майора армии Армении и начал расширять свое экономическое и политическое влияние за пределами Карабаха. Он участвовал в создании парламентского блока "Право и единение", который планировал принять участие в парламентских выборах 1999 года в Армении. Говорят, как-то Бабаян пошутил, что если бы ему не понравились действия армянского правительства, он повел бы на Ереван танки.

Армия стала самым влиятельным институтом в Армении. По официальным данным, на нужды армии уходило 8-9% валового внутреннего продукта; по неофициальным сведениям, эта цифра была, вероятно, намного больше. Армия стала основой "карабахской партии", куда входили не только карабахцы. Главным лидером был харизматичный Вазген Саркисян, первый министр обороны Армении, выдающийся военачальник и новоиспеченный феодал. В 1993 году он основал движение ветеранов войны "Еркрапа", которое завладело различными сферами экономики страны.

"Карабахская партия" была одним крылом армянской правящей элиты. Другое крыло представляло "Армянское общенациональное движение" (АОД) Левона Тер-Петросяна, партия, которая, став правящей, монополизировала политическую жизнь в стране. В 1994-1995 годах Тер-Петросян подавил конкурирующую партию, единственную, а также имевшую широкую народную поддержку, националистическую "Дашнакцутюн". Он утверждал, что в ее состав входит тайная террористическая организация "Дро". Деятельность "Дашнакцутюн" была приостановлена, и запрет был снят только после отставки Тер-Петросяна в феврале 1998 года.

В сентябре 1996 года Тер-Петросян выдвинул свою кандидатуру на второй президентский

срок. Но его общественная поддержка шла на убыль. Десятки тысяч профессионалов эмигрировали, страна погрязла в нищете. Общество разочаровалось в правящей элите. Бывший соратник Тер-Петросяна Вазген Манукян, ставший теперь непримиримым политическим соперником, использовал общественные настроения для собственных политических целей. Его позиции усилились после того, как три кандидата отказались от участия в выборах в его пользу. Выступая на митингах, Манукян затмевал Тер-Петросяна, который на его фоне не производил впечатления.

22 сентября, в день выборов, большинство международных наблюдателей пришло к выводу, что Тер-Петросян не победил в первом туре выборов. Однако Центральная избирательная комиссия Армении объявила его победителем с 52% голосов. Сторонники Манукяна вышли на улицы в знак протеста против результатов голосования, толпа штурмом взяла здание парламента, избив спикера и вице-спикера. Тер-Петросян вывел на улицы Еревана танки и арестовал ряд оппозиционеров. Наблюдатели объявили, что на выборах были допущены серьезные нарушения – другими словами, что переизбрание Тер-Петросяна незаконно.

Сомнительная победа Тер-Петросяна на выборах запятнала его репутацию и сделала его должником руководителей силовых структур, которые помогли ему победить Вазгена Манукяна. В самый разгар кризиса министр обороны Вазген Саркисян обронил ставшую позднее знаменитой фразу: "Даже если они [оппозиция], наберут 100% голосов, ни армия, ни Национальная служба безопасности, ни министерство внутренних дел не признают таких политических руководителей".

Президент попытался укрепить свой авторитет, назначив на должность премьер-министра Армена Саркисяна, посла Армении в Лондоне, политического деятеля с репутацией честного человека. Однако в марте 1998 года Саркисян заболел и был вынужден уйти с этого поста. Выбирая возможных преемников Саркисяна, Тер-Петросян остановился на кандидатуре другого политического деятеля – Роберта Кочаряна. Вот комментарий Тер-Петросяна: "Я думал, что здесь, на посту премьер-министра Армении, Роберт поймет Армению, поймет, что представляет собой Карабах, с точки зрения Армении" (6). Другими словами, если бы Кочарян стал руководить всей экономикой Армении, он смог бы получить непосредственное представление о том, как страдает страна от нерешенного карабахского вопроса.

Падение Тер-Петросяна

В 1997 году посредники из Минской группы действовали уже более скоординировано и готовились к новой попытке разрешить карабахский спор. На лиссабонском саммите в декабре 1996 года Франция была избрана сопредседателем Минской группы наряду с Россией. Азербайджан протестовал против этого решения на том основании, что Франция с ее большой армянской общиной была проармянски настроена. В феврале 1997 года был достигнут компромисс, по которому Соединенные Штаты стали третьим, наряду с Россией и Францией, сопредседателем Минской группы.

Присутствие трех политических тяжеловесов в Минской группе дало новый импульс мирным переговорам, и в мае 1997 года сопредседатели предложили новый обширный план урегулирования. У карабахских армян были оговорки, но руководители Армении и Азербайджана встретили его благосклонно. Выступая в Вашингтоне, президент Алиев сделал важную уступку, публично заявив, что Азербайджан не должен ждать немедленного возвращения Лачина и Шуши.

В сентябре 1997 года посредники Минской группы представили для обсуждения видоизмененный, поэтапный вариант своего плана, в котором решение вопросов безопасности Нагорного Карабаха было включено в первую фазу. Устанавливалось, что после ухода армян с оккупированных территорий и демилитаризации Карабаха, стороны согласятся продолжить переговоры с тем, чтобы "наиболее быстро прийти к решению по

поводу урегулирования всех аспектов конфликта, включая и политический аспект, куда входит вопрос об определении статуса Нагорного Карабаха и разрешение проблемы Лачина, Шуши и Шаумяна".

Тер-Петросян отнесся к этому мирному плану с энтузиазмом. Он говорит, что чуть раньше армянское министерство транспорта и Всемирный банк предоставили ему удручающие данные о том, как экономика Армении справляется с азербайджанской и турецкой "блокадой". Он пришел к выводу, что расходы на транспортные перевозки чрезмерно высоки и что продолжительный устойчивый рост армянской экономики невозможен. Он также сомневался в способности армянской диаспоры спасти экономику страны – и эта точка зрения привела его к конфликту с премьер-министром и министром обороны. Говорит Тер-Петросян:

"Мы ежегодно получали от диаспоры десять миллионов долларов. Вот и все. Роберт [Кочарян] и Вазген Саркисян говорили, что если бы мы хорошо работали, мы могли бы получать 450 миллионов долларов в год. Я показал им, что это невозможно. Проанализировав все это, я сделал вывод, что если мы не решим карабахский вопрос, это будет плохо как для Армении, так и для Карабаха. Время работало против нас".

26 сентября 1997 года Тер-Петросян на первой за пять лет большой пресс-конференции изложил доводы в пользу компромиссного решения проблемы Нагорного Карабаха. Он сказал, что мировое сообщество никогда не признает независимость Карабаха или его объединение с Арменией, но и существующая ситуация также недопустима. "Я не считаю реальным поддержание статус-кво, – сказал он. – Я признаю, что мы могли бы настаивать на отсрочке в шесть месяцев или год, но тогда чаша терпения международной общественности переполнилась бы". Президент привел в качестве примера боснийских сербов, которые после еще более длительной отсрочки вынуждены были довольствоваться меньшим по условиям Дейтонского соглашения. Единственным выходом, заключил он, было бы согласие на поэтапное решение спора, при котором не были бы ущемлены основные интересы карабахских армян (7).

Замечания Тер-Петросяна вызвали бурю обвинений в том, что он предает Карабах. 1 ноября президент ответил на эти обвинения в газетной статье "Война или мир? Время призадуматься". В спокойной и саркастической манере он по пунктам опровергал своих критиков. Тер-Петросян писал, что в Армении и в Нагорном Карабахе только шесть человек понимают всю сложность вопроса, и обвинял своих оппонентов в том, что они находятся во власти мифов.

Можно было ожидать вспышки волнений в Армении. Что самое неприятное для Тер-Петросяна, возмущены были также и армянские власти Карабаха. 6 ноября "министерство иностранных дел" Нагорного Карабаха выступило с беспрецедентным заявлением, в котором оспаривался ряд доводов Тер-Петросяна. Аркадий Гукасян, которого недавно избрали "президентом" Карабаха вместо Кочаряна, в интервью 7 октября высказал свое несогласие с точкой зрения Тер-Петросяна. Он отверг последние предложения Минской группы и сказал, что "как бы плохо не жили люди, есть святыне вещи, есть принципы, от которых они не откажутся ни при каких обстоятельствах". Гукасян также предупредил Тер-Петросяна:

"Было сказано, что Армения согласится на любое решение, принятое Нагорным Карабахом. В этом смысле наши разногласия [с Ереваном] вызывают беспокойство и это плохо. Однако если эти разногласия обострятся, то я думаю, Армения должна сдержать свое слово и оставить решение за Карабахом. Мы сами должны принять решение, какое сочтем необходимым" (8).

Спор достиг апогея в новом 1998 году. 7-8 января Гукасян посетил заседание Совета Безопасности Армении, на котором Кочарян, а также министры внутренних дел Серж

Саркисян и обороны Вазген Саркисян, высказались против плана Минской группы. Правящая партия начала распадаться. Министр иностранных дел был вынужден подать в отставку. Столкнувшись с возможным "дворцовым переворотом", который готовы были совершить его ближайшие сподвижники, Тер-Петросян решил покориться неизбежности и 3 февраля 1998 года объявил о своей отставке.

Тер-Петросян стал третьим президентом, вслед за Аязом Муталибовым и Абульфазом Эльчибеем в Азербайджане, лишившимся своего поста из-за – полностью или частично – карабахского конфликта. В случае Тер-Петросяна легитимность его президентства была подорвана фальсификацией результатов выборов 1996 года. Он, казалось, самоустранился, и в результате утратил авторитет, необходимый для мобилизации общественного мнения в пользу мирного плана. Но самое главное, Тер-Петросян недооценил влияние в своей администрации "карабахской партии", лидером которой теперь был Роберт Кочарян, человек, которого он сам же и привел в Ереван. Между президентом, представителем ереванской интеллигенции, строившим свою политическую карьеру на идеях независимости и экономического процветания Армении, и теми, кто сражался в войне за Нагорный Карабах, разверзлась пропасть. Серж Саркисян объясняет точку зрения оппозиционеров в резкой форме:

"Думаете, нам не надоела война? Что, мы не хотели жить и развиваться в мире? Но мы действительно не могли пойти на эти уступки. Я понимаю, что Левон нес за все это ответственность. Я понимаю, что он был президентом. Но мы непосредственно вели людей в бой. Я потерял почти всех своих друзей. Почти всех. У меня погиб племянник. Он пошел на войну вместе с отцом, когда ему было восемнадцать" (9).

Холодный мир

В 1998 году, после отставки Тер-Петросяна, в отношениях между Арменией и Азербайджаном наступила новая фаза – холодного мира. Отсутствие диалога между странами отражало растущую поляризацию отношений между Россией и Западом. Альянс Армении и России оставался прочным, а Азербайджан укреплял свои связи с Соединенными Штатами и подписал договор о военном сотрудничестве с Турцией. Российские войска оставались в Армении, и казалось, что противоборствующие стороны не очень-то стремятся к мирному урегулированию карабахского конфликта. В 1995 году Армения согласилась сохранить российскую военную базу в Гюмри еще на двадцать пять лет. Вслед за этим, в 1997 году, между двумя странами было заключено всестороннее соглашение "О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи".

Однако позиция России тоже менялась, и российские военные уже не обладали монополией на проведение политики на Кавказе. Летом 1996 года Ельцин начал свой хаотичный второй президентский срок с увольнения министра обороны Павла Грачева, занимавшего этот пост продолжительное время, тем самым положив конец карьере лидера российских сторонников интервенции на Кавказе.

Месяц спустя новый министр иностранных дел России Евгений Примаков снял Владимира Казиминова с поста официального представителя Москвы в Карабахе и отправил его послом в Коста-Рику. Примаков значительно больше интересовался Кавказом, чем его предшественник Андрей Козырев. Он, очевидно, надеялся победить прозападные настроения в регионе, но хотел сделать это скорее дипломатическими, нежели военными методами. Третья группа российских игроков, нефтяные компании, включая "Лукойл", вынашивала планы получения как можно большей доли в проектах добычи азербайджанской нефти в Каспийском море.

30 марта 1998 года Роберт Кочарян был избран президентом Армении, тем самым закрепив приход к власти в стране "карабахской партии". Его победа на выборах далась труднее, чем

ожидалось. Он лишь с небольшим преимуществом победил своего, неожиданно оказавшегося сильным, соперника – бывшего первого секретаря ЦК Коммунистической партии Армении Карена Демирчяна. После своей отставки в 1988 году Демирчян десять лет держался в тени, пока не решил баллотироваться на пост президента. Армяне с теплотой вспоминали 1970-е годы, когда он занимал высший партийный пост.

Во время предвыборной кампании бывший партийный лидер республики обнаружил достойный Рональда Рейгана талант говорить мало, но с большим обаянием. Показательно и то, что он редко упоминал Нагорный Карабах, делая акцент на внутренних проблемах страны. Несмотря на это, очевидные преимущества Кочаряна (он был действующим главой государства, продолжал пользоваться популярностью, его поддерживали государственные средства массовой информации, кроме того на избирательных участках, как утверждалось, были случаи подтасовок в его пользу) обеспечили ему победу.

Кочарян был избран при поддержке националистической партии дашнаков, запрет на деятельность которой он снял. Ее влияние ощущалось в новом жестком тоне обсуждений карабахской проблемы. В июне 1998 года новый министр иностранных дел Вартан Осканян обвинил Азербайджан в непримиримости и заявил, что если в ближайшие несколько лет ничего не изменится, Армения предпримет меры для аннексии Нагорного Карабаха. Но, столкнувшись с резким осуждением своей позиции на Западе, Осканян был вынужден пойти на попятную и заявить, что его не так поняли.

В Азербайджане Алиев теперь добился полной – его оппоненты сказали бы мертвящей – стабильности. Он ощущал себя в безопасности достаточной, чтобы допустить возвращение в Баку в конце 1997 года низложенного президента Абульфаза Эльчибея, до этого пребывавшего во внутреннем изгнании в Нахичевани. Но Эльчибею так и не удалось объединить вокруг себя оппозицию. Он умер от рака в августе 2000 года.

В октябре 1998 года Алиев был переизбран с большим преимуществом, предсказуемо победив ветерана националистического движения Этибара Мамедова. Второй президентский срок Алиева был спокойнее, чем первый, но постепенно его крепкая хватка слабела. Одной из причин этого была экономика. В 1999 году прогнозов относительно второго нефтяного бума становилось все меньше. Цены на нефть падали, а результаты пробного бурения каспийского шельфа не давали повода для оптимизма. Некоторые иностранные компании и консорциумы покинули Азербайджан, ссылаясь на систематическую коррупцию. Если нефтяная промышленность и давала какую-то выгоду, то широкие слои населения этого не ощущали. В докладе Программы развития ООН говорилось, что "успехи страны в использовании экономического роста для общественного развития оказались весьма ограниченными" и что не связанные с нефтью отрасли промышленности переживают застой (10).

В январе 1999 года семидесятипятилетний Алиев внезапно улетел в Анкару для проведения медицинского обследования и три месяца спустя в американском городе Кливленд, штат Огайо, перенес операцию по аортокоронарному шунтированию. Эта операция явилась напоминанием для всех, что нынешний президент смертен, как и другие люди, и что у него пока нет достойной смены. Один из кандидатов в его наследники Расул Гулиев в 1996 году переехал в США и пополнил собой список врагов Алиева. Наиболее очевидный преемник президента, его сын Ильхам Алиев, был заместителем руководителя государственной нефтяной компании ГНКАР, однако ему не хватало основательности и политического опыта.

Вновь посредничество...

В апреле 1999 года Алиев, и Кочарян прибыли в Вашингтон на саммит, приуроченный к пятидесятилетию НАТО. Вместе с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе они участвовали в неофициальной встрече с государственным секретарем США Мадлен Олбрайт

в ее кабинете. Олбрайт оставила Кочаряна и Алиева наедине, чтобы они могли поговорить с глазу на глаз. Так, почти случайно, начался диалог нового типа. Оба политических деятеля фактически не видели друг друга со времени секретных переговоров в Москве в 1993 году.

В ходе Вашингтонской встречи они нашли базу для взаимопонимания. Оба были жесткими лидерами-одиночками, которых больше устраивал формат конфиденциальных переговоров на высшем уровне. Как бывший комсомольский работник Степанакерта, Кочарян испытывал чуть ли не сыновнее уважение к Алиеву, который был старше его больше, чем на тридцать лет. В последующие два года они встречались раз пятнадцать.

Тот факт, что Кочарян был родом из Карабаха, облегчал проблему представительства Карабаха на переговорах: он фактически представлял интересы также и карабахских армян. Было понятно, что для Кочаряна высшей ценностью была де-факто независимость Карабаха. Именно по этой причине оба политических лидера на одной из первых своих встреч обратились к так называемому "Плану Гобла". Он был назван в честь бывшего сотрудника госдепартамента США, эксперта по Кавказу Пола Гобла, который в 1992 году составил меморандум, в котором выдвинул идею решить карабахский вопрос путем обмена территориями. В сущности, план предусматривал, что в обмен на закрепление за Арменией "Лачинского коридора", связывающего ее с Нагорным Карабахом, Азербайджан мог бы получить проходящий через Мегрийский район на юге Армении коридор, соединяющий его с Нахичеванью (11).

Основным достоинством этой идеи была ее простота. Кроме того, Алиев получал существенный приз, которым он мог, как флагом, размахивать перед азербайджанской общественностью, объявляя о других болезненных и непопулярных уступках. Тем временем, не осталось незамеченным, что план, столь благоприятный и для Нахичевани, и для Карабаха, обсуждался двумя выходцами именно из этих регионов. Многие представители азербайджанской элиты отвергли предложенный в 1999 году план, означавший сдачу Карабаха. В октябре 1999 года три ближайших сподвижника Алиева подали в отставку, очевидно из-за разногласий по этому вопросу, и президент, таким образом, лишился своих самых опытных советников. Это были многолетний советник по внешней политике Вафа Гулузаде, руководитель президентской администрации Эльдар Намазов и министр иностранных дел Тофик Зульфугаров.

В Армении "План Гобла" вызвал еще большую полемику, поскольку для Армении потеря Мегри означала потерю южной границы со своим самым дружественным соседом Ираном. Для карабахца Кочаряна обвинение в том, что он продает земли Республики Армении, ради обеспечения будущего Нагорного Карабаха, было бы болезненным. Вот почему ради надежды на претворение этого плана в жизнь Кочарян очень нуждался в поддержке министра обороны Вазгена Саркисяна, который летом 1999 года стал самым влиятельным политиком Армении.

В мае 1999 года Республиканская партия Вазгена Саркисяна, выросшая из движения "Еркрапа", одержала на парламентских выборах сокрушительную победу. Партия вступила в прочный альянс с Народной партией Карена Демирчяна, и они совместными усилиями оставили за бортом бывшую правящую партию АОД, не получившую ни единого места в парламенте. После выборов Кочарян назначил Саркисяна премьер-министром Армении, а Карен Демирчян стал председателем парламента.

Казалось, Саркисян, который возглавил "дворцовый переворот" для свержения Тер-Петросяна, за последующие несколько месяцев убедился в преимуществах мирного договора по Карабаху. Новый премьер-министр совершил поездку в США, во время которой ему сообщили о сокращении финансовой помощи от армянской диаспоры, на которую теперь уже нельзя было полагаться как на главное средство поддержания страны. 11 октября Алиев и Кочарян провели двухчасовую встречу на границе между Нахичеванью и Арменией – это

была их пятая встреча за последние полгода. Азербайджанцы сделали шашлык из барашка, обстановка была дружеской. Оставалась надежда, что на приближающемся в ноябре саммите ОБСЕ в Стамбуле обе стороны выступят хотя бы с рамочным заявлением по Нагорному Карабаху.

...И новая кровь

27 октября 1999 года заместитель государственного секретаря США Строуб Тэлбот посетил Ереван по пути в Стамбул. Перед тем как отправиться в аэропорт, он провел переговоры с Кочаряном и Вазгеном Саркисяном. Затем Саркисян отправился в парламент Армении, чтобы участвовать в сессии, на которой правительство отвечает на вопросы депутатов.

В начале шестого вечера, когда работа была в разгаре, в зал заседаний через одну из боковых дверей ворвался человек в длинном плаще с автоматом в руках. Он сразу открыл огонь по первому ряду кресел, где сидел Вазген Саркисян. Пули свистели по всему залу, люди бросились на пол. Другой боевик, лидер банды, вбежал и выстрелил в сторону подиума, где лежал спикер парламента, Карен Демирчян. За ними последовали еще трое членов банды. За считанные минуты восемь человек, включая Саркисяна и Демирчяна, были убиты и еще восемь ранены.

Лидер банды, бывший журналист Наири Унанян объявил, что он отбирает власть у "кровопийц", которые правят Арменией. Бандиты забаррикадировались в зале заседаний; как потом говорили очевидцы, они, похоже, ждали, что что-то произойдет. Здание парламента оцепили войска, приехал президент Кочарян. Вопреки всем советам, Кочарян взял на себя инициативу и провел переговоры с боевиками. К утру они, казалось, удовлетворились данным обещанием предоставить им телеэфир и гарантией проведения честного суда. Около 10:30 утра следующего дня все пятеро были отправлены в тюрьму.

Эти убийства опустошили политическую арену Армении, лишив страну ее главных политических тяжеловесов. Беспрепятственное нападение на армянский парламент стало возможным из-за его неадекватно плохой охраны. Более глубокие причины этого инцидента крайне противоречивы. Наири Унанян был известным экстремистом, которого еще в 1992 году изгнали из партии "Дашнакцутюн". Он ненавидел Вазгена Саркисяна – хотя позднее выяснилось, что его брат Карен, возможно, убил Саркисяна вопреки приказу Наири. Большинство наблюдателей пришли к выводу, что банда действовала не сама по себе, но была орудием в руках других. Тем не менее, до сих пор непонятно, кто мог организовать эти убийства.

По одной из версий, нападавшим было приказано предотвратить близкий прорыв в переговорах по Нагорному Карабаху путем устранения Саркисяна, который был уже готов поддержать мирный план. Выбор момента для убийства – сразу после встречи Саркисяна со Строубом Тэлботом – и впрямь поразителен. Позднее в печати приводились слова Тэлбота о том, что обе стороны были "очень, очень близки" к достижению соглашения и что происшедшая бойня стала "человеческой, политической и геополитической катастрофой" (13).

Тем не менее, судя по некоторым обстоятельствам, время для нападения случайно совпало с переговорами, и, вероятно, мотивы этих убийств лежали исключительно во внутривнутриполитической плоскости: так, на всем протяжении ночных переговоров засевшие в парламенте братья Унаняны ни разу не упомянули Карабах. Если бы кто-то и планировал сорвать карабахский мирный процесс, тогда, очевидно, главной мишенью стал бы не Саркисян, так как на тот момент еще не было определенности в его позиции по мирному соглашению. Наконец, Саркисян был близким союзником российского истеблишмента в силовых структурах, которые именно и могли быть заинтересованы в срыве мирного плана, инициированного Соединенными Штатами.

В 1999 году мирный процесс был временно приостановлен, пока Армения улаживала свои внутривластные дела. Кочарян столкнулся с гневом движения "Еркрапа", обвинявшего его в том, что он не передал им часть властных полномочий, которые они требовали в качестве компенсации за гибель Вазгена Саркисяна. Прошло более года, прежде чем Кочаряну удалось восстановить свою власть. Диалог между Алиевым и Кочаряном возобновился в полном объеме в конце 2000 года. К тому времени идея крупномасштабного обмена территориями уже не стояла на повестке дня, главным образом, потому, что она не получила поддержки в Армении. В мае 2000 года Кочарян так выразился по поводу этого плана: "Сегодня его невозможно реализовать по причинам, известным всем" (14).

Позиция России также изменилась. Новый президент России Владимир Путин начал проводить на Кавказе более координированную политику. Начав новую войну в Чечне и ужесточив позицию России в отношении Грузии, Путин продолжал "оттепель" в связях с Азербайджаном. Во время официального визита в Баку в январе 2001 года Путин сделал символический жест поддержки Алиеву, – подарил ему диплом об окончании в 1949 году Ленинградской академии КГБ. Это было первое публичное подтверждение того, что Алиев учился в Ленинграде.

В 2001 году три страны-сопредседательницы Минской группы, Франция, Россия и США, впервые, казалось, стали работать в тесном сотрудничестве. Мирный процесс сдвинулся с мертвой точки. Алиев и Кочарян провели две успешные встречи в Париже, на которых председательствовал президент Франции Жак Ширак. И, словно это было заранее согласовано, в армянских и азербайджанских газетах одновременно были опубликованы "утечки" – тексты трех мирных планов, подготовленных Минской группой в 1997 и 1998 годах. Эти "утечки" должны были протестировать общественное мнение по карабахскому вопросу и подготовить почву для четвертого плана – совершенно отличающегося от первых трех. Реакция общественности на три старых плана, в особенности в Азербайджане, была очень враждебной. Почти никто в Баку не высказался в поддержку компромисса.

В апреле 2001 года армяно-азербайджанский конфликт вновь на короткое время привлек внимание мировой общественности, когда в Ки-Уэсте, штат Флорида, под эгидой государственного департамента США в течение пяти дней шли самые интенсивные за всю историю карабахского конфликта переговоры с участием президентов. Новый формат переговоров объединял конфиденциальный диалог двух президентами с консультациями, которые они могли получить у посредников Минской группы. После встречи один из посредников заявил, что они достигли соглашения по "80 или 90 процентам" вопросов.

Следующая встреча должна была состояться в Швейцарии в июне, и даже начали поговаривать о подписании мирного соглашения в конце 2001 года. Оба президента получили достаточное время для проведения широких консультаций у себя дома. В Армении реакция была негромкой, но едва ли воодушевляющей. Армянский парламент вновь заявил, что статус Карабаха не подлежит обсуждению, и отверг компромиссы.

А в Азербайджане план мирного урегулирования рухнул, так как те, с кем говорил Алиев, решительно выступили против некоторых уступок, которые Алиев обсуждал в Ки-Уэсте.

Прорыв почти произошел, как того и следовало ожидать, самым драматическим образом, когда Алиев предложил важнейшие уступки по самому чувствительному вопросу, а именно по поводу статуса Нагорного Карабаха. "Он, в сущности, предложил, чтобы Карабах стал частью Армении", – сказал один чиновник, участвовавший в переговорах. На это поразительное предложение об отказе от всего, что было священно для многих азербайджанцев, должен был последовать ряд ответных уступок со стороны армян, включая и патрулируемую международным миротворческим контингентом дорогу, которая связала бы Азербайджан с

Нахичеванью через Армению, и право азербайджанских беженцев на возвращение в Шушу.

Почему президент Азербайджана сделал этот драматичный ход? Как объяснил один западный дипломат, Алиев придерживался принципа "все или ничего": "Он хотел или вернуть Карабах целиком, или вообще от него отказаться". Последнее, на что мог согласиться азербайджанский президент, было бы иметь у себя под боком беспокойную, населенную армянами, область, этакую змею, пригретую на груди; лучше уж совсем от нее избавиться, но добиться от армян уступок по другим вопросам.

Однако попытка Алиева разрубить этот узел оказалась чересчур смелой и циничной для азербайджанской политической элиты. В конце концов, мирная инициатива исходила от того самого человека, который ежегодно во всеуслышанье вещал о "праздновании Новруза в Ханкенди в будущем году" и о полном восстановлении контроля Азербайджана над Карабахом. Разрыв между тем, что Алиев говорил конфиденциально и его публичными заявлениями, был так велик, что даже безграничная хитрость президента не смогла его сократить. И разумеется, Алиев никогда бы не признался, что именно было у него на уме – ничего никогда не фиксировалось на бумаге. Мир опять оказался в западне. Когда 19 мая 2001 года международные посредники приехали в регион и пересекли границу Нагорного Карабаха, то преграда, которую она символизировала, казалась неприступной и несокрушимой – как никогда.

Примечания

1. Сообщение армянского информационного агентства "Снарк" от 26 марта 2001 г.
2. Интервью с Осканяном на английском языке 13 декабря 2000 г.
3. Интервью с Казимировым 1 декабря 2000 г.; Human Rights Watch, Azerbaijan, Seven Years of Conflict, p. 84.
4. Из "Республика Армения", 23 сентября 1994, перепечатано в кн.: Арутюнян. События. том V, стр. 399.
5. Интервью с Зульфугаровым 9 ноября 2000 г.
7. Интервью с Тер-Петросяном 24 мая 2000 г.
8. Из русского перевода пресс-конференции Тер-Петросяна в: "Республика Армения" 30 сентября 1997 г.
9. Интервью с Гукасяном 7 октября 1997 г.
10. Интервью с Саркисяном 15 декабря 2000 г.
11. UNDP in Azerbaijan. Country Review Report, 1999, p. 15-16, 17.
12. См.: Paul Goble, "How The 'Goble Plan' Was Born", RFE/RL Caucasus Report 3, no. 23, 8 June 2000.
13. Сообщение информационного агентства "Туран", 19 июня 2001 г.
14. Интервью с Кочаряном 25 мая 2000 г.

Заключение. Садахло: будущее

"Они воют, мы нет", – сказал Мухтар, торговец из Азербайджана, выразив тем самым свое мнение о войне на Кавказе, и стиснул в объятьях армянского коллегу Ашота.

Двое черноусых мужчин стояли перед морем старых фургонов советского образца и шумной толпой торговцев. Мы все находились в Садахло, поселке на армяно-грузинской границе – рядом с той точкой на карте, где смыкаются территории трех кавказских республик. Здесь находится один из крупнейших на южном Кавказе оптовых рынков.

На краю поселка выстроились в линию белые и грязно-желтые автобусы из Баку, Еревана и Нагорного Карабаха. В Садахло азербайджанцы торгуют продуктами питания, одеждой и мукой из Турции и России, а армяне – продукцией иранского производства, например, стиральным порошком "Барф"). И те и другие извлекают выгоду из того, что фрукты и овощи в Армении созревают позже. "Скоро начнут привозить молодую морковку из Азербайджана, а потом они будут покупать нашу", – пояснил Ашот. "В начале лета мы продаем свои помидоры, – добавил Мухтар, – а в августе, когда наши уже сойдут, здесь будут армянские". И оба сошлись на том, что предпочитают торговать друг с другом, нежели с грузинами.

В марте 2001 года министр финансов Армении Вардан Хачатрян потребовал закрыть рынок в Садахло, объявив его "рассадником коррупции и основным каналом, по которому [в Армению] идет поток контрабанды". По словам министра, через этот рынок ежегодно ввозятся не облагаемые налогами товары на сумму от трехсот до четырехсот миллионов долларов, что соответствует всей доходной части бюджета Армении (1). Простые люди могут возразить: рынок в Садахло делает то, чего не делают правительства – дает возможность кормить и одевать себя.

Наверное, половина населения Еревана носит турецкую одежду, купленную в Садахло. Армяне из Нагорного Карабаха покупают на этом рынке "Азерчай", свой любимый еще с советских времен сорт чая. Большое количество других купленных здесь товаров попадает в магазины и торговые лавки Гянджи и северного Азербайджана.

Рынок следует сохранить и еще по одной причине: он является ярким свидетельством того, что у армян и азербайджанцев нет "врожденной ненависти" по отношению друг к другу. Как только вы попадаете на территорию нейтральной Грузии, "этническая ненависть" исчезает. В центральной части столицы Грузии Тбилиси, в "старом городе", я зашел в ковровую лавку, которой совместно владеют армянин и азербайджанец – старинные друзья, говорящие на полудюжине языков. Они считают карабахский конфликт нелепостью. Такие же мирные сценки можно наблюдать в Москве или Тебризе. Культурные различия между этими двумя народами менее заметны, чем, скажем, между израильтянами и палестинцами. И конечно, у Мухтара и Ашота во сто крат больше общего, чем у того и другого в отдельности – со мной.

К сожалению, закрытие границ сделало рекостью такие теплые дружеские отношения, как у Мухтара и Ашота. Большинство армян и азербайджанцев совершенно не общаются со своими соседями, а с 1994 года взаимное отчуждение стало частью статус-кво. Единственный рычаг давления Азербайджана – это изоляция Армении, и именно поэтому большинство азербайджанских официальных лиц отвергают попытки диалога и "нормализации" отношений с Арменией, считая что это может склонить чашу весов в пользу последней. Министр иностранных дел Азербайджана Вилаят Гулиев говорил: "Региональное сотрудничество не может служить средством достижения мира. О каком сотрудничестве может идти речь между агрессором и государством, территория которого оккупирована?" (2).

Прогнозы пока неутешительны. Армяно-азербайджанский конфликт, возможно, не самый безнадежный среди современных войн, но он породил наихудший мир. После завершения военных действий в регионе царит нищета. Несомненно, больше всех обездолены полмиллиона, или около того, азербайджанцев, изгнанных в 1992-1994 году из Нагорного Карабаха и сопредельных территорий. С тех пор их положение почти не изменилось к

лучшему., Хотя и в меньшей степени, подавляющее большинство армян и азербайджанцев тоже пострадали в результате войны. В Армении около 80% населения живет в нищете, на сумму менее чем двадцать пять долларов в месяц (3). Эмиграция приобрела катастрофические масштабы. Армению покидают те, в ком она особенно нуждается, – молодые, экономически активные, образованные граждане.

Нахичевань, автономная республика в составе Азербайджана, изолирована от основной части страны. Зажатая между Арменией, Турцией и Ираном, республика символизирует весь ужас ситуации. Нахичевань оказалась практически в полной изоляции от внешнего мира, когда в 1991 году армяне закрыли свои границы, замкнув двойное кольцо блокады.

Город Нахичевань всегда был крупной узловой станцией на железнодорожной магистрали Москва-Тегеран. Теоретически, благодаря своему географическому положению между Россией и Ираном, Турцией и Центральной Азией, он мог бы стать главным железнодорожным узлом всего Ближнего Востока. Вместо этого с закрытием армянской границы он является в полном смысле слова тупиком, далеким, как Патагония. Длинные ржавеющие составы стоят на запасных путях городского вокзала. Заводы забиты бесполезными советскими станками, продукция которых так и не попала на рынок.

Добраться до Нахичевани очень непросто. Вам придется либо лететь туда из Баку, либо добираться на машине из восточной Турции или из Ирана, где таможенники взимают солидную плату с любого транспортного средства, пересекающего границу. Когда я летел туда в конце октября, в воздухе уже чувствовался ранний зимний морозец. Мэр Нахичевани Вели Шахвердиев, разжег в своем рабочем кабинете печурку, работавшую от газового баллона, продемонстрировав тем самым, как предстоит обогреваться людям в ближайшие полгода. Мэр рассказал, что он готов ввести строгие ограничения на потребление электричества в городе, поскольку у них снова возникли перебои с электроэнергией. Будут выключены все уличные фонари и обесточены все магазины.

Раньше для Нахичевани было привычным получать газ – и большую часть других продуктов – через Армению, – ведь Ереван отсюда гораздо ближе, чем Баку. "Могу сказать, что у нас были очень близкие, просто прекрасные отношения с армянами, – говорил Шахвердиев. – Я учился в Московском университете и ни разу не ездил туда из Баку. Я садился в автобус, час ехал до Еревана, а оттуда – самолетом до Москвы. И точно так же возвращался обратно" (4). И что необычно для азербайджанского чиновника, он тепло высказывался за установление мира в Карабахе.

Политическая жизнь Нахичевани окутана мраком точно так же, как ее улицы. Трое местных жителей хотели поговорить со мной о проблеме преследований, притеснений и жесткой цензуры. Они опасались, что нас подслушают, поэтому мы сели у входа в кафе, на темной площади. Тусклый свет лежащего на столе фонарика освещал наши лица. Они рассказывали, как местный руководитель Васиф Талыбов, со стороны жены приходящийся родственником президенту Азербайджана Гейдару Алиеву, запугивает каждого, кто становится ему поперек дороги. Так, неизвестные люди напали на нескольких кандидатов от оппозиции, участвовавших в предвыборной кампании, и избили их. В день выборов никого не удивили официальные результаты проведенного с многочисленными подтасовками голосования, в результате которого со значительным перевесом победа досталась правящей партии "Новый Азербайджан".

На первый взгляд кажется удивительным, что небольшой спор нанес такой ущерб. Ситуация в Нагорном Карабахе сродни причудам циклона – небольшой в 1988 году, он разросся и стал причиной широкомасштабных разрушений, сметая все преграды, блокируя дороги и заставляя бывших соседей идти войной друг на друга. Но происшедшее там явилось результатом структурной слабости проводимой в этом регионе политики – и дает возможность судить, как зарождается конфликт.

Стоит еще раз подчеркнуть, чем конфликт не является. Следует сразу же отвести три неверных предположения. Конфликт, как было показано, не порожден "вековой ненавистью". И это хорошо. До конца XIX века армяне и азербайджанцы воевали друг с другом не чаще, чем любые другие народы в этом регионе. Даже после вспыхнувшего в начале XX века серьезного межэтнического конфликта обе нации неплохо ладили между собой – и по сей день продолжают ладить, о чем наглядно свидетельствует оптовый рынок в Садахло.

Ложной также является версия, будто конфликт вспыхнул, как, например, войны в Чечне, вследствие политических решений на высшем уровне. Факты говорят сами за себя: вопреки существовавшему в регионе консенсусу, советские политические лидеры, начиная с 1988 года, скорее следили за развитием конфликта, нежели были его поджигателями. Пожар вспыхнул у них под ногами, охватил все вокруг и превратил в пепел власть большинства из них, включая, возможно, и Михаила Горбачева. Призывов к диалогу и компромиссу практически не было. А это значит, что многие простые граждане также должны разделить ответственность за кровопролитие и что стихийное общественное мнение в Армении и Азербайджане остается главной движущей силой.

И наконец, армяно-азербайджанский конфликт нельзя сводить исключительно к социально-экономическим компонентам. В 1998 году обе стороны пренебрегали своими социально-экономическими интересами. Вспыхивали забастовки, разрушались транспортные и иные связи с соседями – все во имя политических целей. Попытки Москвы использовать социально-экономические рычаги для решения возникших проблем через своего наместника Аркадия Вольского не увенчались успехом. Впоследствии, конечно же, на разрастающемся вооруженном конфликте начали богатеть торговцы оружием, спекулянты, военачальники, но вряд ли можно утверждать, что они его развязали, и социально-экономических паллиативов было бы недостаточно, чтобы его погасить.

Как бы ни неприятно это было допускать многим наблюдателям, но смысл конфликта в Нагорном Карабахе станет яснее только в том случае, если мы признаем, что действия сотен тысяч армян и азербайджанцев подогревались глубоко укоренившимися идеями относительно истории, идентичности и прав. И то, что эти идеи в значительной степени были опасны и иллюзорны, отнюдь не означает, что люди не верили в них со всей искренностью. Начиная с 1990-1991 годов немало добровольцев готово было рисковать за них жизнью. Они расцвели в идеологическом вакууме, возникшем в конце существования Советского Союза, и получили новый импульс во время войны.

Самым темным проявлением этих воззрений стали "повести о ненависти", пустившие такие глубокие корни, что пока они существуют, ничего не может измениться в Армении и Азербайджане.

Из своих путешествий по Южному Кавказу я вынес одно важное впечатление: линия раскола прошла сквозь души людей. В одном и том же человеке сосуществуют импульсы ненависти и желание примирения. Армяне и азербайджанцы одновременно могут быть друзьями и врагами. Они мечутся между агрессивностью и миролюбием, между личной дружбой и националистическими мифами.

Подобная противоречивость свойственна и людям, облеченным властью. Карабахский армянин Серж Саркисян, суровый министр обороны Армении и один из двух наиболее влиятельных людей в стране, с неподдельной теплотой вспоминал о своих бывших коллегах-азербайджанцах, вместе с которыми работал в степанакертском комсомоле. "У меня много друзей среди азербайджанцев, я знал азербайджанский язык", – говорил мне Саркисян.

Но эти воспоминания не сказались на его отношении к войне с Азербайджаном – никакого сожаления по этому поводу он не высказал. Провожая меня после интервью, министр вдруг

заявил: "Самое важное – не территория. Важно, что в Армении остался один этнос. В Варденисе и других областях азербайджанцы составляли около 70 процентов населения. Наши культуры несовместимы. Мы можем жить бок о бок, но не внутри друг друга! Нас мало" (5). Очевидно, для Саркисяна ход истории, как он его понимает, заглушал голоса его старых друзей.

Другой военачальник, бывший министр обороны Азербайджана Таджеддин Мехтиев, сначала разразился воинственной речью, а затем неожиданно продемонстрировал искреннее добродушие. Мехтиев является одним из лидеров "Организации освобождения Карабаха", которая ратует за возвращение Карабаха силой. "Мы выгоним армян из Карабаха, – гремел Мехтиев, – а затем пойдем дальше и выгоним их из нашей исторической территории – Зангезура". После интервью генерал отдвез меня в своем "мерседесе" к центру Баку. Услышав, что я собираюсь в Армению, потенциальный завоеватель Карабаха и Зангезура попросил: "Если будете в Ереване, разыщите Михаила Арутюняна и передайте ему от меня большой привет. Он сейчас начальник Генерального штаба. Мы вместе с ним учились в академии Генштаба [СССР]" (6).

Я был поражен тем, что часто добросердечными оказывались именно те люди, которые больше всего потеряли в этой войне. Например, азербайджанка Наиля работала учительницей под Сабирабадом. Как и ее соседи, она была беженкой, чей дом захвачен армянами. Но с какой теплотой она вспоминала о двух армянских девушках, с которыми подружилась на курсах повышения квалификации учителей в Баку, о том, как они делились едой и разучивали друг с другом песни! Наиля сказала, что беспокоится о своей дочери, у которой формируется противоположный взгляд на жизнь. "Когда по телевизору показывали резню в Ходжалы, дочка спросила меня: "А армяне – люди?" Она не могла поверить, что люди способны на такие вещи, на убийство. Я ответила ей: "Да, они люди". А потом по российскому телевидению была передача с ведущей-армянкой, и я сказала дочке: "Смотри, вот армянка. У нее есть семья, дети".

Воспитывая свою дочь в таком духе, Наиля противостоит ежедневным атакам официальной пропаганды. В Азербайджане, потерпевшем поражение в этой войне, официально распространяемая ненависть особенно сильна. 9 мая 2001 года, спустя всего лишь месяц после серьезного обсуждения мирного соглашения в Ки-Уэсте, президент Алиев возложил венок к памятнику жертвам второй мировой войны и провел параллель между вторжением нацистов на территорию Советского Союза и оккупацией армянами азербайджанских территорий. В своей речи он сказал, что "агрессор обязательно должен быть наказан" (7).

Рассказывая о своей жизни в годы конфликта, и армяне, и азербайджанцы обязательно выставляют себя жертвами агрессивности противной стороны, а свое собственное насилие называют вынужденными мерами самообороны. Армянская версия событий начинается с погромов в Сумгаите, переходит к событиям в Баку в январе 1990 года, операции "Кольцо", обстрелам Степанакерта и захвату Шаумяновского района. Азербайджанцы начинают рассказ с принудительной высылки азербайджанцев из Армении в 1988 году, вспоминают, как они сами пострадали в Баку в январе 1990 года, переходят к массовым убийствам в Ходжалы и заканчивают эту скорбную хронику воспоминаниями об оккупации территорий к востоку от Нагорного Карабаха. Эти односторонние толкования современной истории теперь есть и в школьных учебниках.

В этих рассказах часто возникают темы деколонизации и независимости. Выслушивая их снова и снова, я начал замечать на заднем плане тени двух врагов – России и Турции. Идея о том, что Россия и Турция представляют реальную угрозу, очень широко распространена в обеих странах. Привожу здесь два комментария, взятых почти наугад из проведенных мной интервью. Арам Саркисян, в прошлом первый секретарь Компартии Армении, сказал мне: "Сегодня Армения – это всего лишь маленький барьер на пути намерения Турции объединиться со всеми тюркоязычными странами: ведь мы не даем им соединиться с

Азербайджаном" (8).

Иными словами, Азербайджан является пособником Турции, которая лелеет историческую мечту об уничтожении Армении. В этой армянской истории, основанной на памяти о геноциде, пережитом в 1915 году, упускается тот факт, что азербайджанцы и турки – не одна и та же нация; что Азербайджан никогда не был частью Османской империи; что в истории XX века есть столько же случаев зверств, совершенных армянами против азербайджанцев, сколько и азербайджанцами против армян. Фактом является и то, что армяне жестоко обошлись с азербайджанцами на их собственной территории.

Точка зрения многих азербайджанцев на роль России в истории Кавказа является зеркальным отражением армянской версии. Я слышал, что требования карабахских армян на отделение являются всего лишь частью глобального плана России поработить и окончательно развалить Азербайджан. Бывший помощник азербайджанского президента Вафа Гулузаде писал:

"Когда мы называем конфликт, в который втянуты, "армяно-азербайджанским", мы вводим в заблуждение и себя, и других. В действительности, это последняя фаза давнего российско-турецкого противостояния. Армения – лишь исполнитель воли своего господина, а Азербайджан – лишь небольшая помеха на пути к достижению глобальной цели. Общеизвестно, что даже в начале XX века, во время Первой мировой войны, Россия использовала Армению в противостоянии с Турцией. Видимо, история повторяется" (9).

Как видим, теперь уже не Армения является "маленьким препятствием" на пути Великого Турана, а Азербайджан стал "небольшой помехой", сдерживающей наступление русского империализма. По версии азербайджанцев, они всего лишь невинные жертвы русско-армянской агрессии. При этом игнорируется тот факт, что Москва время от времени считала Азербайджан не противником, а стратегическим союзником, и что Армения в данном случае выглядит марионеткой, подчиняющейся указаниям России, а не активной стороной со своими собственными устремлениями. В обоих случаях маленькая страна оправдывает свою агрессию по отношению к своему столь же маленькому соседу, ссылаясь на угрозу, исходящую от грозной "сверхдержавы".

Никто из участников, в том числе и "сверхдержавы", не вышел с честью из печальной истории карабахского конфликта. Американские, российские и турецкие политики, должно быть, имеют весьма слабое представление о том, как дотошно изучаются и интерпретируются их комментарии по поводу ситуации на Южном Кавказе. Даже самые пустячные высказывания о ситуации в регионе раздуваются местными комментаторами до вселенских масштабов.

Сам по себе этот регион имеет небольшое стратегическое значение. Совокупный ВВП трех закавказских республик составляет около десяти миллиардов долларов (для сравнения – оборот British Petroleum – крупной западной компании, работающей в Закавказье, – в 2000 году составил 148 млрд. долл.). Южный Кавказ представляет ценность для остального мира в основном потому, что здесь сталкиваются интересы великих держав, а также из-за стратегического нефтепровода для транспортировки каспийской нефти.

Маленькие государства и окружающие их могучие соседи находятся в неравных весовых категориях, и потому великие державы несут больше ответственности. Их вклад необходим для благоприятного разрешения армяно-азербайджанского конфликта. И в 2002 году в этом плане наметились сравнительно обнадеживающие перспективы.

Политику России на Южном Кавказе искажало имперское наследие и традиционные амбиции военного истеблишмента. Российские генералы поддерживают тесные отношения с Арменией, и многие из них предпочли бы, чтобы армяно-азербайджанский конфликт не был

разрешен, так как это привело бы к ослаблению их влияния в регионе. Но после отставки Павла Грачева с поста министра обороны России в 1996 году, роль российских военных начинает постепенно снижаться. Похоже, при президенте Путине этот процесс продолжится. В 2002 году, хотя политика России по отношению к Грузии оставалась враждебной, значительное потепление наметилось в отношениях между Россией и Азербайджаном. Более того, на переговорах Минской группы Россия заняла в целом позицию, согласованную с Францией и Соединенными Штатами.

Политика Соединенных Штатов в регионе искажается в результате влияния со стороны местных лоббистских групп, которые едва ли не приватизировали политику США в отношении Армении и Азербайджана. Действия армянского лобби в американском конгрессе привели к принятию одного из самых аномальных законодательных актов в области внешней политики – 907-й поправки к Акту о защите свободы, согласно которой правительству США запрещалось оказывать помощь Азербайджану.

Другие же политики, отстаивающие интересы Азербайджана, настойчиво выступают за прямо противоположный подход, предусматривающий оказание Азербайджану правительственной помощи до тех пор, пока он противостоит России и Ирану – и, следовательно, также изолирует Армению. Противоборство этих двух позиций сильно затрудняет работу госдепартамента США в переговорном процессе по проблеме Карабаха. Впрочем, в январе 2002 года наметились положительные сдвиги: Конгресс США отменил 907-ю поправку.

На роль Турции в кавказской политике падает тень спора о геноциде армян. В 2000 году армяно-турецкие отношения не только не улучшились, но даже ухудшились, поскольку парламенты нескольких европейских стран приняли резолюции о геноциде. Но и здесь не все было плохо. Группа непокорных – армян и турок – создала Армяно-турецкую комиссию по примирению (TARC), а губернаторы Карса и Гюмри провели переговоры о перспективах делового и торгового сотрудничества. Во многом, что весьма парадоксально, учитывая соизмеримый исторический резонанс событий 1915 и 1988 годов, будущие отношения Армении с Турцией представляются более многообещающими, чем с Азербайджаном.

Нападение на США 11 сентября 2001 года обозначило резкую смену приоритетов. В результате Соединенные Штаты, Россия, Турция, Армения, Азербайджан и даже, в известной степени, Иран оказались членами единой коалиции против общего врага. Однако в начале 2002 года, когда пишется эта книга, еще слишком рано говорить о том, какой эффект в долгосрочной перспективе может иметь эта переориентация.

Трагедия последствий армяно-азербайджанского конфликта в том, что даже если все споры будут закончены уже завтра, прогнозы на ближайшее будущее региона все равно останутся мрачными. Открытие границ Армении с Турцией и Азербайджаном является необходимым, но уже не достаточным условием для экономического возрождения. В опубликованном в 1999 году исследовании Ричард Бейлок, экономист из Университета Флориды в США, утверждает, что если откроются все закрытые границы, затраты на транспорт между Турцией и Арменией сократятся на треть, или может быть, вдвое, при этом ВВП Армении увеличится на 180 миллионов долларов (10).

Ряд зарубежных компаний могли бы использовать Армению как промежуточный пункт на пути к обширным рынкам на востоке Турции. Это поможет экономике Армении, но понадобятся годы и годы, чтобы она приблизилась к уровню относительно скромной российской экономики. Между тем, Армения уже упустила возможность проведения по ее территории каких-либо каспийских трубопроводов. Таково скромное будущее Армении – если, конечно, мир будет заключен. Если же нет, то будущее республики безрадостно. До полного краха вряд ли дойдет: могущественные друзья Армении, Россия и Соединенные Штаты, слишком сильны, чтобы это допустить. Однако Армения рискует постепенно превратиться, как едко выразился западный дипломат, "в заповедник для армянской диаспоры".

Конечно, перспективы развития экономики Азербайджана более оптимистичны. В 2002 году наконец сдвинулся с мертвой точки проект прокладки трубопровода Баку-Джейхан, и с 2006 года экспорт нефти, как ожидается, принесет Азербайджану около 500 миллионов долларов стабильного ежегодного дохода. Стремительное обогащение за счет поставок нефти – проект довольно рискованный и может привести к так называемой "голландской болезни". Львиная доля вырученных средств может осесть в карманах узкого круга элиты и подпитывать коррупцию, уже принявшую угрожающие масштабы, что окончательно разрушит секторы экономики, не связанные с нефтью. Впрочем, часть этого богатства все-таки пойдет на повышение уровня жизни, так что новый нефтяной бум поможет Азербайджану стать более открытой для внешнего мира страной.

Однако пока неясно, как экономическое процветание поможет Азербайджану разрубить карабахский узел. Перспективы социально-экономического развития страны на в среднесрочной перспективе остаются туманными. В стране огромное количество беженцев, и, даже если будет подписано мирное соглашение, они не исчезнут. На отвоеванных территориях Физулинского района восстановительные работы ведутся медленными темпами – все указывает на то, что понадобится от пяти до десяти лет, чтобы вернуть к жизни такие города, как Агдам и Зангелан. Тем временем, имущественное расслоение в Азербайджане усиливается, что может привести к обострению социальной напряженности и политической нестабильности.

Более зажиточный и уверенный в себе Азербайджан неизбежно начнет рассматривать варианты возобновления войны и возврата утраченных территорий. "Организация освобождения Карабаха" Таджеддина Мехтиева уже пользуется общественной поддержкой. Однако призывы к "освобождению Карабаха", пока не столь близки широкой общественности, как может показаться, если судить по средствам массовой информации.

Сейчас, в 2002 году, все говорит о том, что Азербайджан будет совершенно не готов к ведению военных действий еще, по меньшей мере, лет пять-десять, а, может быть, и дольше. Гейдар Алиев намеренно ослабил армию, чтобы предотвратить любые попытки военного переворота. Западный военный эксперт, оказавшийся в 2000 году в зоне прекращения огня вблизи Карабаха с азербайджанской стороны, рассказывал мне, что воинские части, которые он посетил, были небоеспособны. На линии фронта, по его словам, стояли четыре дивизии, укомплектованные личным составом всего лишь на 40 процентов. Их моральный дух был подорван безденежьем, плохим питанием и общим отсутствием дисциплины. По оценке этого эксперта, для достижения успеха в условиях данного рельефа местности атакующей стороне требуется от трех- до шестикратного перевеса в численности личного состава и военной технике.

Около двадцати тысяч армянских военнослужащих, противостоящие азербайджанцам вдоль карабахской линии фронта, подготовлены, пожалуй, не так блестяще, как утверждают их командиры, но они хорошо вооружены российским оружием и у них отличная система укреплений. Даже если Азербайджан начнет тратить много средств на модернизацию своего вооружения, это не обеспечит ему победу. Как сказал один из моих азербайджанских знакомых, "Азербайджан не готов ни к миру, ни к войне".

Перевооружение Азербайджана повысит степень вероятности того, что военные действия развяжет противник. Это может стать чем-то вроде "четвертого раунда" конфликта, который предсказал Самвел Бабаян. В этом раунде, как предполагал Бабаян, силы карабахских армян предпримут молниеносную атаку, захватят новые территории и попытаются добиться полной капитуляции Азербайджана.

Согласно этому сценарию, они, вероятно, постараются разрушить нефтепровод Баку-Джейхан, проходящий в пятнадцать километрах к северу от Карабаха. Но и это относится к области фантастики. Линия фронта не случайно проходит там, где сейчас. Ее

можно будет еще больше вытянуть только ценой тяжелых потерь и во имя весьма сомнительных целей. Эту военную кампанию придется вести армянским солдатам срочной службы, которые никогда не бывали в сражениях. И в этом случае поражение более вероятно, чем победа.

Война станет катастрофой – ни одна война еще ни разу не закончилась так, как планировали развязавшие ее люди. Однако не следует исключать "фактора глупости" (это слова российского ученого Валерия Тишкова о Чечне). Однако можно точно сказать, к каким последствиям гарантированно приведет возобновление военных действий.

Это будут: человеческие потери, причем гораздо большие, чем в 1991-1994 годах, поскольку обе стороны будут использовать оружие большой разрушительной мощи для поражения хорошо укрепленных позиций противника. Это будет гневная международная и дипломатическая реакция. Война приведет к развалу и без того слабой экономики обеих стран. Нельзя исключить и еще один, более ужасный, вариант развития событий: открытое вмешательство дислоцированных в Армении российских вооруженных сил, с армянской стороны, и – турецких (а Турция является членом НАТО), – со стороны Азербайджана. Следует сделать все возможное, чтобы избежать даже отдаленной вероятности развязывания на Кавказе третьей мировой войны.

Если не война, то мир. В какой-то момент в 2001 году перспектива заключения мира казалась более реальной, чем за многие предшествующие годы. Однако к концу года надежды на успех Ки-Уэстской инициативы рухнули. Парадоксальность процесса мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта заключается в том, что в частных беседах лидеры обеих стран выражали серьезную готовность к взаимному компромиссу, однако в публичных выступлениях все время допускали агрессивные высказывания.

В октябре 2001 года приводилось высказывание Алиева, предупреждавшего посредников: "Либо Минская группа ОБСЕ займет принципиальную позицию в этом вопросе, либо мы освободим свои земли военным путем" (11). Отвечая на вопрос, почему они ничего не предпринимают, чтобы сделать обсуждение возможности заключения мира достоянием общественности, оба президента создавали впечатление, что они, скорее, считают свои народы податливым материалом, из которого можно вылепить все, что угодно, нежели гражданами, которые должны участвовать в политическом диалоге.

Когда, к примеру, в мае 2001 года у Кочаряна спросили, почему он не подготовил армян к возможности диалога с Азербайджаном, тот заявил: "Разочарование и несбывшиеся надежды в данной ситуации могут привести к худшим последствиям, чем определенная осторожность в подаче информации" (12). В сущности, он заявил, что простых людей лучше держать в неведении.

Для такой странной скрытности, проявляемой обоими президентами, есть несколько причин. Ни Алиев, ни Кочарян по своей природе не являются демократами и в 1993-1994 годах оба пытались одержать военную победу друг над другом. Ни тот, ни другой не были готовы к диалогу. Для обоих лидеров оставаться у кормила власти было почти наверняка важнее, чем добиваться мирного урегулирования – сколь бы желанным ни был мир.

Более того, неуступчивостью и жесткостью своей политики они подогревали друг у друга азарт власти. Видимо, оба боялись, что любое публичное проявление готовности к компромиссу будет расценено как проявление слабости и приведет к тому, что противоборствующая сторона займет на переговорах более жесткую позицию.

Однако непримиримость, демонстрируемая лидерами двух стран, явно загоняет их самих в тупик. Например, когда карабахские армяне, продолжающие смотреть азербайджанское телевидение, видят, что в вечерних выпусках новостей их называют "фашистами" и

"террористами", у них пропадает всякое желание снова становиться гражданами Азербайджана.

Как искренне сказал один демократично мыслящий азербайджанец об этой ситуации с телепропагандой: "Если бы я был карабахским армянином, я бы ни за что не захотел объединяться с Азербайджаном". А между тем дефицит сторонников мирного урегулирования как в Армении, так и в Азербайджане ограничивает возможности обоих президентов в поисках компромисса, необходимого для заключения мирного договора.

Любое справедливое решение проблемы Нагорного Карабаха приведет к тому, что обеим сторонам придется смириться с болезненными уступками. Нужно будет также сбалансировать диаметрально противоположные принципы территориальной целостности и национального самоопределения. Международное сообщество неохотно одобрит соглашение о легитимизации отделения Нагорного Карабаха, ведь оно станет прецедентом, – и на это есть веские основания – опасение, что отделение может привести к дестабилизации обстановки в других "горячих точках". В основном поэтому почти во всех вариантах разрешения проблемы, обсуждавшихся до Ки-Уэста, Нагорный Карабах, пусть только де-факто, вновь признавался частью суверенной территории Азербайджана.

Но если территориальная целостность является мощным фактором международных отношений, реальное положение вещей в регионе остается непоколебимым. А реальность такова, что Нагорный Карабах отделился от Азербайджана, и уже более десяти лет карабахские армяне не имеют никаких отношений с Баку. Однако было бы крайне опасно позволить вооруженным сепаратистам завладеть отвоєванной ими территорией: это узаконит депортацию сотен тысяч людей и узаконит также право Азербайджана силой отвоєвать Карабах, что вызовет бесконечную череду насилия.

Но при мирном разрешении конфликта следует уважать силу народного волеизъявления – если не силу оружия – которое привело к отделению. Мирное урегулирование будет невозможно, если за карабахскими армянами не будет фактически закреплено право на самоуправление, которое у них есть сейчас, и если они не получают серьезных гарантий безопасности.

Взаимопонимание по этим вопросам ничтожно мало. Многие азербайджанцы воспринимают территориальную целостность как своего рода "священное право" и считают, что они вовсе не обязаны делить суверенитет даже с такой провинцией, как Карабах. С 1994 года в Азербайджане почти не понимали последствий отделения Карабаха. Как-то вечером в Баку известный азербайджанский журналист совершенно серьезно сказал мне: "Не понимаю, почему нам просто не вернут наши земли? Если карабахские армяне не хотят жить вместе с нами, пусть отправляются жить в Армению".

Со своей стороны, многие армяне отказываются понимать, почему они должны отдать то, что завоевали на поле боя – и совершенно упускают из виду права карабахских азербайджанцев. "Нам не нужен Азербайджан, мы не желаем иметь отношений с Азербайджаном, – заявил в 1997 году армянский лидер Карабаха Аркадий Гукасян, как будто можно жить в полной изоляции от своего ближайшего соседа. – Это Азербайджану нужны отношения с нами".

Основные вопросы, которые необходимо решить, серьезны, но, возможно, их важность преувеличивают. Самая большая проблема заключается в отсутствии их разумного обсуждения. Станным и неконструктивным является нежелание Азербайджана вести переговоры напрямую с карабахскими армянами, – людьми, которых он считает своими гражданами. Многие армяне, со своей стороны, тоже делают совершенно невозможные заявления, словно Азербайджан – это не реальная страна и его притязания со временем просто развеются.

С этой точки зрения, самая большая проблема заключается не столько в неготовности к компромиссу, сколько в неготовности рассматривать любую возможность будущего мирного сосуществования. Гукасян рассказал историю, наглядно это подтверждающую. В 1995 году он был в составе армянской делегации, приглашенной в Финляндию для ведения переговоров о модели Аландских островов. Этот архипелаг, населенный шведами, входит в состав Финляндии, но имеет широкое самоуправление. В какой-то момент, вспоминая Гукасян, финны, представители принимающей стороны, отозвали его в сторонку и обратили внимание, на то, что подобная модель очень подходит для Нагорного Карабаха. "Они мне говорят: "Вот хорошая модель!" – а я им отвечаю: "Я готов, если хотите, хоть сейчас войти в состав Финляндии! Но мы говорим об Азербайджане" (13).

Эта история с Гукасяном наводит на мысль, что формат ведения переговоров между президентами Армении и Азербайджана изначально был непродуктивен. Оба президента сосредоточились на возможности заключения всеобъемлющего, или "пакетного", соглашения, в рамках которого все вопросы были бы решены сразу. Подобный подход к решению карабахской проблемы они избрали отчасти из-за дефицита времени: здоровье президента Алиева резко ухудшилось. Но есть еще одна причина: оба лидера находились во власти своих авторитарных инстинктов и не желали выпускать ситуацию из-под личного контроля.

После провала попытки заключения всеобъемлющего мирного договора, единственным логичным выходом из положения могло бы стать претворение в жизнь поэтапного, "пошагового" соглашения, в рамках которого, благодаря маленьким шажкам, таким как открытие границы между Арменией и Нахичеваном, возвращение какой-то части оккупированных территорий, процесс мирного урегулирования сдвинулся бы с мертвой точки. Подобные символические, но со временем все более смелые шаги связаны с определенным риском, но они могут побудить общественность обеих стран к началу мирного сотрудничества, а не к взаимной враждебности и цинизму.

И, может быть, лед начнет таять.

Даже в условиях мира лидеры Армении и Азербайджана почти не сотрудничали друг с другом на протяжении последних ста лет. В советскую эпоху все свои дела они вели в Москве или посредством Москвы. С начала 1990-х годов Южный Кавказ превратился в запутанный клубок проблем – с боевыми действиями, закрытыми границами, тупиковыми транспортными магистралями и изолированными анклавом. В реальном политическом и экономическом понимании Кавказ не является регионом в буквальном смысле слова.

Но не всегда так было. Армянский поэт-ашуг XVIII века Саят-Нова писал на трех языках – грузинском, армянском и азербайджанском. Причем азербайджанский язык был лингва франка того времени (некоторые его азербайджанские стихотворения даже записаны армянскими буквами). Саят-Нова чувствовал себя "своим" среди любого народа и в любом месте на Кавказе. Он считал себя строителем мостов. В одном из своих азербайджанских стихотворений поэт пишет о своей посмертной судьбе.

Из состраданья к старику, который строит мост,

Положит путник камень в основанье.

За свой народ отдам и душу, и дыханье,

Могильным камнем брат украсит мой погост* (14).

Биограф Саят-Новы Чарльз Доусетт размышляет по поводу значения слова "народ" в этом четверостишье: "О каком народе здесь идет речь? Если об армянском или грузинском, то почему стихотворение написано по-азербайджански? Похоже, поэт мыслит гораздо шире, и подразумевает единое кавказское сообщество, в котором армяне, грузины и азербайджанцы

жили бы вместе в мире и согласии, под милосердным оком мудрого правителя, такого, как Ираклий II. И азербайджанский, как язык межнационального общения, оказался для поэта наиболее предпочтительным средством передачи его мыслей" (15).

В нескольких строках Саят-Нова описывает иное будущее для армян и азербайджанцев, находящихся сегодня в плену саморазрушительного страха и враждебности: более благополучное будущее, построенное на фундаменте более гармоничного прошлого.

Печально, что глас поэта не был услышан.

Лондон, январь 2002 года

Примечания

1. "Голос Армении", Ереван, 27 марта 2001 г.
2. Интервью Гулиева для "Эхо" (Баку) от 20 июня 2001 г.
3. Данные социолога Геворка Погосяна, приводимые в: John Daniszewski, "A Desperate, Destitute Nation Deserts Itself" [Отчаявшийся обнищавший народ махнул на себя рукой] – Los Angeles Times, 30 April 2001.
4. Интервью с Шахвердиевым 31 октября 2000 г.
5. Интервью с Саркисяном 15 декабря 2000 г.
6. Интервью с Мехтиевым 31 марта 2000 г.
7. Передача телекомпании АНС, Баку, 9 мая 2001 г.
8. Интервью с Саркисяном 4 мая 2000 г.
9. "Зеркало", Баку, 26 декабря 1998 г.
10. Beilock. What is Wrong with Armenia.
11. Turkish Daily News, 25 October 2001.
12. Интервью с Кочаряном 21 мая 2001 г.
13. Интервью с Гукасяном 7 октября 1997 г.
14. Dowsett, Sayat-Nova, p. 427.
15. Ibid., p. 434.

Приложение

Адекватному пониманию армяно-азербайджанского конфликта мешает распространение и повторение ложной статистики.

Это, разумеется, присуще всем войнам и сопровождающим их пропагандистским кампаниям – равно как и гуманитарным катастрофам, при которых первоначальные данные о людских потерях оказываются много выше, чем число реальных жертв. В нашем случае проблема была усложнена традициями региона, в котором власти никогда не несли ответственность за распространяемую ими информацию и который вплоть до 1991 года был частью Советского Союза, страны, где информация постоянно утаивалась.

Этим, в частности, и объясняется то обстоятельство, что обе стороны выдвигали друг против друга обвинения в сокрытии фактов. Кое-кто из армян, например, считал, что сотни трупов были спрятаны после сумгаитских погромов 1988 года. В январе 1990 года в Азербайджане распространялись слухи, будто трупы жертв интервенции советских войск в Баку сбрасывались в Каспийское море с вертолетов. К счастью, когда были составлены окончательные списки погибших, выяснилось, что оба обвинения были ложными.

Последующее изложение является, в основном, результатом работы самого основательного и объективного статистика этого периода д-ра Арифа Юнусова. Некоторые мои добавления в основном относятся к размерам азербайджанской территории, контролируемой армянами.

По состоянию на июль 1999 года население Азербайджана, согласно официальным данным, составляло 7,9 млн. чел., но при этом примерно одна пятая населения страны, в основном молодые люди, вероятно, эмигрировала в Россию и Турцию в поисках работы. Численность населения Армении и Нагорного Карабаха на 2001 год неизвестна. Армения многократно откладывала перепись населения, которую провела в конце 2001 года.

По оценкам экспертов, численность населения Армении в результате эмиграции резко уменьшилась с 3,7 млн. чел. в 1991 году. Некоторые даже оценивают его всего в 2 млн. чел. По словам премьер-министра Нагорного Карабаха Анушавана Даниэляна, численность населения региона по состоянию на 16 мая 2000 года является "государственной тайной". Последние достоверные данные дала перепись населения в 1979 году, согласно которой в автономной области проживало 162 тыс. чел, в том числе 123 тыс. армян и 37 тыс. азербайджанцев. Со времени начала конфликта все азербайджанцы и многие армяне покинули этот регион. По оценкам сотрудников международных гуманитарных миссий, численность населения Карабаха в 2000-2001 годах составила от 60 до 80 тыс. чел., но точных данных нет.

Установить достоверное число погибших на этой войне очень нелегко. Государственный департамент США оперирует данными о 25 тыс. убитых. Политики с обеих сторон называли куда более высокие цифры. Так, 14 мая 1994 года, уже после прекращения огня, спикер азербайджанского парламента Расул Гулиев говорил о 20 тыс. погибших на войне азербайджанцев и 50 тыс. раненых. Ариф Юнусов произвел собственные подсчеты. По его оценкам, число погибших в конфликте составило 17 тыс. чел. (11 тыс. азербайджанцев и 6 тыс. армян), а раненых – 50 тыс. чел.

Число беженцев подсчитать немного легче, и тут я вновь обращаюсь к данным Юнусова. Он насчитал 353 тыс. армянских беженцев, переселившихся в результате войны из Азербайджана в Армению и Россию. В это число входят 40 тыс. армян из Шаумяновского и Ханларского районов, прилегающих с севера к территории Нагорного Карабаха. До 80 тыс.

чел. в ходе конфликта покинули свои дома в приграничных районах Армении, хотя не исключено, что они вернулись в родные места после перемирия 1994 года.

Общее число перемещенных лиц среди азербайджанского населения составляет около 750 тыс. чел., что существенно меньше "одного миллиона", которым регулярно оперировал президент Алиев. Однако все равно это весьма внушительная цифра. Сюда входят 186 тыс. азербайджанцев, 18 тыс. курдов-мусульман и 3,5 тыс. русских, которые в 1988-1989 годах переехали из Армении в Азербайджан (около 10 тыс. курдов и русских в этот же период переехали из Армении в Россию). В 1991-1994 годах приблизительно 500 тыс. азербайджанцев, жителей Нагорного Карабаха и прилегающих районов, были изгнаны из своих домов, а из приграничных районов бежали около 30 тыс. азербайджанцев. В общее число беженцев в Азербайджане следует включить и около 50 тыс. турок-месхетинцев, бежавших из Средней Азии.

Наконец довольно легко подсчитать общую площадь официально признанной азербайджанской территории, ныне находящийся под контролем Армении. 27 октября 1993 года Алиев сказал, что армянами оккупировано "двадцать процентов" территории его страны. Возможно, потому, что азербайджанцы не хотели оспаривать заявления своего президента или по той причине, что это было эффектное круглое число, с тех пор в Азербайджане все его постоянно повторяли. Что и понятно.

Но менее простительно, что его многократно использовали западные средства массовой информации, включая Рейтер, "Нью-Йорк таймс" и Би-би-си. Приведенные ниже подсчеты также приблизительно, но я полагаю, что они верны, и степень погрешности составляет не более 0,1%.

Армяне удерживают почти всю территорию бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (общая площадь которой составляет 4.388 кв. км) за исключением приблизительно 300 кв. км. Азербайджанцы удерживают небольшие участки на востоке, в Мардакертском и Мартунийском районах. Руководитель Мардакертского района сообщил журналистам 19 мая 2001 года, что азербайджанцы удерживают 108,5 кв. км территории его района. Если судить по карте, то часть Мартунийского района, контролируемая Азербайджаном, примерно вдвое больше. Это означает, что армяне занимают 4.088 кв. км Нагорного Карабаха, т. е. около 4,7% международно признанной территории Азербайджана.

Армяне полностью контролируют пять из семи "оккупированных территорий" за пределами Нагорного Карабаха. Это Кельбаджар (1936 кв. км), Лачин (1835 кв. км), Кубатлы (802 кв. км), Джебраил (1050 кв. км) и Зангелан (707 кв. км). Армяне также удерживают 77%, или 842 кв. км из 1094 кв. км, Агдамского района (эту цифру 19 мая 2001 г. озвучил глава Агдамского района Гара Сариев), и приблизительно одну треть (судя по карте) или 462 кв. км из 1386 кв. км Физулинского района. Армяне также оккупируют два бывших деревенских анклава площадью приблизительно 75 кв. км в Нахичевани и Казахском районе. Азербайджанцы, в свою очередь, занимают один бывший армянский анклав площадью около 50 кв. км.

Другими словами, общая площадь азербайджанской территории, находящейся под контролем Армении, составляет приблизительно 11.797 кв. км. Общая площадь территории Азербайджана – 86 тыс. кв. км. Следовательно, площадь оккупированных территорий фактически составляет 13,62% Азербайджана – что немало, но все же очень далеко до цифры, которую неоднократно называл президент Алиев.